

Учредитель:
ООО «Русайнс»

Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-86677 от 26.01.2024 г.
ISSN 2306-5001

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: ed-russia@list.ru
Сайт: <https://ed-russia.ru/>

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Афанасьев Михаил Юрьевич, д-р экон. наук, проф., заведующий лабораторией прикладной эконометрики, ЦЭМИ РАН;
Афанасьев Антон Александрович, д-р экон. наук, проф., ведущий научный сотрудник лаборатории социального моделирования, ЦЭМИ РАН;
Брижак Ольга Валентиновна, д-р экон. наук, доц., проф. Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ;
Валинурова Лилия Сабиховна, д-р экон. наук, проф., зав. кафедры инновационной экономики, Уфимский университет науки и технологий;
Васильева Елена Викторовна, д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой бизнес-информатики, Финансовый университет при Правительстве РФ;
Глинский Владимир Васильевич, д-р экон. наук, проф. кафедры статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»;
Дробышевский Сергей Михайлович, д-р экон. наук, директор по научной работе, Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара;
Колесников Андрей Викторович, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, проф. Департамента бизнес-информатики, Финансовый университет при Правительстве РФ;
Коровин Дмитрий Игоревич, д-р экон. наук, проф., проф. Департамента анализа данных и машинного обучения, Финансовый университет при Правительстве РФ;
Криничанский Константин Владимирович, д-р экон. наук, проф. Департамент финансовых рынков и финансового инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве РФ;
Ларионова Ирина Владимировна, д-р экон. наук, проф., Департамент финансовых рынков и финансового инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве РФ;
Липски Станислав Анджеевич, д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой земельного права, Государственный университет по землеустройству;
Мазур Наталья Зиновьевна, д-р экон. наук, проф., профессор кафедры инновационной экономики, Уфимский университет науки и технологий;
Моргунов Вячеслав Иванович, д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте РФ;
Никишкин Валерий Викторович, д-р экон. наук, проф., заведующий учебно-научной лабораторией профессиональной подготовки работников образовательных организаций, РЭУ им. Г.В. Плеханова;
Носова Светлана Сергеевна, д-р экон. наук, проф., НИЯУ МИФИ;
Папаскири Тимур Валикович, д-р экон. наук, проф., врио ректора, Государственный университет по землеустройству;
Погорлецкий Александр Игоревич, д-р экон. наук, проф. кафедры мировой экономики, Санкт-Петербургский государственный университет;
Попова Елена Владимировна, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий, РЭУ им. Г.В. Плеханова;
Радыгин Александр Дмитриевич, д-р экон. наук, проф., председатель ученого совета, Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара;
Сильвестров Сергей Николаевич, д-р экон. наук, проф., засл. экономист РФ, Департамент мировой экономики и мировых финансов, Финуниверситет;
Соловьев Владимир Игоревич, д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой "Прикладной искусственный интеллект", МТУСИ;
Тургель Ирина Дмитриевна, д-р экон. наук, проф., зам.директора по науке Высшей школы экономики и менеджмента, УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Главный редактор: Соколинская Наталия Эвальдовна, канд. экон. наук, проф., проф. Департамента банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии
ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 30.11.2024 Цена свободная Тираж 300 экз.
Формат: А4

*Все материалы, публикуемые в журнале,
подлежат внутреннему и внешнему рецензированию*

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

О взаимосвязи между международным туризмом и международной торговлей между Китаем и Россией.

Ван Сяохуань, Лю Сюэзе	4
Китайско-российская торговля в 2023 году: проблемы и перспективы. Ван Сяохуань, Чжао Юели.....	9
Малый и средний инновационный бизнес в национальной инновационной системе Китая. Ларионов А.А.	13
Основные тренды развития экосистемных моделей в Boeing и Airbus в Индии в рамках международной производственно-технологической кооперации в авиационной отрасли. Раджабов К.Р.	21

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ. МЕНЕДЖМЕНТ. МАРКЕТИНГ

Потенциал креативного кластера в стратегическом векторе развития бренда региона. Клименко В.А., Чудинова Е.А., Банникова Т.И.	26
Управление закупками в целях устойчивого развития деятельности предприятия в контексте ESG. Ваславская И.Ю., Ваславский Я.И., Папельнюк О.В., Куриков В.М., Ильин А.Е.	31
Инновации в кадровой работе на предприятиях агропромышленного комплекса. Ермоленко Р.В.	36
Практические аспекты использования цифровых технологий в малом бизнесе. Котов А.Д.	41
Эгалитарные методы в менеджменте и экономике. Овсянникова Т.А., Лябах Н.Н.	49
Управление в период критических изменений: особенности и методы. Миронов А.В.	54
Инновация лидера интегрированных сервисов и управления инновациями интеллектуальных цепочек поставок. Сунь Чуньсин.....	59
Оценка моделей обучения по специальности «Русский язык» в контексте реформы образования Китая. У Цзинвэнь, Мяо Сэнь	64
Модель потока инноваций нефтегазодобывающего предприятия. Маринин И.А.	70

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕЙ И РЕГИОНОВ

Основные стейкхолдеры креативных кластеров: особенности взаимодействия. Клименко В.А., Чудинова Е.А.	77
---	----

Совершенствование процесса реализации промышленной политики РФ на базе кластерного подхода: теория и методология. Дремов В.В., Киреева Н.В.	82
Государственное регулирование потребления. Киселева Е.Н., Плясова С.В.	92
Диагностика факторов эффективности инвестиционной деятельности, направленной на комплексное развитие территорий. Калинин А.Р., Зелиско А.П.	96
Модели и формы сельскохозяйственного предпринимательства в России: особенности бизнес-процессов. Маренков А.С.	101
Лизинг как инновационная технология развития реального сектора экономики: возможности и ограничения. Рычков Р.В., Балашова Е.С.	105
Анализ реализации социально-экономической политики в Санкт-Петербурге. Саримова А.И.	111
О синергии стимулирующих мер по обеспечению развития предпринимательства в Арктической зоне России. Хадько А.И., Корнекова С.Ю.	116
Анализ соотношения цифровизации языка и развития цифровой экономики в контексте новой эпохи. Чжан Цзин, У Юйхань	123

ФИНАНСЫ. НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ. СТРАХОВАНИЕ

Оценка влияния налоговых инициатив на экономический рост в России на основе VAR-модели. Соколов И.А., Матвеев Е.О., Казакова Ю.Е.	128
Влияние применения международных стандартов финансовой отчетности на финансовую деятельность современных компаний. Аксенова Е.О., Юрасова И.О.	134
Оценка эффективности ESG-инвестирования на развивающихся рынках капитала. Арсаханова З.А.	141
Управление ФНБ в системе обеспечения экономической безопасности Российской Федерации. Багратуни К.Ю., Зундэ В.В., Терещенко О.В., Золотухина Ю.В., Терновых К.Д.	147
Правовое и налоговое регулирование в контексте предоставления правосубъектности искусственному интеллекту. Шиш Е.А., Зедгенизова И.И., Хохлова Г.И.	152

Contents

GLOBAL ECONOMY

- On the relationship between international tourism and international trade between China and Russia. Wang Xiaohuan, Liu Xiujie 4
- Chinese-Russian trade in 2023: problems and prospects. Wang Xiaohuan, Zhao Yueli 9
- Small and medium innovative business in the national innovation system of China. Larionov A.A. 13
- Main trends in the development of ecosystem models in Boeing and Airbus in India within the framework of international production and technological cooperation in the aviation industry. Radzhabov K.R. 21

MANAGEMENT THEORY. MANAGEMENT. MARKETING

- The potential of the creative cluster in the strategic vector of regional brand development. Klimenko V.A., Chudinova E.A., Bannikova T.I. 26
- Procurement management for the purposes of sustainable development of enterprise activities in the context of ESG. Vaslavskaya I.Yu., Vaslavskiy Ya.I., Papelnuk O.V., Kurikov V.M., Ilyin A.E. 31
- Innovations in HR work at enterprises of the agro-industrial complex. Ermoolenko R.V. 36
- Practical aspects of using digital technologies in small business. Kotov A.D. 41
- Egalitarian methods in management and economics. Ovsyannikova T.A., Lyabakh N.N. 49
- Management in the period of critical changes: features and methods. Mironov A.V. 54
- Innovation of the leader of integrated services and innovation management of intelligent supply chains. Sun Chunxing 59
- Evaluation of training models in the specialty "Russian language" in the context of the education reform in China. Wu Jingwen, Miao Sen 64
- Model of the innovation flow of an oil and gas producing enterprise. Marinin I.A. 70

ECONOMY OF INDUSTRIES AND REGIONS

- The main stakeholders of creative clusters: interaction features. Klimenko V.A., Chudinova E.A. 77
- Improving the process of implementing the industrial policy of the Russian Federation based on the cluster approach: theory and methodology. Dremov V.V., Kireeva N.V. 82
- State regulation of consumption. Kiseleva E.N., Plyasova S.V. 92
- Diagnostics of factors of the effectiveness of investment activities aimed at the integrated development of territories. Kalinin A.R., Zelisko A.P. 96
- Models and forms of agricultural entrepreneurship in Russia: business process features. Marenkov A.S. 101
- Leasing as an innovative technology for the development of the real sector of the economy: opportunities and limitations. Rychkov R.V., Balashova E.S. 105
- Analysis of the implementation of socio-economic policy in St. Petersburg. Sarimov A.I. 111
- On the synergy of incentive measures to ensure the development of entrepreneurship in the Arctic zone of Russia. Khadyko A.I., Kornekova S.Yu. 116
- Analysis of the relationship between language digitalization and the development of the digital economy in the context of the new era. Zhang Jing, Wu Yuhan 123

FINANCE. TAXATION. INSURANCE

- Assessment of the impact of tax initiatives on economic growth in Russia based on the VAR model. Sokolov I.A., Matveev E.O., Kazakova Yu.E. 128
- The impact of the application of international financial reporting standards on the financial activities of modern companies. Aksenova E.O., Yurasova I.O. 134
- Assessment of the effectiveness of ESG investing in emerging capital markets. Arsakhanova Z.A. 141
- Management of the National Welfare Fund in the System of Economic Security of the Russian Federation. Bagratuni K.Yu., Zunde V.V., Tereshchenko O.V., Zolotukhina Yu.V., Ternovykh K.D. 147
- Legal and tax regulation in the context of granting legal capacity to artificial intelligence. Shish E.A., Zedgenizova I.I., Khokhlova G.I. 152

О взаимосвязи между международным туризмом и международной торговлей между Китаем и Россией

Ван Сяохуань

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Шэньянского политехнического университета, yuliawang420@mail.ru

Лю Сюцзе

студент Института иностранных языков Шэньянского политехнического университета, 6700420@qq.com

В данной статье отобраны данные о международном туризме и международной торговле между Китаем и Россией за последние десять лет, проведено продольное сравнительное исследование по годам, проанализирована ситуация въездного и выездного туризма и торговли между двумя странами, а затем с помощью корреляционного анализа данных выявлена взаимосвязь между международным туризмом и международной торговлей двух стран. Исследование позволяет сделать вывод, что международный туризм оказывает сильное положительное стимулирующее воздействие на международную торговлю, а количество китайских и российских въездных и выездных путешественников оказывает положительное стимулирующее воздействие на объем китайской и российской импортной и экспортной торговли. Китай и Россию связывает глубокая дружба с древних времен, и сейчас она находится на самом высоком уровне в истории, после чего следует уделять больше внимания обнаружению политики, способствующей возобновлению развития туризма между двумя странами, укреплению международной туристической торговли, далее содействовать двустороннему развитию торговли между двумя странами.

Ключевые слова: международный туризм; международная торговля; китайско-российские отношения.

Введение

В последние годы с продвижением совместного строительства «Один пояс и один путь» экономика, туризм, культура и торговля между Китаем и Россией становятся все более тесными. В марте 2023 года генеральный секретарь Си Цзиньпин во время государственного визита в Россию подчеркнул, что с тех пор, как Россия и Китай построили «Один пояс и один путь», экономическое и торговое сотрудничество между двумя странами становится все более тесным, и что торговля между двумя странами демонстрирует тенденцию к росту вопреки тренду, даже когда эпидемия Ковид 19 распространяется по всему миру. Экономическое и торговое сотрудничество оказывает важную поддержку экономическому развитию двух стран и повышению жизненного уровня (Лань Цинсинь, 2023).

В условиях развития глобальной интеграции объем импорта и экспорта услуг в мире растет, а статус торговли услугами в мировой торговле повышается, постепенно превращаясь в новый двигатель национального экономического роста. А торговля туристическими услугами является важной частью мировой торговли услугами, которая может стимулировать быстрое развитие национальной экономики, обеспечить большое количество рабочих мест и оптимизировать промышленную структуру. Поэтому развитие туристической торговли — важный путь к повышению комплексной конкурентоспособности страны.

По данным Главного таможенного управления Китая, с января по август 2024 года объем китайско-российской торговли увеличился на 1,9 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составил 158,469 миллиарда долларов США, а за весь 2023 год объем китайско-российской торговли достиг рекордных 240,1 миллиарда долларов США. Китай и Россия географически близки друг к другу, обе страны обладают богатыми туристическими ресурсами и огромными потребительскими рынками, поэтому содействие развитию трансграничного туризма между Китаем и Россией имеет большое практическое значение для долгосрочной дружбы и добрососедства между двумя странами и улучшения жизненного уровня людей.

В данной статье анализируются данные о международном туризме и международной торговле между Китаем и Россией за последние десять лет, чтобы изучить влияние развития международного

Данная статья подготовлена при поддержке Проекта фундаментальных исследований Департамента образования провинции Ляонин, № JYТMS20230205.

туризма на торговлю между Китаем и Россией, выявить взаимосвязь между международным туризмом и международной торговлей, а также способствовать двустороннему развитию туризма и торговли между двумя странами.

Обзор литературы

Углубление глобализации привело к изменению структуры международной торговли и резкому росту торговли услугами, в которой доля торговли туристическими услугами в торговле услугами постепенно увеличивалась, и многие ученые постепенно изучали важность международного туризма и постепенно перешли от отдельного исследования международного туризма к изучению взаимосвязи между международным туризмом и международной торговлей. Еще в 1998 году Wilson K задался вопросом, существует ли взаимосвязь между международным туризмом и международной торговлей [Kulendran N, Wilson K, 1998]. Позднее, в 2000 году, он с Kulendran N впервые использовали методы временных рядов эконометрики, чтобы подтвердить уверенность в существовании положительной корреляции между международным туризмом и международной торговлей, сравнил и проанализировал данные по туризму и торговле Австралии с данными четырех ее важных торговых партнеров, а именно США, Великобритании, Новой Зеландии и Японии [Kulendran N, Wilson K, 2000]. После этого он с Jordan Shan (2001) провели эмпирическое исследование взаимосвязи между международным туризмом и международной торговлей с помощью модели VAR на примере Китая и пришли к выводу, что между международным туризмом и международной торговлей существует двунаправленная причинно-следственная связь [Jordan Shan, Wilson K, 2001]. В дополнение к Wilson, Kulendran N также выдвинул гипотезу «Марко Поло» для обсуждения взаимосвязи между международным туризмом и международной торговлей. В России редко исследуется взаимосвязь между международным туризмом и международной торговлей между Китаем и Россией, российские ученые больше интересуются проблемами о международной торговле и туризме между Россией и Китаем [Ефремова М.В., Чкалова О.В., Би Ж., 2017; Эпова Н.Р., Козырская И.Е., 2021].

Китайские ученые начали исследовать взаимосвязь между этими двумя направлениями позже, но в целом они совпадают с направлением зарубежных исследований. Разница заключается в том, что китайские ученые уделяют больше внимания изучению взаимосвязи между туризмом и торговлей через сравнение данных между Китаем и другими странами. Например, Сунь Гэнниан (2008) анализирует преимущества крупных стран и быстрый рост туристической индустрии Китая через различные аспекты и утверждает, что огромный масштаб и быстрый рост международной торговли оказывает положительное влияние на въездной туризм [Сунь Гэньнянь]; Лю Чжэньчжэнь и Чжан Цзиньхэ (2010) сравнили данные о международном туризме и международной торговле Китая с 1988 по 2008 год, использовали метод коинтеграционного анализа и

тест причинности Гранже. В работе использован метод коинтеграционного анализа и тест причинности Granger, проведен систематический анализ взаимосвязи между ними, в результате чего установлено, что хотя в долгосрочной перспективе эти два показателя сбалансированы, значимость взаимосвязи между въездным туризмом и международной торговлей выше [Лю Чжэньчжэнь, Чжан Цзиньхэ]; Цзянь Цзиньбо и Го И (2018) провели сравнительный анализ взаимодействия въездного и выездного туризма и международной торговли между Китаем и странами, совместно построенными в рамках «Один пояс и один путь», и пришли к выводу, что взаимодействие между въездным и выездным туризмом и международной торговлей является положительным. И пришли к выводу, что международная торговля способствует развитию международного туризма, и, в свою очередь, международный туризм также тянет за собой международную торговлю, но в связи с большим количеством совместно построенных стран, разрыв между уровнем экономического и социального развития каждой страны велик, и отношения между ними также имеют большую разницу [Цзянь Цзиньбо, Го И]; Гао Цзяюн и Ван Жуюэ (2022) берут Китай и страны АСЕАН в качестве примера, и выбирают международный туризм и международную торговлю в период 2013–2018 годов для сравнения данных международного туризма и международной торговли для анализа взаимосвязи между ними, чтобы сделать вывод, что международный туризм и международная торговля имеют положительную корреляцию, а международный туризм оказывает стимулирующее воздействие на международную торговлю, но имеет отставание во времени [Гао Цзяюн, Ван Жуюэ].

Источники данных и методы исследования

–Источники данных

Данные, приведенные в данной статье, в основном взяты из Национального бюро статистики Китая. Официальные данные о количестве китайских въездных и выездных туристов, количестве российских въездных туристов в Китай, объеме китайского импорта и экспорта товаров, стоимости импортно-экспортной торговли Китая с Россией предоставлены Национальным бюро статистики, а официальные данные о количестве китайских выездных туристов в Россию предоставлены Федеральной службой государственной статистики (Росстат).

–Методы исследования

Используется метод анализа имеющихся статистических данных, цензируются и удаляются имеющиеся данные о въезде-выезде и торговых операциях между двумя странами, затем проводится продольное сравнительное исследование по годам и анализируется корреляционная связь между международным туризмом и международной торговлей между Китаем и Россией с помощью аналитического программного обеспечения SPSS 27.0.

Международный туризм и международная торговля

–Состояние развития международного туризма в Китае

Центральный комитет КПК и Государственный совет уделяют большое внимание развитию туризма. Генеральный секретарь Си Цзиньпин неоднократно давал важные указания по развитию туризма, указывая на то, что развитие туризма является важным направлением для продвижения высококачественного развития. Согласно статистическим данным Национального бюро статистики и Министерства культуры и туризма КНР, видно, что внутренний туристический рынок стабильно рос и демонстрировал тенденцию к росту с 2013 по 2019 год, особенно с учетом стремительного роста числа внутренних выездных туристов с 2017 по 2019 год, а число выездных туристов впервые превысило число въездных туристов в 2017 году. Количество людей, а число выездных туристов превысило 16 000 000 в 2018 и 2019 годах, что свидетельствует о том, что все больше туристов в Китае выбирают поездки за границу. В 2020 году и в последующие годы из-за воздействия эпидемии Ковид-19 число въездных и выездных туристов в Китае быстро сократилось и даже не достигло 30 000 000, а мировая индустрия туризма понесла огромный ущерб. В 2023 году страны по всему миру постепенно вводят политику содействия ускоренному развитию индустрии туризма.

–Текущая ситуация с развитием международного туризма между Китаем и Россией

По мнению Чэнь Цзинь и Лу Сяоци (2023), развитие туристической торговли является одним из важных способов повышения всеобъемлющую национальную мощь [Чэнь Цзинь и Лу Сяоци, 2023: 128]. Китай и Россия, как две страны, которые на протяжении долгого времени строили дружеские и добрососедские отношения, развитие туристического сотрудничества играет важную роль в экономической торговле. По данным Национального бюро статистики Китая и Федеральной службы государственной статистики России, число международных путешественников между Китаем и Россией велико, достигает миллионов поездок в год и растет практически из года в год. В последние годы оно составляет более двух миллионов поездок. Однако в 2015 году количество российских туристов, приезжающих в Китай, значительно сократилось, причем не только сократился въездной поток китайских туристов, но и выездной поток российских туристов в 2015 году по сравнению с предыдущим годом упал на 20 %, причина заключается в том, что во-первых, банкротства второй по величине российской авиакомпании, которая в основном занимается международным авиационным бизнесом; во-вторых, из-за влияния терроризма Россия прекратила часть авиационных деловых контактов с Египетом. Таким образом, 2015 год стал одновременно и сложным годом для российского международного туристического бизнеса, и годом раскрытия больше возможностей для него. После этого Россия стала лучше понимать важность международной торговли туристическими услугами и всесторонне развивать свой туристический бизнес.

В то же время, хотя число китайских выездных путешественников в Россию растет год от года, число российских въездных китайских туристов больше, чем число китайских выездных путешественников в Россию. Благодаря укреплению всеобъемлющей национальной мощи Китая и его культурной самодостаточности все больше иностранных туристов оказываются под глубоким влиянием китайской культуры бездны и простора и приезжают в Китай, чтобы ощутить разнообразие китайской культуры, то же самое можно сказать и о России.

Однако из-за влияния эпидемии ряд стран и регионов по всему миру принимают меры по закрытию и контролю, количество въездных и выездных путешественников в 2020 году стремительно упало, практически до 0. И до 2023 года индустрия международного туризма еще не возобновила бывший уровень. По данным российского торгового представительства в Китае, число китайских граждан, путешествующих в Россию в первой половине 2023 года, составило почти 140 000 человек, что намного больше, чем в годы эпидемии, но все еще не вернулось к доэпидемической ситуации. В ответ на это Китай и Россия приняли меры по стимулированию туризма между двумя странами.

–Текущее состояние развития международной торговли Китая

Согласно данным Национального бюро статистики, международная торговля Китая за последние десять лет демонстрировала зигзагообразную тенденцию к росту. В 2011 году мировая экономика начала постепенно выходить из впадины. На первом этапе 2013-2016 годов международная торговля Китая медленно снижалась. В 2013 году, когда Китай впервые превысил США в качестве крупнейшей в мире страны-торговца товарами, однако в 2016 году США его обогнали. Основной причиной этого является то, что стагнация роста мировой торговли, усиление торгового протекционизма, референдум в Великобритании о выходе из Евросоюза и избрание Дональда Трампа президентом США, что привело к удручающим ожиданиям рынка и отсутствию доверия инвесторов. В то время как преимущество Китая по низким ценам постепенно уменьшалось, и многие компании переместились в другие регионы за границу.

На втором этапе, с 2017 по 2019 год, несмотря на то, что мировой экономический рост находился в штиле, а глобальная экономика и торговля в целом снижались, объем международной торговли Китая снова рос, причем в рекордно высоких масштабах, придавая импульс восстановлению и росту мировой экономики. В то же время постепенно увеличивается объем торговли Китая со странами-участницами «Один пояс и один путь». По данным Министерства коммерции, в 2019 году на Россию приходилось 14 % от общего объема импорта и экспорта Китая, она заняла третье место среди стран-участниц «Один пояс и один путь».

На третьем этапе 2020-2022 годов, после вспышки эпидемии, спрос на мировом рынке значительно снизился, наложился торговый протекционизм, мировой экономический рынок переживает

спад. При таких обстоятельствах однако Китай по-прежнему достигался положительного экономического роста, особенно в 2021 году, общая стоимость импортируемых и экспортируемых товаров быстро росла, превысив 42 067 816 миллионов юаней.

—Состояние развития международной торговли между Китаем и Россией

В течение длительного времени экономическое и торговое сотрудничество между Китаем и Россией тесно и стабильно развивается. Китай и Россия установили дружественные дипломатические отношения с 1950-х годов, которые постепенно переросли во всеобъемлющее стратегическое партнерство сотрудничества, с глубокой основой дружбы в политике, экономике, туризме, культуре и торговле. Особенно после того, как Китай выдвинул инициативу «Один пояс и один путь», китайско-российские отношения стали еще более тесными. Согласно статистике Национального бюро статистики, общий объем импорта и экспорта между Китаем и Россией показывает, что объем импортно-экспортной торговли между Китаем и Россией имеет зигзагообразную тенденцию к росту. Хотя в период 2014-2015 годов наблюдался медленный спад, в 2015 году общий объем китайско-российской торговли достиг самого низкого значения почти за десятилетие и составил 422,73 млрд юаней, что на 27,8 % меньше, чем в предыдущем году. Основной причиной этого стала тяжелая и сложная обстановка в международной торговле в том году.

В целом, как отметил в интервью Чжан Ханьхуэй, посол Китая в России, в 10-ю годовщину строительства «Один пояс и один путь» торгово-экономическое сотрудничество между Китаем и Россией было стабильным, содержательным и в значительной степени взаимодополняющим. Даже в период, пострадавший от эпидемии, китайско-российский торговый обмен продолжал расти и сохранять высокие темпы развития, и даже в 2022 году объем двусторонней торговли между Китаем и Россией достиг 190,272 млрд долларов США, увеличившись на 29,3 % по сравнению с предыдущим годом. По данным Министерства иностранных дел объем торговли по двойным стандартам за 2023 год достиг 240,1 миллиарда долларов, а в 2024 году ожидается, что он превысит этой цифры .

Корреляция между китайско-российским международным туризмом и международной торговлей

Вводя вышеуказанные данные в аналитическую программу SPSS 27.0, можно сделать вывод, что существует положительная корреляция между международным туризмом и международной торговлей, что международный туризм играет положительную роль в развитии международной торговли. Кроме того, учитывая, что в данной работе анализируется только связь между международным туризмом и международной торговлей между Китаем и Россией, в анализе рассматриваются только переменные, имеющие отношение к Китаю и России: количество китайских выездных туристов в Россию, количество

российских въездных туристов в Китай и объем китайского импорта и экспорта с Россией. Среди них количество российских выездных китайских туристов имеет очень сильную корреляцию с количеством китайских выездных российских туристов и общим объемом китайского импорта и экспорта с Россией, а между двумя переменными — количеством китайских выездных российских туристов и объемом китайской импортно-экспортной торговли с Россией — нет очевидной корреляции. Таким образом, можно сделать вывод, что количество туристов, выезжающих в Китай из России, объем импортно-экспортной торговли Китая с Россией и количество китайских туристов, выезжающих из России, взаимодействуют друг с другом.

Выводы

В данной работе, посредством межгодового продольного сравнения международного туризма и международной торговли между Китаем и Россией за последние десять лет, а затем соответствующих переменных с помощью аналитического программного обеспечения SPSS 27.0 для корреляционного и сравнительного анализа, были сделаны выводы: Во-первых, существует положительный эффект продвижения между международным туризмом и международной торговлей. Чем больше международных туристов, тем больше процветают международные торговые потоки. Во-вторых, число российских выездных туристов между Китаем и Россией относительно выше, и связь между числом российских выездных туристов и объемом импортно-экспортной торговли Китая с Россией более значительна. С 2013 года, когда Китай выдвинул инициативу «Один пояс, один путь», наблюдается значительное культурное и экономическое развитие, поэтому необходимо уделять больше внимания привлечению туристов к себе, что приведет к одновременному развитию туристической индустрии и экономической торговли двух стран. В-третьих, Китай и Россию связывают глубокие дружеские отношения, и даже когда во время эпидемии туристическая отрасль была слабой, они все равно поддерживали хорошие отношения в экономической торговле. Поэтому в дальнейшем следует уделять больше внимания разработке политики, способствующей восстановлению и развитию туризма между двумя странами.

Литература

1. Ефремова М.В., Чкалова О.В., Би Ж. Анализ развития международного туризма между Россией и Китаем // Экономический анализ: теория и практика. 2017. №6 (465). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-razvitiya-mezhdunarodnogo-turizma-mezhdu-rossiey-i-kitaem> (дата обращения: 12.11.2024).
2. Эпова Н.Р., Козырская И.Е. Российско-китайские проекты как основа развития сотрудничества в сфере туризма // Известия БГУ. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-kitayskie-proekty-kak-osnova-razvitiya-sotrudnichestva-v-sfere-turizma> (дата обращения: 12.11.2024).
3. Kulendran N, Wilson K., Is There a Relationship

between International Trade and International Travel? // Applied Economics Letters, 1998(5), С. 98.

4. Kulendran N., Wilson K., Is there a relationship between international trade and international travel? // Applied Economics, 2000(8): 1001-1009.

5. Jordan S., & Wilson K., Causality between trade and tourism: empirical evidence from China // Applied Economics Letters, 2001(4), С. 279-283.

6. Чэнь Цзинь, Лу Сяоци. Теоретические, практические и политические исследования китайско-российского сотрудничества и развития туризма // Экономика предприятия, 2023(9), С. 127-138.

7. Гао Цзяюн, Ван Жуюэ. Исследование взаимосвязи между въездным и выездным туризмом и международной торговлей между Китаем и АСЕАН // Вестник Хэбэйского туристического профессионального колледжа, 2022(2), С. 42-48.

8. Цзянь Цзиньбо, Гуо И. Исследование взаимодействия между въездным и выездным туризмом и международной торговлей между Китаем и странами вдоль «Один пояс и один путь» // Журнал туризма, 2018(5): 89-93.

9. Лань Цинсинь. Создание «золотого бренда» китайской торговли услугами // Экономические ежедневные новости, 02.08.2023.

10. Лю Чжэньчжэнь, Чжан Цзиньхэ. Коинтеграция и анализ причинности по Granger взаимосвязи между международным туризмом и международной торговлей в Китае // Развитие ресурсов и рынок, 2010(7), С. 593-597.

11. Сунь Гэньнянь. Преимущества великой державы и высокий устойчивый рост китайской индустрии туризма // Журнал туризма, 2008(4), С. 29-34.

On the relationship between international tourism and international trade between China and Russia

Wang Xiaohuan, Liu Xiujie

Shenyang Ligong University

JEL classification: H87, F02, F15, F29, F40, F42, F49

This article selected the data of international tourism and international trade between China and Russia in the past ten years, made a longitudinal comparative study by year, analyzed the situation of inbound and outbound tourism and trade between the two countries, and then found the relationship between international tourism and international trade of the two countries through correlation analysis of the data. The study concludes that international tourism has a strong positive stimulating effect on international trade, and the number of Chinese and Russian inbound and outbound travelers has a positive stimulating effect on Chinese and Russian import and export trade volume. China and Russia have a deep friendship since ancient times, and now it is at the highest level in history, after which more attention should be paid to publicizing policies to promote the resumption of tourism development between the two countries, strengthen international tourism trade, further promote the bilateral development of trade between the two countries.

Keywords: international tourism; international trade; Sino-Russian relations

References

1. Efremova M.V., Chkalova O.V., Bi J. Analyzing the development of international tourism between Russia and China // Economic Analysis: Theory and Practice. 2017. №6 (465). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-razvitiya-mezhdunarodno-turizma-mezhdu-rossiye-i-kitaem> (date of access: 12.11.2024).
2. Epova N.R., Kozyrskaya I.E. Russian-Chinese projects as a basis for the development of cooperation in tourism // Izvestia BSU. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-kitayskie-proekty-kak-osnova-razvitiya-sotrudnichestva-v-sfere-turizma> (date of access: 12.11.2024).
3. Kulendran N, Wilson K., Is There a Relationship between International Trade and International Travel? // Applied Economics Letters, 1998(5), P. 98.
4. Kulendran N., Wilson K., Is there a relationship between international trade and international travel? // Applied Economics, 2000(8), P. 1001-1009.
5. Jordan S., & Wilson K., Causality between trade and tourism: empirical evidence from China // Applied Economics Letters, 2001(4), P. 279-283.
6. Chen Jin, Lu Xiaoli. Theoretical, practical and policy research on Sino-Russian cooperation and tourism development // Enterprise Economics, 2023(9), P. 127-138.
7. Gao Jiayong, Wang Ruiyue. Research on the relationship between inbound and outbound tourism and international trade between China and ASEAN // Bulletin of Hebei Tourism Vocational College, 2022(2), P. 42-48.
8. Jian Jinbo, Guo Y. Research on the interaction between inbound and outbound tourism and international trade between China and countries along the "One Belt and One Road" // Journal of Tourism, 2018(5), P. 89-93.
9. Lan Qingxin. Building a "golden brand" of China's service trade // Economic Daily News, 02.08.2023.
10. Zhenzhen Liu, Jinhe Zhang. Co-integration and Granger causality analysis of the relationship between international tourism and international trade in China // Resource Development and Market, 2010(7), P. 593-597.
11. Sun Gennian. The advantages of great power and high sustainable growth of Chinese tourism industry // Journal of Tourism, 2008(4), P. 29-34.

Китайско-российская торговля в 2023 году: проблемы и перспективы

Ван Сяохуань

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Шэньянского политехнического университета, yuliawang420@mail.ru.

Чжао Юели

магистрант Института иностранных языков Шэньянского политехнического университета, 6700420@qq.com.

В 2023-ем году Китай и Россия объединили усилия и преодолели трудности в двусторонней торговле на фоне частых глобальных геополитических конфликтов и замедления мировой экономики. Китай и Россия укрепили фундамент торгово-экономического сотрудничества, добились быстрого роста и ускоренного расширения торговли товарами, уверенно продвигали строительство крупномасштабных проектов и сделали более прагматичным региональное торгово-экономическое сотрудничество. Несмотря на впечатляющие достижения в китайско-российской торговле, существуют некоторые проблемы, в том числе сохраняющиеся недостатки в логистике и транспорте, неопределенность в государственной политике, сохраняющееся влияние вторичных санкций в Европе и США, а также ограничения в развитии двусторонней торговли. В перспективе, поскольку геополитические конфликты привели к росту глобальных экономических рисков, Китай и Россия должны направить усилия на взаимодействие решить основные задачи китайско-российского экономического сотрудничества на период до 2030-его года, установленные лидерами двух стран, и активизировать сотрудничество, чтобы способствовать высококачественному развитию торговли между двумя странами.
Ключевые слова: китайско-российская торговля, экономические санкции, проблемы, перспективы

В 2023-ем году Китай и Россия укрепили фундамент торгово-экономического сотрудничества. Часто наносятся визиты на высоком уровне, интенсивно проводятся деловые стыковочные обмены, состоялся ряд официальных и частных торгово-инвестиционных ярмарок, открывающих новые возможности для углубления двустороннего торгово-экономического сотрудничества. Были подписаны документы об экономическом и торговом сотрудничестве, что способствовало активному развитию экономических и торговых обменов. Был реализован стремительный рост торговли товарами. В 2023-ем году двусторонняя торговля между Китаем и Россией достигла стремительного роста и совершила исторический прорыв. По данным китайской таможенной статистики, объем китайско-российской торговли товарами достиг 240,11 миллиарда долларов США, увеличившись на 26,3% по сравнению с предыдущим годом, из которых Китай экспортировал в Россию 110,97 миллиарда долларов США, увеличившись на 46,9% по сравнению с предыдущим годом; Китай импортировал из России 129,14 миллиарда долларов США, увеличившись на 12,7% по сравнению с предыдущим годом [Лю Хуацзинь, 2024: 24]. Рост китайско-российской торговли значительно превышает рост общей внешней торговли Китая за тот же период, став новой точкой роста китайской внешней торговли. Если посмотреть на развитие китайско-российской торговли в 2023-ем году, то качество торговли значительно улучшится, а взаимодополняемость двусторонней торговли еще больше возрастет. В целях повышения уровня китайско-российской торговли обе стороны укрепили сотрудничество в области транспортных услуг, финансовых услуг, туристических услуг и медицинских услуг и достигли значительных результатов. Постоянно развивается сотрудничество по крупномасштабным проектам. Китайско-российское инвестиционное сотрудничество столкнулось с беспрецедентными проблемами в связи с жесткими экономическими санкциями, введенными США и Европой. В ответ на крайне сложную ситуацию обе стороны преодолели множество трудностей и постоянно повышают уровень сотрудничества. Такие крупномасштабные проекты сотрудничества, как 7-ого и 8-ого энергоблоков Тяньваньская атомная электростанция и 3-его и 4-ого энергоблока АЭС «Сюйдабао», осуществляются в рабочем порядке. В октябре 2023-его China National Chemical Engineering & Construction Corporation Seven и Балтийский Химический Комплекс подписали генеральный контракт на реализацию проекта Балтийского химического комплекса по переработке газа в метанол в России

Данная статья подготовлена при поддержке Проекта фундаментальных исследований Департамента образования провинции Ляонин, № JYTM20230205.

со сроком строительства 48 месяцев и общей стоимостью контракта 8,4 млрд евро [Бянь Вэйхун, Чу Сяо, 2023: 33]. Это второй по сумме стоимостной контрактный проект, подписанный China National Chemical Engineering за рубежом, а также крупнейший контрактный проект китайских предприятий, «выходящих» за рубеж с 2020-ого года, что имеет важное значение. Кроме того, стало более прагматичным региональное торгово-экономическое сотрудничество сотрудничество. Сотрудничество между китайскими и российскими провинциями и областями стало более широким и диверсифицированным, а строительство парков стало одним из ключевых моментов, создав новую платформу для углубления экономического и торгового сотрудничества. Индустриальный парк китайско-российского торгово-экономического сотрудничества (Шэньян) продолжает эффективно работать, создается первый китайско-монгольско-российский логистический парк, расширяется региональное дружелюбное сотрудничество. Кроме того, также активно проводят мероприятия китайско-российской дружбы и сотрудничества в городах провинции Шаньдун, Гуандун, Хэйлунцзян, Цзянси и автономного района Внутренней Монголии.

Не смотря на то, что китайско-российская торговля добилась значительных успехов, все еще существуют некоторые проблемы, которые заслуживают внимания.

Устаревшая инфраструктура на пограничных переходах препятствует китайско-российской логистике и транспорту. В настоящее время между Китаем и Россией существует 28 пограничных переходов, но только 19 из них функционируют. Принято решение модернизировать инфраструктуру 13 из них. В настоящее время ведутся работы по модернизации пограничных переходов Нижнеленинское-Тунцзян и Забайкальск-Маньчжурия, и ожидается, что оставшиеся 11 переходов будут завершены к 2027-ом году. Согласно отчету «World Bank's Logistic Performance Index (LPI) 2023», Россия занимает 88-е место из 139 экономических субъектов в рейтинге по Глобальному индексу эффективности логистики (GLPI), что является низким или средним уровнем. Россия занимает 90-е место в списке пяти показателей, как «таможенные услуги», «простота организации перевозок», «качество логистических услуг», «отслеживание и контроль» и «своевременность перевозок», что является низким уровнем в глобальном масштабе, серьезно влияет на упрощение трансграничных перевозок между Китаем и Россией [«Global Ranking 2023». <https://lpi.worldbank.org/international/global15> (Дата обращения: 6.11.2024)].

Продолжающееся воздействие вторичных санкций в Европе и США

– Китайские предприятия в санкционном списке.

Жесткие экономические санкции, введенные США и Европой против России, затронули китайские компании, некоторые из которых были включены в список США. 24 февраля 2023-его года Бюро про-

мышленности и безопасности США (BIS) при Министерстве торговли США включило пять китайских компаний в список организаций, попадающих под санкции и подозреваемых в оказании военной поддержки России. 6 октября Бюро промышленности и безопасности Министерства торговли США (BIS) вновь включило 42 китайские компании в «Список субъектов экспортного контроля» по причине «подозрений в поставках интегральных схем американского происхождения российской военной и/или оборонной промышленности», в том числе AVIC International Holding Co. и China Terry Aerospace Technology Group, которые находятся в санкционном списке США уже почти около 50 китайских компаний, что еще больше увеличивает риск для торговли Китая с Россией.

– Влияние на китайско-российский торговый расчёт финансовых санкций

С 2024-ого года США и Европа усилили финансовые санкции против России. 19-ого апреля члены Конгресса США представили закон Unrestricted Act, который потребует от китайских военно-промышленных компаний разорвать все связи с российским рынком в течение 180 дней или в противном случае ввести санкции против китайских финансовых учреждений и других организаций. В начале апреля министр финансов США Йеллен заявил по поводу отношений китайских банков с Россией, что любой банк, способствующий крупным сделкам, таким как поставка военных товаров или товаров двойного назначения на российскую оборонную промышленную базу, может быть подвергнут американским санкциям. 23-его мая Европейский союз издал указ, направленный на то, чтобы заставить финансовые учреждения на Среднем Востоке, в Турции и Китае прекратить содействие сделкам двойного назначения с Россией путем совместных усилий стран-членов Европейского союза.

– Сдерживание китайско-российского инвестиционного сотрудничества под многочисленными санкциями

Американо-европейские финансовые санкции против России сказываются на инвестиционном сотрудничестве. В результате санкций и сопутствующих факторов поток прямых китайских инвестиций в Россию в 2022-ом году составит 234 млн долларов США, а их объем — 9,9 млрд долларов США, что ниже уровня 2021-ого года [Статистический бюллетень по прямым иностранным инвестициям Китая 2022 г. 2023: 50–56]. Экономическая модель военного времени в России повышает инвестиционные риски, и в краткосрочной перспективе сдерживающие финансовые санкции в отношении китайских инвестиций по-прежнему трудно снять, поэтому для расширения взаимных инвестиций потребуется время.

Ограничения возможностей для развития двусторонней торговли

Быстрый рост китайско-российской торговли, особенно резкое увеличение китайского экспорта, в значительной степени заполнил вакансии в области

товаров и технологий, вызванные уходом европейских предприятий с российского рынка. В 2023-ем году на Китай будет приходиться около 45% российского импорта. Доля ЕС в российском импорте составляла 35,8% в 2021 году, а доля Китая уже превысила долю ЕС, значит, что китайский экспорт в Россию достиг кульминационной точки и что возможности для значительного увеличения экспорта в будущем ограничены, если только обе стороны не примут специальные торговые стимулы. Кроме того, по мере роста китайского экспорта электромеханической продукции в Россию возникает острая необходимость в создании хорошей системы послепродажного обслуживания, усилении взаимодействия между стандартами и подготовкой технического персонала и т. д. В 2023-ем году на фоне горячих продаж автомобилей в Китае возник ряд проблем, связанных с недостаточной адаптацией к российскому низкотемпературному климату и особенностям дорог, таких как низкая коррозионная стойкость кузова, утоньшение металла, плохая звукоизоляция, хрупкая подвеска и т. д., и значительно возросло число поломок и ремонтов, что вызвало обеспокоенность российских СМИ. Сохранение доли китайской продукции на рынке и постоянное повышение качества продукции и услуг — новые проблемы, с которыми сталкиваются китайские предприятия.

Перспективы развития китайско-российской торговли

В начале 2024-го года обострение геополитических конфликтов поставило мировую экономику в сложное положение и усложнило внешние обстановки для российско-китайского торгово-экономического сотрудничества. Сторонам необходимо тщательно оценить ситуацию и принять эффективные контрмеры.

—Глобальные экономические риски растут.

В начале 2024-го года Всемирный банк в отчете «Перспективы развития мировой экономики» отметил, что сложная международная обстановка приведет к повышению процентных ставок, замедлению экономического роста и продолжению инфляции. Поставки энергоносителей могут серьезно пострадать, что приведет к скачку цен на энергоносители и значительному побочному эффекту на цены других сырьевых товаров, усилению геополитической и экономической неопределенности, что может снизить инвестиции и привести к дальнейшему ослаблению роста. По прогнозам Всемирного банка, рост мировой экономики в 2024-ом году составит 2,4 % по сравнению с 2,6% в 2023-ем году [Всемирный банк прогнозирует рост мировой экономики на 2.4% в 2024-ом году, http://m.ce.cn/gj/gd/202401/12/t20240112_38862835.shtml], при этом рост замедлится третий год подряд. В результате фактический спрос сократится во всем мире. Несмотря на возможное краткосрочное повышение цен на энергоносители, рост логистических издержек и снижение спроса принесут больше вреда, чем пользы российской экономике, зависящей от экспорта энергоносителей и минерального сырья. В 2024-ом году ожидается замедление роста ВВП до 2,3% по сравнению

с 2023-им годом, что обусловлено увеличением расходов на оборону со стороны российского правительства. В 2024-ом году объем импортно-экспортной торговли России составит 778 миллиардов долларов, что на 3,2% больше, чем в предыдущем году: экспорт составит 475 миллиардов долларов, что на 3% больше, а импорт — 303 миллиарда долларов, что на 3,4% больше [Расходы уходят в оборону. <https://news.myseldon.com/ru/news/>]. Российская экономика все еще пытается найти поддержку со стороны внешнего спроса. Отсутствии мирового спроса также усиливает давление на восстановление экономики Китая, так как Научно-исследовательский центр прогнозирования Китайской академии наук выпустил «Экономический прогноз и перспективы Китая на 2024-ый год», в котором прогнозируется, что рост ВВП Китая в 2024-ом году составит 5,3% [Экономический прогноз и перспективы Китая на 2024-ый год, <https://www.cet.com.cn/wzsy/ycxw/10002331.shtml>],

то есть практически на том же уровне, что и в 2023-ем году. То, смогут ли Китай и Россия усилить динамику развития своих экономик, окажет непосредственное влияние на развитие двусторонней торговли. Под влиянием многочисленных факторов темпы роста китайско-российской торговли в январе-июне 2024-ого года значительно замедлились по сравнению с аналогичным периодом 2023-его года: темпы роста импорта и экспорта снизились с 40,6% до 1,8%; темпы роста экспорта стали отрицательными с 78,1% до 0,8%; темпы роста импорта составили 3,9%, что значительно ниже, чем за аналогичный период 2023-его года, который составил 19,4% [Таблица общей стоимости импорта и экспорта товаров по странам (регионам) в июне 2023-его года (стоимость в долларах США), <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxhgk/2799825/302274/302277/302276/5157413/index.html>]. В связи с этим обе стороны должны работать вместе и принимать различные меры, чтобы преодоления препятствий и содействия здоровому развитию торговли между двумя странами.

—Основные направления углубления российско-китайского экономического и торгового сотрудничества.

В ходе встречи лидеров государств КНР и РФ в марте 2023-его года была принята «Совместном заявлении Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года» [Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года, 2023: 1]), в котором определены восемь приоритетных направлений будущего сотрудничества, включая расширение масштабов торговли, оптимизацию структуры торговли, развитие электронной коммерции и других инновационных форм сотрудничества и т.д.; активное развитие логистической системы взаимосвязи и взаимозави-

симости; повышение уровня финансового сотрудничества; укрепление всестороннего энергетического партнерства; укрепление взаимовыгодного сотрудничества в области создания производственных мощностей по глубокой переработке ресурсов на территориях двух стран; содействие обмену и высококачественному сотрудничеству в области технологий и инноваций и обеспечение высокого уровня технологического развития двух стран; содействие повышению качества и модернизации промышленного сотрудничества. На основе соответствия промышленных стандартов и технических требований создается новая промышленная цепочка с участием местных промышленных предприятий двух стран, чтобы увеличить добавленную стоимость. Также эффективно повысится уровень сельскохозяйственного сотрудничества, чтобы обеспечить продовольственную безопасность двух стран. В будущем, перед лицом внутренних и внешних вызовов, Китай и Россия должны укреплять взаимодоверие, усиливать связь и координацию политики, продолжать расширять открытие рынков, раскрывать потенциал транзитных перевозок между двумя странами, уделять особое внимание решению ключевых проблем, улучшать китайско-российскую пограничную инфраструктуру.

Литература

1. Болаев А.В., Лондаренко Я.А. Динамика российско-китайской внешней торговли товарами в период с 2013 по 2023 год // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №.8-3(95), С. 121-124. .

1. Пупкова М. А., Ткаченко Р. О., Таджибаева В. А., Антушев А. В., Яновская А. А. Формирование международных экономических и торговых партнерских отношений Китая и России: проблемы и перспективы развития // Инновации и инвестиции. 2023. №2, С. 121-124.

2. Бянь Вэйхун, Чу Сяо. Характеристика экономических и финансовых операций России на фоне американско-европейских санкций и вдохновение для Китая // Международные финансы, 2023(9), С. 32-40.

3. Чэнь Вэйбин, Мэн Лэй. Измерение эффективности торговли и прогнозирование потенциала между Китаем и странами «Пояса и пути» // Статистика и принятие решений, 2023(20), С.125-130.

4. Лю Хуацинь. Китайско-российская торговля в 2023 году: особенности и проблемы// Российский вестник, 2024,14(05), С.24-44.

5. Статистический бюллетень по прямым иностранным инвестициям Китая 2022 г. Министерство коммерции КНР, Национальное бюро статистики и Государственное управление иностранной валюты, Китайская бизнес-пресса, 2023: 50–56)

6. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года // Народная газета, 22. 03. 2023, 3-е издание, С.1.

7. The World Bank. "Global Ranking 2023". <https://ipi.worldbank.org/international/global15> (Дата

обращения: 6.11.2024)

8. Всемирный банк прогнозирует рост мировой экономики на 2.4% в 2024-ом году, http://m.ce.cn/gj/gd/202401/12/t20240112_38862835.shtml (Дата обращения: 1.11.2024)

9. Расходы уходят в оборону. 18 ноября 2023 года. <https://news.myseldon.com/ru/news/index/300730304> (Дата обращения: 6.11.2024)

10. Экономический прогноз и перспективы Китая на 2024-ый год, Научно-исследовательский центр прогнозирования Китайской академии наук, <https://www.cet.com.cn/wzsy/ycxw/10002331.shtml> (Дата обращения: 4.11.2024)

11. Таблица общей стоимости импорта и экспорта товаров по странам (регионам) в июне 2023-его года (стоимость в долларах США), <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxgk/2799825/302274/302277/302276/5157413/index.html> (Дата обращения: 2.11.2024)

China-Russian Trade in 2023: problems and prospects Wang Xiaohuan, Zhao Yueli

Shenyang Ligong University

JEL classification: H87, F02, F15, F29, F40, F42, F49

In 2023, China and Russia joined hands and overcame difficulties in bilateral trade amid frequent global geopolitical conflicts and a slowing world economy. China and Russia strengthened the foundation of trade and economic cooperation, achieved rapid growth and accelerated expansion of trade in goods, confidently pushed forward the construction of large-scale projects and made regional trade and economic cooperation more pragmatic. Despite the impressive achievements in China-Russian trade, there are some challenges, including persistent shortcomings in logistics and transportation, uncertainties in government policies, the lingering impact of secondary sanctions in Europe and the US, and restrictions on the development of bilateral trade. Looking forward, as geopolitical conflicts have increased global economic risks, China and Russia should make efforts to work together to meet the major goals of China-Russian economic cooperation until 2030 set by the leaders of the two countries, and intensify cooperation to promote high-quality trade development between the two countries.

Keywords: China-Russian trade, economic sanctions, problems, prospects

References

1. Bolaev A.V., Londarenko Y.A. Dynamics of Russian-Chinese foreign trade in goods in the period from 2013 to 2023 // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. №.8-3(95), P. 121-124. .
2. Pupkova M. A., Tkachenko R. O., Tadjibaeva V. A., Antushev A. V., Yanovskaya A. A. Formation of international economic and trade partnerships between China and Russia: problems and prospects of development // Innovations and Investments. 2023. №2, P. 121-124.
3. Bian Weihong, Chu Xiao . Characterization of Russia's economic and financial operations against the background of U.S.-European sanctions and inspiration for China // International Finance, 2023(9), P. 32-40.
4. Chen Weibin, Meng Lei. Measuring trade performance and forecasting potential between China and the Belt and Road countries // Statistics and Decision Making, 2023(20), P. 125-130.
5. Liu Huaqin. Sino-Russian trade in 2023: features and challenges// Russian Messenger, 2024,14(05), P. 24-44.
6. Statistical Bulletin on China's Foreign Direct Investment 2022 by the Ministry of Commerce of the People's Republic of China, National Bureau of Statistics and State Administration of Foreign Exchange, China Business Press, 2023: 50-56)
7. Joint Statement of the President of the Russian Federation and the President of the People's Republic of China on the plan for the development of key areas of Russian-Chinese economic cooperation until 2030 // People's Daily, 22. 03. 2023, 3rd edition, P.1.
8. The World Bank. "Global Ranking 2023". <https://ipi.worldbank.org/international/global15> (Date of reference: 6.11.2024)
9. The World Bank Forecasts 2.4% Global Economic Growth in 2024. http://m.ce.cn/gj/gd/202401/12/t20240112_38862835.shtml
10. Spending goes to defense. November 18, 2023. <https://news.myseldon.com/ru/news/index/300730304>
11. China's Economic Forecast and Prospects for the Year 2024. China Academy of Sciences Foresight Research Center, <https://www.cet.com.cn/wzsy/ycxw/10002331.shtml> (Date accessed: 4.11.2024)
12. Table of the total value of imports and exports of goods by country (region) in June 2023 (value in US dollars), <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxgk/2799825/302274/302277/302276/5157413/index.html> (Date of access: 2.11.2024).

Малый и средний инновационный бизнес в национальной инновационной системе Китая

Ларионов Айсен Афанасьевич

руководитель ИТ-кластера, Международный центр развития перспективных компетенций Future Skills:NEFU, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Амосова, aisenlariionovafan@mail.ru

В статье обозначено состояние китайского малого и среднего предпринимательства, а также рассмотрены основные направления его государственной поддержки. Актуальность данного вопроса обуславливается ростом МСП в мировой экономике. Так, в развитых странах доля малого и среднего бизнеса составляет более 50%. Вот почему поддержка данных компаний необходима для успешного развития национальных экономик.

Дана оценка китайской экономики, свойственная высокоразвитой и ключевой для частного бизнеса культуре семейного предпринимательства, которой, по оценкам экспертов, не уделяется достаточного внимания в современной России. А в КНР это направление в некоторой степени связано с переосмыслением советского опыта 1920-х – нач. 1930-х годов. Если на Западе большинство компаний начинались с семейных проектов, но впоследствии становились корпоративными, в них резко повышалась роль сторонних менеджеров и инвесторов, то в Китае этот процесс проходит медленно.

Ключевые слова: Китай, малый и средний инновационный бизнес, инновационная деятельность, современная экономическая наука.

Введение

Актуальность темы

Изучение китайского опыта последних десятилетий — одна из важнейших и актуальных задач для современной экономической науки.

В современных условиях инновации являются важнейшим элементом успешного роста и развития, как отдельного предприятия, так и экономики в целом. Большинство стран мира имеют свои инновационные стратегии развития. Как правило эти стратегии носят комплексный характер и включают в себя множество параметров. Так в Глобальном инновационном индексе 2019 г. 129 стран оцениваются по восьмидесяти параметрам. Среди субъектов реализации инновационных стратегий различных стран особое место отводится малым и средним предприятиям (далее – МСП), занятым как в сфере генерирования инновационных технологий, так и их активного применения на практике.

Малый и средний бизнес является важной составляющей в экономике любой страны, поскольку является институтом, средством, механизмом, которые способствуют решению ряда проблем социально-экономического развития: обеспечения занятости, наполнение рынка товарами и услугами, дает возможности для расширения экспортного потенциала страны, способствует поддержанию «духа предпринимательства», то есть креативности, рисковости, инновационности. В условиях перехода национальных экономик многих стран мира на инновационные пути развития, предпринимательский потенциал малого и среднего бизнеса (далее – МСБ) становится наиболее востребован.

В Китае государственная стратегия инновационного развития была принята в 2016 г., придя на смену более ранней, подобной стратегии, принятой в 2006 г. со сроком реализации до 2020 г. Новые цели и задачи развития страны в соответствии с вызовами четвертой промышленной революции и амбициозными планами китайского руководства по построению не только «большого, но и сильного» Китая, стали причиной пересмотра параметров прежней стратегии с целевой установкой создания «инновационного государства» к середине XXI века.

В новой инновационной госпрограмме 2016 г. особое место уделяется развитию малых и средних предприятий, в особенности их инновационного сегмента. Дается упор на формирование благоприятных условий функционирования МСП, включая его инновационный сегмент, посредством финансовой, кредитной, налоговой поддержки, ориентированной на поощрение научно-технических инноваций и повышение эффективности производства. Руководство КПК и государства неоднократно указывали на

важную роль МСП в формировании в Китае «среднезажиточного общества» и в особенности их роли как драйвера инновационного процесса в стране.

Актуальность темы подчеркивается тем, что особая роль драйвера в этой связи отводится именно высокотехнологичным МСП, находящимся на острие тенденций разворачивающейся четвертой промышленной революции и ее центрального звена – цифровой составляющей, а также ряда новых и высоких технологий прорывного характера и технологий широкого применения. Важным трендом в развитии инновационного процесса в Китае стало использование цифровой составляющей в сфере услуг, где малый и средний бизнес с конца 90-х гг. прошлого века занимает ведущие позиции. Упор на активизацию внутреннего спроса и инновации при сохранении значимости внешнего рынка в условиях перехода на новую экономическую стратегию «двойная циркуляция», способствовали усилению роли высокотехнологичных малых и средних предприятий во внешнеэкономической экспансии КНР.

В работе рассматривается роль малого и среднего инновационного бизнеса (далее – МСИБ) и его структур как важного и нарастающего по значимости фактора экономического роста и развития Китая, в стратегических планах КНР по выходу на позиции мирового инновационного лидера к 2050 г., также его роли во внешнеэкономической экспансии. Центральным звеном является исследование особенностей формирования и развития малых технологических компаний-стартапов, анализ процесса их перерастания в компании с масштабной капитализацией (более 1 млрд долл.) – так называемых единорогов их роли и места во внешнеэкономической деятельности.

Актуальность работы определяется также и необходимостью рассмотрения инновационных стратегий китайских частных МСП и крупной части этого бизнеса, вышедшего из него, на внешних рынках, с упором на раскрытие особенностей имитационных стратегий китайских компаний.

Все перечисленные аспекты избранной темы являются актуальными, как с теоретической, так и с практической точки зрения, поскольку раскрывают механизмы функционирования инновационных МСП Китая и их стратегии, показывают реальные процессы развития технологических стартапов и их «рост» в крупные компании.

Наиболее эффективные элементы этого опыта могут быть критически заимствованы и адаптированы российскими предпринимателями МСБ в их практике внутри страны и в сотрудничестве этих структур с китайскими малыми и средними предприятиями.

Основное исследование Оценка российских и зарубежных исследователей

Проблема функционирования малых и средних инновационных предприятий в современной экономике изучается в работах: П. Друкера, К. Сио, Н.К. Сирополуса, Ф. Уокера, Ф. Хайека, А. Хокинга, Й. Шумпетера и др. Значительный вклад в теорию

предпринимательства внесли российские экономисты Л. Абалкин, Б. Мильнер, Г. Черников, Б. Ясин.

Исследованию различных аспектов функционирования МСБ в зарубежных странах посвящены работы А. Кнут, А. Скриба, В. Мотылева, Т. Мигалевой, В. Зубенко, Г. Подбиральной и др.

Среди работ российских экономистов, посвященных исследованию становления в Китайской Народной республике малого и среднего бизнеса можно привести работы Е. Авдокушина, В. Карлусова, А. Кудина, В. Муромцевой, В. Островского, В. Портякова, В. Чуванковой и некоторых других.

Далее упомянем ученых из Китая: Ван Фэнцю, Линь Ифу, Цай Фэн, Ай Чжоу, Лиу С, Лю Цзайци, Фу Цзяцзи, Сюй Хуэйчжуан, Ху Аньган, Чжу Цуйпин, Е Гуанхуа, Чэн Хайхуа, Се Фуцзи, Ся Вэй, Ян Дуцзи, Ян Шаоцин, Ян Мяоцин, Шы. Пэйгон. В работах данных китайских экономистов изучаются характеристики МСБ Китая, предприятий малых и средних, внедрение в данные предприятия технологических инноваций и развитие экспортно-ориентированных отраслей в данных МСП, а также имитационные инновации и их внедрение.

Примеров успешного применения этих наработок немало. Эффективной движущей силой инноваций в Китае являются цифровые технологии. Частные компании, овладевшие передовыми интернет-технологиями, кардинально меняют традиционные нетехнологические отрасли, и выходят в лидеры в глобальной электронной коммерции, в финансовых инновациях. Первопроходцами в этой области являются такие известные китайские компании, как Huawei, Haier, Sany, Lenovo, BAT (Baidu, Alibaba и Tencent), Xiaomi. Так, компания Huawei, основанная в 1987 году для производства коммутаторов телефонных станций, превратилась в крупнейшего производителя телекоммуникационного оборудования в мире и стала конкурентоспособной на мировом рынке смартфонов. Показательно, что в последнее десятилетие компания стала одним из крупнейших в мире заявителей патентов [2]. Кратко рассмотрев политику этих компаний в последние годы, мы видим, что они от принципа копирования зарубежных технологий, при соответствующей поддержке правительства, переходят к созданию собственных инноваций – и достаточно успешно.

Haier Group в наше время - ведущий мировой бренд бытовой техники. В компании работает более 75 тыс. сотрудников. Компания использует платформенную организацию, когда структуры предприятия являются рабочими подразделениями, т.е. – состоит из множества микропредприятий. Подразделения первого уровня отвечают за прямое общение с пользователями продукции и разработку новых производственных идей, второго уровня – осуществляют корпоративную поддержку, третьего уровня - обеспечивают деятельность всех остальных подразделений.

Компания Lenovo выросла в одного из крупнейших поставщиков компьютеров и компьютерных услуг. В последнее десятилетие в компании работает фонд поддержки стартапов с крупным капита-

лом, который находится под внутренним управлением Lenovo Group и ориентирован на развитие разработок в области искусственного интеллекта, робототехники и облачных вычислений, на поддержку науки. На крупные предприятия равняется малый и средний бизнес, применяя схожие технологии и решения в меньших масштабах, но порой с такой же высокой эффективностью. Создаются бизнес-экосистемы, включающие десятки и сотни предприятий малого и среднего бизнеса, которые в значительной степени работают на опережение, а не только отвечают на актуальные запросы.

Законодательство КНР и частный бизнес

Законодательство — это система нормативных актов, принятых законодательным органом или непосредственно населением и действующих на территории страны. В Китайской Народной Республике (далее — КНР) законодательная деятельность представляет собой государственную деятельность, направленную на принятие или утверждение каким-либо государственным органом в соответствии с определенной процедурой действий, отражающих волю правящего класса и обеспечивающих соблюдение норм поведения в принудительном порядке (Фу Цзытан 2009, 229–230).

В современном обществе законодательная власть государства, как правило, принадлежит парламенту, но система может различаться. В некоторых государствах парламент обладает особыми полномочиями: помимо законодательной власти, он обычно также имеет право на сбор налогов. В государствах, где существует двухпалатная парламентская система, нижняя палата, как правило, обладает фундаментальной налоговой властью и может контролировать налогообложение, накладывая вето на государственный бюджет.

Законодательному процессу в целом присущи принципы демократичности, открытости, сопричастности и саморегулирования. Система ценностей современного законодательного процесса включает главным образом справедливость, эффективность и порядок. Правосудие — краеугольный камень законодательного процесса; эффективность придает ему экономическое значение, а порядок привносит в него институционализированную концепцию.

В рамках законодательного процесса в КНР государственный орган, обладающий законодательными полномочиями, создает нормативные правовые акты, ограничивает систему, с помощью которой законодатели могут беспрепятственно осуществлять свою деятельность и обеспечивать соблюдение процессуальных норм, а также определяет законные пути и надлежащие правовые процедуры, позволяющие государству разрешать конфликт интересов, регулирует общественный порядок и распределение социальных ресурсов. Говоря о китайском законодательстве, нужно понимать, что речь идет о принятии центральными и местными органами государственной власти, а административными органами, имеющими право законодательной власти, — Конституции, законов, декретов (в совокупности именуемых законами) и административных актов.

Итогом многолетних экспериментов в области государственного регулирования малого и среднего бизнеса в Китае стала организованная поддержка инноваций в частном предпринимательстве. Правительство поставило своей целью сделать инновации выгодными для предпринимателя. Используемые инструменты эффективны и понятны для бизнесменов. Предоставляются налоговые льготы учебным учреждениям в случае их сотрудничества с малым и средним бизнесом, что способствует повышению образовательного уровня кадров, повышению навыков ориентирования в современном деловом мире при выходе на международные рынки.

Приняты и налоговые льготы, включая полное освобождение от уплаты налогов для малого и среднего бизнеса, который занимается освоением новых технологий и выпуском новой продукции, необходимой для экономики Китая. Инновационному бизнесу на выгодных условиях предоставляются кредиты. Конечно, это не происходит бесконтрольно. Инновационность малого и среднего бизнеса подтверждается специальным свидетельством, которое, после проверок, выдает Министерство науки и техники КНР. Система, которая оттачивалась, как минимум, четверть века, в последние 5–10 лет дает эффективные для китайской экономики результаты. С инновациями в малом и среднем бизнесе неминусом связаны и перспективы китайской экономики, от этой системы зависит благосостояние общества.

Семейное предпринимательство в Китае. Традиции и инновации

Для китайской экономики свойственна высоко развитая и ключевая для частного бизнеса культура семейного предпринимательства, которой, по оценкам экспертов, не уделяется достаточного внимания в современной России. А в КНР это направление в некоторой степени связано с переосмыслением советского опыта 1920-х – нач. 1930-х годов. Если на Западе большинство кампаний начинались с семейных проектов, но впоследствии становились корпоративными, в них резко повышалась роль сторонних менеджеров и инвесторов, то в Китае этот процесс проходит медленно.

По данным Всекитайской федерации промышленности и торговли, более 80% из миллиарда частных предприятий Китая находятся в семейной собственности. Это фактор, не считающийся с которым нельзя. В структуре китайской экономики семейные предприятия обеспечивают около 60% ВВП. Это имеет прямое отношение к «специфически китайскому» пути развития экономики. Семейные предприятия в Китае проделали долгий путь — от первых попыток частного предпринимательства в конце 1970-х к нынешнему многообразию бизнес-стратегий. В первые десятилетия развития производственных и финансовых частных структур они, в основном, перенимали зарубежный (преимущественно, западный, но в смысле технологий — и советский) опыт, занимались копированием технологий. Работала «модель Шаньчжая», мотивированная на комбинирование и симбиоз зарубежных разработок для

создания собственного оригинального продукта [1]. Инновационными разработками семейные предприятия (как и весь китайский малый и средний бизнес) в то время практически не занимались. Период применения инновация начался, вместе с радикальной сменой поколений в бизнесе, в 2010-е годы, характерные нацеленностью на более высокотехнологическую продукцию, главным образом – на экспорт. Тогда от принципа «дать возможность стать зажиточными наиболее активным и предприимчивым» китайское правительство перешло к задачам роста всеобщего благосостояния, что потребовало, кроме прочего, более наукоемкого производства в семейном бизнесе. Семейный бизнес нарабатал тесные связи с наукой, с международными стартапами. Это характерно и для 2020-х годов.

В наше время самое большое количество семейных предприятий отмечается в Восточном Китае, а уровень их концентрации традиционно наиболее высок в обрабатывающей промышленности. Но не только.

Приведем яркий пример – Аомынь, открытый порт, крупный финансовый центр, центр игрового бизнеса, самый густонаселенный, хотя и небольшой по территории, регион в мире.

Известно, что для жителей Аомыня семейные ценности, ценности рода, как и в древности, остаются на первом месте. В этом можно видеть влияние конфуцианства, можно – естественную реакцию человека на особенности климата и демографии. По мнению большинства исследователей, принципы конфуцианства сыграли большую роль в том, что китайская семья оказалась очень удачным вариантом управления предприятиями в деловой культуре [3]. Разумеется, в последние годы меняется и отношение к семье, на смену патриархальным традициям приходят более свободные и вариативные. Но китайские предприниматели по-прежнему с меньшей охотой, чем их европейские коллеги, передают управление своими кампаниями менеджерам.

«Дети аомыньских предпринимателей обладают сильным чувством долга перед своими родителями, охотно и легко принимают семейный бизнес от своих предков и поднимаются к новым вершинам. Именно поэтому в Аомыне очень редко семейный бизнес передается в чужие руки» [4], - пишет Ли Голян. В меньшей, но значительной степени, с учетом специфики разных мест, это касается всего Китая.

Важнейший фактор – внедрение инноваций на семейных предприятиях, при их консерватизме. Здесь ключевую роль играет государственное регулирование.

В последние годы, в особенности – с началом пандемии Ковида, ставшим тяжелым испытанием для китайской экономики, на китайских семейных предприятиях стали проявляться новые тенденции. Представители третьего поколения владельцев бизнеса нередко индифферентно относятся к развитию предприятий. Нередко, получив образование на Западе, они теряют понимание китайской специфики, осознавая, что привить на китайской почве западный стиль ведения бизнеса вряд ли возможно. С

проблемами «поколения наследников» исследователи связывают важный вызов, который стоит перед китайской экономикой [5].

На правительственном уровне есть понимание, что понимание важности инновационного предпринимательства должно закладываться с юности, в учебных заведениях. В июле 2023 года китайское правительство разработало ряд новых программ, направленных на поддержку молодых предпринимателей и упрощение процедур, связанных с преемственностью в малом и среднем бизнесе. Еще в 2016 году премьер-министр Китая Ли Кэцян назвал массовое инновационное предпринимательство главной повесткой экономического развития страны [6], что позволило Китаю в 2019 году занять 14 место среди мира в рейтинге Глобального инновационного индекса. Компании с инновационным уклоном чаще всего в КНР таких сферах индустрии как Интернет-технологии, телекоммуникации, IT, финансы, биотехнологии и здравоохранение, инжиниринг, автомобильная индустрия, банкинг, электроника и торговля [7].

Больше всего инновационных компаний располагается в таких крупных городах, как Пекин, Чанчжоу, Шанхай, Чэнду, Гуанчжоу и др. Помимо этого, чтобы продвинуть данную сферу еще больше, в Китае ежегодно появляются новые бизнес-инкубаторы, число которых в стране уже более тысячи [8]. Эта программа показала свою эффективность.

Еще в 2010 году на государственном уровне был создан Руководящий комитет по предпринимательству в сфере учреждений высшего образования. В результате его работы создавались новые программы, учебные планы, при университетах открывались школы по обучению предпринимательству. В этих учебных заведениях создаются и проверяются на практике учебные программы, начиная от специализированных курсов и профессиональной инновационной деятельности, направленной предпринимательских навыков и талантов, инновационному предпринимательству [8].

Молодые хозяева бизнеса заинтересованы во внедрении современных методов корпоративного управления, интернет-технологий и цифровых решений для модернизации предприятий. В то же время, их нужно мотивировать к активному продолжению бизнеса. Это, прежде всего, государственная задача – и китайское правительство осознает ее важность.

По мнению директора Исследовательского института семейного бизнеса, при Университете Чжэцзян, к числу проблем преемственности в семейном предпринимательстве Китая можно отнести дефицит профессионального опыта, отсутствие стратегического планирования и ограниченные возможности старших поколений, которые лишены альтернатив при наличии одного ребенка в семье. Последний фактор – следствие многолетней национальной политики контроля рождаемости.

К тому же, значительная часть наследников (хотя и не большинство) не собирается полноценно продолжать семейный бизнес. По исследованию Boston Consulting, которое проводилось в 2022-м, среди

100 крупнейших китайских семейных предприятий, 31% компаний планируют, что бизнес унаследуют члены семьи; 54% – рассчитывают на внутренних руководителей; 15% – наймут менеджеров со стороны. Можно предположить, что и в ближайшие десятилетия семейный бизнес, который из кустарного становится инновационным, сохранит в Китае свою доминирующую роль – с большим вниманием к цифровым трансформациям. Тем важнее специальные образовательные программы и новые подступы к государственной поддержке, которая касается семейного бизнеса в Китае.

Отметим, что в целом развитие малого и среднего бизнеса в Китае заметно отличается от процессов, характерных для Западной Европы и Латинской Америки. Частное предпринимательство в КНР получила широкие права после нескольких десятилетий драматической борьбы с проявлениями бизнес-инициативы. В 2010-е отказаться от приоритетного отношения к малому и среднему бизнесу было уже невозможно: слишком высокие результаты он показывал, слишком важным было его влияние и на экономику страны, и на социальную реальность. XIX съезд КПК признал частное предпринимательство важным фактором китайской экономики, который дополняет социализм, а не противоречит его концепции.

Структура национальной инновационной системы Китая

Исторически первые шаги на пути создания НИС начались в Китае в 80-е гг. XX века. На этом этапе происходило комплексное формирование и подготовка экосистемы современного НИС. Однако невозможность проведения полномасштабных реформ для создания высокотехнологических отраслей побудило руководство Китая заняться социально-экономическими реформами для формирования рыночных механизмов впоследствии ставших рыночной системой с «китайской» спецификой. Ускоренное развитие дало первоначальный результат, однако не стал опорой для инновационных отраслей.

С середины 80-х упор китайского руководства делался на модернизацию механизмов коммерциализации научно-технических новинок путем внедрения части разработок во вновь формируемые наукоемкие отрасли такие как энергетика и машиностроение. На начальном этапе финансирование подобных проектов осуществлялось при помощи государственных средств, поэтому в первую очередь развивались государственные предприятия, которые считывались напрямую правительству и не имели широкую свободу в выборе направления развития. На этом примере видно, что Китай развивал на начальном этапе не модули НИС, а ее элементы.

С 90-х гг. XX века начато развитие законодательной базы для обеспечения деятельности иностранных компаний на территории КНР. Законодательство также закрепляло вектор развития отраслей Китая на высокотехнологичном пути которая включало в себя развитие и внедрение новейшей техники, научно-техническому развитию и инновациям.

В дальнейшем программа по развитию научно-технического прогресса в КНР не только не сворачивалась, но и постоянно наращивается.

С середины 2000-х гг. идет процесс перехода НИС в период самокупаемости и самодостаточности, снижению общей доли заемных инноваций и переход к собственным оригинальным разработкам. Освоение новых технологий идет стремительными темпами, открываются зоны развития новых и высоких технологий (далее – ЗРНВТ), создается инфраструктура НИС такие как: бизнес-инкубаторы, технопарки и научные центры.

В течении всей 14-ой пятилетки в Китае (2021-2025 гг.) правительство подчёркивает важность постоянного роста численности и качества перспективных МСИП. Ставка на «выращивание» новейших с технологической точки зрения и «оригинальных» предприятий создают предпосылки к появлению будущих технологических гигантов и ускоренному росту экономики КНР.

В качестве преимуществ Китая в области продвижения инноваций можно отнести «отсталость» китайской экономики, как и Советский Союз, который мог на рубеже 20-30-х гг. XX века приобретать, внедрять и использовать передовые научные разработки значительно быстрее развитых государств. Соответственно Китай проводил трансфер технологий и инноваций, однако с масштабами не сравнимыми с другими странами, благодаря постоянному масштабированию производства и объемах, превышающих объемы производства других государств с использованием дешевой рабочей силы и директивному управлению Китай, создавал целые индустрии невиданные по своим меркам.

Благодаря государственной поддержке [9] МСИП в Китае насчитывается уже свыше 9 тыс. технологически передовых предприятий, а к 2025 году их количество должно достигнуть 10 тыс. Эти предприятия помогают повышать потенциал в таких отраслях как производство полупроводников, биотехнологии, программное обеспечение, энергетика и промышленность.

МСИП является ключевым фактором развития экономики, в условиях перехода на инновации. ЦК КПК и Госсовет КНР видят в развитии МСИП важнейшую роль драйвера роста и создание новых и передовых видов бизнеса. Благодаря развитию МСИП будет создана благоприятная среда для развития инноваций в дальнейшем способствующей привлечению инвестиций в страну увеличения экспорта и повышения внешнеэкономической деятельности КНР.

Быстро растущий научно-технологический комплекс Китая уверенно делает страну мировым лидером в области науки, технологий, экономики. Для достижения стратегических целей развития ключевых высокотехнологичных отраслей сама система является основой для модернизации и процветания китайской экономики.

Согласно отчету Министерства промышленности и информационных технологий Китая, за 2023 год количество компаний в местном ИТ-секторе с годовым доходом более 20 млн юаней превысило 38

тыс. Отрасль является постоянно растущей поэтому рентабельность остается крайне высокой: валовая прибыль составила почти 200 млрд долл. что на 13,6% больше по отношению к 2022 году.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) Роль МСБ в современной экономике не только остается весомой в решении ряда проблем социально-экономического развития многих стран (трудоустройства, повышения благосостояния, формирования и поддержки среднего класса, снижения социальной напряженности и др.), но и возрастает в связи с развертыванием четвертой промышленной революции. Возрастание этой роли определяется прежде всего увеличением количества инновационных МСП и ростом их нововведений. Созидательная, креативная, предпринимательская сущность МСБ выходит на первый план при постановке государством задач по инновационному развитию в ряде стран, в том числе в Китае.

2) Китайский опыт экономического развития с момента начала всесторонних экономических реформ с конца 70-х гг. XX в. свидетельствует о постоянно растущем внимании к сегменту МСБ. Это внимание постепенно трансформировалось от реабилитации индивидуального и малого частного предпринимательства в 80-е гг. XX в. до признания его в качестве одного из важнейших факторов в модернизации китайской экономики и реализации государственной стратегии социально-экономического развития.

МСБ в Китае прошел 3 этапа своего развития и разделяется на четыре этапа:

Первый этап – зарождение МСИБ с 1980 по 1990 гг. Это этап становления и постепенного развития малых инновационных высокотехнологичных предприятий в основном на государственной собственности.

Второй этап – вторая половина 1990-х гг. до 2010 г. этап активного развития МСИБ, формирование высокотехнологичных китайских конгломератов (цзитусянь гунсы).

Третий этап – бум стартапов с середины 2010 г., активный рост инновационных, высокотехнологичных МСП.

Четвертый этап – с конца 2010 г. китайская модель развития становится преимущественно инновационной, в ней все более важная роль отводится МСБ. МСБ становится одним из драйверов реализации этой модели в Китае.

Современный МСБ Китая имеет свою особую структуру, отличающую его от подобного бизнеса в индустриальной экономике. В его основе остается значительный пласт традиционного МСБ, нацеленного на удовлетворение основных жизненных потребностей населения в питании и разного рода услугах. В то же время растет та часть МСБ, которая реализует его предпринимательские инновационные характеристики – инновационный сегмент МСБ. Этот сегмент характерен для большинства отраслей современного предпринимательства в КНР от

сферы мелкого производства до разного рода услуг. В условиях развертывания четвертой промышленной революции этот сегмент МСБ становится определяющим в развитии современных экономик, в формировании и развертывании их национальных инновационных систем.

В рамках инновационного МСБ формируется и получает все большее распространение и развитие высокотехнологичный МСБ, нацеленный на генерацию новых технологических идей, разработок прототипов, технологий, ноухау. Экосистема этого бизнеса включает всю индустрию венчурного бизнеса и соответствующую ему инфраструктуру. В центре этого МСБ стоят разного рода стартапы, представляющие ячейку нового, технологичного предпринимательства, отвечающего требованиям новой технологической революции. Особое внимание руководство Китая, реализующего инновационную стратегию своего развития к этому сегменту бизнеса все более нарастает. Вместе с тем два других сегмента бизнеса не выпадают из зоны их интересов, поскольку МСБ остается и останется на перспективу (ближнюю и дальнюю) необходимым элементом экономики, решающим ряд основополагающих проблем современного и будущего поддержания стабильности развития.

Со времени 3 пленума ЦК КПК 18 созыва в октябре 2013 г. в стране начинается бум в развитии инновационных предприятий МСБ. Китайское руководство поддерживает этот процесс, делая заявления о его важности, значимости для современного экономического развития страны, одновременно реализуя ряд практических мер по сохранению динамики этого процесса путем административных, финансовых, налоговых льгот. Инновационный МСБ занимает прочное место среди инструментов и механизмов реализации инновационной стратегии развития китайской экономики.

Опора МСП на имитационные инновации в своей бизнес-деятельности при всех ее положительных чертах для догоняющей экономики имеет свой предел, после которого этот курс превращается в тупиковое направление. Во-первых, при его перманентном применении догнать технологически развитые страны невозможно. Во-вторых, меняющийся внутренний потребительский спрос, ориентирующийся на высокотехнологичные инновационные товары высокого качества требует отхода от опоры на преимущественно заимствованные инновации и технологии. Начиная с 10-х гг. XXI в. в Китае не только осознают эту истину, но и стремятся на практике перейти к опоре на собственные инновации, как в развитии национальной экономики, так и внешнеэкономической экспансии с активным участием МСП. «Модель Шаньчжая» постепенно начинает терять позиции основного курса в формировании потенциала ВЭД, уступая место инновационной продукции китайских экспортных МСП. Имитационная «модель Шаньчжая», сыграв свою роль в процессе адаптации, локализации, обучения новым технологиям и навыкам способствовала накоплению ресурсов за

счет массового экспорта товаров. Сегодня она становится вторичным инструментом в политике «двойной циркуляции».

Последовательное проведение курса «через имитационные инновации к оригинальным» способствовало созданию товаров с высокой добавленной стоимостью и востребованностью на внутреннем и зарубежном рынках. Реализация этого курса привела к появлению ряда китайских технологических компаний, начинающих свою деятельность как МСП (Alibaba, Huawei, Haier и др.), массовому росту китайских компаний-единорогов, способствовала тотальному нарастанию внешнеэкономической экспансии Китая.

В настоящее время МСП, ориентированные на экспорт, составляют главную силу внешнеэкономического потенциала Китая. При этом значительную часть экспортно-ориентированных МСП нельзя отнести к инновационным и высокотехнологичным. Это определяется тем, что существует дефицит высококвалифицированных кадров, значительный объем производимой продукции, значительная часть которой является традиционной, что снижает конкурентные преимущества китайских МСП.

Существенные меры по поддержке развития МСБ, и в особенности его инновационного сегмента, тем не менее не решают многочисленных проблем МСБ КНР. По мере его развития возникает ряд новых проблем, накладывающихся на старые нерешенные или не до конца решенные. У китайских предпринимателей остаются опасения «слияния» с государственными, недостаточной устойчивости системы поддержки предпринимательства. В особенности острой остается проблема кредитования экспортных МСБ со стороны госбанков и крупных финансовых структур. Вместе с тем следует отметить, что китайское руководство постепенно отпускает идеологическое и экономическое давление на бизнес, высвобождая его креативные факторы в том числе во ВЭД не одномоментно, а в процессном режиме.

Перспективы развития МСБ и особенно инновационного вектора в Китае выглядят весьма благоприятным, поскольку он включен и успешно реализуется в государственные программы инновационного развития, включая программу «Сделано в Китае – 2025» и Национальную программу инновационного развития. МСБ в Китае четко направляется на развитие предпринимательского духа, креативные изменения по всем основным направлениям социально-экономического развития, включая внешнеэкономический комплекс. Формируется экосистема инновационных высокотехнологичных МСП, которая является важной составляющей основной экосистемы инновационного развития в Китае.

Предложена модель развития инновационных МСП, основывающаяся на опыте Шаньчжая и особенностями МСП в России на основе создания мануфактурных высокотехнологичных кластеров для обеспечения выполнения национальных целей программы «Возможности для самореализации и развития талантов» и технологического развития Рос-

сийской Федерации на период до 2030 г. Обеспечение кадрами и инжиниринговыми проектами способными обеспечить лидерство России в научно-технологической отрасли и способствовать развитию инновационного производства среди МСБ, создать устойчивую основу для кооперации между МСИБ России и Китая.

Литература

1. Авдокушин Е. Ф., Цой А. В. ЕАЭС в системе современных процессов международной экономической интеграции // Вопросы новой экономики. - 2016. № 3 (39). С. 5-12.
2. Йип Дж., Гривен М., Вей В. Новаторы Поднебесной: Как китайский бизнес покоряет мир. М., 2022. С. 74.
3. Буров В.Г. Китай и китайцы глазами российского ученого. М.: ИФ РАН, 2000. 204 с.
4. Ли Голян. Преемственность в семейном бизнесе как фактор устойчивого развития общества в Китае. Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т.11. № 2. С. 214–223.
5. Шило П., Корчагина Е. Специфика семейного бизнеса в контексте организационной культуры фирмы // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 2. С. 136–137.
6. The Rise of Entrepreneurship in China [Электронный ресурс] <https://www.forbes.com/sites/tseedward/2016/04/05/the-rise-of-entrepreneurship-in-china/#41c2fc723efc> (дата обращения: 24.10.2024).
7. Reshetnikova M.S. Innovation and Entrepreneurship in China // European Research Studies Journal. Volume XXI, Issue 3, 2018, pp. 506–515.
8. Ka Ho Mok, Yue Kan. Promoting Entrepreneurship and Innovation in China: Enhancing Research and Transforming University Curriculum // Frontiers of Education in China. Volume 8, Issue 2, 2013, pp. 173–197.
9. Оганесян Т. Поднебесная растит своих чемпионов. «Маленькие гиганты» // Expert.ru. 30.05.2022. URL: <https://expert.ru/2022/05/30/podnebesnaya-rastit-svoikh-chempionov/> (дата обращения: 14.07.2022).

ISIB in China's national innovation system
Larionov A.A.

Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov
JEL classification: H87, F02, F15, F29, F40, F42, F49

The article outlines the state of Chinese small and medium entrepreneurship and examines the main areas of its government support. The relevance of this issue is due to the growth of SMEs in the global economy. Thus, in developed countries, the share of small and medium businesses is more than 50%. That is why support for these companies is necessary for the successful development of national economies. An assessment is given of the Chinese economy, which is characterized by a highly developed and key culture of family entrepreneurship for private business, which, according to experts, is not given sufficient attention in modern Russia. And in the PRC, this direction is to some extent associated with a rethinking of the Soviet experience of the 1920s – early 1930s. If in the West, most campaigns began as family projects, but subsequently became corporate, in them the role of third-party managers and investors sharply increased, then in China this process is slow.

Keywords: China, small and medium innovative business, innovative activity, modern economic science.

References

1. Avdokushin E. F., Tsoi A. V. The EAEU in the system of modern processes of international economic integration // Issues of the new economy. - 2016. No. 3 (39). P. 5-12.
2. Yip J., Greeven M., Wei V. Innovators of the Celestial Empire: How Chinese business conquers the world. Moscow, 2022. P. 74.
3. Burov V. G. China and the Chinese through the eyes of a Russian scientist. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2000. 204 p.
4. Li Guoliang. Continuity in family business as a factor in the sustainable development of society in China. Historical and socio-educational thought. 2019. Vol. 11. No. 2. P. 214-223.
5. Shilo P., Korchagina E. Specifics of Family Business in the Context of the Firm's Organizational Culture // Problems of Management Theory and Practice. 2016. No. 2. pp. 136–137.
6. The Rise of Entrepreneurship in China [Electronic resource] <https://www.forbes.com/sites/tseedward/2016/04/05/the-rise-of-entrepreneurship-in-china/#41c2fc723efc> (accessed: 10/24/2024).
7. Reshetnikova M.S. Innovation and Entrepreneurship in China // European Research Studies Journal. Volume XXI, Issue 3, 2018, pp. 506–515.
8. Ka Ho Mok, Yue Kan. Promoting Entrepreneurship and Innovation in China: Enhancing Research and Transforming University Curriculum // Frontiers of Education in China. Volume 8, Issue 2, 2013, pp. 173–197.
9. Oganesyanyan T. The Celestial Empire Raises Its Champions. "Little Giants" // Expert.ru. 30.05.2022. URL: <https://expert.ru/2022/05/30/podnebnaya-rastit-svoikh-chempionov/> (date of access: 14.07.2022).

Основные тренды развития экосистемных моделей в Boeing и Airbus в Индии в рамках международной производственно-технологической кооперации в авиационной отрасли

Раджабов Камиль Розманович

аспирант, кафедра менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности им. И.Н. Герчиковой, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Krr9319@gmail.com

Предмет. Анализ механизмов расширения участия в международной промышленной кооперации на основе экосистемного подхода в рамках реализации международных бизнес-стратегий мировых лидеров авиационной промышленности.

Задачи. Выявление основных трендов в выстраивании производственно-технологических экосистем и определение влияния «экосистемного подхода» на формирование конкурентных преимуществ на зарубежных рынках авиационной техники.

Методология. В рамках настоящего исследования применены методы контент-анализа, синтеза, статистический метод.

Результаты. Выработка долгосрочной стратегии многосторонней международной кооперации путем интеграции компаний из развивающихся стран в цепочку создания стоимости формирует условия укрепления конкурентных позиций на зарубежных рынках. В этой связи анализ концепции «экосистемы» с внутренней рыночной средой, промышленной инфраструктурой и системой институтов, на базе которых возможно развитие многостороннего производственно-технологического сотрудничества, позволяет выделить такие основные тренды, как комплексность, фокус на интеграции индийских компаний в глобальные цепочки создания стоимости и внедрения сопутствующих направлений обслуживания экосистемных проектов.

Выводы. Проведенный анализ нацелен на оценку целесообразности выработки подходов к реализации долгосрочных международных бизнес-стратегий, основанных на комплексе многосторонних интернациональных производственно-технологических кооперационных связях, обрамлённых экосистемным дизайном. Целевым ориентиром такого подхода является взаимовыгодное развитие: укрепление конкурентных позиций поставщиков в лице международных лидеров сегмента за счёт обеспечения мультипликативного экономического эффекта для страны-заказчика и интеграции ее отечественных компаний в международную кооперацию.

Ключевые слова. Стратегия, производственно-технологическое сотрудничество, экосистема, авиационная промышленность.

Введение

Изучение опыта реализации международных бизнес-стратегий компаний авиационной промышленности в лице Boeing и Airbus, которые являются мировыми лидерами сегмента, в контексте формирования экосистемных моделей производственно-технологической кооперации с компаниями из развивающихся стран – ключевых заказчиков и эксплуатантов авиационной техники указанных корпораций, позволяет проанализировать концептуальные подходы к выстраиванию механизмов укрепления конкурентных позиций на зарубежных рынках на основе комплексного долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования.

Выработка подходов к созданию организационного дизайна производственно-технологических экосистем в контексте реализации таких международных бизнес-стратегий становится современной тенденцией в управлении международным бизнесом авиапромышленных компаний в процессе осуществления ими международных операций, долгосрочных проектах и комплексных бизнес-моделях, что, в конечном счете, создает условия для повышения динамических способностей этих фирм, в том числе, путем развития трансфера технологий и локализации производств в контексте расширения участия в международном сегменте высокотехнологичного авиастроительного бизнеса в рамках производственно-технологических экосистем.

На протяжении последних лет Boeing и Airbus активно встраиваются в производственно-технологическую инфраструктуру авиационной промышленности Индии, обеспечивая себе долгосрочные конкурентные преимущества по сравнению с иными мировыми игроками на данном рынке. Таким образом, расширение производственной сети позволяет получить доступ к зарубежному рынку для сбыта продукции [1].

Модели производственно-технологической кооперации в авиационной отрасли.

Международная производственно-технологическая кооперация (далее – МПТК) в авиационной отрасли зиждется на формирующихся сетевых кооперационных связях в рамках производственных и технологических процессов на основе «международных контрактов» по изготовлению деталей, узлов, комплектующих изделий с поставщиками в соответствии с требованиями и техническими стандартами заказчика для последующей сборки конечной продукции.

Существует несколько моделей международной промышленной кооперации в авиационной отрасли, включая совместные предприятия, стратегическое партнёрство, технологические соглашения и подрядную кооперацию.

1. **Совместные предприятия** – модель МПТК, при которой создаётся новое предприятие для совместного владения и управления несколькими компаниями.

2. **Стратегические партнёрства**, включающие совместные исследования и разработки, обмен технологиями, а также совместные программы обучения и сертификации.

3. **Технологические соглашения** по обмену технологиями, лицензиями или патентами для совместного использования.

4. **Подрядная кооперация** – форма сотрудничества, при которой компании заключают контракты на поставку комплектующих или услуг для других производителей.

Также выделяют следующие формы производственного кооперирования: технологическое, детальное, предметное [2]. С учетом масштабности взаимодействия индийских компаний с исследуемыми международными лидирующими компаниями в авиационной отрасли можно констатировать, что в ходе реализации совместных проектов задействованы все формы МПТК.

Модели МПТК служат цели консолидации ресурсов, знаний и опыта для достижения совместных целей в области разработки, производства и обслуживания авиационной техники. Причем послепродажное обслуживание является важной вехой в рамках выстраивания МПТК поскольку подчинено цели оптимизации сервиса и услуг, направленных на поддержание летной годности авиатехники [3].

Укрепление конкурентных позиций международных авиастроительных компаний на текущем этапе в значительной степени зависит от степени интеграции в промышленно-экономическую модель развития отрасли страны-заказчика. Этим обусловлен растущий интерес к так называемым «экосистемным проектам».

«Экосистемный» подход Boeing и Airbus к выстраиванию международной производственно-технологической кооперации.

«Экосистемный» подход в международном бизнесе авиапромышленных компаний представляет собой стратегический подход к организации и управлению отношениями между различными участниками отрасли в целях создания взаимовыгодной и устойчивой среды для развития бизнеса. Организации формируют собственную экосистему или присоединяются к доминирующей [4]. В контексте авиапромышленности, «экосистемный» подход охватывает не только производителей самолетов, но и авиакомпания, поставщиков комплектующих, аэропорты, государственные органы, а также другие заинтересованные стороны.

Основные элементы экосистемного подхода в международном бизнесе авиапромышленных компаний включают:

1. **Взаимодействие и сотрудничество:** участники экосистемы стремятся к активному взаимодействию и сотрудничеству, чтобы обеспечить эффективное функционирование всей отрасли. Это может включать совместные исследования, разработку новых технологий, обмен опытом и ресурсами.

2. **Инновации и технологические решения:** «экосистемный» подход способствует развитию инноваций и внедрению передовых технологий в авиационной отрасли. Участники могут совместно работать над созданием новых продуктов и услуг, что способствует повышению конкурентоспособности всей отрасли.

3. **Устойчивое развитие:** «экосистемный» подход учитывает социальные, экологические и экономические аспекты развития бизнеса в авиапромышленности. Участники стремятся к созданию устойчивых и ответственных бизнес-моделей, которые учитывают интересы всех заинтересованных сторон.

4. **Гибкость и адаптивность:** «экосистемный» подход позволяет участникам быстро реагировать на изменяющиеся условия рынка и адаптироваться к новым вызовам. Гибкость и адаптивность помогают компаниям эффективно управлять изменениями и оставаться конкурентоспособными.

На наш взгляд, концептуальные различия в подходах Boeing и Airbus к выстраиванию бизнес-экосистем в Индии проявляются в следующем:

1. Boeing концентрируется на развитии партнерских отношений с крупными индийскими компаниями и государственными структурами, в то время как Airbus может акцентировать внимание на инновационных стартапах и малом бизнесе.

2. Boeing предпочитает более традиционные модели сотрудничества, такие как совместное производство комплектующих (т.е. на предметной и предметной кооперации), в то время как Airbus более открыт к цифровым технологиям и цифровым платформам для обмена знаниями и опытом (т.е. акцентируя сотрудничество на технологической кооперации).

В целом, как Boeing, так и Airbus стремятся к созданию устойчивых и взаимовыгодных экосистем в Индии, однако их подходы различны.

Влияние «экосистемного подхода» на формирование конкурентных преимуществ на зарубежных рынках авиационной техники.

Формирование экосистемных проектов авиапромышленных компаний в последние годы протекает в фарватере нижеперечисленных трендов:

- Комплексность и широкий охват сфер участия кооперантов по экосистеме (от крупноузловой сборки авиационной техники до обучения пилотов, цифровых сервисов и строительства аэропортов).

- Вовлечение партнёров из числа компаний страны-заказчика в международную производственно-технологическую кооперацию и глобальные цепочки создания стоимости (как правило на уровне низких переделов).

- Внедрение механизмов информационного и методического сопровождения совместных программ.

▪ **Активная государственная поддержка:** административная, финансовая и нормативно-правовая (например, в области смягчения режимов инвестирования для зарубежных инвесторов).

Активно развивают свои бизнес-экосистемы Airbus и Boeing в одном из ключевых регионов – в Индии. Airbus широко вовлекает в свою производственно-технологическую кооперацию индийских партнеров, включая процессы производства, технического обслуживания, обучения и разработки АТ. Одним из ключевых проектов Airbus в Индии является сотрудничество с индийской компанией Tata Advanced Systems для производства крыльев для своих самолетов A320. Согласно данным Airbus, они также оценивают возможность создания центра обслуживания и обучения в Индии.

С другой стороны, Boeing также активно развивает свою бизнес-экосистему в Индии. Они имеют партнёрство с индийской компанией Hindustan Aeronautics Limited (HAL) для производства структурных компонентов для своих самолетов, а также сотрудничают с индийскими компаниями в области инжиниринга и технического обслуживания.

Для сравнения бизнес-экосистем Airbus и Boeing в Индии можно рассмотреть следующие ключевые показатели:

1. **Инвестиции:** согласно отчёту KPMG «India's Aerospace and Defence Industry» [5], Airbus планирует инвестировать около 2 миллиардов евро в Индию на протяжении ближайших десяти лет, в то время как Boeing также планирует увеличить свои инвестиции в страну.

2. **Создание рабочих мест и обучение кадров:** обе компании активно работают над программами обучения и развития кадров в Индии. Например, Airbus открыл свой первый инжиниринговый центр за пределами Европы в Бангалоре, а Boeing запустил программу «Boeing India Engineering and Technology Center» для разработки передовых технологий в стране.

3. **Производство:** Airbus и Boeing оба имеют совместные производственные программы с индийскими компаниями. Например, Airbus уже начал производство крыльев для A320 в Индии, а Boeing планирует расширить свое производство в стране. Оценка внедрения экосистемных проектов Boeing и Airbus позволяет сделать вывод о наличии мультипликативного экономического эффекта: объем инвестиций в авиапромышленный сектор со стороны указанных корпораций составил \$1,7-2 млрд., за последние несколько создано около 4 000 и 10 000 рабочих мест соответственно, а участие индийских поставщиков, интегрированных в производственно-технологические экосистемы, оценивается примерно в \$750-1000 млн. При этом в перспективе на базе крупнейших промышленных компаний Индии HAL, Tata, Adani и др. в рамках программы Make in India ожидается достижение более 50% уровня локализации производств авиатехники и компонентов. Оценивая макроэкономические тренды влияния «экосистемного» подхода к выстраиванию зарубежных бизнес-моделей, отметим характерные преимущества и недостатки:

Таблица 1

Преимущества и недостатки «экосистемного» подхода.

	Преимущества	Недостатки
Для компании-экспортёра	<ul style="list-style-type: none"> - Укрепление конкурентных позиций на рынке страны-заказчика путём создания эффекта промышленно-технологического роста. - Локализация низких переделов производства и разработки продукции. 	<ul style="list-style-type: none"> - Масштабные инвестиции в зарубежную экономику. - Проблема поддержки изначального уровня организации и контроля качества локализованных бизнес-процессов. - Проблема утечки результатов интеллектуальной деятельности и копирования технологий. - Снижение количества рабочих мест на отечественной территории.
Для страны-заказчика	<ul style="list-style-type: none"> - Создание рабочих мест. - Привлечение зарубежных инвестиций в отрасль экономики. - Развитие промышленно-технологического задела. - Ускорение и оптимизация бизнес-процессов за счёт переноса производств и технологий в страну заказчика. - Выстраивание инфраструктуры взаимодействия с поставщиками с предприятиями МСБ. - Расширение участия индийских компаний в глобальных цепочках создания стоимости. 	<ul style="list-style-type: none"> - Фокус инфраструктуры на экосистеме поставщика и его продукте. - Утечка кадров из отечественных компаний в международные. - Усиление конкуренции со стороны иностранных компаний. - Увеличение зависимости индийских компаний от иностранных кооперантов. - Сохранение ключевых компетенций за разработчиком/поставщиком.

Источник: авторская разработка.

Оценивая опыт формирования сетевых связей Boeing и Airbus в Индии, обратимся к таблице 2, приведённой ниже. Из таблицы видно, что каждая из двух компаний активно сотрудничает с индийскими партнёрами по всему спектру моделей международной промышленной кооперации, рассмотренном в п. 1 настоящего исследования.

Таблица 2

Направления развития производственно-технологической кооперации в авиастроении: опыт Boeing и Airbus в Индии.

№	Направление	Опыт Boeing и Airbus
1	Аутсорсинг	Перевод 2 000 сотрудников Boeing в штат Tata Consulting Services, предоставляющей услуги по консалтингу, в т.ч. под эгидой компании в Индии.[6]
2	Подрядная кооперация	06.11.2023 Airbus заключил партнёрское соглашение с индийскими компаниями Mahindra Aerospace, Aequs, Dynamic и Gardner на поставку компонентов фюзеляжа и крыла для самолётов A320neo, A330neo и A350.

3	Локализация производств	Ранее Airbus реализовал проект по локализации производства дверей грузовых отсеков самолётов A320neo на мощностях Tata Advanced Systems [7].
4	Трансфер научных разработок и технологий	Boeing India Engineering & Technology Center со штатом в 4000 сотрудников (3000 из которых инженеры) в городах Бангалор и Ченнай выполняет сложные передовые работы в области разработок в аэрокосмической отрасли. Boeing инвестировал более \$200 млн. в указанный проект, что стало крупнейшей инвестицией за пределами США.
5	Создание сервисной инфраструктуры	13.02.2023 Boeing анонсировал запуск GSC – глобального сервисного центра, предоставляющего услуги по повышению эффективности эксплуатации авиатехники [8]. 23.06.2023 Boeing анонсировал программу стоимостью \$100 млн. по созданию инфраструктуры для обучения пилотов в Индии [9].

Оценивая политику Boeing с точки зрения привлечения субконтракторов из других стран, можно отметить опыт передачи производства изоляционных материалов для моделей 737 и 757 в Мексику. Данное решение обеспечило корпорации ежегодную экономию в размере 50 млн. долл. США.[10] Одновременно американская компания активно привлекала к взаимодействию японских инженеров компаний Mitsubishi, Kawasaki и Fuji (занимаются проектированием 20% фюзеляжа модели 777), в том числе с целью укрепления конкурентных позиций в качестве поставщика коммерческих лайнеров японских авиалиний в лице Japan Airline и All Nipon Airways.[11]

Заключение

Укрепление конкурентных позиций компаний авиационной промышленности на мировом рынке предполагает расширение их участия в МПТК в стратегической перспективе. В условиях внутренних структурных преобразований и глобальных трендов растет потребность в поиске новых решений для повышения эффективности кооперационного взаимодействия на широком спектре направлений. Важным фактором активизации производственно-кооперационных связей является реализация организационно-экономического механизма комплексного производственно-технологического сотрудничества.

В исследовании выявлены основные тренды и ключевые результаты реализации долгосрочных стратегий многосторонней международной кооперации Boeing и Airbus путем привлечения партнёров из развивающихся стран закладывает.

Анализ концепции «экосистемы» с внутренней рыночной средой, промышленной инфраструктурой и системой институтов, на основе которой развивается многостороннее производственно-технологическое сотрудничество, позволяет выделить такие основные тренды, как комплексность, фокус на интеграции индийских компаний в ГЦСС, активизация участия со стороны государства и внедрения сопутствующих направлений обслуживания экосистемных проектов.

Таким образом, стратегический подход на выстраивание международной производственной кооперации в рамках комплексного подхода посредством экосистем является современным трендом в международных бизнес-стратегиях крупнейших компаний авиационной промышленности.

Литература

1. *Кашбразиев Р.В.* О целях международной производственной кооперации // ВЭПС. 2015. №4. с. 39–42. С. 39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otselyah-mezhdunarodnoy-proizvodstvennoy-kooperatsii> (дата обращения: 01.07.2024).
2. *Яковлев Г.И.* Развитие международной производственной кооперации и предпринимательство в условиях цифровой экономики // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Сельскохозяйственные науки. Экономические науки». 2020. №2 (22). с. 253–260. С. 256. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiemezhdunarodnoy-proizvodstvennoy-kooperatsii-i-predprinimatelstvo-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 01.12.2024).
3. *Кидун Е.С.* Особенности международной фрагментации производства в компании Boeing // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2022. Т. 30. №4. с. 548–561. С. 554. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-mezhdunarodnoy-fragmentatsii-proizvodstva-v-kompanii-boeing> (дата обращения: 03.09.2024).
4. Каталевский Д. Новые управленческие подходы для предотвращения краха сложных социально-экономических систем // Форсайт. 2023. №3. с. 56–67. С. 60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-upravlencheskie-podhody-dlya-predotvrascheniya-kraha-slozhnyh-sotsialnoekonomicheskikh-sistem> (дата обращения: 20.10.2024).
5. Aerospace and Defence - KPMG India. - URL: <https://kpmg.com/in/en/home/industries/aerospace-and-defence.html> (дата обращения: 17.02.2024).
6. Boeing to slash 2,000 jobs, outsource some roles to India. - URL: <https://www.aerotime.aero/articles/boeing-to-slash-2000-jobs-outsource-some-roles-to-india#:~:text=About%20a%20third%20of%20the,located%20outside%20the%20United%20States.> (дата обращения: 17.02.2024). - Текст: электронный.
7. Airbus boosts 'Make in India', signs component making contracts with Mahindra Aerospace. - URL: <https://www.livemint.com/news/airbus-boosts-make-in-india-signs-component-making-contracts-with-mahindra-aerospace-3-others-11699269653278.html> (дата обращения: 17.02.2024). - Текст: электронный.
8. Boeing launches its first Global Support Center in India, also announces investment in new logistics center. - URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/boeing-launches-its-first-global-support-center-in-india-also-announces-investment-in-new-logistics-center/articleshow/97886022.cms?from=mdr> (дата обращения: 17.02.2024).
9. Boeing to invest \$100 mln in infrastructure, pilot training in India. - URL:

<https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/boeing-invest-100-mln-infrastructure-pilot-training-india-2023-06-23/> (дата обращения: 15.02.2024).

10. The trillion-dollar enterprise: How the Alliance Revolution Will Transform Global Business/ Friedheim C. – Basic Books, 1999, 272 pg. Pgs. 60-66.

11. International Business. Competing in the Global Marketplace, 3rd ed. / Hill C. – Boston: Irwin – McGraw-Hill, 2000, p. 517.

Boeing and Airbus main ecosystem trends in India within the framework of international production and technological cooperation in the aviation industry.

Radzhabov K.R.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

JEL classification: H87, F02, F15, F29, F40, F42, F49

Subject. Analysis of mechanisms for expanding participation in international industrial cooperation based on an ecosystem approach as part of the implementation of international business strategies of world aviation industry leaders.

Tasks. Identification of the main trends in the development of industrial and technological ecosystems and determination of the impact of the "ecosystem approach" on the formation of competitive advantages in foreign aviation markets.

Methodology. Within the framework of this study, the methods of content analysis, synthesis, and statistical method are applied.

Results. The development of a long-term strategy for multilateral international cooperation by integrating companies from developing countries into the value chain creates conditions for strengthening competitive positions in foreign markets. In this regard, the analysis of the concept of an "ecosystem" with an internal market environment, industrial infrastructure and a system of institutions on the basis of which the development of multilateral industrial and technological cooperation is possible allows us to identify such main trends as complexity, focus on the integration of Indian companies into global value chains and the introduction of related areas of ecosystem projects.

Conclusions. The analysis is aimed at assessing the feasibility of developing approaches to the implementation of long-term international business strategies based on a complex of multilateral international industrial and technological cooperation relations framed by ecosystem design. The target of this approach is mutually beneficial development: strengthening the competitive positions of suppliers represented by international segment leaders by providing a multiplicative economic effect for the customer country and integrating its domestic companies into international cooperation.

Keywords: Strategy, industrial and technological cooperation, ecosystem, aviation industry.

References

1. *Kashbraziev R.V.* On the goals of international industrial cooperation // VEPS. 2015. No.4. pp. 39-42. p. 39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-tselyah-mezhdunarodnoy-proizvodstvennoy-kooperatsii> (date of access: 01.07.2024).
2. *Yakovlev G.I.* Development of international industrial cooperation and entrepreneurship in the digital economy // Bulletin of the Mari State University. The series "Agricultural sciences. Economic Sciences". 2020. No.2 (22). pp. 253-260. p. 256. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-mezhdunarodnoy-proizvodstvennoy-kooperatsii-i-predprinimatelstvo-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki> (date of access: 01.12.2024).
3. *Kidun E.S.* Features of international fragmentation of production at Boeing // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series: Economics. 2022. Vol. 30. No.4. pp. 548-561. p. 554. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-mezhdunarodnoy-fragmentatsii-proizvodstva-v-kompanii-boeing> (date of access: 03.09.2024).
4. *Katalevsky D.* New management approaches to prevent the collapse of complex socio-economic systems // Foresight. 2023. No.3. pp. 56-67. pp. 60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-upravlencheskie-podhody-dlya-predotvrascheniya-kraha-slozhnyh-sotsialnoekonomicheskikh-sistem> (date of access: 20.10.2024).
5. Aerospace and Defence - KPMG India. URL: <https://kpmg.com/in/en/home/industries/aerospace-and-defence.html> (date of access: 17.02.2024).
6. Boeing to slash 2,000 jobs, outsource some roles to India. URL: <https://www.aerotime.aero/articles/boeing-to-slash-2000-jobs-outsource-some-roles-to-india#:~:text=About%20a%20third%20of%20the,located%20outside%20the%20United%20States.> (date of access: 17.02.2024).
7. Airbus boosts 'Make in India', signs component making contracts with Mahindra Aerospace. URL: <https://www.livemint.com/news/airbus-boosts-make-in-india-signs-component-making-contracts-with-mahindra-aerospace-3-others-11699269653278.html> (date of access: 17.02.2024).
8. Boeing launches its first Global Support Center in India, also announces investment in new logistics center. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/boeing-launches-its-first-global-support-center-in-india-also-announces-investment-in-new-logistics-center/articleshow/97886022.cms?from=mdr> (date of access: 17.02.2024).
9. Boeing to invest \$100 mln in infrastructure, pilot training in India. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/boeing-invest-100-mln-infrastructure-pilot-training-india-2023-06-23/> (date of access: 15.02.2024).
10. The trillion-dollar enterprise: How the Alliance Revolution Will Transform Global Business/ Friedheim C. – Basic Books, 1999, 272 pg. Pgs. 60-66.
11. International Business. Competing in the Global Marketplace, 3rd ed. / Hill C. – Boston: Irwin – McGraw-Hill, 2000, p. 517.

Потенциал креативного кластера в стратегическом векторе развития бренда региона

Клименко Виктор Александрович

канд. техн. наук, дир. Сибирского центра промышленного дизайна и прототипирования, Национальный исследовательский Томский государственный университет, klimenko@siberia.design

Чудинова Екатерина Александровна

зам. дир. Сибирского центра промышленного дизайна и прототипирования, Национальный исследовательский Томский государственный университет, catherine.chudinova@gmail.com

Банникова Татьяна Игоревна

канд. пед. наук, мл. науч. сотр. Сибирского центра промышленного дизайна и прототипирования, Национальный исследовательский Томский государственный университет, tanya-b1@yandex.ru

В статье представлены подходы к определению категории «креативный кластер». Описаны критерии успешности творческого кластера. Обозначена роль креативных кластеров в формировании бренда региона и описан характер взаимосвязи между креативным кластером и брендом территории. Сделан вывод о том, что креативный кластер может обладать потенциалом в плане усиления бренда региона. Отмечается, что в российских регионах туристический и брендинговый потенциал креативных кластеров все еще не раскрыт. Раскрыта специфика продвижения бренда территории Томска и Томской области. Представлена роль кластера «Пенаты» в формировании бренда региона. Перечислены особенности, преимущества и функции кластера.

Ключевые слова: кластер, креативный кластер, «пенаты», Томск, Томская область, бренд региона

Креативный кластер – многоаспектная, междисциплинарная, сложная категория, которая в последнее время получила стремительное развитие; научному анализу подвергается ее содержание, функции и место в экономическом развитии государства. При этом единства мнений в вопросе определения креативного кластера пока не наблюдается. Кроме того, в отечественной науке накоплено недостаточное количество исследований, посвященных анализу существующего опыта развития креативных кластеров с точки зрения брендинга территорий.

Сущность и функции креативных кластеров. Достаточно емкое и лаконичное определение понятия «креативный кластер» представлено, на наш взгляд, в публикации А. С. Федоренко: автор определяет креативный кластер как «объединение однородных элементов, на основе креативных индустрий, находящихся во взаимосвязи друг с другом, связь которых обеспечивается географическими и функциональными взаимодействиями» [11, с. 1329].

Е. Р. Хакимова, в свою очередь, представляет следующие признаки креативного кластера: (1) разнородный состав участников, в т. ч. некоммерческие предприятия, учреждения культуры, центры искусства, научные и медиа-центры; (2) место, где креативные продукты не только производятся, но и потребляются – это отличает креативный кластер от кластера промышленного; (3) базовый ресурс для участников креативного кластера – информация и знания [12, с. 123].

А. А. Юхина указывает: к современному этапу понятие «креативный кластер» обрело множество смыслов: кластером называют совокупность творческих рабочих мест, расположенных на одной локации, творческие городские кварталы или даже виртуальные сообщества, объединяющие представителей творческих профессий [13, с. 230].

Н. В. Карпова с соавт. предлагает определять креативный кластер следующим образом: локально ограниченные пространства, являющиеся зонами концентрации развития креативных индустрий и катализаторами процесса городского развития. С макроэкономической позиции авторы определяют данную категорию как пространство, объединяющее функционирующие в рамках креативных индустрий компании и предпринимателей «с целью обеспечения возможности их свободной коммуникации между собой, генерирования новых идей и создания креативной продукции» [3, с. 15].

По мнению Т. Н. Григоренко, ключевым отличием кластера от иных типов арт-пространств выступает то, что креативный кластер мультифункционален.

Речь идет о том, что деятельность профильных резидентов кластера имеет различную специализацию: мастерские, образовательные услуги, картинная галерея, офисы, фото-студии и т.п. Кроме того, в креативных кластерах функционируют и непрофильные резиденты: компании и лица, которые обеспечивают вспомогательную инфраструктуру для резидентов кластера и его посетителей (к примеру, заведения общественного питания) [2, с. 111].

А. С. Федоренко пишет о том, что креативным кластером может считаться такая форма взаимодействия представителей творческой и смежных индустрий, которая соответствует следующим критериям: (1) территориальный критерий и критерий доступности – кластер должен располагаться на такой локации, которая вызывает интерес со стороны потенциального потребителя и является удобно расположенной (в данной связи многие креативные кластеры размещаются на территории старых промышленных предприятий, в зданиях с яркой и заметной архитектурой); (2) критерий брендинга кластера – креативный кластер должен являть собой не просто совокупность брендов компаний, входящих в него, но и сам по себе обладать собственным мощным брендом [11, с. 1334]. В данной связи многие кластеры имеют свои логотип, бренд, айдентику, и часто все эти идентифицирующие элементы связаны с той территорией, на которой располагается кластер.

Роль креативных кластеров в формировании бренда региона. Вышеперечисленные критерии позволяют получить представление о тесной взаимосвязи креативного кластера с территорией и с ее брендом и, соответственно, с категорией «бренд территории». Следовательно, можно предположить: креативный кластер есть, с одной стороны, продукт и результат брендинга территории, а с другой – он сам по себе служит инструментом и средством повышения узнаваемости бренда территории.

Следует согласиться с Е. С. Петренко с соавт. в том, что сегодня «каждая территориальная единица пытается предложить наиболее привлекательный продукт в виде внутренних условий для проживания, осуществления предпринимательской деятельности и отдыха» [8, с. 446]. Территория в подобном контексте может рассматриваться как уникальный товар, обладающий уникальными свойствами, которые могут удовлетворять или не удовлетворять потребности целевых аудиторий [7, с. 104].

Т. А. Атаева говорит о том, что брендинг территорий имеет важнейшее прикладное значение: положительный имидж региона и хорошая репутация – все это способно раскрыть туристический, рекреационный потенциал региона [1, с. 24]. Мы, кроме того, отметим, что мощный бренд территории способен повлиять на привлечение инвестиций, нейтрализовать демографические риски (эмиграция в другие регионы), повысить предпринимательскую инициативу местных жителей, обеспечить таким образом макроэкономический рост.

В брендинге территорий используются различные методы, средства и каналы. Так, к примеру, многие бренды регионов формируются на основе знаковых архитектурных достопримечательностей, особенностей местной бытовой, обрядовой культуры, вокруг праздников, на основе визуальных символов города, природных особенностей, исторического «бэкграунда», легендарных личностей.

Осознание того, что креативный кластер может обладать потенциалом в плане усиления бренда региона, пришло к исследователям-теоретикам и практикующим специалистам относительно недавно. Одним из первых, кто обозначил важность творческой среды в формировании и развитии бренда территории, стал Ч. Лэндри (речь идет об издании «The Creative City» от 2011 г. [6]). По мнению автора, государство должно прилагать усилия на оказание поддержки культурных и креативных индустрий, объединяя в рамках города и региона творческие структуры и отдельных людей с целью формирования экономически и социально благополучной городской среды. Такая среда получила наименование «творческий город». Концепция творческого города основывается на использовании креативности и искусства как нетрадиционных типов ресурсов брендинга [10, с. 95]. Ю. А. Смольченко говорит о том, что формулировка «творческий город» ассоциируется в сознании общественности с понятиями современности, яркости, занимательности и гостеприимства [10, с. 97].

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что креативный кластер как совокупность творческих структур, лиц, объединений может выступить одним из «триггеров», активизирующих творческий аспект в представлении о бренде города или местности.

Важным преимуществом креативных кластеров с точки зрения брендинга территории является то, что кластеры преобразуют те регионы, кварталы, которые традиционно являются «неуристическими» – заброшенные здания, пустующие промышленные помещения, спальные районы. Таким образом, территории, которые изначально являют собой «слабое» место с точки зрения территориального брендинга, кластер трансформирует в популярные, модные локации. Таким образом, творческие кластеры не только оказывают существенное влияние на развитие городского творчества, но «способствуют регенерации близлежащих территорий» [10, с. 101], повышая их визуальную привлекательность.

Т. Н. Григоренко указывает: в России туризм стал открытым, демократичным, самостоятельным. Следовательно, одним из показателей качественной городской среды выступает ее доступность – наличие логистики и условий, позволяющих ориентироваться в городе, а также возможность удовлетворять свои нужды в пределах компактного пространства [2, с. 111]. Креативный кластер, обладающий основной и вспомогательной инфраструктурой и предлагающий профильные (креативные) и непрофильные услуги, становится «самодостаточным»

местом, городом внутри города. Именно это обуславливает преимущества кластеров в продвижении бренда территорий.

Отечественный опыт брендинга региона посредством креативных индустрий: Томск и Томская область. Сегодня в России зарегистрировано более 80 проектов, имеющих статус креативного кластера. В большинстве случаев креативные кластеры сосредоточены в крупнейших городах – Москве и Санкт-Петербурге [2, с. 111]. Существенным недостатком текущей практики развития и продвижения креативных кластеров является малая представленность данной формы кооперации представителей творческих индустрий в регионах страны. Безусловно, в российских регионах туристический и брендинговый потенциал креативного кластера все еще не раскрыт. Несмотря на это, попытки по формированию бренда региона и города в России, в т.ч. посредством акцента на креативные индустрии, уже ведутся.

Так, в частности, Т. А. Кулеш приводит в пример Томскую область, где «имиджевая и культурная политика региона имеет глубокие исторические корни». В продвижении бренда территории актуализируются уникальные черты Томска и Томской области: этническое разнообразие, сочетание природных, производственных и интеллектуальных ресурсов. Властными ведомствами Томска предпринимаются попытки создания имиджа «самого умного города в стране» [5, с. 63].

Для продвижения брендов Томска и Томской области было инициировано несколько проектов (т.н. «Золотые проекты Томской области»). Ряд проектов ориентирован на продвижение бренда Томска («Томск – город форум», «Инновационные университеты Томска», «Фабрика интеллекта», «Деревянное зодчество Томска», «Центр ядерной медицины»), тогда как другие – на продвижение области («Правобережье», «Томские недра», «Томский лес», «Томская область – территория транзита», «Строительство Северной АЭС») [5, с. 65].

Бренды Томска и Томской области опираются на такие опорные ценности, как архитектура; зодчество; «город студентов»; на представлении о т.н. «Сибирских Афинах»; на деревянное зодчество, на достижения местных спортивных команд и продукцию местных производителей [9, с. 94]. Ключевыми инициаторами и исполнителями мероприятий по формированию бренда региона выступают областной и городской департаменты по молодежной политике, физической культуры и спорту. Существуют, тем не менее, и другие важные акторы культурной политики, деятельность которых, к сожалению, иногда игнорируется в официальных политиках брендинга.

Речь идет о представителях креативных индустрий, креативных пространствах, представителях творческих профессий. На данный момент на рассматриваемой нами территории функционируют такие креативные пространства, как: «Академия Фотографии» (фотошокола и лекторий), «Виртуозы» (пространство музыки, театра и кинематографа), арт-

пространство Zalisha, «Биосфера» (эко-клуб), «Горсад» (уличное пространство), «Зеленая улица» (коворкинг и event-пространство), «Инженерный дворик ТПУ» (Уличное креативное пространство), «Особняк» (центр иммерсивного искусства), «Первый музей славянской мифологии» (мастерская, конференц-зал и уличное пространство) и проч. Несмотря на то, что полноценными креативными кластерами эти пространства считать пока нельзя, на их примере уже можно отметить тенденцию к объединению (т.н. кластеризации) резидентов, занятых в различных креативных сферах и взаимодействующих между собой. Можно сказать, что в некотором роде эти пространства уже играют свою роль в брендинге г. Томск и Томской области.

На данный момент статусом и функционалом креативного кластера обладает, пожалуй, лишь кластер «Пенаты». Данный кластер представляет собой культурное пространство, резиденцию нескольких креативных студий, где организуются мастерские и коворкинг; кроме того, кластер включает в себя библиотеку, место для реализации культурных проектов и проведения крупных событий, фотостудию и выставочную площадку. Кластер «Пенаты» локализуется в историческом здании усадьбы купца Родюкова; общая площадь кластера составляет 4500 м². Среди постоянных профильных резидентов кластера следует назвать: Сибирскую школу бариста, декор-мастерскую, керамическое пространство, швейный цех лаборатории моды и стиля, лабораторию аддитивных технологий и промышленного дизайна [4].

По официальным данным, деятельность кластера реализуется в пяти основных направлениях: (1) креативное предпринимательство: кластер предоставляет возможности для творческого предпринимательства, поддержки креативных команд и стартапов; (2) образование: кластер располагает оборудованными учебными классами, лекционным залом и библиотекой; (3) event: в рамках и на базе кластера организуются культурные мероприятия различного формата; (4) общественное пространство – кластер, помимо прочего, выступает местом для свободного общения и отдыха посетителей; (5) креативное производство: кластер располагает помещениями и оборудованием – мастерские, столярный цех, покрасочный цех, лаборатория 3D-печати и проч.

Кластер «Пенаты» в Томске может выполнять двойную функцию: с одной стороны, он функционирует в качестве инструмента для укрепления идентичности территории среди внутренней аудитории (местных жителей), а с другой – выступает платформой для привлечения внешней аудитории (туристов). Креативный кластер способен стать уникальным туристическим продуктом, способный выделить Томск среди других городов Сибири и России в целом. Уже сегодня можно заметить, что предложения кластера ориентированы на уникальные особенности Томска и Томской области (деревянная архитектура, университетская культура, научные традиции, искусство коренных народностей и проч.).

Среди преимуществ кластера выделим следующие. Во-первых, кластер обладает собственной узнаваемой айдентикой (Рис. 1):

Рисунок 1 – Айдентика креативного кластера «Пенаты»
Примечание: источник – аккаунты кластера в социальных сетях

Во-вторых, брендинг и позиционирование кластера опирается на основные, «опорные» ассоциации, возникающие у жителей региона и туристов при упоминании Томка и Томской области: деревянное зодчество, русская культура и искусство, университеты и образование, этническое разнообразие и др.

В-третьих, креативный кластер ведет свою деятельность по многим направлениям и, таким образом, способен предоставить внешней и внутренней аудитории множество разнотипных культурных продуктов. Все это, наряду с развитой инфраструктурой кластера, делает его одной из «точек притяжения» на карте региона.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

– Кластер можно определить как объединение представителей и компаний креативных индустрий, находящихся во взаимосвязи друг с другом посредством функционального взаимодействия и за счет единой локации.

– Креативный кластер – не просто совокупность брендов компаний, входящих в него, но и сам по себе бренд, оказывающий влияние на позиционирование территории. Креативный кластер есть, с одной стороны, продукт, результат брендинга территории, а с другой – он сам по себе служит инструментом и средством повышения узнаваемости бренда территории.

– Креативный кластер также может обладать потенциалом в плане усиления бренда региона: будучи совокупностью творческих структур, лиц, объединений, кластер может выступить одним из «триггеров», активизирующих творческий аспект в представлении о бренде города или местности.

– Сегодня в России зарегистрировано более 80 проектов, имеющих статус креативного кластера.

В большинстве случаев креативные кластеры сосредоточены в крупнейших городах.

– В продвижении бренда г. Томска и Томской области актуализируются уникальные черты территории: этническое разнообразие, сочетание природных, производственных и интеллектуальных ресурсов. Важную роль в формировании и продвижении бренда региона играет креативный кластер «Пенаты». Данный кластер представляет собой культурное пространство, резиденцию нескольких креативных студий, где организуются мастерские и коворкинг; кроме того, кластер включает в себя библиотеку, место культурных проектов и крупных событий, фотостудию и выставочную площадку.

– Кластер «Пенаты» в Томске выполняет две основные функции: выступает инструментом для укрепления идентичности территории среди внутренней аудитории (местных жителей), а также играет роль платформы для привлечения внешней аудитории (туристов). Среди преимуществ кластера можно отметить: разнообразие направлений деятельности, «встраиваемых» в позиционирование региона и не вступающих в противоречие с его брендом; узнаваемая айдентика.

Литература

1. Атаева, Т. А. Территориальный бренд как основа повышения популярности региона / Т. А. Атаева // УЭПС. – 2022. – №2. – С. 23-26.
2. Григоренко, Т. Н. Роль креативных пространств в формировании туристской привлекательности территории (на примере г. Ростова-на-Дону) / Т. Н. Григоренко // Сервис в России и за рубежом. – 2023. – №5 (107). – С. 105-115.
3. Карпова, Н. В. Креативные кластеры как инновационный инструмент обеспечения городского развития / Н. В. Карпова, В. Л. Меленкин // Экономика и экология территориальных образований. – 2021. – №4. – С. 12-18.
4. Креативный кластер «Пенаты». [Электронный ресурс]: <https://proprostranstva.ru/spaces/kreativnyj-klaster-penaty/> (дата обращения: 20.11.2024).
5. Кулеш, Е. А. Множественность идентичностей в Томской области / Е. А. Кулеш // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2011. – №5. – С. 62-74.
6. Лэндри, Ч. Креативный город / Ч. Лэндри. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2011. – 399 с.
7. Назарова, Э. А. Роль бренда в формировании маркетингового потенциала региона / Э. А. Назарова // Инновации и инвестиции. – 2023. – №3. – С. 104-106.
8. Петренко, Е. С. Маркетинговый анализ потенциала креативных индустрий городской среды / Е. С. Петренко, А. А. Королева // КЭ. – 2017. – №4. – С. 445-456.
9. Скрипник, А. В. Маркетинговые и культурологические составляющие имиджа города (на материале г. Томска и Иркутска) / А. В. Скрипник, Д. Д. Корнилова // Вестник Томского государственного

университета. Философия. Социология. Политология. – 2016. – №3 (35). – С. 91-98.

10. Смольченко, Ю. А. «Креативный город»: технологии имиджирования г. Барнаула / Ю. А. Смольченко // PRRIMRA. – 2011. – №9. – С. 95-101.

11. Федоренко, А. С. Креативный кластер в крупном городе / А. С. Федоренко // Вестник науки. – 2024. – №11 (80). – С. 1329-1337.

12. Хакимова, Е. Р. Креативный кластер как элемент креативного потенциала территории / Е. Р. Хакимова // Актуальные вопросы экономических наук. – 2013. – №34. – С. 121-124.

13. Юхина, А. А. Концептуальные основы креативного кластера / А. А. Юхина // Научные исследования и инновации. – 2021. – №10. – С. 229-234.

Potential of a creative cluster in strategic development of a regional brand
Klimenko V.A., Chudinova E.A., Bannikova T.I.

National Research Tomsk State University

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The article presents scientific approaches to defining the category of creative cluster. The criteria for the success of a creative cluster are described. The role of creative clusters in forming a regional brand is outlined and the nature of the relationship between the creative cluster and the territorial brand is described. It is concluded that a creative cluster may have potential in terms of strengthening a regional brand. It is noted that in Russian regions the tourism and branding potential of a creative cluster has not yet been revealed. The specifics of promoting the brand of the territory of Tomsk and Tomsk region are revealed. The role of the "Penates" cluster in forming the regional brand is presented. The features, advantages and functions of the cluster are listed.

Keywords: cluster, creative cluster, "penates", Tomsk, Tomsk region, regional brand

References

1. Atayeva, T. A. Territorial brand as a basis for increasing the popularity of a region / T. A. Atayeva // UEPS. - 2022. - No. 2. - P. 23-26.
2. Grigorenko, T. N. The role of creative spaces in shaping the tourist attractiveness of a territory (on the example of Rostov-on-Don) / T. N. Grigorenko // Service in Russia and abroad. - 2023. - No. 5 (107). - P. 105-115.
3. Karpova, N. V. Creative clusters as an innovative tool for ensuring urban development / N. V. Karpova, V. L. Melenkin // Economy and ecology of territorial entities. - 2021. - No. 4. - P. 12-18.
4. Creative cluster "Penates". [Electronic resource]: <https://proprostranstva.ru/spaces/kreativnyj-klaster-penaty/> (date accessed: 20.11.2024).
5. Kulesh, E. A. Plurality of identities in the Tomsk region / E. A. Kulesh // Bulletin of Perm University. Series: Political Science. - 2011. - No. S. - P. 62-74.
6. Landry, C. Creative city / C. Landry. - M.: Publishing house "Classic-XXI", 2011. - 399 p.
7. Nazarova, E. A. The role of the brand in shaping the marketing potential of the region / E. A. Nazarova // Innovations and investments. - 2023. - No. 3. - P. 104-106.
8. Petrenko, E. S. Marketing analysis of the potential of creative industries of the urban environment / E. S. Petrenko, A. A. Koroleva // KE. - 2017. - No. 4. - P. 445-456.
9. Skripnik, A. V. Marketing and cultural components of the city image (based on the cities of Tomsk and Irkutsk) / A. V. Skripnik, D. D. Kornilova // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. - 2016. - No. 3 (35). - P. 91-98.
10. Smolchenko, Yu. A. "Creative City": imaging technologies of Barnaul / Yu. A. Smolchenko // PRRIMRA. - 2011. - No. 9. - P. 95-101.
11. Fedorenko, A. S. Creative cluster in a large city / A. S. Fedorenko // Bulletin of science. - 2024. - No. 11 (80). - P. 1329-1337.
12. Khakimova, E. R. Creative cluster as an element of the creative potential of the territory / E. R. Khakimova // Actual issues of economic sciences. - 2013. - No. 34. - P. 121-124.
13. Yukhina, A. A. Conceptual foundations of the creative cluster / A. A. Yukhina // Scientific research and innovation. - 2021. - No. 10. - P. 229-234.

Управление закупками в целях устойчивого развития деятельности предприятия в контексте ESG

Ваславская Ирина Юрьевна

доктор экономических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, vaslavskaya@yandex.ru

Ваславский Ян Ильич

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политической теории, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, vaslavsky@yandex.ru

Папельнюк Оксана Васильевна

Кандидат экономических наук, доцент, Научный исследовательский центр Курчатowski институт, PaPelnyuk_ov@nrcki.ru

Куриков Владимир Михайлович

доктор экономических наук, профессор, Югорский государственный университет, kurikov.v.m@yandex.ru

Ильин Алексей Евгеньевич

доктор экономических наук, профессор, директор Курского филиала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Курский филиал), aeilin@fa.ru

Управление закупками является первоначальным источником ценности в управлении цепочкой поставок компании. Цель статьи – представить масштабы и оценить важность учета принципов ESG в управлении закупками для устойчивого развития деятельности компании. В статье определена роль управления закупками в деятельности предприятий и обозначены элементы, определяющие зрелость закупочной функции; рекомендована степень возможного включения принципов ESG в элементы зрелости закупок, создающих целостный и интегрированный подход к управлению закупками; оценена важность трансформации этой области управления для устойчивого развития деятельности компании. Показано, что принципы ESG должны быть отражены в широком спектре элементов зрелости закупок, включая: стратегический подход, место в организационной структуре, внутреннюю интеграцию на предприятии, внешнюю интеграцию в цепочке поставок, измерение и показатели эффективности, а также использование технологий.

Ключевые слова: закупки, отношения с поставщиками, цепочка поставок, устойчивое развитие, концепция ESG.

Введение

Столкнувшись с необходимостью устойчивой трансформации, в ответ на экономические, социальные и экологические изменения, оказывающие негативное влияние на социально-экономическое развитие, владельцы и менеджеры предприятий стремятся эффективно инкорпорировать требования устойчивого развития в свою деятельность. Главной целью хозяйствующих субъектов является создание потенциала управления рисками и устойчивости к кризисам [2], в том числе в отношении риска, связанного с изменением климата. В стратегическом управлении компании в основном опираются на 17 целей устойчивого развития, изложенных в Повестке дня ООН по устойчивому развитию до 2030 года [7], закрепляя свои стратегические бизнес-цели.

Создание и реализация стратегий устойчивого развития и отчетности, связанной с устойчивым развитием, основаны на концепции ESG, включающей в себя три направления: экологическое, социальное и управленческое, которые составляют группы ESG-факторов (аспектов). В свете концепции ESG, *факторы окружающей среды относятся к способу использования природных ресурсов или воздействию, оказываемому деятельностью компании на природную среду; социальные факторы относятся к воздействию на людей в окружающей среде (сотрудников, клиентов, поставщиков, местные сообщества, другие заинтересованные стороны) и их влиянию на деятельность компании; а управленческие факторы относятся к системе внутренних практик и механизмов и процедур контроля, внедряемых в управление деятельностью предприятия [1].*

Обзор литературы

Результаты обзора литературы показывают, что понятие ESG относится к системе, концепции, принципу, шаблону или модели, объединяющей основные элементы, измерения, аспекты, факторы экологического, социального и управленческого характера [9]. ESG относится к системе, которая обеспечивает основу для интегрированной модели и концепции, основанной на экологических, социальных и управленческих факторах, образующих три измерения (называемых столпами), и взаимодействие между ними [8]. Концепция ESG объединяет социальные, экологические и управленческие вопросы, которые могут оказать положительное или отрицательное влияние на финансовые результаты и платежеспособность предприятий или отдельных подразделений [11]. ESG - это стандарт, используемый

при оценке деятельности и результатов предприятий, и три направления, которые он охватывает, имеют ключевое значение в процессе принятия управленческих решений [11]. ESG также представлен как нефинансовый индекс, отражающий экологические, социальные и управленческие практики, а также последствия деятельности компании.

Также следует обратить внимание на обязанность компаний раскрывать информацию по конкретным вопросам ESG и, более того, обязательство осуществлять внешнюю проверку этой информации – аналогично финансовой отчетности. В сфере управления и отчетности в области устойчивого развития должен применяться принцип двойной существенности, что означает учет критериев существенности воздействия и финансовой существенности при оценке значимости вопросов, связанных с устойчивым развитием [4]. Существенность воздействия определяется как значительное фактическое или потенциальное положительное или отрицательное воздействие организации на людей или окружающую среду в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе. Существенность воздействия включает воздействия, связанные с собственной деятельностью и цепочкой создания стоимости организации, в том числе через ее продукты и услуги, а также через ее деловые отношения [4]. Финансовая существенность применяется к проблеме устойчивого развития, если она порождает риски или возможности, которые оказывают влияние (или можно обоснованно ожидать, что они окажут влияние) на финансовое положение организации, финансовые результаты, денежные потоки, доступ к финансам или стоимость капитала в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе [4].

Цель статьи – представить масштабы и оценить важность учета принципов ESG в управлении закупками для устойчивого развития деятельности компании.

Методы исследования.

В исследовании применены методы кабинетного обзора работ ученых по темам управления закупками, принципов устойчивого развития и циркулярной экономики. Библиографический поиск проводился в базах данных Scopus, Web of Science, и Google Scholar. Для комплексного анализа мы выбрали исследования, посвященные управлению закупками в бизнесе, особенностям оценки зрелости закупочной функции на предприятиях, принципам ESG и факторам устойчивости в бизнесе.

Временные рамки анализируемых исследований с 2014 по 2024 год были выбраны для того, чтобы предоставить широкую перспективу эволюции принципов ESG и их интеграции в практику управления закупками. Исследования отбирались на основании следующих критериев: 1) авторы имеют не менее трех публикаций по принципам ESG в международном бизнесе за последние 10 лет; 2) более 50% публикаций по тематике ESG в общем количестве публикаций авторов; 3) в профилях авторов указано,

что их публикации тематически связаны с управлением закупками; 4) статья была написана в период с 2014 по 2024 год.

Результаты исследования.

Зрелость закупочной функции – это степень ее влияния на конкурентное преимущество и стоимость предприятия. Ключевым выводом для дальнейшего рассмотрения является вывод исследований многих авторов, подтверждающий увеличение эффектов и ценности по мере увеличения зрелости закупочной функции [12]. В моделях зрелости закупочной функции авторы учитывают различные элементы и аспекты управления, определяя ее эволюционное развитие на нескольких уровнях или этапах. На основе анализа моделей зрелости закупочной функции, представленных в научной литературе и бизнес-исследованиях, можно выделить ее ключевые элементы, такие как: стратегический подход, место в организационной структуре, внутренняя интеграция на предприятии, внешняя интеграция в цепочку поставок, измерение эффектов и показателей, использование технологий. По мере достижения каждым элементом более высокого уровня развития и, в комплексном порядке, более высокой зрелости функции закупок, увеличивается ее роль и положительное влияние на достижение стратегических целей или повышение результатов бизнеса и, как следствие, повышение конкурентоспособности и стоимости предприятия. Принимая во внимание потребность в устойчивом развитии бизнеса, стоит отметить возможность включения ESG-аспектов в модель зрелости закупок (табл. 1).

Таблица 1
Включение аспектов ESG в элементы зрелости функции закупок

Элемент зрелости закупочной функции	Влияние на управление аспектами ESG
Стратегический подход	Использование роли закупок в реализации предположений стратегии развития компании, включающей аспекты ESG. Включение ESG-аспектов в стратегию закупок в число стратегических задач управления закупками для поддержки реализации стратегии развития компании. Планирование закупок, реализация процессов закупок с выбором рычагов с учетом ESG. Управление ESG-рисками в сфере закупок. Отчетность об угрозах и возможностях для управления ESG-аспектами в сфере закупок.
Место в организационной структуре компании	Коммуникация по управлению аспектами ESG на предприятии. Процедуры закупок с учетом аспектов ESG. Интегрированная корпоративная отчетность по устойчивому развитию.
Внутренняя интеграция на предприятии	Интеграция внутренних заинтересованных сторон в кросс-функциональные команды, направленные на соблюдение принципов ESG. Интеграция процессов с другими функциями для соответствия критериям, достижения синергии и улучшения показателей ESG. Интеграция информации между внутренними заинтересованными сторонами для целей управления закупками в соответствии с принципами ESG.

	Передача знаний о передовых практиках ESG в сфере закупок между бизнес-подразделениями.
Внешняя интеграция в цепочку поставок	Включение аспектов ESG в критерии первоначальной и периодической оценки поставщиков. Включение факторов ESG в управление контрактами. Коммуникация по вопросам ESG с поставщиками. Установление сотрудничества и реализация проектов с поставщиками для соответствия критериям и улучшения показателей ESG, например, разработка бизнес-процессов для снижения выбросов CO ₂ . Раннее привлечение поставщиков и развитие эко-инноваций. Развитие поставщиков в управлении аспектами ESG. (Ре)конфигурация баз данных поставщиков в цепочках поставок на основе ESG, например, рещоринг (<i>reshoring</i>), ниаршоринг (<i>nearshoring</i>), циклический сорсинг (<i>circular sourcing</i>)
Измерение результатов	Измерение эффективности управления закупками с точки зрения ESG. Измерение эффектов с учетом принципа двойной значимости. Системы оценки и мотивации сотрудников с учетом ESG-инициатив и проектов.
Использование технологий	Приобретение и использование технологий, поддерживающих реализацию целей в области управления ESG-асpekтами. Использование технологий поддержки отчетности в сфере устойчивого развития.

Источник: собственное исследование

При этом, стоит отметить, что включение управления аспектами ESG в число элементов определяющих зрелость функции закупок (табл. 1) включает в себя дополнительные изменения, которые окажут наиболее желаемое воздействие на устойчивое управление закупками при комплексном и целостном подходе.

Обсуждение

Управление закупками – это управление внешними ресурсами предприятия таким образом, чтобы все товары, услуги, возможности и знания, необходимые для проведения, поддержания и управления основной и вспомогательной деятельностью, предоставлялись на наилучших возможных условиях [6]. Закупки как бизнес-функция и бизнес-процесс играют стратегическую роль в работе и управлении цепочками поставок предприятия. Управление закупками, направленное на удовлетворение потребностей устойчивого развития и служащее ему, называется «устойчивыми закупками».

Менеджеры по закупкам несут ответственность как за экономические условия сделок и контрактов, так и за стратегии и методы управления базой поставщиков, а также за социальные и экологические последствия отношений с поставщиками в цепочке поставок. С одной стороны, управление закупками является источником конкурентного преимущества, способствуя увеличению ценности в каждом из трех направлений концепции ESG с точки зрения различных заинтересованных сторон. С другой стороны, при отсутствии действий или проблем в реализации принципов ESG, это может стать источником риска, связанного с устойчивым развитием, и причиной снижения ценности для заинтересованных сторон.

Например, неэтичная практика закупок может нанести существенный ущерб ценности и репутации бренда, что приведет к негативным финансовым последствиям и потерям.

Устойчивое развитие бизнеса и его отчетность требуют включения принципов ESG в управление закупками. Решения и действия по устойчивому развитию являются обязанностью покупателей и подтверждены результатами исследований – 69% бизнес-покупателей подтверждают, что на работе они должны соблюдать требования к совершению закупок у поставщиков, соответствующих критериям устойчивого развития [10]. Источником профессиональных требований в этом отношении являются решения владельцев или правления предприятий или общие положения относительно достижения целей ESG. В то же время 81% покупателей на рынке B2B [3], испытывая трудности с закупками у поставщиков, разрабатывающих устойчивые практики, заявляют, что это является причиной неспособности компаний-покупателей достичь целей устойчивого развития. Включение аспектов ESG в управление закупками, как показывают исследования, может изменить правила игры в отношениях с поставщиками, особенно с учетом принципа двойной важности. Эта задача становится более важной по мере увеличения сложности баз данных поставщиков, которая в основном определяется: количеством поставщиков, их разнообразием и взаимодействием между ними [5]. Результатом являются длина, ширина и географическая конфигурация цепочек поставок предприятия со стороны логистики закупок и поставок.

Отправной точкой в управлении закупками для устойчивого развития деятельности компании, как показали результаты исследования, является включение принципов ESG в стратегию закупок и в стратегии управления категориями закупок и поставщиками. Их операционализация в планировании закупок, реализации процессов закупок и отношениях с поставщиками требует выбора ESG-ориентированных рычагов закупок и особенно управления ESG-рисками в этой сфере бизнеса. На стратегическом уровне основная роль функции закупок также может использоваться в выявлении рыночных возможностей и угроз. Значимость этого вида влияния возрастает по мере усиления интернационализации деятельности компании в международных структурах или глобальных цепочках поставок.

Отдел закупок представляет собой отдельное подразделение предприятия, равнозначное другим функциональным подразделениям, и его место в организационной структуре определяется, в том числе, связями между уровнями управления или уровнями отчетности. Очень важно использовать функцию закупок в соответствующем месте структуры, чтобы обеспечить желаемые пути (процедуры) принятия решений, коммуникацию и отчетность при управлении аспектами ESG.

Достаточно упомянуть взаимодействие функции закупок с внутренними заказчиками при определении спецификаций закупок внешних ресурсов или установлении критериев выбора поставщика с уче-

том аспектов ESG. Также происходит интеграция закупочных, производственных и логистических процессов для минимизации воздействия компании на природную среду или функция закупок включается в создание инноваций в области экопродуктов в сфере НИОКР.

Более серьезной задачей является учет аспектов ESG во внешней интеграции. Основой является учет ESG в критериях первоначальной и периодической оценки поставщиков и управления контрактами. На более высоких уровнях зрелости происходит сотрудничество с поставщиками и совместная реализация проектов, ориентированных на критерии устойчивого развития. Следует подчеркнуть значительный потенциал для использования в концепциях раннего вовлечения поставщиков (*early supplier involvement*) и развития поставщиков (*supplier development*), что особенно важно для малых и средних предприятий, которым необходимо сотрудничество в создании стоимости и передаче знаний в условиях требований ESG.

Оценка результатов внедрения ESG-аспектов в управление закупками должна удовлетворять потребность руководства в измерении эффектов и их улучшении, а также в оценке вовлеченности сотрудников в выполнение задач по устойчивому развитию и созданию систем мотивации в этой области.

Функция закупок может использовать технологии, поддерживающие реализацию целей управления ESG, например, цифровые платформы для управления базой данных поставщиков и технологии, поддерживающие отчетность в области устойчивого развития.

Заключение

Проблема исследования, обсуждаемая в статье, является актуальной в свете направлений исследований в области менеджмента и с точки зрения прикладных ценностей. Стратегии, учитывающие концепцию ESG, ясно подчеркивают роль и важность управления цепочками поставок – от первоначальных поставщиков до конечных потребителей – для устойчивого развития предприятий. Стремление к соблюдению критериев ESG влияет на управление внутренними бизнес-функциями и процессами, а также процессами и отношениями в цепочках поставок. При реактивном подходе концепция ESG будет главным образом стимулировать устойчивую трансформацию бизнеса для соответствия нормативным требованиям и для управления рисками ESG. При активном подходе это может стать катализатором создания конкурентных преимуществ предприятий и цепочек поставок на основе возможностей устойчивого развития. Те компании, которые приобретут более высокий уровень мастерства в управлении цепочками поставок, включая закупки на рынке B2B с соблюдением принципов ESG, смогут стать лидерами устойчивой трансформации.

Факторы ESG должны быть отражены в широком спектре элементов зрелости закупок, таких как: стратегический подход, место в организационной структуре, внутренняя интеграция на предприятии, внешняя интеграция в цепочке поставок, измерение

эффектов и показателей, использование технологий. При более целостном и комплексном рассмотрении ESG-аспектов в управлении закупками возрастает их значимость в достижении способности управлять рисками, связанными с устойчивым развитием, и, как следствие, увеличивается возможность устойчивого развития деятельности компании. Самой большой проблемой, важной для устойчивого развития деятельности компании в контексте ESG, является внешняя интеграция в цепочку поставок.

Перспективы дальнейших исследований включают как типы изменений в конфигурации баз поставщиков в цепочках поставок предприятий, сталкивающихся с проблемой управления согласно принципам ESG, так и новые концепции управления закупками, которые включают циклические закупки в экономике замкнутого цикла.

Литература

1. Трофимова Н.Н. Концепция устойчивого развития как стратегическая основа деловой репутации предприятий реального сектора экономики // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 3(29). С. 36–44.
2. Шубенкова Е.В., Шичкин И.А. Механизм обеспечения достойного труда и социальной защиты трудовых мигрантов в рамках региональных интеграционных объединений // Инновации и инвестиции. 2021. № 2. С. 81–86.
3. Aydoğmuş M., Gülay G., Ergun K. Impact of ESG performance on firm value and profitability // Borsa Istanbul Review. 2022. Vol. 22. pp. 119–127.
4. Hackett D., Demas R., Sanders D., Wicha J., Fowler A. A growing ESG risks of litigation // Environmental Law Reporter. 2020. Vol. 50(10). pp. 10849–10862.
5. Janicka M., Sajnog A. The ESG Reporting of EU Public Companies—Does the Company's Capitalisation Matter? // Sustainability. 2022. Vol. 14(7). 4279. <https://doi.org/10.3390/su14074279>
6. Janvier-James A.M. A New Introduction to Supply Chains and Supply Chain Management: Definitions and Theories Perspective // International Business Research. 2012. Vol. 5(1). pp. 194–207
7. Klarin T. The Concept of Sustainable Development: From its Beginning to the Contemporary Issues // Zagreb International Review of Economics & Business. 2018. Vol. 21(1). pp. 67–94.
8. Ling T.T., Wang K., Sueyoshi T., Wang D.D. ESG: Research Progress and Future Prospects // Sustainability. 2021. Vol. 13. pp. 1–28.
9. Muigua P.D. Embracing environmental, social and governance (ESG) principles for sustainable development in Kenya // Journal of Conflict Management and Sustainable Development. 2022. Vol. 9(2). pp. 1–25.
10. Singha H., Garga R. K., Sachdeva A. Supply chain collaboration: A state-of-the-art literature review // Uncertain Supply Chain Management. 2018. Vol. 6. pp. 149–180
11. Syed A.M. Environment, social, and governance (ESG) criteria and preference of

managers// *Cogent Business & Management*. 2017. Vol. 4. pp. 1-13.

12. Wu S., Li X., Du X., Li Z. The Impact of ESG Performance on Firm Value: The Moderating Role of Ownership Structure// *Sustainability*. 2022. Vol. 14(21). 14507. <https://doi.org/10.3390/su142114507>

Procurement management for sustainable development of enterprise activities in the context of ESG

Vaslavskaya I.Yu. Vaslavskiy Ya.I., Papelniuk O.V., Kurikov V.M., Ilyin A.E. Kazan (Volga Region) Federal University, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), National Research Center Kurchatov Institute, Yugra State University, Financial University under the Government of the Russian Federation

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

Procurement management is the initial source of value in the management of the company's supply chain. The purpose of the article is to present the scope and assess the importance of taking into account ESG principles in procurement management for the sustainable development of the company's activities. The article defines the role of procurement management in the activities of enterprises and identifies the elements that determine the maturity of the procurement function; recommends the degree of possible inclusion of ESG principles in the elements of procurement maturity, creating a holistic and integrated approach to procurement management; assesses the importance of transforming this area of management for the sustainable development of the company's activities. It is shown that ESG principles should be reflected in a wide range of procurement maturity elements, including: strategic approach, place in the organizational structure, internal integration in the enterprise, external integration in the supply chain, measurement and performance indicators, as well as the use of technology.

Keywords: procurement, supplier relationships, supply chain, sustainable development, ESG concept.

References

1. Trofimova N.N. The concept of sustainable development as a strategic basis for the business reputation of enterprises in the real sector of the economy // *Bulletin of Surgut State University*. 2020. No. 3 (29). P. 36-44.
2. Shubenkova E.V., Shichkin I.A. Mechanism for ensuring decent work and social protection of labor migrants within the framework of regional integration associations // *Innovations and Investments*. 2021. No. 2. P. 81-86.
3. Aydoğmuş M., Gülay G., Ergun K. Impact of ESG performance on firm value and profitability // *Borsa Istanbul Review*. 2022. Vol. 22. pp. 119-127.
4. Hackett D., Demas R., Sanders D., Wicha J., Fowler A. A growing ESG risks of litigation // *Environmental Law Reporter*. 2020. Vol. 50(10). pp. 10849-10862.
5. Janicka M., Sajnog A. The ESG Reporting of EU Public Companies—Does the Company's Capitalization Matter? // *Sustainability*. 2022. Vol. 14(7). 4279. <https://doi.org/10.3390/su14074279>
6. Janvier-James A.M. A New Introduction to Supply Chains and Supply Chain Management: Definitions and Theories Perspective//*International Business Research*. 2012. Vol. 5(1). pp. 194-207
7. Klarin T. The Concept of Sustainable Development: From its Beginning to the Contemporary Issues // *Zagreb International Review of Economics & Business*. 2018. Vol. 21(1). pp. 67-94.
8. Ling T.T., Wang K., Sueyoshi T., Wang D.D. ESG: Research Progress and Future Prospects // *Sustainability*. 2021. Vol. 13. pp. 1-28.
9. Muigua P.D. Embracing environmental, social and governance (ESG) principles for sustainable development in Kenya // *Journal of Conflict Management and Sustainable Development*. 2022. Vol. 9(2). pp. 1-25.
10. Singha H., Garga R. K., Sachdeva A. Supply chain collaboration: A state-of-the-art literature review//*Uncertain Supply Chain Management*. 2018. Vol. 6. pp. 149–180
11. Syed A.M. Environment, social, and governance (ESG) criteria and preference of managers // *Cogent Business & Management*. 2017. Vol. 4. pp. 1-13.
12. Wu S., Li X., Du X., Li Z. The Impact of ESG Performance on Firm Value: The Moderating Role of Ownership Structure // *Sustainability*. 2022. Vol. 14(21). 14507. <https://doi.org/10.3390/su142114507>

Инновации в кадровой работе на предприятиях агропромышленного комплекса

Ермоленко Роман Викторович

аспирант кафедры финансов, бухгалтерского учета и экономической безопасности, МГУТУ имени К.Г. Разумовского (ПКУ), Lemonchell@mail.ru

В статье рассматриваются инновационные подходы в кадровом управлении предприятий агропромышленного комплекса (АПК), особое внимание уделяется цифровизации кадровых процессов, внедрению гибридных моделей занятости, развитию корпоративной культуры и обучению с использованием современных технологий. Исследование подчеркивает большое значение адаптации кадровой политики к специфике агропромышленного сектора, характеризующегося сезонностью, дефицитом квалифицированных кадров, территориальной отдаленностью. В результате анализа выявлены основные барьеры для внедрения инноваций, такие как сопротивление изменениям, нехватка финансирования, недостаток квалифицированных специалистов и предложены рекомендации по их преодолению. Статья выделяет значимость государственной поддержки и стратегического подхода к управлению человеческим капиталом для обеспечения устойчивого развития агропромышленного сектора.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, инновации, кадровое управление, цифровизация, корпоративная культура, обучение, человеческие ресурсы.

Введение

С учетом растущих сложностей в сфере занятости и характерных особенностей работы в сельском хозяйстве, предприятия агропромышленного комплекса (АПК) нуждаются в особых подходах к управлению персоналом, которые позволяют результативно использовать человеческие ресурсы и оптимизировать процессы. В условиях ограниченности квалифицированных кадров и необходимости быстрого реагирования на внешние изменения, внедрение инновационных кадровых практик, таких как автоматизация HR-процессов, гибкие модели занятости, развитие корпоративной культуры и обучение на основе современных технологий, становится все более актуальным.

Целью данного исследования является анализ и обоснование необходимости внедрения инновационных методов управления персоналом в агропромышленном комплексе. Для достижения цели ставятся следующие задачи:

- 1) Исследовать современные инновационные подходы к управлению персоналом и их применение в агропромышленном секторе.
- 2) Оценить влияние цифровизации и альтернативных кадровых моделей на повышение производительности и удержание сотрудников.
- 3) Выявить основные барьеры и пути внедрения инноваций в кадровую политику предприятий АПК.

Новизна работы заключается в анализе кадровых инноваций в научном ракурсе АПК, поскольку предприятия агропромышленного комплекса обладают редкостными особенностями кадровой политики, связанные с сезонностью, территориальной отдаленностью и дефицитом ресурсов. Настоящее исследование выделяет стратегии управления персоналом для преодоления этих трудностей и повышения результативности управления и развития сектора.

Основная часть

Инновационная кадровая политика – это комплекс стратегий и методов, которые направлены на создание и оптимальное использование человеческих ресурсов для повышения эффективности организации. Как отмечает Ю.А. Масалова, основными задачами инновационного кадрового менеджмента являются создание и внедрение новых подходов к управлению персоналом, к которым относятся: автоматизация процессов, применение аналитики данных для прогнозирования потребностей в кадрах, внедрение новых моделей организации труда [7]. Инновации в кадровой сфере также связаны с

упором на горизонтальные связи в организации, которые повышают продуктивность коллективной работы и создание креативной среды.

Современные тенденции в кадровом менеджменте характеризуются несколькими факторами, среди которых выделяют цифровизацию, усиление роли корпоративной культуры, ориентацию на устойчивое развитие. К цифровизации кадровых процессов относится использование систем управления персоналом (HRM-систем), которые автоматизируют такие функции, как подбор персонала, обучение, оценка эффективности, карьерное планирование. Подобные системы повышают точность и скорость выполнения кадровых операций, помогают лучшему анализу данных для принятия стратегических решений [10]. Еще одним направлением является гибкость в организации работы: распространение гибких графиков, удаленной работы, проектных команд. Эта тенденция связана с изменениями в глобальной экономике, которые требуют от компаний быстрого реагирования на изменения внешней среды, в связи с этим особое внимание уделяется повышению квалификации сотрудников и обеспечению условий для постоянного процесса обучения.

Агропромышленный комплекс имеет свои особенности в кадровой политике, которые связаны со спецификой сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности, но в отличие от других секторов, предприятия АПК часто сталкиваются с дефицитом квалифицированных кадров в сельской местности, поэтому требуется разработка специальных программ для привлечения и удержания работников. Особого внимания требуют вопросы социального обеспечения, улучшения условий труда и жилья для сотрудников. Инновационные подходы в кадровой работе АПК содержит в себе цифровизацию кадровых процессов, обучение персонала новым технологиям, связанным с автоматизацией и цифровизацией агропроизводства, гибкие формы занятости, создание привлекательных условий для молодых специалистов.

Цифровизация позволяет предприятиям АПК улучшить управление человеческим капиталом, ускорить и автоматизировать рутинные задачи, такие как подбор персонала, расчеты заработной платы, ведение документации и другие кадровые функции. Использование систем управления персоналом, искусственного интеллекта и алгоритмов больших данных делает возможным стратегическое управление HR, а не только решение текущих задач [11]. Примером такой цифровизации является использование блокчейн-технологий для хранения данных о сотрудниках и заключения «умных контрактов», которые автоматизируют выполнение договоренностей между работником и работодателем, повышают прозрачность и надежность процессов [1].

К инновационным подходам к обучению относятся виртуальное моделирование рабочей ситуации и обучение сотрудников в условиях, приближенных к реальности. С другой стороны, искусственный интеллект также используется для анализа навыков

работников и предложений по их дальнейшему развитию, например, алгоритмы автоматически отслеживают успешные модели поведения сотрудников и формируют программы обучения на их основе [14].

Современные тенденции показывают увеличение использования гибких графиков работы и удаленных форм занятости в АПК. Цифровые технологии позволяют эффективно координировать работу удаленных сотрудников и адаптировать производственные процессы под разные условия занятости. Весомое влияние на это оказывают автоматизация задач и использование облачных технологий, которые позволяют организовать совместную работу команд, находящихся в разных местах. Ю.Н. Никулина и О.Д. Каблукова подчеркивают целесообразность гибкости занятости в АПК, где мотивацией внедрения удаленной и гибкой работы являются сезонные изменения производства и необходимость привлечения специалистов для разовых задач [10]. Эти формы занятости позволяют привлекать специалистов из других регионов и повышают удовлетворенность сотрудников, поскольку предоставляют им более комфортные условия труда.

Инновационные подходы к мотивации персонала представляют собой использование разнообразных цифровых платформ, которые обеспечивают обратную связь и мониторинг вовлеченности сотрудников, например, системы на основе искусственного интеллекта позволяют вовремя выявлять потенциальные проблемы, такие как снижение мотивации или перегрузка работников [12]. Использование виртуальных наград, автоматизированных систем бонусов и других нематериальных мотивационных инструментов стало составляющей современных HR-процессов, они помогают удерживать сотрудников и поддерживать высокий уровень вовлеченности, физического и эмоционального благополучия сотрудников в условиях высокой конкуренции на рынке труда.

Внедрение инновационных решений в кадровые процессы помогает предприятиям агропромышленного комплекса подстраиваться под меняющиеся условия экономики, усиливать позиции на рынке, стабилизировать трудовые ресурсы. Во-первых, рост производительности труда благодаря внедрению инноваций связан с использованием автоматизированных систем управления персоналом, цифровизацией кадровых процессов, применением современных методов управления персоналом. Такие нововведения позволяют ускорить принятие решений, улучшить распределение задач, повысить продуктивность работы сотрудников. По данным исследований, автоматизация HR-процессов содействует более рациональному использованию человеческих ресурсов, снижению административных затрат, минимизации ошибок в кадровом документообороте [9]. В АПК это особенно значимо из-за специфики сезонной работы и необходимости быстрого распределения трудовых ресурсов.

Во-вторых, снижение текучести кадров напрямую зависит от улучшения условий труда и реализации социальных инноваций, таких как программы благо-

получия сотрудников, гибкий график работы, развитие корпоративной культуры. Привлечение и удержание квалифицированных работников в агропромышленном комплексе является одной из главных задач, особенно в условиях высокой конкуренции за трудовые ресурсы. Исследования показывают, что внедрение инноваций в систему управления персоналом повышает мотивацию и удовлетворенность сотрудников, создает комфортную рабочую среду, таким образом снижается текучесть кадров [2].

Благодаря инновациям улучшается качество управления персоналом через развитие стратегического подхода к управлению человеческим капиталом, например современные методы управления содержат в себе использование анализа данных для принятия кадровых решений, внедрение практик делегирования ответственности, которые побуждают развитие инициативы и самоконтроля сотрудников (коррелирует с теорией "Y" Д. Макгрегора) [13]. В условиях агропромышленного комплекса такие стратегии помогают оптимизировать управление, особенно в связи с глобализацией и возрастающих требований к эффективности производства.

Сопротивление нововведениям представляет собой одну из главных проблем при внедрении инноваций в АПК, которая проявляется как на уровне менеджмента, так и среди сотрудников. Эта проблема происходит из-за привычки многих специалистов и руководителей предприятий работать по старым схемам и из-за боязни рисков, связанных с новыми технологиями. А.К. Марков отмечает, что на российских предприятиях часто наблюдаются недостатки мотивации к освоению инновационных технологий и нехватка стратегического видения со стороны руководства, которые создают препятствия для интеграции нововведений в производство и управление [6].

Следующим препятствием для внедрения инноваций в АПК являются финансовые барьеры, например, процессы модернизации требуют крупных инвестиций, доступ к которым нередко ограничен, особенно для малых и средних предприятий. Отсутствие государственной поддержки и слаборазвитая система кредитования затрудняют привлечение необходимых ресурсов. Внедрение инноваций требует долгосрочных вложений и становится непосильной задачей для многих предприятий из-за их низкой рентабельности. Кроме того, А.Е. Шипицына указывает, что организационные структуры многих аграрных предприятий не готовы к масштабным изменениям, из-за этого усложняется процесс внедрения инноваций [16].

Другая проблема, тормозящая инновационное развитие в АПК, – недостаток квалифицированных кадров. Агропромышленный сектор испытывает нехватку специалистов, которые обладают необходимыми знаниями и навыками для работы с современными технологиями. К этому приводит общая нехватка квалифицированных работников в сельском хозяйстве и недостаточный уровень подготовки в аграрных вузах. Несмотря на наличие образователь-

ных программ, не всегда удается подготовить специалистов, способных продуктивно работать в условиях цифровизации и использования высоких технологий [5]. Дополнительно усугубляет проблему неготовность предприятий инвестировать в обучение сотрудников.

Инновационные подходы к подготовке кадров и непрерывное развитие значимы для увеличения результативности и продуктивности в агросекторе. Согласно исследованию Е.В.Шестаковой, кадровые инновации, дистанционное и персонализированное обучение, программы наставничества и управление талантами, помогают персоналу быстрее приспосабливаться к новым технологиям и методам работы, повышать производительность организации [15]. Постоянное обучение персонала на основе актуальных мировых трендов также подчеркивается в работе Е.В. Каштановой и А.С. Лобачевой, где упоминается, что наиболее успешные предприятия вкладывают средства в создание системы постоянного профессионального роста, поддерживая тем самым способность персонала приспосабливаться к изменениям [4].

Эффективность инноваций в большей степени зависит от подхода руководства к их внедрению, так, например в исследованиях отмечается, что руководители должны организовать инновационную среду и инициировать изменения, показывая пример поддержки нововведений. При этом следует не только инвестировать в ресурсы, но и уделять внимание мотивации и готовности персонала к изменениям [8]. Руководство также несет ответственность за создание условий, уменьшающих сопротивление изменениям, которые достигаются путем выстраивания культуры доверия и поддержки сотрудников на каждом этапе изменений.

Использование инноваций позволяет агропромышленным предприятиям усилить управление человеческими ресурсами и стать более конкурентоспособными на международном рынке, к примеру, системы оценки персонала с использованием Big Data или искусственного интеллекта предоставляют детальный анализ навыков и производительности сотрудников. В этой области рекомендации включают применение успешных подходов в странах Европы и Северной Америки, где используются цифровые платформы для управления персоналом и контроля эффективности [3].

Заключение

Предприятия агропромышленного комплекса действуют в характерных условиях: экономическая нестабильность, ограниченность ресурсов, сезонность, территориальное разнообразие, поэтому инновации в управлении персоналом имеют определяющее значение. Внедрение цифровых технологий, автоматизация HR-процессов, использование гибких моделей занятости и развитие корпоративной культуры позволяют предприятиям подстраиваться под меняющуюся обстановку и повышать эффективность использования человеческого капитала, например, в условиях сезонных работ необходима гибкость в управлении кадрами, удаленные

формы работы помогают привлекать квалифицированных специалистов в сельскую местность. Анализ показал, что инновационные подходы не только способствуют росту производительности, но и помогают удерживать кадры, что важно в агросекторе, где квалифицированный персонал — дефицитный ресурс.

Основные барьеры, такие как сопротивление изменениям, финансовые ограничения, недостаток квалифицированных кадров, будут преодолены при государственной поддержке и готовности руководства к внедрению новшеств на предприятиях, в том числе в образовательные программы.

На основе изложенного предлагается выделить следующие рекомендации: организация образовательных программ для повышения квалификации кадров, создание привлекательных условий труда, инвестирование в цифровизацию HR-процессов, поддержка инноваций внутри компании.

Литература

1. Авакян, Н. В. Перспективы применения инновационных технологий в управлении персоналом / Н. В. Авакян // Молодой ученый. — 2021. — № 28 (370). — С. 170-174. — URL: <https://moluch.ru/archive/370/83144/> (дата обращения: 22.10.2024).
2. Дороговцева, А. А., Ерыгина, А. В. Тенденции HR-digital // УПИРР. — 2019. — № 5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-hr-digital> (дата обращения: 21.10.2024).
3. Захаров, Д. К., Каштанова, Е. В. Цифровизация управления персоналом: российская и зарубежная практика // УПИРР. — 2022. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-upravleniya-personalom-rossiyskaya-i-zarubezhnaya-praktika> (дата обращения: 22.10.2024).
4. Каштанова, Е. В., Лобачева, А. С. Современные тенденции в области корпоративного обучения персонала // УПИРР. — 2022. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-v-oblasti-korporativnogo-obucheniya-personala> (дата обращения: 22.10.2024).
5. Кубрушко, П. Ф., Шингарева, М. В., Атапина, Ю. А. Подготовка кадров для агропромышленного комплекса в системе непрерывного профессионального образования // Агроинженерия. — 2022. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-kadrov-dlya-agropromyshlennogo-kompleksa-v-sisteme-nepreryvnogo-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 21.10.2024).
6. Марков, А. К., Мумладзе, Р. Г. Инновационное развитие АПК // Инновации и инвестиции. — 2019. — № 5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnoe-razvitie-apk> (дата обращения: 21.10.2024).
7. Масалова, Ю. А. Инновационный менеджмент в управлении персоналом : учебное пособие для вузов / Ю. А. Масалова. — Москва : Юрайт, 2024. — 191 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-13908-2. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/543996> (дата обращения: 22.10.2024).
8. Минеев, Н. В., Матыцина, Н. П. Роль внедрения инноваций в деятельность организаций в современных условиях // Символ науки. — 2022. — № 11-2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vnedreniya-innovatsiy-v-deyatelnost-organizatsiy-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 23.10.2024).
9. Никифорова, Т. И. Повышение эффективности управления персоналом на основе инноваций // Современная экономика: проблемы и решения. — 2021. — № 9. — С. 91-106. — DOI: 10.17308/meps.2021.9/2674.
10. Никулина, Ю. Н., Каблукова, О. Д. Инновационные технологии в реализации кадровой политики: практические подходы // УПИРР. — 2020. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-tehnologii-v-realizatsii-kadrovoy-politiki-prakticheskie-podhody> (дата обращения: 22.10.2024).
11. Носырева, И. Г., Белобородова, Н. А. Цифровизация кадровых процессов как ключевой элемент цифровой трансформации организации // Известия БГУ. — 2024. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-kadrovyyh-protsessov-kak-klyuchevoy-element-tsifrovoy-transformatsii-organizatsii> (дата обращения: 21.10.2024).
12. Панова, Е. А. Влияние цифровизации на корпоративную кадровую политику // Государственное управление. Электронный вестник. — 2023. — № 101. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovizatsii-na-korporativnuyu-kadrovuyu-politiku> (дата обращения: 22.10.2024).
13. Петрова, Л. М. Управление человеческим капиталом на предприятиях агропромышленного комплекса в условиях глобальных изменений // КЭ. — 2021. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-chelovecheskim-kapitalom-na-predpriyatiyah-agropromyshlennogo-kompleksa-v-usloviyah-globalnyh-izmeneniy> (дата обращения: 23.10.2024).
14. Татевосян, С. А. HR-цифровизация: основные направления развития и факторы влияния // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. — 2023. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hr-tsifrovizatsiya-osnovnye-napravleniya-razvitiya-i-factory-vliyaniya> (дата обращения: 21.10.2024).
15. Шестакова, Е. В. Цифровые технологии в сфере HR // Шаг в науку. — 2022. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-v-sfere-hr> (дата обращения: 22.10.2024).
16. Шипицина, А. Е. Введение инноваций как инструмент улучшения финансового состояния предприятий агропромышленного комплекса / А. Е. Шипицина // Молодой ученый. — 2019. — № 41 (279). — С. 193-195. — URL: <https://moluch.ru/archive/279/62993/> (дата обращения: 22.10.2024).

Innovations in HR management at enterprises of the agro-industrial complex

Ermoolenko R.V.

Moscow State University of Technology named after K.G. Razumovsky

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The article examines innovative approaches to personnel management of enterprises in the agro-industrial complex (AIC), with special attention paid to the digitalization of personnel processes, the introduction of hybrid employment models, the development of corporate culture and training using modern technologies. The study emphasizes the great importance of adapting HR policy to the specifics of the agro-industrial sector, characterized by seasonality, shortage of qualified personnel, territorial remoteness. As a result of the analysis, the main barriers to the implementation of innovations were identified, such as resistance to change, lack of funding, lack of qualified specialists and recommendations for overcoming them were proposed. The article highlights the importance of state support and a strategic approach to human capital management to ensure sustainable development of the agro-industrial sector.

Keywords: agro-industrial complex, innovations, HR management, digitalization, corporate culture, training, human resources.

References

1. Avakyan, N. V. Prospects for the Application of Innovative Technologies in HR Management / N. V. Avakyan // *Young Scientist*. - 2021. - No. 28 (370). - P. 170-174. - URL: <https://moluch.ru/archive/370/83144/> (date of access: 22.10.2024).
2. Dorogovtseva, A. A., Erygina, A. V. HR-digital trends // *UPIRR*. - 2019. - No. 5. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-hr-digital> (date of access: 21.10.2024).
3. Zakharov, D. K., Kashtanova, E. V. Digitalization of HR Management: Russian and Foreign Practice // *UPIRR*. — 2022. — No. 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-upravleniya-personalom-rossiyskaya-i-zarubezhnaya-praktika> (date of access: 22.10.2024).
4. Kashtanova, E. V., Lobacheva, A. S. Modern trends in the field of corporate personnel training // *UPIRR*. — 2022. — No. 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-v-oblasti-korporativnogo-obucheniya-personala> (date of access: 22.10.2024).
5. Kubrushko, P. F., Shingareva, M. V., Atapina, Yu. A. Training of personnel for the agro-industrial complex in the system of continuous professional education // *Agroengineering*. — 2022. — No. 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-kadrov-dlya-agropromyshlennogo-kompleksa-v-sisteme-nepriyvnogo-professionalnogo-obrazovaniya> (date of access: 21.10.2024).
6. Markov, A. K., Mumladze, R. G. Innovative development of the agro-industrial complex // *Innovations and investments*. — 2019. — No. 5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnoe-razvitie-apk> (date of access: 21.10.2024).
7. Masalova, Yu. A. *Innovative management in personnel management: a textbook for universities* / Yu. A. Masalova. — Moscow: Yurait, 2024. — 191 p. — (Higher education). — ISBN 978-5-534-13908-2. — Text: electronic // Educational platform Yurait [website]. — URL: <https://urait.ru/bcode/543996> (accessed: 22.10.2024).
8. Mineev, N. V., Matysina, N. P. The role of introducing innovations into the activities of organizations in modern conditions // *Symbol of Science*. — 2022. — No. 11-2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vnedreniya-innovatsiy-v-deyatelnost-organizatsiy-v-sovremennyh-usloviyah> (accessed: 23.10.2024).
9. Nikiforova, T. I. Improving the efficiency of personnel management based on innovations // *Modern Economy: Problems and Solutions*. - 2021. - No. 9. - P. 91-106. - DOI: 10.17308/meps.2021.9/2674.
10. Nikulina, Yu. N., Kablukova, O. D. Innovative technologies in the implementation of personnel policy: practical approaches // *UPIRR*. - 2020. - No. 4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-tehnologii-v-realizatsii-kadrovoy-politiki-prakticheskie-podhody> (date of access: 10/22/2024).
11. Nosyreva, I. G., Beloborodova, N. A. Digitalization of HR processes as a key element of the digital transformation of an organization // *Izvestiya BSU*. — 2024. — No. 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-kadrovyyh-protsessov-kak-kluchevoy-element-tsifrovoy-transformatsii-organizatsii> (date of access: 21.10.2024).
12. Panova, E. A. The impact of digitalization on corporate HR policy // *Public administration. Electronic Bulletin*. — 2023. — No. 101. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-tsifrovizatsii-na-korporativnyuyu-kadrovuyu-politiku> (date of access: 22.10.2024).
13. Petrova, L. M. Human capital management at enterprises of the agro-industrial complex in the context of global changes // *KE*. — 2021. — No. 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-chelovecheskim-kapitalom-na-predpriyatiyah-agropromyshlennogo-kompleksa-v-usloviyah-globalnyh-izmeneniy> (date of access: 23.10.2024).
14. Tatevosyan, S. A. HR digitalization: main directions of development and factors of influence // *Bulletin of St. Petersburg University. Management*. — 2023. — No. 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hr-tsifrovizatsiya-osnovnye-napravleniya-razvitiya-i-factory-vliyaniya> (date of access: 21.10.2024).
15. Shestakova, E. V. Digital technologies in the field of HR // *Step into science*. - 2022. - No. 1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-v-sfere-hr> (date of access: 22.10.2024).
16. Shipitsina, A. E. Introduction of innovations as a tool for improving the financial condition of enterprises in the agro-industrial complex / A. E. Shipitsina // *Young scientist*. - 2019. - No. 41 (279). - P. 193-195. - URL: <https://moluch.ru/archive/279/62993/> (date of access: 22.10.2024).

Практические аспекты использования цифровых технологий в малом бизнесе

Котов Алексей Дмитриевич

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, alexy.kotov@gmail.com

В статье анализируется практический потенциал применения цифровых технологий для повышения конкурентоспособности малого бизнеса. Обозначены основные понятия и термины, связанные с данной темой. Рассмотрены практические аспекты и трудности, возникающие при цифровой трансформации малых предприятий. Также предложен комплекс мероприятий, направленных на успешное внедрение цифровых технологий, структурированный по основным этапам цифровой трансформации малого бизнеса. В исследовании использованы методы анализа специализированных источников, гипотезирования, а также статистический анализ и синтез.

Ключевые слова: малое предприятие, цифровые технологии, цифровая трансформация, конкурентоспособность, бизнес, эффекты цифровизации.

Введение

На этапе активной трансформации экономики в направлении цифрового формата активнее развиваются и функционируют на рынках те малые предприятия, которые могут оперативно адаптироваться к современным бизнес-моделям. Меняя саму специфику бизнес-процессов, цифровые технологии совершенствуются весьма динамично, позволяя при этом оптимизировать производственные и сервисные процессы, а также уменьшать расходы предприятий на обеспечение таких процессов.

Путь цифровой трансформации бизнеса на современном этапе весьма популярен и информационно доступен для представителей множества малых предприятий. Но знать, не значит применить, в том числе, не означает задействовать такие технологии эффективно. Речь идет о том, что на практике далеко не все предприятия, несмотря на актуализацию угрозы ожесточения конкурентной борьбы с задействованием эффективных цифровых инструментов, действительно задействуют их для развития своего бизнеса. И при том, что большинство сфер уже активно развиваются в направлении цифровизации, некоторые предприятия могут просто игнорировать или не знать о перспективных угрозах цифрового влияния на свой бизнес.

Здесь необходимо указать, что для всех предприятий малого бизнеса доступен ориентировочно схожий спектр и функционал цифровых технологий. Отличия, в основном, проявляются в некоторой конкретизации и адаптации программных ресурсов, инструментов управления бизнесом к специфике конкурентной сферы организации бизнес-деятельности.

Таким образом, наиболее конкурентоспособным будет малое предприятие, наиболее оперативно изучившее, внедрившее и адаптировавшее цифровые технологии к потребностям своего бизнеса и своих клиентов, в сравнении со своими базовыми конкурентами, а также систематически изучающее эффекты от применения цифровых технологий и пересматривающее их адаптивно ситуации.

Актуальность настоящего исследования обосновывается тем, что с позиции такого комплексного подхода в современной специализированной литературе вопросы задействования цифровых технологий применительно именно к предприятиям малого бизнеса мало изучены, а специфика адаптации таких технологий к реалиям и проблемам развития и функционирования малого бизнеса на современном этапе еще не выявлена. Кроме того, в большинстве статей чаще ставятся акценты на возможностях цифровых технологий для бизнеса, однако значительно реже указываются проблемные аспекты

их освоения, внедрения, и, еще реже обозначаются пути решения таких проблем, иллюстрируются практические результаты внедрения цифровых технологий и эффекты их воздействия на развитие бизнеса.

Таким образом, одним из ключевых факторов и путей повышения конкурентной активности малых предприятий является комплексная и оперативная цифровая трансформация бизнеса. Именно за счет задействования современных цифровых инструментов малые предприятия могут повысить свою конкурентоспособность, ускорить процессы принятия управленческих решений, снизить риск человеческого фактора, оптимизировать ключевые бизнес-процессы и снизить временные затраты на реализацию рутинных функций управления бизнесом, повысить свою узнаваемость на фоне конкурентов и своевременно задействовать актуальные меры государственной поддержки в данном направлении развития.

Целью данного исследования является расширение теоретических основ и практического применения цифровых технологий как важнейшего фактора укрепления конкурентных позиций малых предприятий. Также ставится задача разработки рекомендаций по эффективному использованию данных технологий в деятельности малых предприятий для повышения их устойчивости.

Первая гипотеза состоит в том, что повышение активности развития и функционирования, а также повышение конкурентоспособности малых предприятий достигается благодаря систематическому изучению, задействованию и оптимизации на комплексном уровне актуальных для каждого конкретного формата бизнеса цифровых технологий.

Вторая гипотеза заключается в том, что на пути цифровой трансформации бизнеса малых предприятий формируется обширный спектр проблем, решение которых достигается за счет своевременного планирования и внимательной организации процесса внедрения цифровых технологий с позиции комплексного подхода, а также на последующих актуальных для потребностей бизнеса корректировках способов, направлений задействования таких технологий.

Методы и материалы исследования

В качестве объекта исследования рассматриваются практические аспекты применения цифровых технологий в развитии и функционировании малого бизнеса. Предмет исследования — современные цифровые технологии и процесс их интеграции в деятельность малых предприятий. Методологическая основа исследования включает труды отечественных и зарубежных исследователей и экспертов в области цифровой трансформации бизнеса. В рамках анализа были использованы данные прямого первичного исследования, охватывающего особенности и проблемы внедрения цифровых технологий среди 474 респондентов из зарубежных компаний.

Результаты исследования и их обсуждение Понятийный аппарат

Так как тема исследования включает в себя несколько взаимосвязанных понятий, то перед исследованием практических возможностей задействования цифровых технологий, актуальных для повышения конкурентоспособности, и, продуктивного развития и функционирования малых предприятий, прежде всего, целесообразно кратко ознакомиться с базовыми понятиями.

Малый бизнес

Малый бизнес представляет собой вид хозяйственной деятельности, характеризующийся гибкостью структуры управления, приспособляемостью к рынку, рисками для получения высоких доходов, постоянным самовоспроизводством, организационно-хозяйственной новизной, узким сегментом рынка, высокой динамикой развития (Дударева, 2020; Обухова, 2022).

С 01 августа 2016 г. в РФ, адаптивно Федеральному закону «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» № 209-ФЗ, малые предприятия могут включать в свой кадровый штат до 100 чел., получать доход до 800 млн. руб. Данные показатели оцениваются за предыдущий календарный рабочий год. Приведенные значения указанных критериев являются ключевыми для того, чтобы российское предприятие функционировало в сегменте малого бизнеса (Купцова, Степанов, 2023).

Практически интересным является подход к трактовке малого бизнеса авторов А.В. Кельманской, Е. И. Зуевой, сформулированный в их статье «Особенности управления предприятиями малого бизнеса в сложных экономических условиях», согласно которому малое предпринимательство - это предприятие, характеризующееся небольшим количеством товара и сотрудников, выделяющее в качестве одной из ключевых целей деятельности стабильное получение высокой прибыли и специализирующееся на таких направлениях деятельности, как: производство продукции, продажи продукции, оказание услуг в сфере строительства, финансового консультирования и управления, ведение сельского хозяйства и др. (Кельманская, Зуева, 2022).

Цифровая трансформация

В широком смысле цифровая трансформация представляет собой переходную стадию экономики, ключевыми факторами стабильного развития и управления процессами производства и продаж в которой становятся цифровые технологии (Атурин, Мога, 2020). В узком смысле цифровая трансформация представляет собой развитие бизнеса под влиянием цифровых технологий.

В подходах авторов K. Warner, M. Wäger, G. Vial, цифровая трансформация трактуется как постоянный процесс обновления, улучшения и развития бизнес-моделей и бизнес-процессов через задействование цифровых технологий на комплексном уровне (Warner K, Wäger, 2018; Vial, 2019).

Цифровые технологии: понятие, специфика, базовые виды

Указанное понятие находится в прямой взаимосвязи с понятием «цифровая трансформация», так как является инструментом практической оптимизации управления и ведения бизнеса с задействованием цифровых технологий.

Практически комплексным является подход автора Ю.И. Данеевой, обозначающей цифровые технологии как технологии, развивающие цепочку создания стоимости, взаимодействия между субъектами рынка, способствующими повышению операционной эффективности и разработкам новой бизнес-модели, товара, услуги (Данеева, 2019).

Анализ источников по теме исследования позволил выделить такие базовые группы цифровых технологий, как: информационно-аналитические сервисы, в том числе на базе искусственного интеллекта, системы управления базами данных, маркетплейсы, интернет-магазины, онлайн-каналы для продвижения и рекламы товара, сайта, комфортные для клиентов сервисы онлайн-оплаты (Вирин, 2023; Данеева, 2019; Курбанова, 2023).

Конкурентоспособность: понятие, специфика

В качестве практически интересного определения следует привести трактовку авторов А.А. Верзуна, Д.В. Рыневой, в соответствии с которой конкурентоспособность обозначается как способность осуществлять производство и реализацию товаров, оказывать услуги так же либо более эффективно, чем компании-конкуренты (Верзун, Рынева, 2022).

Однако более комплексная трактовка конкурентоспособности предприятий сформулирована авторами А. Chikan, E. Czako как способность компании на постоянном уровне достигать двойную цель, а именно: удовлетворять спрос потребителей и получать доходы через презентацию на рынке продукции и сервисов, которые потребители ценят выше, чем те, что предлагают фирмы-конкуренты, что требует систематической адаптации к меняющимся реалиям рынка (Chikan, Czako, 2022).

Но чтобы эту цель достичь, малым предприятиям необходимо преодолеть такие ключевые проблемы, как: обострение конкурентной борьбы, расширение ассортимента и внедрение комфортных для потребителей сервисов поиска, оплаты товара при одновременной нехватке финансовых и кадровых ресурсов. Решением указанных и иных проблем развития малого бизнеса и инструментом повышения конкурентоспособности является предварительное изучение, выявление наиболее актуальных для потребностей цифровых технологий и их практическое задействование в производстве, продажах, и сервисе клиентской аудитории.

И чтобы сориентироваться, как лучше подступиться к цифровым технологиям, предугадать потенциальные проблемы и риски, целесообразно ознакомиться с опытом зарубежных предприятий, внедривших цифровые технологии и оценивших проблемные аспекты внедрения таких технологий.

Обзор результатов практического исследования

Среди разных исследований динамики задействования цифровых технологий в сегменте малого и среднего бизнеса, в качестве наиболее комплексного следует обозначить прямое *первичное исследование 474-х компаний-респондентов Словении, проведенное в 2023-м году методом онлайн-опроса*, с анкетой из тринадцати вопросов закрытого типа, проведенного авторами В.В. Hojnik, I. Hudak. В силу объема исследования, автором ниже в структуре данной статьи приводятся базовые результаты, наиболее актуальные для иллюстрации возможностей цифровых технологий как инструмента развития бизнеса и повышения конкурентоспособности малых предприятий.

Перед иллюстрацией основных результатов исследования необходимо кратко охарактеризовать базу активных, откликнувшихся на опрос, респондентов. Так, среди респондентов 69% относятся к компаниям *сервисного типа*, и, 31%, соответственно, к компаниям *производственного типа*. При выборе категории размера своей компании было выявлено, что 50% респондентов представляли *микропредприятия*, 33% - *малые предприятия*, 13% - *средние предприятия* и 4% - *крупные предприятия* (Hojnik, Hudak, 2023).

Так, в ходе указанного первичного исследования через предоставление возможности выбора 15-ти разных технологий, В.В. Hojnik, I. Hudak, в первую очередь, выявили *наиболее востребованные* на современном этапе среди представителей малого и среднего предпринимательства, *цифровые технологии*.

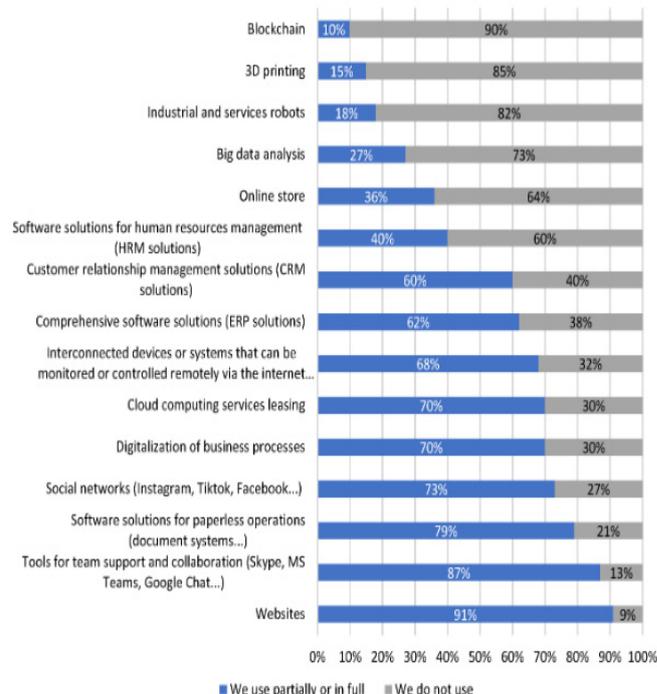

Рисунок 1. Использование различных цифровых решений и технологий.

Источник: Hojnik V.B., Hudak I. *Small and Medium-Sized Enterprises in the Digital Age: Understanding Characteristics and Essential Demands* // Information. - 2023. - № 14 (11). - p. 606. <https://doi.org/10.3390/info14110606>

Как это видно из рисунка 1 на следующей странице настоящего исследования, малые и средние предприятия преимущественно задействуют простые, широко распространенные и проверенные технологические решения, такие, как: веб-сайты (91%), инструменты поддержки команды (87%), бумажные бизнес-программы (79%), а также социальные сети (73%).

С другой стороны, среди ответов компаний были наименее представлены передовые или новые технологии, такие как блокчейн (10%), 3D-печать (15%), а также промышленные и сервисные роботы (18%).

Таким образом, в рамках иллюстрации рисунка 1 автором была решена двойная задача. Во-первых, выявлена практика задействования наиболее популярных цифровых решений в бизнесе 474-х компаний. Во-вторых, приведен спектр цифровых технологий, актуальных для современного бизнеса.

В качестве *недостатка* приведенного *исследования* в рамках *данного вопроса* (рисунок 1) следует указать *отсутствие* в анкете, и, соответственно, в ответах такой активно набирающей темпы технологии, как *технологии на базе «Artificial Intelligence» (AI)* или «Искусственного интеллекта» (ИИ).

Вторым важным результатом исследования В.В. Нойник, I. Нудек является описательная *статистика достигнутых эффектов цифровизации* (таблица 1).

Эффекты, которых компании стремятся достичь через внедрение цифровых технологий, разнообразны и зависят от их потребностей (таблица 1).

Таблица 1
Статистика достигнутых эффектов цифровизации

№	Variable	Переменная	Mean / Значение	Std. Error / Стд. погрешность	Стд. Статистика отклонений
1	Seamless remote work	Бесперебойная удаленная работа	3.64	0.07	1.27
2	Improved business efficiency	Повышение эффективности бизнеса	3.46	0.06	1.13
3	Improved access to company information and enhanced quality	Улучшенный доступ к информации о компании и повышенное качество	3.42	0.06	1.16
4	Improved user experience and customer retention	Улучшение пользовательского опыта и удержание клиентов	3.25	0.06	1.17
5	Cost reduction and product quality improvement	Снижение затрат и повышение качества продукции	3.13	0.06	1.14
6	Expanding the customer base	Расширение клиентской базы	2.89	0.07	1.26
7	Changing company culture	Изменение корпоративной культуры	2.75	0.06	1.15
8	More effective integration	Более эффективная интеграция	2.67	0.07	1.21

	into supply chains	тивная интеграция в цепочки поставок			
9	Company differentiation	Дифференциация бизнеса компании	2.64	0.07	1.21

Переведено и составлено автором на базе источника: Hojnik V.B., Nudek I. *Small and Medium-Sized Enterprises in the Digital Age: Understanding Characteristics and Essential Demands // Information*. - 2023. - № 14 (11). - p. 606. <https://doi.org/10.3390/info14110606>

База таблицы 1 – это 5-балльная шкала Лайкерта, где «1» означает «отсутствие эффекта», а «5» означает «очень значительный эффект».

Так первая строчка таблицы 1 показывает, что опрошенные компании добились, преимущественно, бесперебойной удаленной работы. На втором месте по достигнутому от цифровизации эффектам находится повышение эффективности бизнеса, на третьем месте - улучшенный доступ к информации о компании и повышенное качество, на четвертом - улучшение пользовательского опыта и удержание клиентов. На пятом месте, набравшим более 3-х баллов, выявлен очень важный для решения ранее обозначенных проблем малого бизнеса результат, а именно повышение качества продукции, и, в особенности, снижение затрат. Однако, опрошенные компании меньше всего добились дифференциации бизнеса, роста эффективности интеграции в цепочки поставок и изменения корпоративной культуры (таблица 1).

Базовые проблемы применения цифровых технологий указаны в таблице 2.

Таблица 2
Статистика проблем цифровизации, с которыми сталкиваются компании.

№	Variable	Переменная	Mean / Значение	Std. Error / Стд. погрешность	Стд. Статистика отклонений
1	Lack of financial resources for digitalization	Нехватка финансовых ресурсов для цифровизации	3.13	0.07	1.36
2	Lack of suitable employees for digitalization due to overwork	Нехватка подходящих для цифровизации сотрудников из-за перегруженности работой	3.08	0.07	1.34
3	Challenges in implementing digitalization	Проблемы, связанные со внедрением цифровых технологий	2.97	0.06	1.20
4	Lack of adequate knowledge in the field of digitalization within the company	Отсутствие адекватных знаний в области цифровизации в компании	2.92	0.06	1.22
5	Unfamiliarity with the digital transformation process	Незнание процесса цифровой трансформации.	2.83	0.06	1.23
6	Difficulties in planning digitalization	Сложности при планировании цифровизации	2.83	0.06	1.23

7	Lack of appropriate digital solutions for the company	Отсутствие подходящих цифровых решений для компании	2.69	0.07	1.31
---	---	---	------	------	------

Переведено и составлено автором на базе источника: Hojnik B.B., Hušek I. *Small and Medium-Sized Enterprises in the Digital Age: Understanding Characteristics and Essential Demands // Information. - 2023. - № 14 (11). – p. 606. https://doi.org/10.3390/info14110606*

Среди базовых проблем, с которыми столкнулись компании на этапе цифровой трансформации, сведенных также по шкале Лайкерта от 1 до 5 баллов, где 1 означает «не представляет проблемы», а 5 – «представляет серьезную проблему», по итогам исследования В.В. Hojnik, I. Hušek было выявлено, что наиболее значимыми проблемами для компаний стали нехватка финансовых ресурсов для цифровизации и профильных специалистов (таблица 2).

Средними по значимости проблемами для компаний стали сложности планирования процессов цифровой трансформации, а также отсутствие подходящих потребностям компаний цифровых решений (таблица 2). Аналогичные тренды в рамках выявленных проблем цифровизации среди словенских малых и средних предприятий были выявлены авторами A. Pucihar, K. Mohar Bastar, G. Lenart в исследовании, проведенном в 2022 году среди словенских малых и средних предприятий (Pucihar, Mohar Bastar, Lenart, 2022).

Статистика поддержки, необходимой компаниям малого и среднего бизнеса для цифровизации, сгруппирована автором в таблице 3.

Таблица 3
Статистика поддержки, актуальной для цифровизации предприятий

№	Variable	Переменная	Mean / Значение	Std. Error / Стд. погрешность	Стд. Статистика отклонений
1	In financing digitalization	В финансировании цифровых технологий	3.91	0.07	1.24
2	In the process of digitalization	В процессе цифровизации	3.48	0.07	1.22
3	In enhancing the digital competencies and knowledge of employees	В повышении цифровых компетенций и знаний сотрудников	3.42	0.07	1.26
4	In the use of digital solutions (tools)	В использовании цифровых решений (инструментов)	3.35	0.07	1.24
5	In the preparation of the digitalization strategy	При разработке стратегии цифровизации	3.29	0.08	1.38
6	In searching for suitable solution providers for companies	В поисках подходящих поставщиков решений для компаний	3.17	0.07	1.35

Переведено и составлено автором на базе источника: Hojnik B.B., Hušek I. *Small and Medium-Sized Enterprises in the Digital*

Age: Understanding Characteristics and Essential Demands // Information. - 2023. - № 14 (11). – p. 606. https://doi.org/10.3390/info14110606

Малый бизнес часто сталкивается с нехваткой различных ресурсов, актуальных для эффективного развития бизнеса, что указывает на выраженную потребность в поддержке в рамках функциональной предпринимательской экосистемы (Черненко, Чернышева, 2020).

Чтобы обеспечить адекватную поддержку, благоприятная среда должна соответствовать потребностям малых и средних предприятий. На базе сбора данных по 5-балльной шкале Лайкерта в исследованиях авторов В.В. Hojnik, I. Hušek, опрошенные компании определили финансовую поддержку в процессе цифровизации как наиболее актуальную для своего бизнеса (потребность со средним значением 3,91 (таблица 3)). Данный вывод согласуется с ранее выявленными проблемами, связанными с нехваткой финансовых ресурсов. Вслед за потребностью в финансовых ресурсах компании также заявили о необходимости поддержки в процессе цифровизации, в развитии знаний и навыков в управлении проектами цифровизации, в поисках актуальных для потребностей компаний цифровых технологий и решений.

Разработка комплекса мер по внедрению цифровых технологий

С учетом выявленных особенностей и проблем цифровой трансформации малых предприятий, и, принимая во внимание текущий весьма сложный этап развития и функционирования малых предприятий в пост-ковидных и санкционных условиях, автором был разработан комплексный и логически взаимосвязанный алгоритм мероприятий по изучению и внедрению цифровых технологий в малые предприятия, систематизированный в рамках таблицы 4.

Таблица 4
Комплекс мер по внедрению цифровых технологий, соответствующий базовым этапам цифровой трансформации малых предприятий

Этап / Специфика	Проблема конкурентоспособности	Проблема цифровизации бизнеса	Потенциальные риски	Решения / Меры
1. Понимание потребности в цифровых технологиях (кратко по табл., ЦТ)	Отсутствие понимания или некомплексное понимание того, что ЦТ является актуальным трендом и реальным процессом развития бизнеса современного МП, а также инструментом снижения его затрат	Отсутствие налаженного комплексного подхода к поэтапному внедрению ЦТ с учетом потребностей малого бизнеса, особенно в ситуации самостоятельного организуемой ЦТ	Неприятие руководителями необходимости оптимизаций. Неприятие персонала актуальности новых решений. Отсутствие знаний об эффектах от ЦТ. Нежелание расходов ресурсы на ЦТ	Участие, особенно директоров малых предприятий, в госпрограммах типа Chief Digital Transformation Officer (CDTO) по обучению цифровой трансформации компании. Участие в выставках, обучающих семинарах
2. Оценка внутренних и	Отсутствие или редкое	Очень затратный по временным,	Проявление реаль-	Анализ структуры и

внешних факторов	и некомплексное исследование сил и слабостей, угроз и возможностей малого предприятия	кадровым и финансовым ресурсам процесс из-за отсутствия применения цифровых решений такого анализа	ных внутренних проблем, которые нужно решать и конкурентов, которых надо изучать и активно обгонять	бизнес-процессов, компетенций в ЦТ. Анализ своего клиента и его потребностей в товаре, сервисе. Анализ конкурентов, особенно их сильных, слабых сторон, в т.ч. в применении ЦТ.
3. Проектирование стратегии ЦТ	Отсутствие или низкий уровень компетенций для таких разработок	Узкий спектр исследований с практическими примерами, кейсами разработки и внедрения стратегий ЦТ	Формирование некомплексной стратегии, не учитывающей все аспекты, потребности бизнеса	Разработка стратегии ЦТ по итогам анализа этапа 2 ЦТ по направлениям «конкурент», «клиент», создание «ценности», и др.
4. Разработка плана и внедрение цифровых технологий в бизнес	Отсутствие или низкий уровень навыков и опыта по разработке тактических планов ЦТ	Сложности поиска актуального решения по ЦТ и ИТ-фирмы, способной разработать и «защитить» свой продукт	Риск кибератак, направленных на получение конфиденциальных данных, данных ноу-хау и др.	Тщательный поиск и отбор опытных ИТ-агентств с оптимальным соотношением «цена-качество решения»
5. Мониторинг ЦТ	Отсутствие системы показателей	Затраты времени и кадров на мониторинг ЦТ	Неправильная интерпретация результатов ЦТ	Создание системы показателей «под свой бизнес»
6. Корректировки тактики и стратегии ЦТ	Отсутствие времени, иных ресурсов на корректировки	При первичных сложностях с ЦТ отсутствие настроения развивать ЦТ на перспективу	Появление новых «цифровых» малых предприятий. Адаптация к изменениям в законах	Постоянное отслеживание конкурентной и оценка своей цифровой активности, изменений в законах и других аспектов ЦТ

Источник: составлено автором по материалам статей И.А. Аренкова, 2021; А.С. Зайцевой, 2021; М.М. Степанова, 2022, а также по результатам проведенного исследования.

Фундаментом для выделения перечня этапов внедрения цифровых технологий стала соответствующая схема в статье «Механизм цифровой трансформации субъектов малого бизнеса» автора М.М. Степанова. При этом наполнение и детализация этапов задействования цифровых технологий на малых предприятиях было сформировано автором адаптивно использованным материалам и результатам настоящего исследования.

Продуктивной для интеграции в таблицу 4 ключевых рисков стала статья автора И.А. Аренкова «Цифровая трансформация: направления исследований и цифровые риски», в которой, однако, с учетом результатов проведенного исследования не

указаны актуальные риски, связанные с низким уровнем развития цифровых компетенций управленческого персонала малого предприятия, способные при их проявлении значительно снизить продуктивность процессов цифровой трансформации и эффективность управления бизнесом малого предприятия. Здесь важно указать, что именно на предупреждение и нивелирование этой группы рисков направлена статья А.С. Зайцевой, которая несмотря на 2021-ый год публикации, весьма комплексно освещает вопрос компетенций предпринимателей, востребованных на современном этапе активной цифровой трансформации предприятий малого и среднего бизнеса.

В целом разработанный автором комплекс мер, соответствующий базовым этапам цифровой трансформации и актуальным для малых предприятий проблемам конкурентоспособности, проблемам использования цифровых технологий, обозначенных с учетом потенциальных рисков и соответствующих решений, мероприятий, является удобной комплексной инструкцией того, как руководителям малых предприятий целесообразно действовать на каждом из этапов изучения, внедрения и применения цифровых технологий в развитии своего бизнеса. Применение данного механизма позволит руководителям малых предприятий спрогнозировать и минимизировать потери, приумножить свои сильные стороны и ресурсы с учетом: основных целей бизнеса, потребностей целевой аудитории и активностей ключевых конкурентов в области цифровых решений, в том числе в направлении работы с их целевыми аудиториями.

Заключение

В данном исследовании проведен обзор и организована систематизация статей по тематике использования цифровых технологий как инструмента и направления повышения конкурентоспособности малых предприятий. Прежде всего, проведено ознакомление с такими ключевыми понятиями, как: малый бизнес, цифровые технологии, цифровая трансформация бизнеса, конкурентоспособность предприятия. Также сгруппированы результаты актуальных исследований зарубежных компаний с выявлением цифровых технологий и особенностей, проблем цифровизации бизнеса таких предприятий.

Также был сделан вывод о том, что цифровая трансформация малых предприятий реализуется через изучение, адаптацию и внедрение цифровых технологий, соответствующих конкретным целям бизнеса и актуальным потребностям повышения конкурентоспособности таких предприятий.

По итогам настоящего исследования подтверждается предположение о том, что усиление активности развития и функционирования, а также повышение конкурентоспособности малых предприятий достигается благодаря систематическому изучению, задействованию и оптимизации на комплексном уровне актуальных для каждого конкретного формата бизнеса цифровых технологий. При этом важнейшими факторами успешной и продуктивной цифровой трансформации являются оперативное,

то есть, более оперативное, чем у конкурентов изучение и внедрение цифровых технологий, комплексный подход к планированию и внедрению таких работ, а также систематический мониторинг эффектов, получаемых от внедрения цифровых технологий.

Также по итогам исследования подтверждается второе предположение о том, что на этапах цифровой трансформации бизнеса малых предприятий образуется широкий спектр проблем, решение которых достигается за счет тщательного поэтапного планирования и организации процесса цифровой трансформации на комплексном уровне, а также систематической оптимизации тактики и стратегии применения цифровых технологий на предприятии.

В итоге, проведенное исследование позволило выявить ключевые аспекты и проблемы использования цифровых технологий на малых предприятиях.

В свою очередь, по результатам такого комплексного исследования, принимая во внимание потенциальные проблемы конкурентоспособности, проблемы цифровизации бизнеса и соответствующие потенциальные риски, а также учитывая актуальную потребность малых предприятий в оценке активностей ключевых конкурентов в области цифровых решений, в том числе в направлении работы с их целевыми аудиториями, автором был разработан поэтапный комплекс мер по внедрению цифровых технологий на малых предприятиях, направленный на прогнозирование и снижение потерь бизнеса, а также на усиление сильных сторон малых предприятий, на более гибкое использование текущих ресурсов для достижения таких основных целей бизнеса и повышения его конкурентоспособности, как: удовлетворение потребностей и спроса целевой аудитории, и, систематическое получение прибыли.

Кроме того, выявлены две потенциальные проблемы цифровой трансформации малых предприятий, требующие более детального рассмотрения в рамках отдельных направлений исследований на перспективу, а именно вопросы финансирования цифровых технологий и риски задействования таких технологий, связанные с обеспечением охраны бизнес-информации, в том числе с потребностью адаптации к изменениям в соответствующих законах, а также связанные с появлением новых активных цифровых игроков малого бизнеса.

Литература

1. Аренков И.А., Салихова Я.Ю., Сайфутдинов А.А. Цифровая трансформация: направления исследований и цифровые риски // Креативная экономика. – 2021. – № 7. – С. 2757-2776. <https://doi.org/10.18334/ce.15.7.112414>.
2. Атурин В.В., Мога И.С. Управление цифровой трансформацией: научные подходы и экономическая политика // Управленец. - 2020. - № 2. - С. 67-76. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-2-6>.
3. Верзун А.А., Рынева Д.В., Боркова Е.А. Пути повышения конкурентоспособности малого бизнеса // Вестник науки. Экономика и бизнес. – 2022. - № 12 (57). – С. 40-44.
4. Вирин Ф. Стратегия eCommerce 2023: тренды и прогнозы // Официальный сайт аналитической компании Datainsight. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://datainsight.ru/DI_FedorVirin_eCommerce_Oborot_2023 (дата обращения: 18.01.2024).
5. Данеева Ю.О. Теоретический подход к цифровизации: обзор зарубежной литературы и новые направления исследования // Хроноэкономика. Экономика и бизнес. – 2019. - № 5 (18). – С. 53-58.
6. Дударева О.В., Аракчеев Д.В., Дударев Д.Н. Концептуальные аспекты перехода к умному производству в условиях цифровизации // Организатор производства. - 2020. - № 4. - С. 7–15. <https://doi.org/10.36622/VSTU.2020.87.64.001>.
7. Зайцева А.С. Влияние цифровых компетенций субъектов малого и среднего предпринимательства на развитие бизнеса // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. - № 2. - С. 313-322. <https://doi.org/10.18334/epp.11.2.111640>.
8. Кельманская А.В., Зуева Е.И. Особенности управления предприятиями малого бизнеса в сложных экономических условиях // Сборник статей научно-практической конференции «Аграрная наука и образование: проблемы и перспективы». - 2022. - № 1. - С. 169-174.
9. Купцова Е.В., Степанов А.А. Бизнес-планирование: учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2023. – 435 с.
10. Курбанова Н. Торговый нейропуть: как анализ отзывов с помощью ИИ повысит продажи. Газета «Известия». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/1567026/naina-kurbanova/torgovyi-neiroput-kak-analiz-otzyvov-s-pomoshchiu-ii-povysit-prodazhi> (дата обращения: 20.01.2024).
11. Обухова А.С., Беляева О.В., Ершов А.Ю. Управление инновационной цифровизацией промышленности в условиях трансформации экономики // Вестник Академии знаний. - 2022. - № 1 (48). - С. 233–239. <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2022-48-1-233-239>.
12. Степанов М.М. Механизм цифровой трансформации субъектов малого бизнеса // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. - 2022. - № 3. - С. 88-97. <https://doi.org/10.18413/2408-9346-2022-8-3-0-8>.
13. Черненко О.Б., Чернышева Ю.Г. Экосистемный подход к развитию малого и среднего предпринимательства // Учет и статистика. Экономика и бизнес. – 2020. - № 4 (60). – С. 51-57.
14. Chickan A., Czako E., Dobronyi B.K., Losonci D. Firm competitiveness: A general model and a manufacturing application // International Journal of Production Economics. – 2022. - № 243. – p. 1-13. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2021.108316>.
15. Hojnik B.B., Hudek I. Small and Medium-Sized Enterprises in the Digital Age: Understanding Characteristics and Essential Demands // Information. - 2023. - № 14 (11). – p. 606. <https://doi.org/10.3390/info14110606>.
16. Pucihar A., Mohar Bastar K., Lenart G. Digital Transformation Journey of Organizations in Slovenia //

Univerzitetna Založba. Fakulteta za organizacijske vede. - 2022. - № 1. - p. 1-20. <https://doi.org/10.18690/um.fov.6.2022>.

17. Vial G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda // Journal of Strategic Information Systems. - 2019. - № 28 (2). - p. 118-144. <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.003>.

18. Warner K., Wäger M. Building dynamic capabilities for digital transformation: An ongoing process of strategic renewal // Long Range Planning. - 2018. - № 52 (3). - p. 344. <https://doi.org/10.1016/j.lrp.2018.12.001>.

Practical aspects of using digital technologies in small business

Kotov Alexey Dmitrievich

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The article analyzes the practical potential of using digital technologies to improve the competitiveness of small businesses. The main concepts and terms related to this topic are outlined. The practical aspects and difficulties arising in the digital transformation of small businesses are considered. A set of measures aimed at the successful implementation of digital technologies, structured by the main stages of digital transformation of small businesses, is also proposed. The study uses the methods of analysis of specialized sources, hypothesis, as well as statistical analysis and synthesis.

Keywords: small enterprise, digital technologies, digital transformation, competitiveness, business, digitalization effects.

References

1. Arenkov I.A., Slihova Ya.U., Saifutdinov A.A. Tsifrovaya transformatsia: napravlenia issledovaniia i tsifrovie riski // Kreativnaya ekonomika. - 2021. - № 7. - S. 2757-2776. <https://doi.org/10.18334/ce.15.7.112414>.
2. Aturin V.V., Moga I.S. Upravlenie tsifrovoi transformatsiei: nauchnie podhodi i ekonomicheskaya politika // Upravlenec. - 2020. - № 2. - S. 67-76. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-2-6>.
3. Verzun A.A., Rineva D.V., Borkova E.A. Puti povishenia konkurentosposobnosti malogo biznisa // Vestnik nauki. Ekonomika i biznes. - 2022. - № 12 (57). - S. 40-44.
4. Virin F. Strategija eCommerce 2023: trendi i prognozi // Ofitsialnii sait analiticheskoi kompanii Datainsight [Elektronii resurs]. Regim dostupa: https://datainsight.ru/DI_FedorVirin_eCommerce_Oborot_2023 (data obrashenia: 20.01.2024).
5. Daneeva Yu.O. Teoreticheskii podhod k tsifrovizatsii: obzor zarubegnoi literaturi i novie napravlenia issledovaniia // Chronoeconomica. Economica i biznes. - 2019. - № 5 (18). - S. 53-58.
6. Dudareva O.V., Arakcheev D.V., Dudarev D.N. Kontseptualnie aspekti perehoda k umnomu proizvodstvu v usloviyax tsifrovizatsii // Organizator proizvodstva. - 2020. - № 4. - S. 7-15. <https://doi.org/10.36622/VSTU.2020.87.64.001>.
7. Zaitceva A.S. Vliyanie tsifrovih kompetentsii subjektov malogo i srednego predprinimatelstva Na razvitie biznisa // Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo. - 2021. - № 2. - S. 313-322. <https://doi.org/10.18334/epp.11.2.111640>.
8. Kelmanskja A.V., Zueva E.I. Osobennosti upravlenia predpriyatijami malogo biznisa v slognih ekonomicheskikh usloviyakh // Sbornik statei nauchno-prakticheskoi konferentsii «Agrarnaja nauka i obrazovanie: problemi i perspektivi». - 2022. - № 1. - p. 169-174.
9. Kuptcova E.V., Stepanov A.A. Biznes-planirovanie: uchebnik i praktikum dlja vuzov. - M.: Jurait, 2023. - 435 p.
10. Kurbanova N. Torgovii neiroputj: kak analiz otzivov s pomoshju II povisit prodagi. Gazeta Izvestija. [Elektronii resurs]. Regim dostupa: <https://iz.ru/1567026/naina-kurbanova/torgovyi-neiroput-kak-analiz-otzyvov-s-pomoshchiu-ii-povysit-prodazhi> (data obrashenia: 20.01.2024).
11. Obuxova A.S., Belyaeva O.V., Ershov A.Yu. Upravlenie innovatsionnoi tsifrovizatsiei promishlennosti v usloviyakh transformatsii ekonomiki // Vestnik Akdemii znaniia. - 2022. - № 1 (48). - S. 233-239. <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2022-48-1-233-239>.
12. Stepanov M.M. Mehanizm tsifrovoi transformatsii subjektov malogo biznisa // Nauchnii rezultat. Tehnologii biznisa i servisa. - 2022. - № 3. - S. 88-97. <https://doi.org/10.18413/2408-9346-2022-8-3-0-8>.
13. Tchernenko O.B., Tchernisheva Yu.G., Kurinova Ya.I. Ekosistemnii podhod k razvitiyu malogo i srednego predprinimatelstva // Uchet i statistika. Economica i biznes. - 2020. - № 4 (60). - S. 51-57.
14. Chikan A., Czakó E., Dobronyi B.K., Losonci D. Firm competitiveness: A general model and a manufacturing application // International Journal of Production Economics. - 2022. - № 243. - p. 1-13. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2021.108316>.
15. Hojnik B.B., Huđek I. Small and Medium-Sized Enterprises in the Digital Age: Understanding Characteristics and Essential Demands // Information. - 2023. - № 14 (11). - p. 606. <https://doi.org/10.3390/info14110606>.
16. Pucihar A., Mohar Bastar K., Lenart G. Digital Transformation Journey of Organizations in Slovenia // Univerzitetna Založba. Fakulteta za organizacijske vede. - 2022. - № 1. - p. 1-20. <https://doi.org/10.18690/um.fov.6.2022>.
17. Vial G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda // Journal of Strategic Information Systems. - 2019. - № 28 (2). - p. 118-144. <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.003>.
18. Warner K., Wäger M. Building dynamic capabilities for digital transformation: An ongoing process of strategic renewal // Long Range Planning. - 2018. - № 52 (3). - p. 344. <https://doi.org/10.1016/j.lrp.2018.12.001>.

Эгалитарные методы в менеджменте и экономике

Овсянникова Татьяна Анатольевна

д.с.н., проректор по научной работе и инновационному развитию, МГТУ

Лябах Николай Николаевич

д.т.н., ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра цифровых, интеллектуальных и инновационных технологий

Раскрыт и уточнен смысл эгалитаризма применительно к задачам менеджмента и экономики. Приведены практические примеры, характеризующие проблемы производственного эгалитаризма (иерархическое управление, формирование благоприятного климата в организации, распределение ресурсов и заданий на производстве). Отдельно отмечена роль эгалитаризма в создании Единого интеллектуального информационного пространства региона. Сформулирована новая роль математических методов в менеджменте, а именно: они обеспечивают возникновение и укрепление эгалитаризма в организации. Эта роль проиллюстрирована на практической задаче: распределение ресурсов группы предприятий (например, саморегулируемых организаций) на основе принципа обратных приоритетов. Показано, что данный метод позволяет не только численно обосновать оптимальную загрузку предприятий (традиционная роль математических методов), но и сформировать благоприятную корпоративную культуру взаимодействия различных экономических агентов, а также адекватный сложившейся ситуации стиль управления руководителем. Перечислены и прокомментированы сферы применения этой теории, формирующей новую идеологию Кибернетики 2.0.

Ключевые слова: эгалитаризм в менеджменте и экономике, математические методы в обосновании корпоративной культуры и стиля управления руководителем, принцип обратных приоритетов, Кибернетика 2.0.

Статья подготовлена при поддержке гранта ФГБОУ ВО «МГТУ» № НП11 от 2024 г: «Единое интеллектуальное информационное пространство региона как фактор его устойчивого и эффективного развития».

Введение.

Согласно общепринятого определения [1]: «Эгалитаризм – это теоретическая концепция, в основе которой лежит идея, предполагающая создание общества с равными социальными и гражданскими правами всех членов этого общества, и, как идеал – равенство прав и возможностей выделяемых групп, сословий людей, их предприятий и объединений».

В зависимости от сферы исследуемых интересов эгалитаризм имеет различный смысл, требует различных методов формализации и различных же инструментов реализации. Практическая реализация эгалитаризма чрезвычайно затруднена вследствие ряда объективных и субъективных причин:

- Отсутствие в Природе отработанных подражательных практик для включения аналогий.

- Несовершенство развиваемой теории эгалитаризма (отсутствие четко определенных базовых категорий: социальное равенство, гражданские права, производственный эгалитаризм, ...).

- Незрелость программно-математического инструментария практического внедрения эгалитаризма. В настоящее время он отсутствует в явно выраженном виде.

В разные периоды развития теории акценты в исследовании эгалитаризма менялись. Так, например, у Платона он понимался как политическое равенство мужчин и женщин, Аристотель расширил это понятие до «политического равенства всех свободных граждан». В христианстве эгалитаризм означал «равенство перед Богом всех людей» [1]. В современной социологии семьи эгалитаризм утверждает равные права на самореализацию ее членов.

Вопросы определения, целесообразности и возможности реализации эгалитаризма остро стоят и в исследуемой нами сфере: менеджмент, производство, экономика, в целом. Действительно, в настоящее время есть нерешенные проблемы между коллегами внутри организации (различие позиций мужчин и женщин, молодых и возрастных специалистов), между исполнителями и руководством, между организациями в кластерах и саморегулируемых организациях (межорганизационная эгалитарность), между отраслями народного хозяйства региона или страны (межотраслевая эгалитарность), между субъектами Федерации (межсубъектная эгалитарность).

Гуманитарные науки (философия, социология, политология и др.) определяют, но не закрепляют на практике идеи эгалитаризма. Мы знаем массу примеров вольного искажения, казалось бы, четко определенных понятий:

- Демократия (по меркам, существовавшим в СССР, и действующим в настоящее время в США). Действительно, может ли считаться политический строй демократичным (провозглашенные равные

права, возможности и т. д.), если они насаждаются насильственно, не учитывая традиции народа, его религиозные и иные установки?

- Защита государственных интересов. Здесь показателен российский и израильский опыт ведения военных действий при защите своих интересов (Россия по возможности оберегает мирное население и инфраструктуру Украины, а Израиль все ставит на «победу», «не оглядываясь» на мирное население).

- Защита прав коренных народов (процессы в Прибалтике и Украине относительно русскоязычного населения, в Китае относительно уйгуров, в Турции относительно курдов и т. д.). В каждом случае эта проблема понимается и решается по-своему.

Отметим только один факт этой сложной проблемы. Сохраняя малые народы в их «первобытном виде» (реализуется принцип общественного, национального эгалитаризма), мы обрекаем всю страну на отсталость. Справедливо ли это ко всем остальным, да и к самим этим малым народам? Или надо «отменить» традиционность производственных отношений и перевести их на должный (конкурентоспособный) уровень развития?

В этой связи возникает законный вопрос: как реализовать эгалитаризм на практике? Кибернетика своей новой ролью (Кибернетика 2.0 [2]) может дать на этом пути положительные результаты. Математика, как основа кибернетических методов, в своей первой роли преследовала несколько целей:

- Дать адекватное представление об исследуемых объектах и процессах (идентификация управленческой и экономической сущности исследуемого объекта). Например, о динамике численности «популяций» (безработных, специалистов, предприятий, бизнесов), или о структуре их связей (ценологические модели). И т. д.

- Провести статистический анализ данных с целью идентификации конкретных параметров моделей предыдущего этапа исследования.

- Прогноз развития социально-экономических систем и процессов. Следует заметить, что использовать для этих целей модели первого (сущностного) типа нельзя [3].

- Управление социально-экономическими системами и процессами. В этом случае также нужны новые математические конструкции (отличные от сущностных и прогностических), устойчивые к малым изменениям исходных данных (корректные математические модели) [4].

Во второй своей роли [5] математика обеспечивает в кибернетических системах формирование самоорганизующихся систем управления, объективного корпоративного климата и взвешенного (между интересами коллектива и производства) стиля управления руководителем.

Часто, развивая некоторое понятие, мы обращаемся к аналогичным естественным объектам и процессам. Например: социально-экономические ценозы «списываются» нами с биоценозов (заимствуя при этом и название); механизмы самоорганизации, присущие природным явлениям, мы переносим

в социально-экономическую сферу; модели искусственного интеллекта формируются по образу и подобию естественного интеллекта человека и др. природных объектов (роя пчел, колонии муравьев, стаи волков и т. д.) и пр.

Если эту идею (эгалитаризма) также попробовать где-то скопировать в природе, то нас ждет разочарование: в природе эгалитарность не приветствуется: практически все мировое развитие (и в животном, и в растительном мире) основывается на конкуренции, подавлении слабых, на дифференциации роли и ответственности в существующих коалициях. То есть, эгалитаризм – это «выдумка» человека, и к ее реализации следует отнестись очень внимательно. В природе есть сотрудничество (птицы выклевывают паразитов у копытных животных, пчелы опыляют растения, у многих братьев наших меньших распространен груминг, ...), но это далеко не эгалитаризм.

Проблемы эгалитаризма в менеджменте и экономике.

В популярном (политически обусловленном) виде эгалитаризм предполагает, что «все члены общества должны иметь не только равные возможности, но и более или менее равные результаты» [6]. Поэтому активно пропагандируется (сомнительное с точки зрения справедливости) «равное распределение благ между членами общества». Но такой радикальный эгалитаризм уничтожает экономическую сущность, сдерживает прогресс общества во всех аспектах (инициативность, инновативность, стимулы к труду). Поэтому задача уточнение категориального аппарата предмета исследования является весьма актуальной. Заслуживает внимания и задача сравнения эгалитаризма в заявленных сферах.

Следует отдельно остановиться на роли эгалитаризма при создании крупных народно-хозяйственных проектов, например, Единого интеллектуального информационного пространства региона. Такое пространство включает в себя множество различных в сложной структуре отношений хозяйствующих субъектов региона. Добиться интеллектуального взаимодействия между ними можно только посредством усиления роли эгалитаризма (обеспечения равных прав на развитие).

Наиболее рельефно проявляется эгалитаризм в менеджменте, и в экономике в Японии. В наиболее распространенных корпоративных культурах в этой стране исповедуется по возможности равное обращение к сотрудникам. Ранг и статус их в организации учитывают личные качества очень в малом объеме. Это характерная черта японского управления. Внешне она проявляется в том, что служащие и рабочие носят одинаковую форму, имеют одинаковые условия труда и отдыха на производстве (пользуются одной столовой, комнатами отдыха и пр.), получают зарплату в один день, по одной схеме, и заработанную в соответствии с одними и теми же принципами.

Для актуализации настоящего исследования хотелось прокомментировать научную статью [7]. Ав-

торы утверждают: «проводимые в настоящей работе исследования соответствуют эгалитарному подходу в теории благосостояния» (стр. 89). В этом исследовании «основная идея эгалитарного подхода состоит в выравнивании индивидуальных полезностей кооперированных агентов» (стр. 90). Здесь все верно.

Полезность кооперирования авторами оценивается критериями взаимодействия агентов. Ими рассматриваются две модельные конструкции: с одним и с двумя критериями. Те группы агентов, которые обеспечивают выполнение этих критериев – эгалитарны (по мнению авторов [7]) в своей группе.

В первом случае минимизируется максимальное время перевозки грузов t_1 в рассматриваемом плане перевозок. Во втором случае рассматривается двухкритериальная задача с критериями t_1 и t_2 . Здесь t_2 – «суммарное время нахождения на полигоне всех маршрутов, посредством которых реализуется этот план».

Почему же утверждения, приводимые в статье и претендующие на научную новизну (и, как следствие, научную добросовестность) подвергаются нами сомнению? Все дело в неверной трактовке эгалитарности. Как удалась выяснить из выше приведенного анализа эгалитаризм это «равенство прав и возможностей выделяемых групп». В данном случае об этом речь не идет. Есть задание высшего уровня управления (в виде критериев t_1 или t_2), есть производственные возможности агентов (участников перевозочного процесса). Из числа последних выбираются подходящие под критерии участники (если такой выбор есть, например, выбор перевозчика) или ему «навязывают» нужный режим (если такого выбора нет). То есть, в работе [7] решается обычная оптимизационная транспортная задача.

Все позиции теории благосостояния относятся к агентам, а не к характеристикам исследуемых процессов, каковыми и являются в [7] показатели t_1 и t_2 .

Эгалитаризм, благосостояние и математический инструментарий.

Понятие эгалитаризма тесно связано с понятием «благосостояние». Исследуем эту связь подробнее.

Термин «благосостояние» характеризует степень обеспеченности отдельного человека или включающей его социальной группы (населения страны в целом, государства, классовой прослойки, семьи), материальными, финансовыми, социальными, духовными и иными благами.

Эгалитаризм в данном случае выступает как средство обеспечения вышеперечисленных агентов общества названными благами. Действительно, иметь равные возможности для самореализации (в семье, на производстве, в обществе) – это благо.

Теория благосостояния оперирует несколькими теоремами (как следствия аксиоматически принятых понятий – аксиом эгалитаризма).

Согласно первой теореме благосостояния «распределение характеризующее общее равновесие в экономике, является Парето-оптимальным» [8]. То есть, она акцентирует внимание на эффективности, а не на справедливости. Рынок, производящий

блага, распределяет свои ресурсы (природные, финансовые, материальные, человеческие) эффективно, игнорируя при этом факт справедливости такого распределения. А эгалитаризм – это прежде всего справедливость.

Формулировка второй теоремы благосостояния, по сути, обосновывает возможность реализовать Парето-оптимальное состояние на рынке в качестве экономического равновесия.

Таким образом, теоремы благосостояния определяют условия хозяйствования в обществе, а именно, структуру и свойства рынка производства и распределения благ.

Реализация первой и второй теорем благосостояния осуществляется в условиях классического рынка:

- Большое число не связанных друг с другом хозяйствующих субъектов соответствующего рынка.

- Никто не обладает монопольной и/или иной формой рыночной власти. То есть, никто не может влиять на цену, качество продукции и объемы производства.

- Производимый продукт (товар, услуги) удовлетворяет всем установленным требованиям (потребителя и контролирующих органов) и на рынке пользуется спросом.

- Нет внешних эффектов (санкций, интервенций рынка), при которых рыночное равновесие перестаёт быть эффективным.

Следовательно, экономическая наука при помощи теорем благосостояния «отгораживается» от проблем справедливого распределения в пользу эффективности. Для множества Парето-оптимальных состояний рынка экономистами в качестве базового признака выбираются доходы индивидов и фирм. Манипулируя ими, они достигают принятия таких решений, которые в равновесии дают результат, совпадающий с выбранным ими же состоянием.

Таким образом, принимая теорию благосостояния в ее существующем виде мы действуем против принципов эгалитаризма. Нужны новые подходы в экономике, компенсирующие это противоречие (по сути, между политическими и экономическим системами общества). Такие подходы связаны с внедрением в экономику формализованных подходов, объединяемых концепцией «Кибернетика 2.0» [9].

В основе этой теории лежит теория активных систем (ТАС) [10], согласно которой предпочтения агентов рынка (хозяйствующих субъектов) должны быть выпуклыми. Эта дополнительная предпосылка по отношению к первой теореме благосостояния не является строгой. Именно такими критериями отражаются интересы агентов.

Иерархическое управление, рыночные схемы хозяйствования – основа нарушения принципа эгалитаризма.

Действительно, можно привести многочисленные примеры, подтверждающие этот тезис.

В менеджменте. Подчинение одного уровня управления другому (иерархическое управление) – путь к неравенству в менеджменте и экономике. Ав-

торитарный стиль управления, а также корпоративная культура власти в организации – также признаки отсутствия эгалитаризма.

В экономике. Отдавая (даже отчасти) на волю рынка, мы создаем прецеденты: «выживает сильнейший», кризисы – обязательный элемент рыночного развития, монополизация рынка. Исповедуя и противоположный (рыночному) – плановый принцип хозяйствования, мы также приходим к нарушениям признаков эгалитаризма (принятый план, как правило, выполняется без обсуждения).

Следует признать, что эгалитаризм имеет ограниченное применение не только в менеджменте и экономике, но и в обществе в целом. Он стремится не к абсолютному, а рациональному применению. В сообществах людей он реализуется в ограниченных производственных, пространственных и временных рамках.

Подходы к решению задачи распределения дефицитного ресурса и принцип обратных приоритетов.

Рассмотрим иллюстративный пример. Пусть объединение трех предприятий (например, саморегулируемая организация) выпускает одинаковую продукцию, но имеют разные производственные характеристики. На некоторый промежуток времени каждое из них нуждается в следующих количествах ресурса (финансов, строительных материалов, комплектующих и т. д.): соответственно 9, 6, 3 (в условных единицах). Верхний уровень управления этим объединением предприятий может предоставить 12 единиц данного ресурса. Как распределить дефицитный ресурс между предприятиями? Возможны следующие подходы:

Решение 1. Пропорционально заявкам. Согласно этому принципу, предприятия из нашего примера соответственно получают: 6, 4, 2 условных единиц ресурса.

Решение 2. Обеспечивая максимальную эффективность производства. Руководствуясь этим принципом наиболее эффективное производство получит максимум ресурса, оставшийся забирается следующим по эффективности предприятием. Обеспечивая общую максимальную эффективность, мы «включили» механизм монополизации производства. Оставшийся монополист будет диктовать качество, цену продукции, сроки исполнения заданий.

Решение 3. Поддерживая слабые, например, распределяя ресурс поровну. В этом случае монополизм не развивается (сильные предприятия «закрываются», слабые поддерживаются), но эффективность такого производства низка.

Все эти решения, очевидно, ничего общего с эгалитаризмом не имеют.

Решение 4. Применение принципа обратных приоритетов к решению задачи распределения ресурсов.

Решения 1 – 3 отражают сущность механизмов прямых приоритетов. Механизмы обратных приоритетов обладают в сравнении с ними рядом важных преимуществ. Сущность механизма обратных приоритетов состоит в следующем [11 – 13]:

- Задаются аналитические зависимости (функции), характеризующие приоритеты агентов:

$$\eta_i = A_i/s_i, \quad i \in N, \quad (1)$$

где s_i – желание i -го агента относительно объема получаемого ресурса, $\{A_i\}$, $i \in N$ – некоторые константы, характеризующие потери системы, если этот агент вообще не получит ресурса. В этом случае отношение A_i/s_i определяет удельный эффект в общем производстве от использования ресурса i -ым агентом.

- На верхнем уровне управления решение о выдаче ресурса принимается по соотношению (2):

$$x_i(s) = \min \{s_i, \gamma(A_i/s_i)\}. \quad (2)$$

То есть, агент получает ресурса не более того, что он заказал. Но и увеличивать заказ ему не выгодно, т. к. функция $\gamma(A_i/s_i)$ убывающая и согласно (2) с увеличением заказа s_i уменьшает получаемый ресурс $x_i(s)$.

- Таким образом, агент закажет ресурс в объеме:

$$s_i = \gamma(A_i/s_i). \quad (3)$$

- Так как общий объем ресурса ограничен величиной R , то из этого балансового ограничения

$$\sum x_i(s) = \sum s_i = R \quad (4)$$

следует, что

$$\gamma = (R/\sum (A_i)^{0.5})^2. \quad (5)$$

В [11 – 13] доказано, что решение, принимаемое по алгоритму (1) – (5) обладает свойством: оно равносильно по Нэшу. И эти равновесные стратегии являются для агентов гарантирующими. Они максимизируют их выигрыши, если остальные игроки нарушают правила, определенные стратегией обратных приоритетов (завышают или занижают свои потребности в ресурсах, пытаясь извлечь из этого выгоду).

То есть, принцип обратных приоритетов представляет «равные права» при «правильном поведении» (без желания нарушить выбор в свою пользу), что, по сути, и соответствует принципу эгалитаризма в менеджменте и экономике. Кроме того, в цитируемой литературе показано, что при достаточно большом числе агентов механизм обратных приоритетов со штрафами за несовпадение ожидаемого и планируемого эффектов оптимален в смысле суммарной эффективности.

Заключение.

- Актуализирована задача исследования и внедрения эгалитаризма в менеджменте и экономике.

- Раскрыта новая роль математических методов в формировании благоприятного корпоративного климата в организации в обосновании корпоративной культуры и стиля управления руководителя (обеспечение эгалитарности экономических отношений хозяйствующих субъектов).

- Рассмотрен принцип обратных приоритетов, используемый для эгалитарного распределения дефицитных ресурсов на различных уровнях управления.

- Систематизирована роль нового научного направления «Кибернетика 2.0».

Литература

1. Эгалитаризм // Новая философская энциклопедия: В 4 тт. / Под редакцией В. С. Стёпина. – М.: Мысль, 2001.

2. Угольницкий Г.А., Горбанёва О.И., Усов А.Б. и др. Теория управления устойчивым развитием активных систем // Управление большими системами. Выпуск 84. М.: ИПУ РАН, 2020. С.89-113. DOI: <https://doi.org/10.25728/ubs.2020.84.5>.

3. Ивахненко А.Г., Мюллер Й.А. Самоорганизация прогнозирующих моделей. – К.: «Техніка», 1985.

4. Лябах Н.Н., Шабельников А.Н. Техническая кибернетика на железнодорожном транспорте: Учебник. Ростов н/Д, 2002. - 283 с.

5. Лябах Н. Н., Лябах А.Н. Нетрадиционные страницы менеджмента. Ч. 1., 2008. – 151 с. : ил., табл.; ISBN 978-5-87872-412-2.

6. Бертран де Жувенель, Этика перераспределения. Русский перевод: Институт национальной модели экономики. – 1995. ISBN 5-900520-02-1.

7. Числов О.Н., Богачев В.А., Кравец А.С., Богачев Т.В., Филина Е.В. Мультиагентный подход в математическом моделировании распределения региональных грузопотоков // Современные технологии. Системный анализ. Моделирование, № 4. – 2019. – Иркутский государственный университет путей сообщения. – С. 87-95.

8. Гневашева В.А. Благополучие общества или «экономика счастья»: особенности трактовки для современной России // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2013. – № 5.

9. Новиков Д.А. Кибернетика 2.0 // Проблемы управления, № 1. – 2016. – С. 73 – 81.

10. Бурков В.Н. Механизмы управления в активных системах // Тренды и управление. 2014. № 4. С. 428-440. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=65521.

11. Новиков Д. А. Теория управления организационными системами. 4-е изд., испр. и дополн. – М.: ЛЕНАНД, 2022. – 500 с.

12. Шохина А. В. Механизмы прямых и обратных приоритетов распределения денежных средств на этапе планирования размещения заказов // ВЕСТНИК Российской таможенной академии. – № 3. – 2012. – С. 118 – 124.

13. Левченко С. П. Применение принципа обратных приоритетов для распределения ресурсов при управлении жизненным циклом ИТ-сервисов / С. П. Левченко, В. В. Зимин, С. М. Кулаков // Теплотехника и информатика в образовании, науке и производстве : сборник докладов II Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных (ТИМ'2013) с международным участием (Екатеринбург, 28–29 марта 2013 г.). – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – С. 201-204.

Egalitarian methods in management and economics

Ovsyannikova T.A., Lyabakh N.N.

Moscow State Technical University, Scientific Research Center for Digital, Intellectual and Innovative Technologies

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The meaning of egalitarianism in relation to the tasks of management and economics is revealed and clarified. Practical examples are given that characterize the problems of industrial egalitarianism (hierarchical management, the formation of a favorable climate in the organization, the allocation of resources and tasks in production). The role of egalitarianism in the creation of a Unified intellectual information space in the region is separately noted. A new role of mathematical methods in management is formulated, namely: they ensure the emergence and strengthening of egalitarianism in the organization. This role is illustrated by a practical task: the allocation of resources to a group of enterprises (for example, self-regulatory organizations) based on the principle of reverse priorities. It is shown that this method allows not only to numerically justify the optimal utilization of enterprises (the traditional role of mathematical methods), but also to form a favorable corporate culture of interaction between various economic agents, as well as an adequate management style of the head of the situation. The scope of application of this theory, which forms a new ideology of Cybernetics 2.0, is listed and commented on.

Keywords: egalitarianism in management and economics, mathematical methods in substantiating the corporate culture and management style of the head, the principle of reverse priorities, Cybernetics 2.0.

References

1. Egalitarianism // New Philosophical Encyclopedia: In 4 volumes. / Edited by V. S. Stepin. - M.: Mysl, 2001.
2. Ugolnitsky G. A., Gorbaneva O. I., Usov A. B. et al. Theory of managing sustainable development of active systems // Management of large systems. Issue 84. M.: IPU RAS, 2020. Pp. 89-113. DOI: <https://doi.org/10.25728/ubs.2020.84.5>.
3. Ivakhnenko A. G., Müller J. A. Self-organization of predictive models. - K.: "Tekhnika", 1985.
4. Lyabakh N. N., Shabelnikov A. N. Technical cybernetics in railway transport: Textbook. Rostov n / D, 2002. - 283 p.
5. Lyabakh N. N., Lyabakh A. N. Unconventional pages of management. Part 1., 2008. - 151 p.: ill., tab.; ISBN 978-5-87872-412-2.
6. Bertrand de Jouvenel, The Ethics of Redistribution. Russian translation: Institute of National Model of Economy. - 1995. ISBN 5-900520-02-1.
7. Chislov O. N., Bogachev V. A., Kravets A. S., Bogachev T. V., Filina E. V. Multi-agent approach in mathematical modeling of regional freight flow distribution // Modern technologies. Systems analysis. Modeling, No. 4. - 2019. - Irkutsk State Transport University. - P. 87-95.
8. Gnevashcheva V. A. Welfare of society or "economics of happiness": features of interpretation for modern Russia // Information humanitarian portal "Knowledge. Understanding. Skill". - 2013. - No. 5.
9. Novikov D. A. Cybernetics 2.0 // Problems of management, No. 1. - 2016. - P. 73 – 81.
10. Burkov V. N. Control mechanisms in active systems // Trends and management. 2014. No. 4. P. 428-440. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=65521.
11. Novikov D. A. Theory of management of organizational systems. 4th ed., corrected and supplemented. – M.: LENAND, 2022. – 500 p.
12. Shokhina A. V. Mechanisms of direct and reverse priorities for the distribution of funds at the stage of planning the placement of orders // BULLETIN of the Russian Customs Academy. – No. 3. – 2012. – Pp. 118 – 124.
13. Levchenko S. P. Application of the principle of reverse priorities for the distribution of resources in the management of the life cycle of IT services / S. P. Levchenko, V. V. Zimin, S. M. Kulakov // Heat engineering and informatics in education, science and production: collection of reports of the II All-Russian scientific and practical conference of students, graduate students and young scientists (TIM'2013) with international participation (Ekaterinburg, March 28–29, 2013). – Ekaterinburg: UrFU, 2013. – P. 201-204.

Управление в период критических изменений: особенности и методы

Миронов Андрей Валерьевич

кандидат экономических наук, доцент кафедры международного предпринимательства, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Andrm25@mail.ru

Жизнь современной компании и менеджмента сопровождают различные экономические кризисы, ставшие привычным явлением. Под понятием "кризис" подразумевается обострение противоречий в социальной, политической или экономической среде, влияющее на жизнеспособность бизнеса. Надвигающийся кризис иногда можно спрогнозировать, чтобы предотвратить негативные последствия, но чаще всего это «чёрный лебедь», прилетающий относительно неожиданно. Данная статья посвящена анализу современных практик управления в период кризисных изменений. В ней приводится классификация кризисов, описываются типы систем компаний, которыми необходимо управлять и отдельно приводятся практики управления хаотичными системами, которые появляются в результате воздействия внешней среды – то есть в период проявления кризисов.

Ключевые слова: управление, критическое изменение, кризис, возможность, Модель Кеневин, хаотичные системы.

Введение

В теории кризисов существует много различных их классификаций по причинам и следствиям, по специфике их протекания и масштабам проявления, а также вероятности их прогнозирования. На долю «внезапных» приходится около 30% всех кризисов и так называемых «тлеющих» – около 70%.

Исследование консалтинговой компании Deloitte показало, что 76% опрошенных членов советов директоров крупных компаний убеждены в готовности их компаний противостоять кризису, при этом только 49% из них имеют сценарные планы действий на различные кризисы.

Таким образом, изучение кризисов, их влияния на бизнесы, и вариантов реагирования менеджмента в наше время становится особенно ценным знанием и обязательным к изучению в области устойчивого развития современной организации

Кризисы можно разделить на следующие виды:

- Экономический - отражает накопившиеся противоречия в мировой или страновой экономике, региона, предприятия.
- Финансовый - часто бывает вызван резким снижением стоимости финансовых инструментов, банкротством финансовых институтов и, как следствие, возникающей при этом растерянностью и паникой.
- Социальный - при появлении острых противоречий между различными социальными группами, стратами или классами.
- Организационный - возникает при неслаженной работе отдельных отраслей, секторов экономики, корпораций, или подразделений предприятия.
- Технологический - связан с недостатком инноваций, технологий и устаревшими способами производства.
- Психологический (личностный или коллективный) - проявляется в виде стрессов, страхов, неуверенности в своих возможностях.
- Экологический - возникает при негативных изменениях природных условий, загрязнений, изменениях климатических и живых экосистем.

Особенностью любого кризиса в новом глобальном мире является то, что из локального он может быстро перерасти в мировой, и наоборот. Это происходит потому, что любая экономическая система синхронизируется, взаимодействуя со своими элементами, и проблемы одного элемента сложно решить без учёта последствий для всей системы. Это говорит нам о необходимости и возможности управления кризисной ситуацией.

Чаще всего кризис воспринимается как нежелательное и деструктивное явление, однако исторически кризисы выполняют роль естественного отбора и выполняют в экономической жизни важные функции:

- Разрушительная - преобразование или устранения неэффективных и устаревших элементов системы.
- Наследственная - передача сохранившихся элементов старого цикла, которые переходят на следующий этап развития.
- Созидательная - создание условий для развития начальных элементов будущего нового экономического цикла.

Следовательно, кризис является специальным элементом общественного прогресса и шагом по пути обновления системы экономического развития.

Практически каждая компания в настоящее время сталкивается с кризисными явлениями в процессе работы, многие стремятся снизить их негативное влияние на результаты бизнеса.

С экономической точки зрения предприятия подвержены трем видам кризиса:

- Кризис продаж - происходит как за счет внешних факторов (конкурентоспособность продукции, падение платежеспособного спроса покупателей, действия конкурентов и др.), так и по внутренним причинам (ошибочная маркетинговая политика, выбор модели реализации продукции и др.). Результат — падение объемов продаж ниже уровня покрытия переменных и постоянных издержек компании.
- Кризис издержек - происходит за счёт неэффективных бизнес-процессов, слабого контроля расходов, низкой производительности труда и др. Результат - необходимость повышения цен и, возможно, потери доли рынка.
- Кризис финансов - из-за отсутствия эффективной системы управления финансами, несоблюдения баланса, ошибочной кредитной политики предприятия. Результат - нехватка денежных средств для поддержки деятельности и развития компании.

Антикризисное управление – это процесс вывода предприятия из сложной ситуации, состояния неплатежеспособности, убыточности, неопределённости, основанный на системе мер преодоления кризиса.

Руководители оценивают текущее положение компании и разрабатывают меры улучшения позиции на рынке, принимают сложные решения в условиях неопределённости и ограниченного бюджета, действуют чётко и быстро.

В процессе применения управленческих практик в период кризисных изменений, прежде всего, нужно понимать, что если кризис случился, то так, как было до него – уже не будет. Осознать это помогает модель принятия изменений Кюблер-Росс. Она описывает этапы реакции людей на организационные изменения. Эти 5 стадий представляют собой линейную модель, описывающую путь, который проходит человек во время изменений. Цель этой модели —

помочь организации определить, как отдельные сотрудники будут реагировать на изменения на разных этапах.

Стадия 1: Отрицание

В этой фазе срабатывает временный защитный механизм. Человек не хочет верить в то, что происходит, и что это происходит именно с ним. Он отказывается принимать реальность. «Я не могу в это поверить», «Такого не бывает», «Не со мной!», «Только не снова!», «Все еще изменится к лучшему!». Сотрудники могут быть удивлены или отрицать необходимость перемен. Таким сотрудникам следует дать много времени, чтобы они смирились с этими изменениями.

Стадия 2: Злость

Эта фаза наступает тогда, когда человек осознаёт неизбежность произошедшего. Начинают проявляться злость и поиски виновного, часто они «назначаются». Человек может назначить виновным себя, или произвольно выбранных людей. «Почему я? Это несправедливо!», «Нет! Я не могу это принять!». Когда сотрудники осознают неизбежность перемен, они могут быть раздражены из-за перспективы отказа от привычного образа жизни и чувства беспомощности.

Стадия 3: Торг

На этом этапе человеку приходит в голову мысль, что все еще можно исправить, что, если он очень захочет или достаточно сильно попросит, то все вернется на круги своя. «Пожалуйста, если мы сделаем то-то и то-то, измените это». Сотрудники могут пытаться заключить своего рода сделку, «откупиться», они могут пытаться договориться с руководством, чтобы изменения затронули их в наименьшей степени. Пока сотрудники привыкают к новым изменениям, они могут быть не столь продуктивны, но такой торг может принести человеку некоторое внутреннее облегчение.

Стадия 4: Депрессия

На стадии депрессии человек переживает осознание правды произошедшего. Это погружение проявляется чувством печали, сожаления, вины, безысходности, внутреннего тупика. Человек может проявлять признаки безразличия, замкнуться в себе, отказаться от внешних контактов и общения, потерять интерес ко всем происходящим событиям. На этой стадии моральный дух и производительность - низкие, сотрудники пассивно следуют инструкциям руководства, не проявляют инициативы, не заинтересованы в результатах своего труда

Возьмем, к примеру пандемию 2020г. или первую половину 2022г. когда большое количество иностранных государств стала внедрять пакеты санкций в отношении российского государства и российских компаний. В эти периоды российские компании-экспортеры столкнулись по факту с серьезными кризисными явлениями и вынуждены были менять свои подходы к деятельности, менять свои практики управления для того, чтобы этим кризисом противостоять.

Прежде всего, изменения в бизнес-модели российских компаний экспортеров были связаны с необходимостью перенаправления своих товаров

на новые неизведанные рынки сбыта и наиболее быстро справились с этим те руководители, которые сразу осознали открывающиеся возможности для компаний и необходимость действовать решительно и быстро в сложившихся условиях точка

На основании модели принятия изменений можно сделать вывод, что ключевая задача управленца – помочь компании плавно пройти все стадии одна за другой для того, чтобы перестроить себя и свое отношение к внешним факторам, которые и сформировали кризисное явление.

Внешняя среда, как ключевой фактор, влияющий на осознанное и устойчивое развитие организации, также рассматривается в модели Максима Долгова 5F наряду с внутренними факторами, определяющими функционирование компаний и команд [7].

Внешняя среда – это все, что окружает компанию и команду:

- рыночная составляющая (клиенты, поставщики, конкуренты, государственные органы, рынок труда, тренды отрасли, макротренды и т.д.)
- организационная составляющая (стратегия компании, требования акционеров, корпоративная культура, система мотивации, стиль управления и т.д.)

Члены команды должны осознавать запрос внешней среды на повышение эффективности, понимать, ради чего и зачем они собрались, и что произойдет, если этого не случится. Среда должна восприниматься как неопределенная, изменчивая, но последовательная в своих действиях. Агрессивная, конкурентная и бросающая вызов. Если компания и команда не изучает внешнюю среду, пребывая в счастливом неведении о том, что на рынок вот-вот выйдет сильный конкурент, или внешняя среда нетребовательна, неконкурентна, живет почти в тепличных условиях, то ни компания, ни команда как команда развиваться не будет. Нет смысла спланировать, чтобы выжить. Именно поэтому командообразующие мероприятия часто проводят в экстремальном формате – команда забрасывается в ситуацию выживания.

Когда мы говорим о применении управленческих практик в компании в период критических изменений, то есть кризисов, мы всегда должны держать в уме модель Кеневин прежде всего для того, чтобы понимать, типы систем в компании, которыми мы можем управлять, и лучше изучать практики управления в хаотичных состояниях систем, которые возникают как раз в кризисные ситуации.

Модель «Кеневин» (англ. «Framework Cynefin») была создана Дэвидом Сноуденом, директором института управления знаниями компании IBM (англ. IBM's Institute for Knowledge Management) в 1999 году [6]. Модель описывает эволюционную природу областей принятия решений и систем управления, им соответствующих. Эту достаточно простую модель применяют на практике не только в бизнес-управлении, но и в таких областях, как философия, биология, кибернетика и даже в полиции

В этой модели по степени запутанности все системы делятся на 5 видов. Мы с вами подробно рас-

смотрим четыре основных, так как пятый вид – «Неопределенные системы» - вбирает в себя черты всех четырех и потому сложно поддается классификации, или находится в состоянии перехода с одного уровня на другой.

Простые (англ. «Obvious») и Сложные (англ. «Complicated») системы характеризуются высокой степенью упорядоченности.

Простые (очевидные) системы наиболее упорядочены. Это означает, что внутри них существуют устойчивые, простые и понятные причинно-следственные связи, наборы правил. Например, сборка по инструкции стеллажа, доставленного из интернет-магазина, или приготовление блюда по рецепту. Управлять такими системами достаточно просто по алгоритму: Выделяем категории работы - Планируем деятельность - Выполняем поставленные задачи.

Существуют четкие инструкции, описывающие единственно правильный способ достижения результата. Задача сотрудника – просто четко их выполнять. Если в простой системе что-то ломается, то обычно понятно, что и почему, и починить неисправность, при наличии инструментов и инструкции, не составит затруднения даже непрофессионалу. Например, заменить сгоревшую лампочку. Примерами таких систем в компании являются процедуры выписки товара клиентам, автоматизированные процессы бухгалтерского учета, типовые производственные операции. Сильная сторона таких систем - легкая управляемость, высокая производительность, предсказуемость и гарантированное качество получаемого результата, слабая сторона – негибкость в случае возникновения нестандартной ситуации.

Сложные системы упорядочены, но, чтобы выявить причинно-следственные связи, необходимо проанализировать множество факторов. Современный автомобиль является хорошим примером сложной системы. Если он ломается – то часто требуется диагностика в сервисном центре. Автомеханик не всегда может однозначно определить причину поломки, требуется помощь экспертов, и все чаще экспертов в области электроники и компьютерной техники в части управления, а не механических частей автомобиля. Стратегия действий в таких системах: Не хватает знаний - Привлекаем экспертов - Планируем и выполняем совместно с экспертами. Примером таких систем в компании является большинство бизнес-процессов, требующих высокопрофессиональных и опытных исполнителей.

Запутанные (англ. «Complex») и Хаотичные (англ. «Chaotic») системы характеризуются низкой степенью упорядоченности их элементов.

В Запутанных системах причинно-следственные связи существуют, но они совершенно не очевидны. Попав в запутанную систему, мы имеем только приблизительный образ желаемого результата и не знаем точного пути, как его получить. Стратегия действий в таких системах: Невозможно выделить категории работы - Эксперты не знают решения задачи и не обещают результата - Стратегия экспериментов и ошибок.

Эта стратегия основана на постоянных экспериментах и получении обратной связи. Выдвигая гипотезу, мы проверяем ее и, получив результат, оцениваем, насколько он соответствует нашим ожиданиям. К запутанным системам можно отнести инновационные процессы в компании - разработка совершенно новых продуктов, создание новых технологий производства и т.д.

Хаотичные системы возникают тогда, когда под воздействием внешних факторов (например, пандемия, резкое изменение курса валют, поломка производственной линии, пожар и т.д.) или внутренних факторов (например, переход на новую программную платформу, уход ключевого сотрудника и др.) происходит разрушение существующих в организации причинно-следственных связей. Это временное переходное состояние кризиса, в котором ничего непонятно и невозможно выявить никаких причинно-следственных связей. Прежде всего, в состоянии хаоса надо быстро действовать, чтобы взять ситуацию под контроль. То есть, стратегия в хаосе: Действуй — Ощути — Реагируй.

Именно хаотичные системы и эффективные практики управления ими нам наиболее интересны.

Из состояния хаоса есть два возможных выхода: введение жестких ограничений и перевод системы в упорядоченную и простую (например, во время стихийных бедствий) — это эффективно, если изменения, приведшие к хаосу, краткосрочные, и после их окончания система может вернуться к своему привычному функционированию. Если хаос затягивается, необходим переход в запутанную систему, где путем экспериментов будет происходить поиск новых вариантов связей - путей функционирования системы. В настоящее время хаотические состояния случаются все чаще, потому что скорость изменений возрастает, и они становятся непредсказуемыми.

Когда в запутанной системе выявляются устойчивые и дающие желаемый результат причинно-следственные связи, она переходит в сложную и становится более управляемой. Например, инновационный продукт разработан путем экспериментов и проверок на потребителях и запущен в серийное производство. Находясь в сложной системе, наша деятельность постоянно оптимизируется для поиска более эффективного пути получения желаемого результата. Итог этого процесса - переход в простую систему.

Для работы в простой системе достаточно сотрудников начального уровня профессионализма, от которых требуется четкое следование политикам, регламентам и инструкциям. Стиль управления — директивный, командно-административный и наставнический. Важно, что если в компании преобладает такой стиль руководства, то это провоцирует сотрудников действовать как простых исполнителей, что приемлемо в простой системе и неэффективно в более сложной.

Для выполнения работы в сложных системах необходим определённый профессионализм. Профессионалами-экспертами сложно и неразумно

управлять в директивно-командном стиле, тем более что часто не существует единственно верного решения, и сам руководитель может быть недостаточно компетентен в какой-либо узкой области. Поэтому для управления сложными системами существуют такие подходы, как МВО (англ. «Management by objectives») - Управление по целям, когда в диалоге с сотрудниками задается желаемый вектор движения компании, коллегиально определяются конкретные целевые показатели компании, подразделений и сотрудников, а выбор способов их достижения делегируется профессионалам-экспертам.

Происходит внедрение процессного подхода к управлению организацией, выстраивание и оптимизация бизнес-процессов, применение технологий бережливого производства (англ. «lean production», «lean manufacturing»).

Для внедрения инноваций хорошо подходит классическое управление проектами с традиционным каскадным планированием, календарными графиками, диаграммами Ганта (англ. «Gantt chart»).

Для ускорения движения к цели и развития профессиональных компетенций сотрудников часто используют инструменты обучения и развития, тренинги, применяют коучинговый подход в управлении (индивидуальный, групповой и командный коучинг).

Работа в запутанных системах обладает особой спецификой, и сотрудники здесь нужны не просто высокопрофессиональные, а с так называемыми «Т-компетенциями». Буква «Т» символизирует своей формой, что сотрудник должен обладать глубокой экспертизой в своей области и при этом быть достаточно компетентным в смежных профессиональных областях, быть полипрофессионалом.

Для реализации проектов работа осуществляется в самоорганизующихся кросс-функциональных командах. Лидерство в таких командах часто бывает распределено между сотрудниками с помощью выделения ролей (например, ответственный за организацию процесса работы и коммуникации, ответственный за качество продукта и общение с заказчиком и т.д.). Руководителю команды необходимо владеть технологиями фасилитации и командного коучинга для мотивации сотрудников и организации рабочего процесса. В таких командах наиболее эффективны Agile- подходы: OKR; SCRUM; Kanban.

В хаотичных системах основную роль играет лидер, принимающий быстрое и, возможно, единоличное решение, берущий на себя ответственность за его последствия. Это типичный авторитарный стиль управления. Как пример можно привести руководителя компании — экспортера пиломатериалов, который после введения санкций со стороны недружественных стран в начале 2022 года должен был полностью перестраивать бизнес-модель компании и перенаправлять экспортные потоки на новые рынки, который в хаосе открывающихся возможностей выбирает направление и силой своей харизмы запускает новый процесс развития. После того, как ситуация будет взята под контроль и перейдет в разряд «запутанных», тому же лидеру необходимо будет передать полномочия команде, и это требует некоторой осознанности (понять момент, когда это уже

можно сделать) и гибкости в перестройке собственного поведения (навыки ситуационного лидерства).

Таким образом, зная особенности управления в разных системах, мы можем выбирать наиболее подходящие инструменты для решения конкретных задач и проводить наши компании по пути максимальной эффективности.

Литература

1. Нонака И., Такеучи Х. Компания — создатель знания // Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах. — М.: Олимп-Бизнес, 2003.

2. Начни с “Почему?”. Как выдающиеся лидеры вдохновляют действовать. Саймон Синек. - Москва: Эксмо, 2019.

3. Впереди перемен. Джон Коттер. - Москва: Альпина Паблишер, 2019.

4. Ускорение перемен. Джон Коттер. - Москва: Олимп-Бизнес, 2014.

5. Моженков Владимир. Эффективный или мёртвый. 48 правил антикризисного менеджмента. - М.: МИФ, 2021.

6. Эстер Дерби. Психология управления изменениями. — М.: Альпина Паблишер, 2020

7. М. Долгов. «Модель 5F - геометрия команды, создающая энергию». 2016г.

8. <https://lead-it.by/blog/kak-sformirovat-i-razvivat-komandu-model-5f/> дата обращения 02.12.2024

Management during critical changes: features and methods

Mironov A.V.

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The life of a modern company and management is accompanied by various economic crises, which have become a common occurrence. The term "crisis" implies an exacerbation of contradictions in the social, political or economic environment, affecting the viability of a business. An impending crisis can sometimes be predicted in order to prevent negative consequences, but most often it is a "black swan" that arrives relatively unexpectedly. This article is devoted to the analysis of modern management practices during crisis changes. It provides a classification of crises, describes the types of company systems that need to be managed and separately provides practices for managing chaotic systems that appear as a result of the impact of the external environment - that is, during the manifestation of crises.

Keywords: management, critical change, crisis, opportunity, Kenevin Model, chaotic systems.

References

1. Nonaka I., Takeuchi H. The company is a creator of knowledge // The origin and development of innovations in Japanese firms. - M.: Olimp-Business, 2003.

2. Start with “Why?” How outstanding leaders inspire action. Simon Sinek. - Moscow: Eksmo, 2019.

3. Ahead of change. John Kotter. - Moscow: Alpina Publisher, 2019.

4. Acceleration of change. John Kotter. - Moscow: Olimp-Business, 2014.

5. Mozhenkov Vladimir. Effective or dead. 48 rules of anti-crisis management. - M.: MYTH, 2021.

6. Esther Derby. Psychology of change management. - M.: Alpina Publisher, 2020

7. M. Dolgov. "The 5F model is the geometry of a team that creates energy." 2016

8. <https://lead-it.by/blog/kak-sformirovat-i-razvivat-komandu-model-5f/> accessed 02.12.2024

Инновация лидера интегрированных сервисов и управления инновациями интеллектуальных цепочек поставок

Сунь Чуньсин

аспирант Российского университета дружбы народов,
1042238096@pfur.ru

В исследовании рассмотрены перспективы применения технологий интегрированного планирования и инноваций при управлении цепями поставок.

Актуальность статьи обусловлена внедрением разнообразных инновационных сервисов в производственные процессы, что вызывает необходимость глубокого анализа, так как представляет собой сравнительно новый способ развития. Это подчеркивает важность полного обновления системы логистики и изучения возможностей, которые это направление может предложить. В ходе обсуждения были выявлены наиболее перспективные сервисы управления интеллектуальными цепями поставок и оценено их воздействие на логистические операции нового времени.

Целью исследования является выявление преимуществ перехода к новым сервисам инноваций и тенденций управления интеллектуальными цепочками поставок.

Результаты исследования. В современном мире цифровые технологии, включая блокчейн, смарт-контракты и цифровые платформы, активно трансформируют как бизнес-среду, так и процесс доставки товаров. Эта тенденция тесно связана с растущим интересом потребителей к цифровому пространству для достижения своих целей. Чтобы оставаться конкурентоспособными, компаниям необходимо принимать инновационные подходы и адаптироваться к изменениям внешней среды. В статье подчеркивается значимость применения современных технологий интегрированного планирования в управлении логистическими процессами, отмечая, что они предоставляют возможности для глобализации бизнеса и успешного решения стратегических задач, стоящих перед страной. Произведен обзор научно-практических и теоретических сведений по данной проблеме, изучена статистическая информация, сформулированы авторские выводы.

Ключевые слова: цепь поставок, логистика, товар, клиент, технология, планирование, инновация, прогноз, управление, цифровизация

Введение. Эффективное управление логистическими процессами (далее ЛП), включающее в себя наблюдение и контроль за путем, который продукция и услуги проходят от начальной стадии до конечного потребителя, играет ключевую роль в повышении удовлетворенности клиентов и укреплении позиций компании на рынке. Чтобы добиться успеха в этой области, предприятия должны постоянно адаптироваться к изменениям, происходящим в цифровой среде, оптимизируя процессы управления цепочками поставок (далее УЦП). Такой подход способствует более тесной координации между производством, отправкой и доставкой товаров, обеспечивая эффективность на каждом этапе пути продукта. Важность логистики в стратегии развития глобальной экономики подчеркивается как деловыми кругами, так и академическим сообществом, подтверждая её роль как фундаментального фактора экономического прогресса. В сфере логистики ключевое значение приобретает стремление к совершенствованию ЛП и повышению четкости в действиях участвующих сторон, включая производителей, склады, дистрибуторов, а также поставщиков 3-го и 4-го уровней, оптовых и розничных продавцов, которые занимаются перемещением товаров, денег и информации от начальной точки до конечного покупателя [2; 3, с. 59].

Актуальность и новизна. В современном мире, где условия экономической среды постоянно меняются, существенно возрастает необходимость в том, чтобы системы поставок проявляли высокую степень адаптивности, гибкости и устойчивости. Это становится достижимым благодаря формированию межорганизационных связей, которые способствуют интеграции процессов планирования и управления. В России наблюдается активный прогресс в деле развития подходов к УЦП и строительству логистической инфраструктуры.

В статье подчеркивается важность продвижения научных исследований в области ЛП, обусловленная не только уровнем развития логистической инфраструктуры, но и эффективностью ее использования, а также координацией деятельности логистических организаций. Эффективное сетевое взаимодействие является ключевым фактором в условиях модернизации ЛП, что делает изучение данной темы актуальным и необходимым для дальнейших исследований. В числе новаторских аспектов работы выделяется анализ препятствий для интеграции технологий интегрированного планирования (далее ТИП) и инновационных технологий (далее ИТ).

Целью исследования является выявление преимуществ перехода к цифровизационным изменениям для бизнес-среды и ЛП, рассмотрение перспектив применения ТИП и инноваций при УЦП.

Материалы и методы исследования. Анализ практических и теоретических положений, синтез мнений, обобщение, критический анализ, анализ статистики.

Результаты исследования. Создание специализированной системы координирования работы предприятий является основополагающим моментом для эффективности УЦП. Это следствие того, что внедрение тактического подхода к УЦП позволяет организации развивать бизнес через стратегические партнерства с клиентами и поставщиками. Центром этого процесса является задача создания гармоничных отношений и синхронизации операций между всеми участниками цепочки поставок. Это подразумевает разработку целей, планирование концепций, и составление детальных планов работы как основной аспект УЦП, целью которого является координация действий и унификация бизнес-процессов между компаниями. Программы и стратегии разрабатываются после тщательного изучения ситуации на рынке поставок и учёта специфических требований отдельных клиентов, а также анализа текущего состояния логистической цепи. Подход к УЦП представляет собой систему, где каждый компонент взаимосвязан с другими, формируя не просто набор отдельных частей, а целостную структуру (рисунок 1). Эффективность такой системы определяется не только качеством каждого элемента в отдельности, но и их способностью взаимно усиливать функционал друг друга [6].

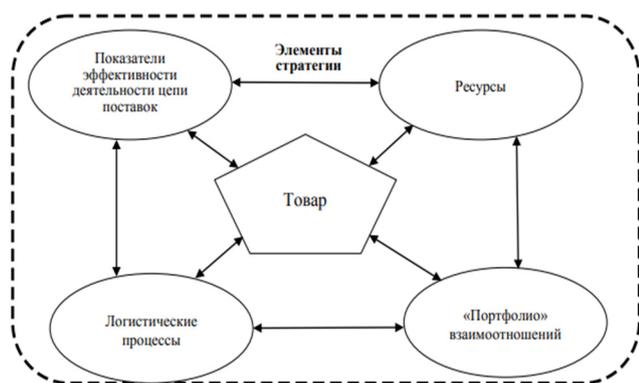

Рисунок 1 – Элементы, которые формируют стратегию УЦП [6, с. 45]

Оптимально воспринимать УЦП как комплексную структуру, включающую в себя серию ключевых компонентов, таких как определение потребностей, закупочные операции, контроль за поставщиками, хранение и учет запасов, процессы производства и его логистику, распределение продукции и организацию обратной логистики, включая процедуры возврата товаров. В контексте текущего эволюционирующего цифрового пространства, которое представляет собой широкий спектр диджитал подходов и

инструментов для УЦП, было осуществлено тщательное разграничение и анализ. В современной цепочке поставок наблюдается активное внедрение ИТ. Эти изменения затрагивают не только основные процессы и функции руководства над материальными потоками, но и ключевые аспекты организации работы всей системы [5, с. 4].

Современный подход к управлению ЛП включает в себя концепцию интегрированного планирования. Этот метод объединяет данные от различных подразделений, включая поставщиков и клиентов, в общую систему для анализа и прогнозирования будущих действий, что обеспечивает компаниям возможность более гибко адаптироваться к изменениям в нуждах клиентов и поставщиков, облегчает следование установленной схеме действий и улучшает видимость материальных потоков на всех уровнях УЦП. Это особенно значимо для логистической отрасли, где точность прогнозирования и быстрая реакция на изменения играют первостепенную роль. Этот метод планирования акцентирует внимание на важности анализа и оптимизации производительности каждого элемента в логистической цепочке, подразумевая, что объемы товаров, которые могут быть доставлены клиентам в течение определенного периода времени, зависят от этой производительности. Важно отметить, что каждый элемент в этой схеме имеет свой уникальный предел производительности. Следовательно, слабое звено с наименьшей производительностью становится критической точкой, ограничивающей общую эффективность системы. Таким образом, основная задача данного подхода заключается в том, чтобы гармонизировать способности каждого участника УЦП с реальным спросом на товары [1].

В цепочке планирования между звеньями выделяют три ключевых типа спроса, детализация которых приведена на рисунке 2 (рисунок 2).

Рисунок 2 – Уровни спроса между звеньями УЦП [1, с. 4]

Исследовательские работы ведущих консультационных агентств, включая KPMG, EY и McKinsey, указывают на главные направления эволюции в области оптимизации систем УЦП. В числе приоритетных направлений выделяются следующие аспекты [9]:

Во-первых, акцентируется внимание на усилении прозрачности процессов в УЦП. Это достигается за счет применения таких инструментов, как онлайн-отслеживание движения товаров и внедрение блокчейн-технологий, что обеспечивает более глубокий контроль за перемещениями продукции, позволяя тем самым быстрее обнаруживать любые несоответствия или злоупотребления [7].

Во-вторых, важную роль начинают играть ESG-критерии. В настоящее время, развитие ТИП не только направлено на улучшение финансовых и логистических операций, но и стремится значительно уменьшить негативное влияние на окружающую среду. Это достигается через оптимизацию использования транспорта, создание более кратких и эффективных путей доставки и прочие методы. Кроме того, ИТ Интернета вещей (IoT) играют ключевую роль, обеспечивая компаниям возможность более гибко реагировать на изменения в спросе. Благодаря внедрению датчиков в транспортные средства, достигается более детальный контроль за осуществлением доставки, что позволяет эффективнее управлять запасами и оперативно реагировать на все этапы поставки продукции [10].

В-третьих, в ближайшее время, примерно 70% организаций планируют внедрение облачных технологий в УЦП. Это связано с продвижением в области комплексных инновационных решений для управления ЛП и товарными потоками. Среди главных изменений — повышение уровня автоматизации на складах, включая применение автономных роботов, систем автоматизированной доставки и развитие 3D-моделирования операций. Также происходит эволюция в плановых методах за счет прогностического анализа и применения инструментов искусственного интеллекта (далее ИИ), включая машинное обучение и нейронные сети, что позволяет работать с большим объемом данных и улучшать качество прогнозирования.

Использование ИИ обеспечивает возможность прогнозировать и управлять различными процессами, такими как оптимизация складских запасов за счет предсказания спроса, что помогает избежать лишних запасов или их нехватки. Кроме того, ИИ способен управлять автоматизированными механизмами и облегчать общение с клиентами через чат-боты, используя принципы робототехники и компьютерного зрения. Эти ИТ способствуют улучшению интеграции и обмена данными между различными системами, отвечающими за планирование и анализ получаемой информации, тем самым увеличивая эффективность и адаптивность общей рабочей программы [4].

В-четвертых, применение технологии Big-data. Использование больших данных для работы с ЛП является ключом к повышению эффективности планирования. Это позволяет не только оптимизировать текущие операции, но и предсказывать потенциальные проблемы, при этом сокращая затраты, связанные с их устранением. Обработка больших объемов информации становится основой для более точного прогнозирования и минимизации рисков.

Прогресс в области ИТ 4.0 значительно улучшает ЛП, от ускорения доставки товаров до уменьшения времени, необходимого для их транспортировки к конечному пользователю. Эффективное применение этих ИТ также ведет к снижению финансовых расходов, за счет более экономного распределения ресурсов. Использование ИТ позволяет компаниям, занимающимся логистикой, значительно улучшить

эффективность своей работы, что проявляется в существенном снижении различных видов затрат и потерь. В частности, ошибки в планировании, которые ранее приводили к упущенным возможностям в продажах, теперь сокращены на 65–75%. Расходы на доставку и хранение товаров уменьшены на 15–30%, а управленческие издержки, связанные с координацией цепочек поставок, упали на 60–70%. Кроме того, проблемы, связанные с неэффективным контролем за запасами, уменьшились на 35–75% [1, с. 7].

Обсуждение. Хотя внедрение новейших технологических решений, таких как блокчейн и интернет вещей (IoT), обещает значительно усовершенствовать систему УЦП путем перехода к цифровизации ЛП, этот этап не лишен сложностей и требует значительных финансовых вложений. В частности, для полноценного функционирования этих инноваций необходимо приобрести обширный ассортимент устройств и датчиков, включая, сенсоры для мониторинга температуры, влажности, GPS-трекеры и различные маркеры для эффективного отслеживания. Эти препятствия могут серьезно задержать интеграцию инноваций и преобразование ТИП в уже существующую инфраструктуру компании, несмотря на потенциально огромные выгоды от их применения для оптимизации логистических операций.

Малым компаниям может быть экономически невыгодно переключаться на новую систему доставки, поскольку вероятность окупаемости крайне мала. Внедрение ИТ блокчейна и Интернета вещей несет за собой необходимость полной диджитализации сети поставок. Это подразумевает, что отсутствие интернет-соединения или Wi-Fi на любом этапе пути может сделать эту схему непригодной для использования. Таким образом, чем длиннее маршрут доставки товара от начальной до конечной точки, тем выше становятся издержки на адаптацию к новой системе отслеживания.

В эпоху анализа объемных данных, основная задача состоит в необходимости постоянно расширять объем обрабатываемой информации. Ключевым аспектом является также способность организаций разделить данные на полезные и ненужные, что требует четкого понимания желаемых результатов и стратегического планирования. Это, в свою очередь, предполагает необходимость владения мощными серверами для обработки и хранения сведений, что является сложной задачей для многих организаций. Например, то время как предыдущие инновации сталкивались с проблемами недостаточной финансовой поддержки или отсутствия цифровой инфраструктуры, внедрение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) влечет за собой новые вызовы, связанные с юридическими ограничениями. 20 июля 2023 года стал знаковым днем для регулирования использования беспилотников в России, когда Госдумой был одобрен законопроект, предоставляющий право государственным органам и частным охраняемым фирмам в рамках своих полномочий останавливать полет БПЛА. В дополнение к

этому, ранее было установлено требование для всех предприятий занести свои БПЛА в единый регистр. В то время как общие положения затрагивают стандартные модели БПЛА, специализированные дроны для доставки пока не подпадают под эти правила. Кроме того, эффективность применения подобных технических решений в УЦП ограничивается климатическими условиями, поскольку их использование при низких температурах оказывается непрактичным [8].

Заключение. В заключении стоит подчеркнуть, что, хотя внедрение инноваций и передовых ТИП в процессы УЦП обещает новые возможности и значимые выгоды, предприятия сталкиваются с серьезными препятствиями на этом пути. Вложения в получение новых технических средств, включая блокчейн, Интернет вещей (IoT) и использование БПЛА, требуют крупных финансовых ресурсов, что может стать непосильной задачей для небольших компаний. Проблемы с доступом к стабильному интернету в ряде мест могут снижать пользу от внедрения ТИП. Помимо этого, анализ и систематизация Big Data представляют сложность из-за их объема и необходимости обработки.

Внедрение ИТ, например, использование БПЛА, требует глубокого понимания и аккуратности, учитывая ряд правовых ограничений и стандартов, которым необходимо соответствовать. Развитие ИТ и ТИП в логистике требует от компаний не только обновления их систем, но и повышения уровня знаний и навыков их сотрудников, что представляет собой существенный вызов. Это подчеркивает важность не только внимательного и обдуманного подхода к внедрению новшеств, но и необходимость в постоянном отслеживании изменений в окружающей среде и адаптации к ним для обеспечения долгосрочного успеха и выживания в динамичном бизнес-пространстве.

Литература

1. Акиндинова, Д. А. Тенденции применения информационных технологий в интегрированном планировании бизнес-процессов логистики / Д. А. Акиндинова, И. Р. Галинская. - Текст : электронный // Вестник евразийской науки. - 2024. - Т. 16, № 1. - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_67269564_39285104.pdf (дата обращения: 07.11.2024).
2. Аллакулиев, М. Логистика в эпоху электронной коммерции: новые вызовы и возможности / М. Аллакулиев, А. Бахадырова, Г. Толегенова // Инновационная наука. - 2024. - № 5. - С. 22-23. - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_67220054_60242898.pdf (дата обращения: 07.11.2024).
3. Ихакова, А. А. Управление цепочкой поставок при переходе к цифровой экономике / А. А. Ихакова, К. А. Хайруллина, Р. А. Сабитов // Электронный экономический вестник Татарстана. - 2021. - № 2. - С. 58-66.
4. Квятковский, Д.В. Современные цифровые технологии в обеспечении прозрачности процессов цепей поставок // Экономика, предпринимательство

и право. - 2024. - Том 14. - № 5. - С. 1803-1818. - doi: 10.18334/epp.14.5.120818

5. Мелехова, В. Д. Цифровая трансформация в управлении цепочкой поставок / В. Д. Мелехова // Human Progress. - 2019. - Т. 5, № 2. - С. 1. - DOI 10.34709/IM.152.1.
6. Пузанова, И. А. Интегрированное планирование цепей поставок / И. А. Пузанова // Управление. - 2015. - Т. 3, № 2. - С. 43-49. - DOI 10.12737/11509.
7. Сергеев, В. И. Применение инновационной технологии "Блокчейн" в логистике и управлении цепями поставок / В. И. Сергеев, Д. И. Кокурин // Креативная экономика. - 2018. - Т. 12, № 2. - С. 125-140. - DOI 10.18334/ce.12.2.38833
8. Вызовы и перспективы при внедрении инноваций в управление международными цепочками поставок // URL: <https://na-journal.ru/5-2024-ekonomika-menedzhment/11606-vyzovy-i-perspektivy-pri-vnedrenii-innovacii-v-upravlenie-mejdunarodnymi-cepochkami-postavok> (дата обращения: 06.11.2024).
9. McKinsey & Company. Supply Chain 4.0 — the next-generation digital supply chain — Режим доступа — <https://www.mckinsey.com/capabilities/operations/our-insights/supply-chain-40--the-next-generation-digital-supplychain> (дата обращения: 07.11.2024).
10. Nucleus Research. Supply Chain planning technology value matrix 2023 — Режим доступа — <https://blueridgeglobal.com/wp-content/uploads/2023/03/Supply-Chain-Planning-Technology-Value-Matrix-2023.pdf> (дата обращения: 07.11.2024).

Innovation of the leader of integrated services and innovation management of intelligent supply chains

Sun Chunxing

Peoples' Friendship University of Russia

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The study examines the prospects for the application of integrated planning technologies and innovations in supply chain management.

The relevance of the article is due to the introduction of a variety of innovative services into production processes, which necessitates in-depth analysis, as it represents a relatively new way of development. This highlights the importance of a complete upgrade of the logistics system and exploring the opportunities that this area can offer. During the discussion, the most promising intelligent supply chain management services were identified and their impact on modern logistics operations was assessed.

The purpose of the study is to identify the benefits of switching to new innovation services and trends in intelligent supply chain management.

The results of the study. In the modern world, digital technologies, including blockchain, smart contracts and digital platforms, are actively transforming both the business environment and the process of delivering goods. This trend is closely linked to the growing consumer interest in the digital space to achieve their goals. In order to remain competitive, companies need to adopt innovative approaches and adapt to changes in the external environment. The article emphasizes the importance of using modern integrated planning technologies in logistics process management, noting that they provide opportunities for business globalization and successful solution of strategic tasks facing the country. A review of scientific, practical and theoretical information on this problem was made, statistical information was studied, and author's conclusions were formulated.

Keywords: supply chain, logistics, product, customer, technology, planning, innovation, forecast, management, digitalization

References

1. Akindinova, D. A. Trends in the Application of Information Technologies in Integrated Planning of Logistics Business Processes / D. A. Akindinova, I. R. Galinskaya. - Text: electronic // Bulletin of Eurasian Science. - 2024. - Vol. 16, No. 1. - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_67269564_39285104.pdf (accessed: 07.11.2024).
2. Allakuliev, M. Logistics in the Era of E-Commerce: New Challenges and Opportunities / M. Allakuliev, A. Bakhadyrova, G. Tolegenova // Innovative Science. - 2024. - No. 5. - P. 22-23. - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_67220054_60242898.pdf (date accessed: 07.11.2024).

3. Ikhakova, A. A. Supply chain management in the transition to a digital economy / A. A. Ikhakova, K. A. Khairullina, R. A. Sabitov // *Electronic Economic Bulletin of Tatarstan*. - 2021. - No. 2. - P. 58-66.
4. Kvyatkovsky, D.V. Modern digital technologies in ensuring transparency of supply chain processes // *Economy, entrepreneurship and law*. - 2024. - Vol. 14. - No. 5. - P. 1803-1818. – doi: 10.18334/epp.14.5.120818
5. Melekhova, V. D. Digital transformation in supply chain management / V. D. Melekhova // *Human Progress*. – 2019. – Vol. 5, No. 2. – P. 1. – DOI 10.34709/IM.152.1.
6. Puzyanova, I. A. Integrated supply chain planning / I. A. Puzyanova // *Management*. – 2015. – Vol. 3, No. 2. – P. 43-49. – DOI 10.12737/11509.
7. Sergeev, V. I. Application of innovative Blockchain technology in logistics and supply chain management / V. I. Sergeev, D. I. Kokurin // *Creative Economy*. – 2018. – Vol. 12, No. 2. – P. 125-140. – DOI 10.18334/ce.12.2.38833
8. Challenges and Prospects in Implementing Innovations in International Supply Chain Management // URL: <https://na-journal.ru/5-2024-ekonomika-menedzhment/11606-vyzovy-i-perspektivy-pri-vnedrenii-innovacii-v-upravlenie-mejdunarodnymi-epochkami-postavok> (date of access: 06.11.2024).
9. McKinsey & Company. Supply Chain 4.0 — the next-generation digital supply chain — Available at — <https://www.mckinsey.com/capabilities/operations/our-insights/supply-chain-40--the-next-generation-digital-supplychain> (Accessed: 07.11.2024).
10. Nucleus Research. Supply Chain planning technology value matrix 2023 — Available at — <https://blueridgeglobal.com/wp-content/uploads/2023/03/Supply-Chain-Planning-Technology-Value-Matrix-2023.pdf> (Accessed: 07.11.2024).

Оценка моделей обучения по специальности «Русский язык» в контексте реформы образования Китая

У Цзинвэнь

старший преподаватель кафедры русского языка Института иностранных языков Шэньянского политехнического университета, 523557572@qq.com

Мяо Сэнь старший преподаватель Шэньянского политехнического университета, miaosen@sylu.edu.cn

На фоне реформы образования в Китае под названием «Новые национальные стандарты» были значительно переработаны модели обучения иностранному языку в высших учебных заведениях Китая. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим основные изменения, которые коснулись модели обучения по специальности «русский язык», нормативные базы и практические рекомендации, которые могут обеспечить высокое качество подготовки китайских специалистов со знанием русского языка.

Ключевые слова: «Новые национальные стандарты»; обучение по специальности «Русский язык»; модель обучения.

В начале 2018 г, Китай представил новые "Национальные стандарты качества профессиональной подготовки студентов бакалавриата в многопрофильных университетах классического типа". классического типа" (далее - "Национальные стандарты") [1]. Национальные стандарты" являются ответом на стратегические инициативы Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина, сформулированные в виде проекта международного экономического сотрудничества "Один пояс — один путь" и концепции формирования "сообщества единой судьбы человечества". В основе этой концепции лежит идея возрождения Шелкового пути между Востоком и Западом, заложенная еще во 2-м тысячелетии до нашей эры. Однако в современном видении эта концепция под названием "Один пояс — один путь" ставит своей целью формирование новой торгово-экономической и социокультурной модели интеграции стран Евразии [2].

В то же время "Национальные стандарты" представляют собой четкий набор требований к качеству профессиональной подготовки студентов, обучающихся по программам бакалавриата, в том числе будущих специалистов со знанием русского языка. Язык — это средство общения и своеобразный мост между двумя народами, поэтому в обеих странах большое значение придается изучению языка страны-партнера. Национальные стандарты" привнесли новые возможности и вызовы в систему изучения русского языка в Китае. В 21 веке диверсификация потребностей рынка труда в Китае оказывает серьезное влияние на цели, методы и содержание изучения русского языка. Если раньше требовались в основном учителя и переводчики, то в настоящее время появилась потребность в специалистах различных областей со знанием русского языка, которые могли бы на равных конкурировать за рабочие места в транснациональных корпорациях с выпускниками университетов других стран. Национальные стандарты" призваны заложить нормативную базу и дать практические рекомендации по обеспечению высокого качества обучения китайских студентов русскому языку.

Особенности структуры и содержания «Новых национальных стандартов», по сравнению с предыдущим документом, состоит в том, что они включают в себя девять аспектов: обзор, сфера применения, цели обучения, спецификации обучения, систему учебные программы, преподавательский состав, условия обучения, управление качеством и приложения.

Цель обучения в соответствии с новыми национальными стандартами направлена на развитие всеобъемлющих качеств, прочных базовых навыков владения иностранным языком, профессиональных знаний и способностей, овладения соответствующими профессиональными знаниями и способностями адаптироваться к требованиям социального развития, национального и местного экономического развития. Цель обучения также состоит в том, чтобы подготовить высококачественных специалистов для предприятий, осуществляющих деятельность совместно с иностранными предприятиями или иностранным капиталом, и специалистов для обучения иностранным языкам, научных исследований и других специалистов-универсалов по иностранным языкам. Все университеты должны сформулировать достижимые цели обучения в соответствии со своим позиционированием обучения, ссылаясь на вышеуказанные требования. Цель обучения должна оставаться относительно стабильной, но в то же время ее следует своевременно корректировать и совершенствовать с учетом потребностей социального, экономического и культурного развития.

Что касается системы учебных программ, по сравнению с предыдущей системой учебных программ, в «Новых национальных стандартах» произошли значительные изменения в следующих трех областях:

В систему учебных программ было добавлено содержание исследований по регионоведению и страноведению, в ходе которых особое внимание уделялось тому, что образование, основанное на знаниях, и специализированное образование дополняют друг друга и способствуют общему развитию учащихся.

В указанном стандарте особое внимание уделяется созданию основных профессиональных курсов, а также требуются дальнейшее обогащение и усиление построения профессиональной подготовки, которые предусматривают изучение языковых навыков, языковых знаний, литературы, национальной культуры и т.д.

Ориентация на обучение включает профессиональные стажировки, инновационные и предпринимательские практики, социальные практики и деятельность по международному обмену.

Таким образом, анализируя «Новые национальные стандарты», можно сделать вывод, что это они представляют собой совокупность традиционного подхода к образованию и новаторства.

Реализация инициативы "Один пояс — один путь" показала, что традиционная модель подготовки специалистов со знанием русского языка устарела, поскольку очевидно, что она не способна удовлетворить реальные потребности национального стратегического развития [3]. Введение "Национальных стандартов" является ключом к кардинальному изменению системы подготовки специалистов для комплексной реализации проекта "Один пояс — один путь".

Среди участников инициативы "Один пояс — один путь" много стран, где говорят на русском

языке. Прежде всего, это бывшие советские республики Центральной Азии, а также другие государства СНГ. Долгое время они развивались в рамках единого федеративного государства Советского Союза, но в настоящее время все больше проявляются их региональные и национальные особенности. Страны постсоветского пространства отличаются традициями, религией и находятся на разных уровнях культурного и социально-экономического развития. Такая специфика обуславливает необходимость разработки и применения более интернационализированных и диверсифицированных подходов к обучению специалистов в китайских университетах со знанием русского языка, чтобы они могли использовать различные коммуникативные стратегии для решения задач взаимодействия Китая с этими странами.

На международном симпозиуме "Подготовка русскоязычных специалистов в Китае в контексте Шелкового пути и Экономического пояса" заместитель министра образования КНР, президент Китайской ассоциации преподавателей русского языка, профессор Лю Лиминь подчеркнул: "Реализация инициативы Шелкового пути и Экономического пояса требует подготовки междисциплинарных специалистов с метапредметными компетенциями и знанием русского языка" [4]. В октябре 2018 года в Пекине в седьмой раз прошел "Международный научный форум молодых ученых по русистике", в нем приняли участие студенты из многих стран, в том числе из стран, расположенных в зоне проекта "Один пояс — один путь". Китайские участники подчеркнули необходимость расширения межкультурных обменов между молодежью наших стран.

Растущее число специалистов многопрофильного типа со знанием русского языка остро ставит вопросы о критериях оценки качества подготовки, методах и способах повышения уровня знаний студентов. Преподавание иностранных языков в высших учебных заведениях должно быть направлено на всестороннюю подготовку студентов, развитие умения выражать свои мысли и отстаивать новые идеи. Но для обучения и подготовки таких студентов требуются высококвалифицированные преподаватели. Остро стоит вопрос, как накопить педагогические кадры, обладающие разносторонними, высокопрофессиональными знаниями, умениями и практическим опытом? Ответом на вопрос является интернационализация научной и образовательной деятельности, которая является отличительной чертой ведущих университетов [5; 9]. Например, целевые индикаторы развития Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова до 2020 года включают следующие показатели степени интернационализации ведущего российского университета:

- Доля совместных проектов с зарубежными образовательными учреждениями в общем количестве образовательных, научных, инновационных и социокультурных проектов 20 процентов;
- Доля иностранных студентов в общей численности студентов 35 процентов;

- Доля научно-педагогических работников Московского университета имени М.В. Ломоносова, преподающих в зарубежных образовательных учреждениях, в общей численности научно-педагогических работников 15 процентов;

- Количество совместных образовательных программ с зарубежными учебными заведениями с выдачей двойного диплома 50 процентов [6].

Во многих российских университетах, таких как ВШЭ, РАНХиГС, Новосибирский университет, МГИМО, Томский государственный университет, профессорами являются научные сотрудники Российской академии наук, советники в государственных и общественных организациях, эксперты в области бизнеса. И наоборот, многие известные общественные деятели, политики и успешные бизнесмены преподают в российских университетах. Такая интеграция практической, образовательной и научной деятельности заложена в концепции развития многих университетов, поэтому к разработке учебных программ, чтению лекций и оценке качества подготовки выпускников в качестве основного условия высокопродуктивной деятельности университетов в учебных планах ведущих российских вузов привлекаются практикующие юристы, топ-менеджеры, опытные финансовые эксперты и даже депутаты Госдумы. Уже более десяти лет в университетах Российской Федерации реализуется модель подготовки "специализация + иностранный язык", которая позволяет готовить специалистов международного уровня, востребованных на национальном и глобальном рынках труда.

Долгое время в китайском обществе бытовало одностороннее понимание интернационализации образовательных учреждений. В частности, считалось, что чем больше студентов обучается за рубежом, тем выше степень интернационализации. На самом деле, настоящая интернационализация заключается в развитии и поддержании равноправного диалога с университетами мирового уровня и подготовке кадров, соответствующих лучшим международным стандартам. Наше исследование показывает, что если обучение по специальности не сопровождается квалифицированным научным руководством, то невозможно подготовить специалистов международного класса.

Наряду с кадровой проблемой остро стоит вопрос о коренном пересмотре учебной программы. По мнению китайских и зарубежных экспертов, содержание учебных программ во многих китайских вузах не соответствует современным профессиональным требованиям и международным стандартам [7, 8, 3, 9].

Рассмотрим основные отличия в структуре "Новых национальных стандартов". Новые стандарты включают в себя 9 блоков, каждый из которых подвергся структурным изменениям, среди них:

1. Обзор
2. Сфера применения
3. Цель образования
4. Специфика образовательного процесса
5. Учебный план и учебные программы

6. Состав преподавателей
7. Условия образования
8. Контроль качества образования
9. Приложения

Так, новая сформулированная цель образования — развивать всеобъемлющие качества и базовые навыки владения иностранным языком, профессиональные навыки, которые будут гибкими с целью адаптации к современным требованиям социального и экономического развития. Таким образом, основной целью является подготовка высококвалифицированных специалистов не только в профиле языков, но также и по другим специальностям, чтобы по окончании образовательной программы студент в равной степени владел как иностранными языками, так и другими профессиональными навыками в рамках выбранной им сферы и специальности обучения.

Гибкость образовательной модели — это одно из основных требований "Новых стандартов", которое позволяет адаптировать образовательную программу в современной постоянно меняющейся социальной и макроэкономической обстановке.

Что касается системы учебных программ, по сравнению с предыдущей системой учебных программ, в «Новых национальных стандартах» произошли значительные изменения в следующих трех областях:

В систему учебных программ было добавлено содержание исследований по регионоведению и страноведению, в ходе которых особое внимание уделялось тому, что образование, основанное на знаниях, и специализированное образование дополняют друг друга и способствуют общему развитию учащихся.

В указанном стандарте особое внимание уделяется созданию основных профессиональных курсов, а также требуются дальнейшее обогащение и усиление построения профессиональной подготовки, которые предусматривают изучение языковых навыков, языковых знаний, литературы, национальной культуры и т.д.

Ориентация на обучение включает профессиональные стажировки, инновационные и предпринимательские практики, социальные практики и деятельность по международному обмену.

Таким образом, анализируя «Новые национальные стандарты», можно сделать вывод, что это они представляют собой совокупность традиционного подхода к образованию и новаторства.

Еще в 90-х годах 20 века для ускорения интеграции европейского образовательного пространства Совет Европы утвердил "Общеввропейские компетенции", которые легли в основу многих национальных стандартов, в том числе и "Языкового портфеля", разработанного специалистами Московского государственного лингвистического университета имени М.В. Ломоносова (МГЛУ) для России [10,11]. Языковой портфель" не только помогает четко сформулировать цели и задачи обучения, выбрать подходящие методы преподавания, стандартизировать шкалу владения иностранным языком, но и позволяет студентам объективно оценить свои знания

и умения, сознательно повысить мотивацию к обучению. Языковой портфель" включает в себя 3 части:

1. языковой паспорт, в котором указывается, какими языками и на каком уровне владеет его обладатель;

2. языковую биографию, содержащую листы самооценки студента в виде ответа на вопросы "Я могу ...", "Я понимаю ...";

3. досье с отчетами о практике, курсовых, выпускных работах, проектах и других видах учебной и научной деятельности студента. Как видно, "Языковой портфель" включает в себя содержание, которое позволит выпускнику стать конкурентоспособным при устройстве на работу в любой точке страны [12].

Именно такой формат языковой подготовки транснациональных студентов необходимо внедрять в китайских университетах, считают китайские эксперты. Шаги в этом направлении уже предпринимаются отдельными университетами. В качестве примера можно рассмотреть опыт реорганизации обучения в Гуандунском университете иностранных языков и внешней торговли (далее: Гуанвайский университет).

Модель обучения "иностраный язык + специализация" постепенно завоевывает позиции в обучении бакалавров в Гуанвайском университете. Это не только новая тенденция в подготовке специалистов со знанием русского языка в современных условиях, но и результат реформирования традиционной модели обучения русскому языку в направлении выполнения требований "Национального стандарта" по формированию "прочной базы, обширных знаний, профессиональных навыков и инновационных подходов к обучению студентов" [1]. С сентября 2015 года в образовательном процессе Гуанвайского университета акцент с овладения чисто языковыми навыками сместился на обеспечение эффективного взаимодействия языкового и социокультурного компонентов обучения. Иными словами, осуществляется интеграция общегуманитарных и региональных знаний с теоретическими лингвистическими знаниями и навыками иноязычного общения.

Дэн Чжихуэй в своем исследовании утверждал, что изменения касаются и реформы системы учебных курсов, так как была сформирована новая эффективная интерактивная цепочка подготовки педагогов: обучаются в университете и осуществляют практические деятельности за пределами университета, в практических базах в школах или образовательных организациях. В традиционных курсах преподавания укрепляются знания студентов по русскому языку; на практике проверяются знания и уровень владения русским языком, путем организации различных видов практической деятельности таких, как деятельность ассоциаций студентов, клуб преподавателей-иностранцев, конкурсы по русскому языку и т.д.; проводятся различные мероприятия, стимулирующие студентов участвовать в различных конкурсах по русскому языку. Благодаря этим реализуется модель обучения, сочетающая обучение

онлайн и офлайн, традиционное и современное, внутреннее и внешнее, отечественные и иностранные, а также теорию и практику.

Состав сотрудников состоит из трёх частей: китайских, русских преподавателей, а также работников из предприятий, это резко отличается и от других вузов в Китае. Также, согласно стандартов планируется реализовать один междисциплинарный практический курс и три специализированных практических курса, включая комплексный практический курс цифровой трансформации с Россией, практический курс по разработке продуктов с Россией, практический курс по цифровому маркетингу с Россией и комплексный практический курс по эксплуатации новых коммерческих предприятий трансформации в приграничных районах России.[14]

Как отмечает профессор русского языка Гуанвайского университета Сяо Цзинъюй, суть реформы заключается в следующем: на базовом уровне обучения (первый и второй курс) студенты осваивают обязательные дисциплины, одинаковые для всех студентов, независимо от их специализации. Но уже на этом этапе в учебниках по чтению и аудированию используются адаптированные и аутентичные материалы, освещающие социальные реалии, культуру и быт регионов, в которых русский язык является государственным или языком межнационального общения.

По завершении базового этапа на старших курсах (3 и 4 курсы) бакалавриата предлагается кредитно-модульная система обучения, которая позволяет студентам целенаправленно выбирать дисциплины с учетом специализации и личных интересов. Программа старших курсов состоит из 3 блоков:

1. русская литература этот блок ориентирован на тех студентов, которые нацелены на углубленное изучение русского языка и литературы;

2. практический русский язык, включающий модули для делового общения и устного перевода в различных областях международного общения;

3. регионоведение/россиеведение этот блок ориентирован на задачу подготовки как исследователей, так и практиков, специализирующихся в различных областях международных отношений.

В каждом блоке содержится 7-8 дисциплин по выбору с равной трудоемкостью. Студенты имеют право самостоятельно выбирать дисциплины, чтобы набрать необходимое количество модулей в семестре. Таким образом, они могут более осознанно подойти к вопросу формирования своей будущей карьеры и профессионального успеха. Отличительной особенностью всех элективных курсов является то, что курсы разрабатываются при участии российских профессоров, что позволяет соединить основную образовательную программу, реализуемую в Гуанвайском университете, с программами стажировок в различных российских вузах. Соприращенность учебного плана Гуанвайского университета с кадровыми требованиями инициативы "Один пояс — один путь" вторая важная особенность.

Как и любая другая инновация, реформирование учебного плана и процесса обучения иноязычному

общению сталкивается с объективными и субъективными трудностями. Прежде всего, они возникают в области обеспечения программы соответствующими педагогическими ресурсами. В Гуанвайском университете не хватает преподавателей, которые могли бы вести междисциплинарные курсы по русскому языку и были бы способны разработать курсы, обеспечивающие индивидуальные потребности и образовательные траектории обучения студентов языковых и неязыковых специальностей иностранным языкам. Это объективная реальность, которая является следствием слабости подготовки будущих учителей с метапредметными знаниями в педагогических вузах Китая. Субъективная трудность заключается в нежелании многих преподавателей Гуанвайского университета внедрять в практику преподавания принципы межкультурного образования, оперировать критериями транснациональных стандартов.

На наш взгляд, эту проблему необходимо решать, прежде всего, путем совершенствования системы профессиональной подготовки и повышения квалификации действующих преподавателей. Успешно реализуемая на факультете педагогического образования МГУ имени М.В. Ломоносова программа профессиональной переподготовки "Преподаватель высшей школы" может служить хорошим примером для организации курсов повышения квалификации действующих преподавателей в любом классическом университете. Также заслуживает внимания изучение опыта и достижений Института русского языка и культуры Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (ИРЯК МГУ), Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, Научно-образовательного центра "Китайгородская школа". Эти образовательные организации пользуются заслуженно высокой репутацией научных центров по изучению русского языка как иностранного, преподаванию иностранных языков, подготовке и повышению квалификации учителей русского языка. Разработанные ими методические системы развития межкультурной коммуникативной компетенции позволяют сочетать обучение, ориентированное на ученика, с решением профессиональных задач.

В заключение настоящей статьи мы можем сделать выводы и дать оценку новых моделей обучения русскому языку:

Во-первых, "Новые национальные стандарты" — это вынужденная мера и стратегически верное решение, которое позволит подготовить высококвалифицированных специалистов со знанием иностранного языка в разных областях. Изменение образовательных моделей позволит помочь в долгосрочной перспективе Китаю подготовить кадры, которые будут помогать стране развиваться согласно стратегическому плану развития в рамках международного рынка.

Во-вторых, адаптация данных моделей должна проходить при помощи оптимального планирования и выделения особенностей данных образовательных моделей в соответствии со спецификой направ-

лений подготовки студентов. Одна из задач, которую должна поставить для себя образовательная отрасль Китая — углубление исследований в рамках стратегического развития страны, что позволяет адаптировать образовательные программы с учетом стратегии развития Китая, потребностей китайского внутреннего и международного рынка, а также предпочтений самих студентов. Данная стратегия позволит китайским высшим образовательным учреждениям подготовить большое количество уникальных специалистов, обладающих универсальными навыками для работы как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод, что для успешного реформирования системы подготовки студентов, изучающих русский язык как иностранный, необходимо уделить особое внимание междисциплинарной подготовке преподавателей и внедрению инновационных идей и методов в образовательный процесс; одновременно сосредоточить усилия на развитии у студентов способности критически мыслить, переоценивать свой социальный опыт, а также способности поддерживать как письменную, так и устную коммуникацию на профессиональные темы; развивать навыки работы с иноязычными источниками, умение анализировать их содержание, интерпретировать и обрабатывать; самостоятельно составлять иностранные тексты на профессиональные темы; уметь вести дискуссии и публично выступать с презентациями, докладами, рецензиями на различные профессиональные темы.

Дальнейшие исследования по теме должны касаться определенных образовательных программ в рамках конкретных китайских учебных заведений.

Литература

1. Министерство образования Китая (2018). Комментарии Министерства образования по "Национальным стандартам качества профессионального образования студентов-бакалавров в многопрофильных университетах классического типа". Retrieved from <http://www.ghx.gov.cn/tuijianneirong/zzf/2018-0131/5108.html>.
2. Машкина, О. А. (2015) Новый шелковый путь в контексте геополитических и региональных решений. В тюркских алах до Казахского ханства: Международная научно-практическая конференция. Тезисы докладов (стр. 170-172). Москва, Россия: Издательство "Социум".
3. Zhang, Hang. (2015). Первоначальное исследование модели подготовки талантливых русскоязычных специалистов нового практико-ориентированного типа в системе китайско-российского сотрудничества. Газета Хэйхэского института, 1.
4. Информационное агентство "Народ". (2015). Открытие международной конференции "Экономический пояс Шелкового пути и подготовка талантливых специалистов на русском языке". Retrieved from <http://politics.people.com.cn/n/2015/0515/c70731-27008500.html>.

5. Кулен, Р. Для чего нужна интернационализация образования? *Международное высшее образование*, 83, 2016, 8-10.

6. Московский государственный университет. Основы программы развития Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 2020 URL: <http://www.msu.ru/projects/pr2020/docs/slovo.pdf>.

7. Лю Л. Преподавание русского языка в Китае: традиции и развитие. *Русский язык в Китае*, 1(36), 2017, 1-8.

8. Yan, Liu, Hua, Weifen, & Shu, Dingfang, Реформа и стратегия развития обучения по специальности "Иностранные языки". *Журнал "Вайюй яньцзи" (Изучение иностранных языков)*, 4, 2011, 21-27.

9. Golik, M. Ya. Русский язык в Китае: прошлое и настоящее. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 1-2(55), 2016, 108-110.

10. Council of Europe. (2007). *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment* (9th printing). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

12. Little, D., Perclová, Radka. (2001). *European Language Portfolio: a guide for teachers and teacher trainers*. Strasbourg, France: Council of Europe.

13. Ван Ли, Баранова И.И. Совместные образовательные программы китайских университетов и российских вузов: состояние, тенденции и перспективы // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Сер. Гуманитарные и общественные науки*. –2017. – Т. 8. –No 1. –С. 134–141.

14. Дэн Чжихуэй. Модели подготовки специалистов по русскому языку в вузах кнр в условиях внедрения «новых национальных стандартов»: опыт и перспективы // *Современное педагогическое образование*. 2021. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-podgotovki-spetsialistov-po-russkomu-yazyku-v-vuzah-knr-v-usloviyah-vnedreniya-novyh-natsionalnyh-standartov-opyt-i> (дата обращения: 05.04.2022).

15. Фэн Шисюань. Изучение русского языка китайскими студентами: проблемы, возможности, перспективы // *Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания»*. – 2015. – No 2. – С. 70–74.

Evaluation of Teaching Models for Russian Language Majors in the Context of China's Education Reform

Wu Jingwen, Miao Sen

Shenyang Polytechnic University

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

Against the background of the education reform in China called "New National Standards", foreign language teaching models in Chinese higher education institutions have been significantly redesigned. Within the framework of the present article we will consider the main changes which affected the model of Russian language teaching, the normative framework and practical recommendations which can provide high quality training of Chinese specialists with Russian language skills.

Keywords: "New national standards"; Russian language teaching; teaching model.

References

1. Ministry of Education of China (2018). Comments of the Ministry of Education on the "National Quality Standards for Undergraduate Professional Education in Classical Multidisciplinary Universities". Retrieved from <http://www.ghx.gov.cn/tuijianneirong/zzf/2018-0131/5108.html>.
2. Mashkina, O. A. (2015) The New Silk Road in the Context of Geopolitical and Regional Decisions. In *Turkic Ales before the Kazakh Khanate: International Scientific and Practical Conference. Abstracts of Reports* (pp. 170-172). Moscow, Russia: Socium Publishing House.
3. Zhang, Hang. (2015). An Initial Study on the Model of Training New Practice-Oriented Russian-Speaking Talented Specialists in the System of Sino-Russian Cooperation. *Heihe Institute Newspaper*, 1.
4. The People's News Agency. (2015). Opening of the international conference "The Silk Road Economic Belt and Training Talented Specialists in Russian". Retrieved from <http://politics.people.com.cn/n/2015/0515/c70731-27008500.html>.
5. Kulen, R. Why do we need to internationalize education? *International Higher Education*, 83, 2016, 8-10.
6. Moscow State University. *Fundamentals of the Development Program of Lomonosov Moscow State University*. 2020 URL: <http://www.msu.ru/projects/pr2020/docs/slovo.pdf>.
7. Liu L. Teaching Russian in China: Traditions and Development. *Russian language in China*, 1(36), 2017, 1-8.
8. Yan, Liu, Hua, Weifen, & Shu, Dingfang, Reform and Development Strategy of Foreign Language Education. *Journal of Foreign Language Learning*, 4, 2011, 21-27.
9. Golik, M. Ya. Russian Language in China: Past and Present. *Philological Sciences. Theory and Practice Issues*, 1-2(55), 2016, 108-110.
10. Council of Europe. (2007). *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment* (9th printing). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
12. Little, D., Perclová, Radka. (2001). *European Language Portfolio: a guide for teachers and teacher trainers*. Strasbourg, France: Council of Europe.
13. Wang Li, Baranova I.I. Joint educational programs of Chinese universities and Russian universities: status, trends and prospects // *Scientific and technical statements of SPbSPU. Series: Humanitarian and social sciences*. -2017. -Vol. 8. -No. 1. -P. 134-141.
14. Deng Zhihui. Models of training specialists in the Russian language in Chinese universities in the context of the introduction of "new national standards": experience and prospects // *Modern pedagogical education*. 2021. No. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-podgotovki-spetsialistov-po-russkomu-yazyku-v-vuzah-knr-v-usloviyah-vnedreniya-novyh-natsionalnyh-standartov-opyt-i> (date of access: 05.04.2022).
15. Feng Shixuan. Study of Russian by Chinese students: problems, possibilities, prospects // *Bulletin of RUDN, series "Russian and foreign languages and methods of their teaching"*. – 2015. – No. 2. – P. 70–74.

Модель потока инноваций нефтегазодобывающего предприятия

Маринин Иван Александрович

аспирант кафедры менеджмента, Самарский государственный экономический университет, 89171158626@ya.ru

Рассматривается понятие потока инноваций и обосновывается возможность и целесообразность разработки соответствующей модели потока инноваций применительно к предприятиям нефтегазодобывающей отрасли России.

Целью исследования является теоретико-методическое обоснование подхода к моделированию потока инновационной деятельности в нефтегазодобывающей отрасли с учётом многоступенчатого последовательного скрининга инновационных идей, а также комплексирования различных этапов отраслевой деятельности – от геологоразведочных работ газовых и нефтяных месторождений и до производства и реализации нефтепродуктов.

Показано, что предложенная алгоритмизированная схематизация инновационного процесса в виде модели потока инноваций может рассматриваться в качестве базы для регламентируемого технологического процесса инновационного развития предприятий нефтегазодобывающей отрасли.

Ключевые слова: нефтегазодобывающая отрасль, поток инноваций, моделирование, проектно-процессная технология, цифровизация,

Введение

Повышение эффективности и конкурентоспособности нефтегазодобывающей отрасли (НГД отрасли) России невозможно без активизации её инновационного развития с использованием современных технологий и новых подходов к планированию и управлению бизнес-деятельностью предприятий.

Актуальна задача научно-методического обоснования специфики инновационной деятельности предприятий НГД отрасли и возможных подходов к формированию, планированию и реализации программ их инновационного развития.

В теоретико-методическом плане большой научный и практический интерес представляет рассмотрение понятия «потока инноваций» и соответствующего его использования для решения конкретных методических задач отраслевого уровня.

Методология потока инноваций (Pipeline Innovation) [1] соответствует всему спектру действий, связанных с инновациями, включая разработку новых продуктов и процессов, построение стратегических альянсов, обработку корпоративных рисков, применение ИТ систем и человеческих ресурсов. Поток инноваций формирует необходимую среду для достижения целей предприятия благодаря систематическому применению рациональных инновационных процессов и методов во всех областях корпоративной деятельности.

Среди опубликованных работ по рассматриваемой тематике преобладает точка зрения авторов на поток инноваций в экономике страны с позиции логистических принципов. При этом, как правило, обосновывается увеличение потока инновационной продукции в масштабе региона или национальной экономики, обусловленное изменением вектора параметров финансового потока системы мер государственной поддержки [2].

Так, в работе Парфёновой С.Л. [3] показано, что комплексная диагностика инновационной системы национальной экономики (количественных и временных параметров), позволяет не только оценить производительность системы, но и скорость перемещения инноваций внутри системы, которую целесообразно развивать, основываясь на логистическом подходе, в также моделировать конфигурацию инновационной системы по основным и сопутствующим потокам.

Заслуживают внимания исследования оптимизации потоков инноваций [4] и цифровых инноваций управления потоками в логистических системах [5], в которых обосновывается необходимость увязки потока инноваций с уже существующими потоками

полезных ресурсов и современные возможности реализации цифровых инноваций для управления информационными, ресурсными и другими потоками в логистических системах.

С позиции интенсификации инновационного развития предприятия НГД отрасли автором рассматривается поток инноваций в отраслевом продукто-технологическом разрезе как распределённый по времени регулярный процесс реализации обоснованного комплекса взаимосвязанных креативных идей, исследовательских и прикладных задач, направленных на инновационное изменение текущей бизнес-системы нефтегазодобывающего предприятия.

Поток инноваций предприятия НГД отрасли направлен и способствует его адаптации к изменяющимся внешним и внутренним факторам, что осуществляется через согласование входящих в него элементов: целей инновационного развития, субъектов, информационных и материальных потоков, ресурсов и бизнес-процессов.

Процессное управление инновационным развитием бизнес-системы нефтегазодобывающего предприятия базируется в методологическом плане на процессном подходе к управлению [6; 7] и позволяет достаточно корректно регламентировать, планировать и контролировать текущую деятельность участников инновационных бизнес-процессов с выявлением отклонений от сформированных стратегических целей.

В качестве основных фаз реализации инноваций предприятия НГД отрасли, как правило, выделяются следующие:

- первая фаза - инициирование инновационных проектов (ИП) – креативный менеджмент для отбора (запуска) идеи проекта и процесс формального утверждения её дальнейшей разработки;
- вторая фаза - планирование проекта – формирование группы управления проектом, разработка календарного плана, бюджета, системы коммуникаций и контроля;
- третья фаза – реализация инновационного проекта после утверждения на научно-техническом совете, в т.ч.:
 - научно-исследовательские работы либо научно-исследовательские конструкторские работы;
 - опытно-промышленные работы;
- четвёртая фаза - мониторинг реализации инновационного проекта и управление рисками, оценка ключевых показателей эффективности;
- пятая фаза – завершение инновационного проекта;
- шестая фаза – внедрение (распространение - диффузия) результатов инновационного проекта на предприятиях НГД отрасли.

Для каждого этапа реализации инновационного проекта соответственно разрабатывается система управляющих процессов и необходимых подпроцессов, которые регламентируются внутрикорпоративными документами и поддерживаются корпоративной информационно-коммуникационной системой.

В данной статье предложен авторский подход к структурно-алгоритмическому моделированию инновационных процессов с выходом на соответствующую модель потокового управления инновационными проектами с возможностью регламентировать креативный поиск, поэтапный отбор и последующее использование инновационных проектов в бизнес-деятельности предприятий НГД отрасли.

Методы

Исследование базируется как на общенаучных методах системного анализа и синтеза, так и специализированных аналитических и инструментальных методах структурно-логической схематизации инновационных процессов в НГД отрасли.

Методический подход автора представляет собой обоснованное структурно-алгоритмическое моделирование, обеспечивающее креативный поиск, поэтапный отбор и последующее использование инновационных проектов в бизнес-деятельности предприятий НГД отрасли.

В этом направлении осуществлена структурно-логическая схематизация, позволившая разработать авторский вариант методики управления инновационными проектами для предприятий НГД отрасли, базирующийся на предлагаемой модели потока инноваций» и рассматриваемый как – «МПИ-технология». В качестве информационной базы исследования использованы опубликованные материалы ряда авторов по соответствующей тематике, данные об инновационных программах развития ПАО Роснефть и ПАО Лукойл, а также данные о применяемых автором непосредственно на предприятиях НГД отрасли.

Результаты

Разработанный автором методический подход представляет собой обоснованное структурно-алгоритмическое моделирование потоковых процессов управления, обеспечивающее креативный поиск, поэтапный отбор и последующее использование инновационных проектов в бизнес-деятельности предприятий НГД отрасли.

Согласно алгоритму научно-производственного цикла инновационного развития предприятий отрасли (АРПВ - анализ, разработка, проверка, внедрение), в его основу целесообразно положить четыре следующих последовательных этапа.

Этап 1. Анализ: поиск, оценка и верификация новаций с привязкой к основным бизнес-процессам предприятия, выбор объекта реализации и разработка паспорта внедрения новации.

Этап 2. Разработка: виртуальный НИР, НИОКР на цифровой модели объекта и физический НИР, НИОКР на физической модели в условиях, приближенных к реальным для проверки потенциальной эффективности новаций.

Этап 3. Проверка: Проведение испытаний на реальном объекте в ограниченном масштабе для сопоставления и адаптации реальных результатов, с результатами полученными в рамках цифрового и физического НИР, НИОКР.

Этап 4. Внедрение: Разработка паспорта технологии и программы внедрения.

Инновационное развитие предприятия рассматривается как непрерывный процесс, позволяющий поэтапно осуществлять выявление и отбор новых инновационных идей, и дальнейшую реализацию соответствующих проектов для развития предприятий НГД отрасли. Сегментацию цикла инновационного развития предприятий отрасли на указанные выше этапы следует рассматривать как потоковый скрининг креативных идей и инноваций для последующей их реализации в производстве.

Структурно-логическая схематизация лежит в основе разработанного авторского варианта методики управления инновационными проектами для предприятий НГД отрасли и базирующийся на предлагаемой «Модели потока инноваций» (МПИ) [8]. В целом алгоритмизированную схематизацию инновационного процесса на основе модели потока инноваций предлагается рассматривать в качестве МПИ-технологии, направленной на обеспечение всего комплекса действий, связанных с идеями инноваций, разработкой новых продуктов и процессов, оценку эффективности инноваций и корпоративных рисков, применение ИТ систем и человеческих ресурсов.

Укрупнённо, разработанную модель потокового управления инновационными проектами можно представить в виде рис. 1.

Следует отметить, что для того, чтобы процесс отбора инновационных идей был реализован, в каждом предприятии необходимо разработать комплект регламентирующих документов, обеспечивающих через определённый организационный механизм менеджмент инноваций (например, группу управления инновационными проектами) и необходимые формальные процедуры процессов планирования, организации, управления и мониторинга отбора идей и реализации инновационных проектов. Внутрикorporативные регламентирующие документы предприятий целесообразно ориентировать на действующие ГОСТы по проектному и инновационному менеджменту [9; 10].

Наиболее ответственными для последующих действий можно считать первые два этапа потокового управления инновациями, на которых осуществляется анализ и разработка инновационных идей.

На первом этапе МПИ-технологии осуществляется последовательный регламентированный скрининг, который позволяет охватить всё многообразие идей, произвести выбор из них наиболее эффективных для условий конкретного предприятия, адаптировать их к различным условиям объектов и разработать программы их распространения, а также обеспечить снижение затрат предприятия на анализ и оценку максимального количества новаций с одновременной концентрацией затрат на проверку и внедрение наиболее перспективных.

В рамках предлагаемого методического подхода необходимо обеспечить на первом этапе, прежде всего, непрерывный процесс поиска, анализа, уточ-

нения и верификации существующих и потенциально возможных новаций для решения стратегических задач компании в рамках стратегии или программы инновационного развития (ПИР). Алгоритмическая схема проведения поискового скрининга для инноваций в НГД отрасли может быть представлена в виде рис. 2.

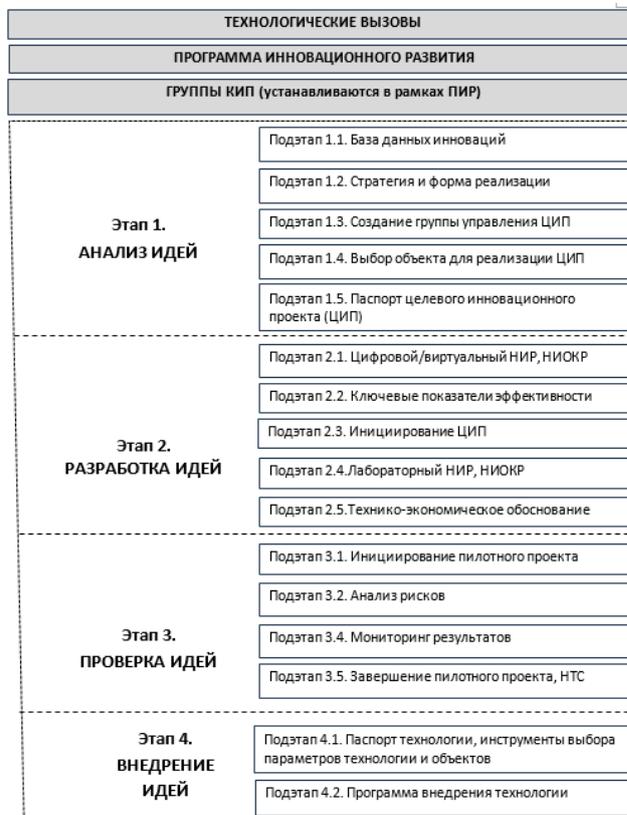

Рис. 1. Укрупнённая схема алгоритма модели инновационного процесса для предприятий НГД отрасли – «Модель потока инноваций»

Рис. 2. Алгоритмическая схема проведения поискового скрининга инноваций в НГД отрасли

Как следует из указанной выше схемы, поиск инноваций осуществляется специалистами предприятий по всем возможным источникам и включает анализ мирового опыта внедрений новаций, разработки сторонних организаций, а также собственных научно-технических подразделений.

Далее должна осуществляться верификация инноваций с привязкой к бизнес-процессам предприятия и к потенциальным условиям их применения. Ключевым результатом верификации является создание матрицы применимости технологий, которая включает оценку и предварительные расчёты по следующим параметрам:

- соответствие технологии условиям применения;
- удельные затраты на реализацию и потенциальную эффективность;
- доступность на рынке и организационной готовности предприятия.

Прежде, чем выполнять оценочный скрининг (Рис. 3), необходимо определить, обобщить и разработать качественные и количественные критерии эффективности инновационных изменений.

Критерии целесообразно разделять на 2 группы:

- качественные (применим/условно-применим/неприменим);
- количественные (увеличивают или уменьшают рейтинг технологий).

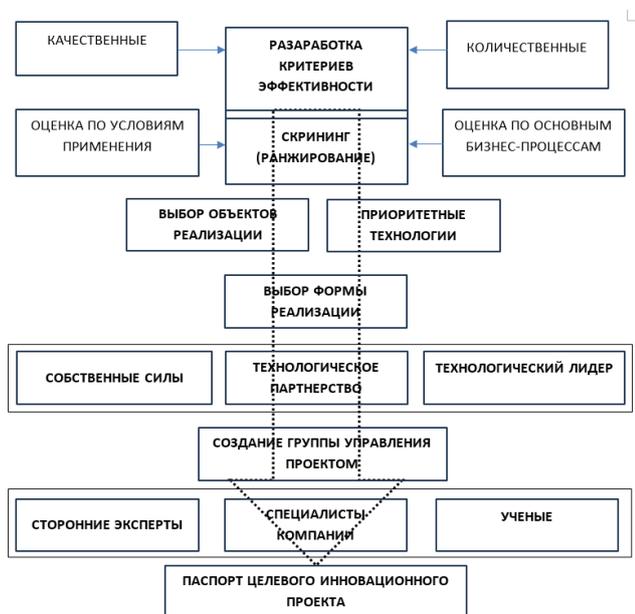

Рис. 3. Алгоритмическая схема проведения оценочного скрининга НГД отрасли

После проведения оценки, составляется чек-лист технологий, потенциально подходящих к условиям конкретного предприятия. Для каждой технологии рассчитывается рейтинг, на основании которого выбираются 2-3 технологии с наивысшим рейтингом для различных групп объектов.

Далее определяется одна из трёх вариантов организационная форма выполнения инновационного проекта, которая зависит от научных, организационно-технических возможностей предприятия и доступности технологии на рынке:

- собственные силы;
- технологическое партнерство;
- технологический лидер.

В дальнейшем инициируется и создается рабочая группа управления проектом (ГУП), состав и численность которой определяется в зависимости

от организационной формы выполнения проекта и включает специалистов разных направлений деятельности НГД предприятия, при необходимости, специалистов сторонних сервисных компаний, а также независимых исследователей в т.ч. из государственных ВУЗов, НИИ и т.д.

На заключительном подэтапе 1.5. основной задачей является составление паспорта целевого инновационного проекта, в котором должна указываться следующая информация:

- общая информация об организационной структуре проекта (бизнес-процесс, руководитель проекта, куратор, сотрудники профильного управления, сторонние кураторы, сторонние исполнители);
- информация о новации (краткое описание, принцип действия и область применения, эффект от применения, риски применения, ориентировочная стоимость);
- информация о проблематике, на решение которой, направлена новация;
- оценка потенциала внедрения.

На втором и третьем этапах МИП-технологии реализуются цифровой (виртуальный) НИР, НИОКР, осуществляется инициирование пилотного проекта.

Принятие решения по реализации инноваций целесообразно выполнить на основе расчета плановых показателей реализации новаций на цифровых моделях конкретного объекта с использованием специализированных программных продуктов (симуляторов).

На заключительном – четвертом этапе МИП-технологии - по результатам апробации пилотного инновационного проекта осуществляется формирование комплекса документов, определяющих параметры и программу внедрения конкретной инновации;

- паспорт технологии,
- инструменты выбора параметров технологии и объектов,
- дорожная карта,
- программа внедрения инновационной технологии.

Связующим звеном в управлении инновационным проектом предприятия НГД отрасли является сквозная цифровая коммуникационная технология управления Программой инновационного развития, предусматривающая согласованное планирование процессов деятельности, коммуникаций и информационный обмен в интересах участников проектов инновационного развития соответствующей бизнес-системы. Таким образом обеспечивается последовательность и прогнозируемость результатов за счёт того, что деятельность по инновационному развитию предприятия осознается и управляется как взаимосвязанные процессы, которые функционируют как согласованная система [11].

При планировании коммуникаций и информационного обеспечения на том или ином этапе реализации МИП-технологии необходимо формирование требований (регламентов, шаблонов документов) с учётом соответствующих входных и выходных данные управляющих процессов [12]:

- плановые виды работ проекта;

- реестр заинтересованных лиц;
- описание ролей;
- регулярные отчёты о выполнении работ;
- незапланированные запросы информации.

Стимулирование инвестиционной деятельности предприятий и интеллектуально-креативной деятельности их персонала, а также внешних участников инновационных процессов, играет важнейшую роль в активном инновационном развитии предприятий НГД отрасли.

В этом направлении, как правило, рассматриваются несколько возможностей для предприятий и активизации сотрудников предприятий и соисполнителей к участию в инновационных процессах.

Первостепенное значение имеет государственное законодательство по защите интеллектуальной собственности разработчиков для стимулирования разработки и внедрения инноваций, которая позволяет учитывать материальные стимулы авторов инноваций [13].

Серьёзное влияние оказывают различные финансово-экономические инструменты стимулирования инновационной деятельности предприятий, в том числе через льготы и преференции в налогообложении НИОКР. Однако, отмечается, что успешность инновационного процесса обеспечивается, не за счет количества и видов применяемых стимулирующих инструментов (инновационный климат, законодательное регулирование инновационного процесса, развитие информационного и материально-технического обеспечения научных исследований, координационное сопровождение), но, скорее, от эффективности и скоординированности предлагаемых решений [14].

Обсуждение

Предложенный комплекс авторских методических разработок и рекомендаций по реализации механизма управления инновационными проектами в НГД отрасли апробирован в ПАО ЛУКОЙЛ.

ПАО ЛУКОЙЛ – одна из ведущих вертикально интегрированных нефтяных компаний России, дальнейшее эффективное развитие которой прямо обусловлено активным процессом инновационного преобразования. В условиях внешних санкционных ограничений и усложнения добычи углеводородного сырья на месторождениях с трудноизвлекаемыми запасами ПАО ЛУКОЙЛ развивает и внедряет современные технологии в целях максимизации извлечения углеводородов, оптимизации производственных процессов и технических решений (Рис. 4).

Для ПАО ЛУКОЙЛ в условиях внешних санкционных ограничений и усложнения добычи углеводородного сырья на месторождениях с трудноизвлекаемыми запасами требуется более активно развивать и внедрять современные технологии управления в целях максимизации извлечения углеводородов, оптимизации производственных процессов и технических решений.

Автором осуществлён анализ и оценка используемой в ПАО ЛУКОЙЛ технологии поиска, разработки, апробации и внедрения инновационных технологий, реализуемых в Программе опытно-промышленных работ (ОПР).

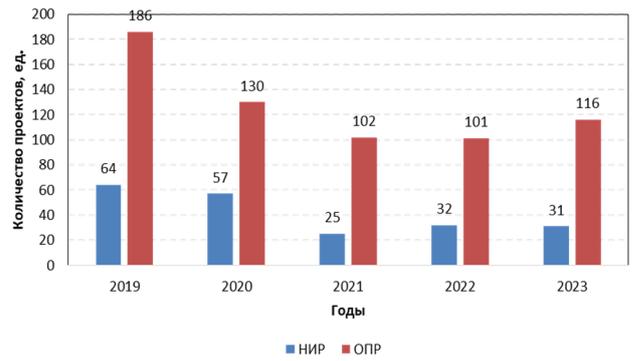

Рис. 4. Объемы реализации проектов НИР и ОПР на предприятиях ПАО ЛУКОЙЛ в области добычи и разведки в 2019-2023 гг. Составлено автором исследования на основании самостоятельно собранных данных

Сделан вывод, что существенным недостатком, реализуемой в ПАО ЛУКОЙЛ модели управления и внедрения инноваций, является не полностью проработанные этапы выбора и оценки идей. В результате в ОПР попадают, как правило, уже хорошо зарекомендовавшие себя технологии в других предприятиях, за счет чего ограничивается рассмотрение иных потенциально эффективных инноваций с высокой степенью неопределенности эффективности и высокими объемами финансирования.

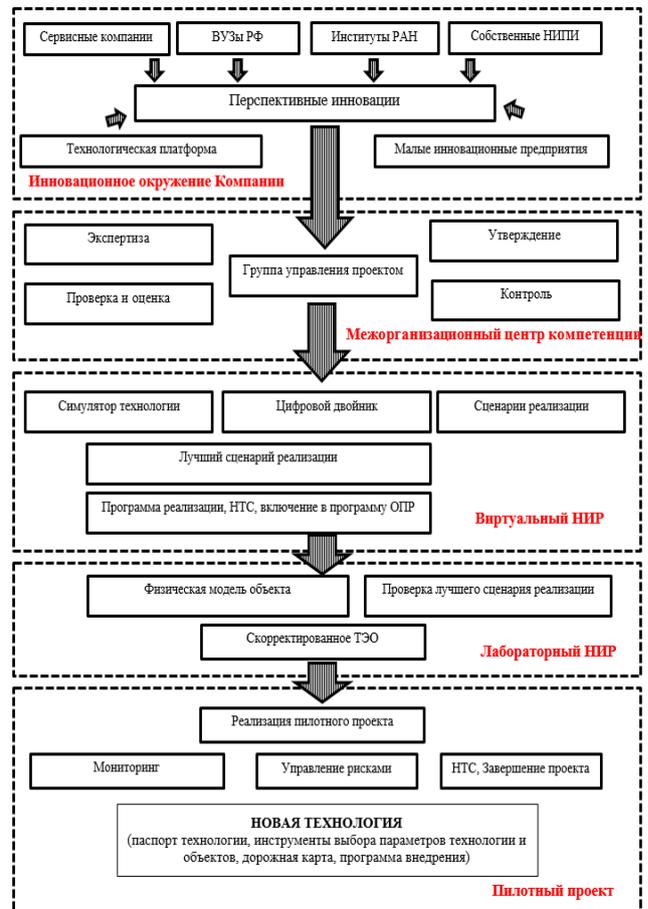

Рис. 5. Оптимизированная модель инновационного процесса ПАО «ЛУКОЙЛ» Составлено автором исследования на основании самостоятельно собранных данных

Осуществлённая автором донастройка модели инновационного процесса ПАО ЛУКОЙЛ, включает улучшения существующей модели за счет внедрения дополнительных этапов, предложенных автором на основе МПИ-технологии, а также формирование межорганизационного центра компетенции, что существенно снижает степень неопределенности и обеспечивает повышение конечной эффективности применения инновации (Рис. 5).

Опыт внедрения МИП-технологии показал, что её реализация должна рассматриваться в динамическом процессе реализации Программы инновационного развития предприятия НГД отрасли (Рис. 6), постоянно и одновременно реализоваться на каждом этапе цикла в той или иной степени влияя на предыдущие и последующие этапы.

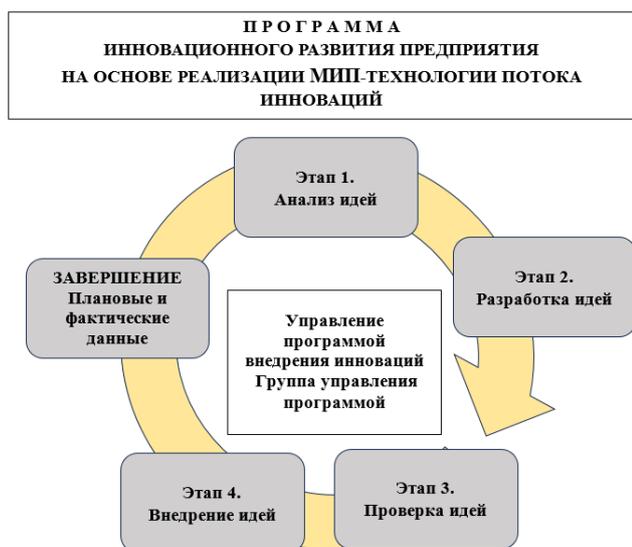

Рис. 6. Динамический цикл реализации Программы инновационного развития предприятия НГД отрасли

Для управления и мониторинга ПИР следует сформировать в технологии BPM (Business Process Management) [15] комплекс корпоративных руководящих документов и методических указаний (РДМУ), регламентирующих деятельность персонала и внешних исполнителей.

Данные о ситуации в процессе мониторинга потока инноваций непрерывно поступают в базу данных для анализа и внесения при необходимости в ПИР соответствующих корректировок [16].

В общей информационно-коммуникационной системе управления предприятием подсистема планирования и управления ПИР должна быть согласована с другими модулями бизнес-деятельности предприятия и может быть, интегрирована по технологии ERP [17] в общую автоматизированную систему управления предприятием (BPMS - Business Process Management System).

В этом направлении важно подчеркнуть, что один из важнейших положительных эффектов внедрения МПИ-технологии связан с возможностью и целесообразностью структуризации, описания и регламентации бизнес-процессов инновационного развития предприятий.

Заключение

На основе выдвинутой идеи использования «Модели потока инноваций» предложен методический подход, позволяющий моделировать инновационные процессы и процессы управления инновациями в НГД отрасли в увязке со стадиями реализации инноваций – от идеи проекта и до его реализации в производство. Автором предложено рассматривать понятие «поток инноваций» в отраслевом продукто-технологическом разрезе, что позволяет обеспечить регулярный процесс реализации обоснованного комплекса взаимосвязанных креативных идей, исследовательских и прикладных задач, направленных на инновационное изменение текущей бизнес-системы нефтегазодобывающего предприятия.

Обоснованный методический подход к управлению инновационными проектами предприятий НГД отрасли, дает возможность мониторинга и адаптивного реагирования предприятий на увеличивающуюся неопределённость и риски производства. Данный методический подход базируется на структурно-алгоритмическом моделировании процессов управления, обеспечивающим креативный поиск, поэтапный отбор и последующее использование инновационных проектов в бизнес-деятельности предприятий НГД отрасли.

Предложенный инструментальный комплекс в формате МПИ-технологии структурирован по этапам реализации – от креативной идеи и до включения целевого инновационного проекта в программу внедрения, что позволяет использовать цифровые информационные технологии на всех этапах инновационного процесса, а также формировать внутрикорпоративные регламентирующие документы для реализации коммуникационной схемы управления инновациями в НГД отрасли.

На основе обоснованной МПИ-технологии возможно масштабирование обоснованных подходов, модели и инструментария эффективного совершенствования управления инвестиционными проектами. Обоснованный инструментальный алгоритмизации инновационной деятельности в НГД отрасли во многом соответствует требованиям управления инновационными процессами предприятий топливно-энергетического, военно-промышленного комплексов предприятиям транспорта, связи и других стратегических отраслей экономики РФ. В этой связи предлагаемая технология управления инновациями имеет значительный потенциал для практического межотраслевого использования в целях повышения конкурентоспособности предприятий и организаций России и соответствующего противостояния внешним научно-техническим ограничениям на международном уровне.

Литература

1. Котов Д.В. Ретроспективный анализ подходов к управлению инновациями // Нефтегазовое дело. 2010. № 2. С. 1-22.
2. Кобичева А.М., Барыкин С.Е. Генезис понятия потока инноваций в дискурсе экономической науки // Ученые записки Международного банковского института. 2017. № 22. С. 7-19. EDN UNWRUM

3. Парфенова С.Л. Логистический подход к управлению потоками инноваций // Управление наукой и наукометрия. 2014. № 15. С. 148-159.

4. Зубрицкий А.Ф., Скрыган С.В. Оптимизация потоков инноваций на основе логистических принципов // Логистические отношения в сфере транспортных процессов: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию автотракторного факультета. – Минск: БНТУ, 2011. С. 54-58.

5. Карпова Н.П., Буряк С.А. Цифровые инновации управления потоками в логистических системах // Экономика и предпринимательство. 2023. № 1 (150). С. 1178-1181. DOI: 10.34925/EIP.2023.150.1.239 EDN SJLUSW

6. Репин В.В., Елиферов В.Г. Процессный подход к управлению. Моделирование бизнес-процессов. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 544 с.

7. Жабин А.П., Волкодавова Е.В. Принцип взаимодополняемости проектного и процессного подходов в управлении инновационно-ориентированными бизнес-организациями // Теория и практика общественного развития. 2023. № 11. С. 170-175. DOI: 10.24158/typor.2023.11.21

8. Маринин И.А., Жабин А.П. Совершенствование моделей инновационного процесса в нефтегазодобывающей отрасли // Теория и практика общественного развития. 2024. № 5. С. 107-115. DOI: 10.24158/typor.2024.5.14

9. Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р 54869-2011 Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом. Дата введения 2012-09-01. – М.: Стандартинформ.

10. Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р 56273.1-2014/CEN/TS 16555-1:2013 Инновационный менеджмент. Часть 1. Система инновационного менеджмента. Дата введения 2015-03-01. – М.: Стандартинформ.

11. Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р ИСО 9000-2015 Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. Дата введения 2015-11-01. – М.: Стандартинформ.

12. Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р ИСО 21500-2014 Руководство по проектному менеджменту. Дата введения 2015-03-01. – М.: Стандартинформ.

13. Калятин В., Наумов В. О подходах к совершенствованию законодательства об интеллектуальной собственности для стимулирования инноваций // Хозяйство и право. 2017. № 7 (486). С. 3-16. EDN ZBNWHL

14. Семенова Е.В., Уваров А.Д. Зарубежный и отечественный опыт стимулирования инноваций. Современные приоритеты // Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии. 2024. № 2 (47). С. 62-71. EDN YVXQKE

15. Бенедикт Т., Кирхмер М., Шарсиг М., Франц П., Саксена Р., Моррис Д., Хилти Д. Свод знаний по управлению бизнес-процессами: BPM CBOK 4.0. – Альпина Паблишер, 2022. 504 с.

16. Архипова Л.И., Медведева Л.Ф. Современные инструменты бизнес-анализа как фактор повышения эффективности управления изменениями //

Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. 2022. № 21-2. С. 3-11. EDN HRTSZY

17. Сулимова Е.А. Цифровой инструментарий управления предприятиями: CRM, ERP, ECM, BI // Инновации и инвестиции. 2023. № 5. С. 158-160. EDN KPCRNI

Model of innovation flow of an oil and gas producing enterprise
Marinin I.A.

Samara State University of Economics

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The paper considers the concept of innovation flow and substantiates the possibility and expediency of developing an appropriate model of innovation flow as applied to the enterprises of the oil and gas production industry in Russia.

The aim of the research is theoretical and methodological substantiation of the approach to modeling the flow of innovation activity in the oil and gas producing industry taking into account multi-stage sequential screening of innovative ideas, as well as the complexification of various stages of industry activity - from exploration of gas and oil fields to the production and sale of petroleum products.

It is shown that the proposed algorithmic schematization of the innovation process in the form of a model of innovation flow can be considered as a basis for the regulated technological process of innovation development of oil and gas production enterprises.

Keywords: oil and gas production, innovation flow, modeling, project-process technology, digitalization.

References

- Kotov D.V. Retrospective analysis of approaches to innovation management // Oil and Gas Business. 2010. No. 2. P. 1-22.
- Kobicheva A.M., Barykin S.E. The problematic of research of the genesis of innovations in the discussion of economic science // Scientific Notes of the International Banking Institute. 2017. No. 22. P. 7-19. EDN UNWRUM
- Parfenova S.L. Logistic approach to the management of innovation flows // Management of Science and Scientometrics. 2014. No. 15. P. 148-159.
- Zubritsky A.F., Skrygan S.V. Optimization of innovation flows based on logistic principles // Logistic relations in the sphere of transport processes: Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 60th anniversary of the Automobile and Tractor Faculty. – Minsk: BNTU, 2011. P. 54-58.
- Karpova N.P., Buryak S.A. Digital innovations of flow management in logistics systems // Economics and Entrepreneurship. 2023. No. 1 (150). P. 1178-1181. DOI: 10.34925/EIP.2023.150.1.239 EDN SJLUSW
- Repin V.V., Elifirov V.G. Process approach to management. Modeling of business processes. – Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2013. 544 p.
- Zhabin A.P., Volkodavova E.V. The principle of complementarity of project and process approaches in the management of innovation-oriented business organizations // Theory and Practice of Social Development. 2023. No. 11. P. 170-175. DOI: 10.24158/typor.2023.11.21
- Marinin I.A., Zhabin A.P. Advancing models of the innovation process in the oil and gas industry // Theory and Practice of Social Development. 2024. No. 5. P. 107-115. DOI: 10.24158/typor.2024.5.14
- National Standard of the Russian Federation. GOST R 54869-2011 Project Management. Requirements for project management. Date of introduction 2012-09-01. – Moscow: Standardinform.
- National Standard of the Russian Federation. GOST R 56273.1-2014/CEN/TS 16555-1:2013 Innovation management. Part 1. Innovation management system. Date of introduction 2015-03-01. – Moscow: Standardinform.
- National Standard of the Russian Federation. GOST R ISO 9000-2015 Quality management systems. Fundamentals and vocabulary. Date of introduction 2015-11-01. – Moscow: Standardinform.
- National Standard of the Russian Federation. GOST R ISO 21500-2014 Guidelines on project management. Date of introduction 2015-03-01. – Moscow: Standardinform.
- Kalyatin V., Naumov V. On approaches to improving intellectual property legislation to stimulate innovation // Khozyaistvo i pravo. 2017. No. 7 (486). P. 3-16. EDN ZBNWHL
- Semenova E.V., Uvarov A.D. Foreign and domestic experience in stimulating innovation. Modern priorities // Proceedings of the State Agricultural Academy of Velikie Luki. 2024. No. 2 (47). P. 62-71. EDN YVXQKE
- Benedict T., Kirchner M., Scharsig M., Franz P., Saxena R., Morris D., Hilty D. Business process management body of knowledge: BPM CBOK 4.0. – Alpina Publishers, 2022. 504 p.
- Arhipova L.I., Medvedeva L.F. Modern business analysis tools as a factor in improving the effectiveness of change management // Scientific Proceedings of the Republican Institute of Higher Education. Philosophical and Humanitarian Sciences. 2022. No. 21-2. P. 3-11. EDN HRTSZY
- Sulimova E.A. Digital toolkit of enterprise management: CRM, ERP, ECM, BI // Innovations and Investments. 2023. No. 5. P. 158-160. EDN KPCRNI

Основные стейкхолдеры креативных кластеров: особенности взаимодействия

Клименко Виктор Александрович

канд. техн. наук, дир. Сибирского центра промышленного дизайна и прототипирования, Национальный исследовательский Томский государственный университет, klimenko@siberia.design

Чудинова Екатерина Александровна

зам. дир. Сибирского центра промышленного дизайна и прототипирования, Национальный исследовательский Томский государственный университет, catherine.chudinova@gmail.com

В статье рассмотрены характерные черты и признаки постиндустриальной экономики, в т.ч. повышение роли информации и знаний, кластеризация предприятий, повышение роли креативных индустрий. Обозначено содержание понятия «креативный кластер». Сделан вывод о том, что условием успешного функционирования креативного кластера выступает взаимодействие его участников. Кроме того, анализ функционирования креативного кластера можно проводить в контексте взаимосвязи кластера с ключевыми стейкхолдерами. Среди ключевых групп стейкхолдеров креативных кластеров можно выделить следующие: государственные и муниципальные органы власти, образовательные и научные учреждения, предприятия-участники кластера, местное сообщество, инвесторы, благотворители, СМИ, инфлюэнсеры. Представлены механизмы и примеры взаимодействия креативного кластера со стейкхолдерами.

Ключевые слова: кластер, креативный кластер, стейкхолдер, креативная индустрия, целевая аудитория, инвестор, спонсор, государственная поддержка, местное сообщество

На современном этапе человечество осуществляет переход к постиндустриальному этапу развития цивилизации, где ключевой ценностью становятся знания и информация. Данная тенденция обусловила усиление роли креативных индустрий в макроэкономическом развитии государств. При этом в науке накоплено недостаточное количество исследований, посвященных конкретным аспектам функционирования предприятий креативных индустрий, в связи с чем рассмотрение данной проблематики представляется нам весьма *актуальным*.

Понятие «креативная индустрия» отражает коммерческую и творческую составляющие современной экономической системы. Е. Р. Хакимова определяет *креативные индустрии* как совокупность подотраслей, в которых стоимость создается посредством использования некоего творческого или интеллектуального потенциала. Деятельность, основанная на индивидуальном и коллективном творчестве, способна «создавать добавленную стоимость и рабочие места путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности» [10, с. 105]. Одной из форм функционирования креативных индустрий выступает *креативный кластер*. Креативный кластер, согласно дефиниции А. С. Федоренко, представляет собой «объединение однородных элементов, на основе креативных индустрий, находящихся во взаимосвязи друг с другом, связь которых обеспечивается географическими и функциональными взаимодействиями» [9, с. 1329]. Кластер как форма объединения нескольких предприятий имеет место не только в рамках креативных индустрий – существуют, помимо прочего промышленные, ИТ-, инновационные, образовательные кластеры. В общем виде кластер Е. А. Байков с соавт. определяет в качестве группы компаний, расположенных в определенном регионе и представляющих конкретные взаимосвязанные и взаимодополняющие сферы деятельности [1, с. 57].

Из вышеприведенных дефиниций следует, что одним из признаков и условий для достижения положительных результатов работы кластера выступает эффективное взаимодействие его участников. Кластеры, указывает Е. С. Егорова, представляют собой сетевые организации, совокупность межфункциональных команд, через которые проходят информационные потоки и осуществляется координация управленческих решений. При этом взаимодействие компонентов кластера «значительно шире акта купли-продажи» [3, с. 3]: в идеальной ситуации участники кластера осуществляют обмен информа-

цией о потребностях, возможностях, производственных стратегиях, логистике, развитии предприятия; кроме того, участники кластера организуют совместные проекты и инициативы, проводят общую стратегию по продвижению кластера, формируют таким образом своеобразный альянс, но не достигают при этом слияния компаний. А. С. Ванюшкин говорит о том, что базисом для развития кластеров выступают каналы связи между его участниками. Условиями успешности креативного кластера, по мнению автора, выступают: территориальная концентрация, смежные сферы деятельности, наличие «критической массы» участников, внутренняя связанность (кооперация), внешняя связанность (влияние на местную экономику и социум) [2, с. 69].

Учитывая важность компонентного состава креативных кластеров и механизмов взаимодействия его участников, исследователи предлагают две модели представления работы кластера – структурную и процессную. В структуре кластера А. А. Юхина выделяет: (1) ядро – компании-участники кластера с наибольшей степенью дохода; (2) компании, которые осуществляют вспомогательную деятельность, прямо или косвенно способствующая деятельности ядра кластера; (3) компоненты «мягкой» социальной инфраструктуры – учебные заведения, научные институты, промышленные и торговые комплексы, профессиональные ассоциации, расположенные в кластере; (4) компоненты «жесткой» инфраструктуры», представленные материальными элементами инфраструктуры города [12, с. 231].

Структурная модель, согласно Е. А. Байкову, отражает то, какую структуру имеет кластер; процессная модель позволяет получить представление о том, каким образом и при участии каких стейкхолдеров (заинтересованных лиц – институтов, обществ, юридических и физических лиц) осуществляется функциональное взаимодействие компонентов кластера [1, с. 58].

Функционирование креативного кластера можно, кроме того, представить в виде матрицы стейкхолдеров. Стейкхолдеры креативного кластера представляют собой группы, заинтересованные в работе кластера, оказывающие на него влияние и определяющие темпы его развития, эффективность функционирования и устойчивость. Группа стейкхолдеров включает в себя широкий спектр участников, которые взаимодействуют между собой, создавая синергетический эффект и оказывая таким образом положительное влияние на развитие, масштабирование и продвижение креативного кластера (Таблица 1).

Таблица 1
Типы стейкхолдеров креативного кластера

Тип стейкхолдера	Функции в отношении кластера	Примеры стейкхолдеров	Мотивы для участия в работе кластера
Государственные и муниципальные органы власти	Формирование нормативно-правовой базы, финансирование, предоставление инфраструктуры,	Министерства культуры, образования, экономики; местные администрации	Экономическое развитие региона, увеличение занятости, поддержка культурного наследия.

	разработка стратегий развития		
Образовательные и научные учреждения	Подготовка специалистов, проведение исследований, внедрение инноваций	Университеты, исследовательские институты, творческие академии, частные предприятия образовательной сферы	Увеличение возможностей для студентов и ученых, развитие технологий и методов творчества, продажа образовательных услуг
Предприятия-участники кластера	Инвестирование, предоставление рабочих мест, развитие производственных цепочек, поддержание функционирования собственного предприятия.	Стартапы, компании в сфере дизайна, архитектуры, IT, моды, рекламы, образования.	Получение прибыли, доступ к кадрам и источникам финансов, усиление конкурентных позиций за счет объединения с другими предприятиями.
Местное сообщество	Потребление культурного и творческого продукта, участие в событиях, праздниках, фестивалях, туризм, рекреация и досуг.	Горожане, туристы, посетители выставок, спектаклей, концертов	Культурное обогащение, доступ к мероприятиям, услугам и продуктам, участие в общественной жизни.
Инвесторы, благотворители	Финансирование проектов, поддержка инфраструктуры и предприятий.	Частные инвесторы и благотворители, компании-спонсоры, венчурные фонды, международные организации.	Получение прибыли, развитие социальных и культурных проектов.
СМИ, инфлюэнсеры	Продвижение кластера, привлечение аудитории, формирование имиджа [9]	Журналы, новостные агентства, социальные сети, блогеры.	Расширение аудитории, создание увлекательного контента, получение прибыли.

Примечание: источник – собственная разработка автора

Каждая из этих групп стейкхолдеров обладает уникальными интересами и ресурсами, которые способствуют успешному функционированию и развитию креативного кластера. Рассмотрим некоторые из механизмов взаимодействия более подробно.

Взаимодействие участников креативного кластера с государственными и муниципальными ведомствами. Следует согласиться с Ли Сяочжоу в том, что правительство, региональные и муниципальные органы власти способны оказывать влияние на кластеризацию предприятий креативных индустрий посредством развития инфраструктуры, создания научной базы и подготовки кадров, а также путем финансирования, предоставления пространства для функционирования кластеров. При этом директивные методы управления процессов кластеризации едва ли будут целесообразны в данном отраслевом сегменте – государственное вмешательство в работу креативных индустрий, согласно Ли Сяочжоу, должно быть осторожным [6, с. 152].

Г. В. Петрук с соавт. говорит о том, что партнерство между участниками кластера и властными органами позволит предпринимательскому сектору

снизить риски, априорно присутствующие в деятельности предприятий креативных индустрий. Государство, в свою очередь, обеспечивает увеличение доли малого и среднего предпринимательства в ВВП, решает вопросы занятости населения, повышает благополучие социума в целом, развивает территории, увеличивает туристические потоки [8, с. 308].

В качестве примера можно привести многочисленные креативные кластеры г. Москва, многие из которых развиваются при поддержке местной власти. Для стимулирования кластеризации креативных индустрий в Москве правительством было создано Агентство креативных индустрий, которое поддерживает и развивает проекты в различных областях. Правительство Москвы, в лице Агентства оказывает поддержку кластеру «Дизайн-цех», кластеру «Фабрика музыки», «АКИ.лаб» и др.

Взаимодействие креативных кластеров со спонсорами, благотворителями и инвесторами. Спонсоры играют важную роль в предоставлении финансовой поддержки мероприятий, реализации инфраструктурных проектов и отдельных инициатив кластера. Спонсорство выступает средством улучшения репутации для компании-спонсора, используется ей в качестве маркетингового инструмента. Спонсорство позволяет укреплять свой бренд, а также привлекать целевую аудиторию через участие в культурных событиях. Благотворители, в свою очередь, ориентированы на содействие социальной миссии кластера, предоставляя гранты или пожертвования без прямой финансовой или иной «отдачи». Их мотивация основана на стремлении к сохранению культурного наследия, развитию образования и искусства, улучшению качества жизни населения. Инвесторы занимаются финансированием с целью получения экономической выгоды и зачастую рассматривают креативный кластер как перспективную площадку для инноваций и получения прибыли в долгосрочной перспективе.

Данные механизмы сотрудничества кластеров со внешней средой не так популярны в нашей стране. Тем не менее, в отечественной практике все же имеется несколько примеров привлечения поддержки со стороны спонсоров, инвесторов и благотворителей. Так, «Фонд» Потанина оказывает финансовую и информационную поддержку таким креативным кластерам и арт-пространствам, как Культурное пространство TEXTIL (г. Ярославль), творческий индустриальный кластер «Октава» (г. Тула), «АртРезиденция» (г. Черноисточинск), творческое пространство SVOBODA2 (г. Челябинск) и др.

Взаимодействие кластера с местным сообществом. Важно, чтобы функционирование кластера затрагивало и вовлекало местное сообщество. Местные жители и туристы являются важным сегментом целевой аудитории любого креативного кластера и самым важным источником его прибыли. Отметим значимость участия кластера в решении

социально значимых задач – благоустройство территории, реализация экологических инициатив или поддержка уязвимых групп населения. Подобные проекты укрепляют связь компаний, входящих в кластер, с местными жителями, формируя положительное восприятие кластера и повышая уровень их доверия.

Эффективное взаимодействие с местным сообществом позволяет кластеру не только увеличить число конечных потребителей культурного продукта, но и интегрироваться в локальную экономику, стать частью культурной и общественной жизни региона. Таким образом, партнерство с местным сообществом является фундаментальным условием успешной деятельности креативного кластера.

Ю. Д. Корюкова отмечает: креативный кластер должен не просто вступать во взаимодействие с местными жителями, но и создаваться с учетом их потребностей [4, с. 257]. Население таким образом сможет удовлетворить социально-досуговые потребности, поучаствовать в творческом процессе, а представители кластера смогут получать прибыль от непрерывных потоков гостей кластера из числа горожан и туристов. Схожий тезис выражает И. В. Куней: исследователь описывает сотрудничество между местными жителями и кластером как взаимобогащение. Город дает кластеру площадку для размещения, образовательную базу, обладает важными для кластеров историческими традициями, культурными мотивами, турпотоком, и, конечно, формирует заказы и потоки прибыли для резидентов кластера. Горожане, в свою очередь, получают от кластера преобразование промышленных, заброшенных пространств, разнообразие видов досуга и продукции, рабочие места [5, с. 323].

Так, к примеру, к работе в креативном кластере «На Заводе» в г. Екатеринбург активно привлекаются не только компании, но и местные жители. Молодежь является первичной целевой аудиторией кластера, потому кластер стремится к тому, чтобы ее представители становились не только пассивными потребителями продукта креативных индустрий, но и участвовали в его создании, становясь, таким образом, резидентами кластера. Благодаря экосистеме креативного кластера у молодежи появляется пространство для самореализации и реализации индивидуальных проектов. Для этого кластер «На Заводе» обладает целым рядом инструментов: обучение, инкубация, апробация инициатив на летней площадке, продюсирование, формирование деловых и неформальных связей в сообществе и продвижение

Креативный кластер как площадка для науки, образования и инноваций. Представители креативных кластеров активно взаимодействуют с представителями образовательной и научной среды. Е. А. Чудинова говорит о том, что наиболее интенсивное взаимодействие креативный кластер может наладить именно с образовательным и научным секторами. Помимо оказания образовательных услуг университетами для работников и посетителей кластера, сотрудничество можно развивать в

сфере науки и инноваций, в реализации совместных проектов, в проведении совместных выставок, событий, праздников [11, с. 3]. Кроме того, университеты являются ключевым «поставщиком» творческих кадров для кластеров – следовательно, взаимодействие между ними может выстраиваться в области найма, стажировок студентов и т.п. В подобном контексте креативный кластер следует рассматривать как «тандем науки, образования и творчества» [11, с. 3].

Среди примеров взаимодействия двух групп стейкхолдеров можно отметить сотрудничество СПбГУПТД с арт-кластером «Таврида», включающее совместные исследования и методическую работу по наполнению образовательных программ проекта «Таврида.АРТ». Студенты СПбГУПТД получают доступ к уникальным образовательным ресурсам: тренингам, лекциям, мастер-классам, кастинг-платформе, профессиональному наставничеству и общению с экспертами.

Образовательные организации нередко и сами становятся инициаторами создания кластера и его ключевыми участниками. Так, ГТУ им. Н.Э. Баумана реализует проект «Креатех», цель которого – создание креативного кластера, объединяющего науку, инновации и искусства для обучения «инженеров будущего». Данный креативный кластер непосредственно связан с профилем учебного учреждения: на его базе проводятся мероприятия по обучению продюсированию; по развитию аудиовизуального искусства, по реализации масштабных арт- и музыкальных проектов.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

– Важным условием для достижения положительных результатов работы кластера выступает эффективное взаимодействие его участников.

– Функционирование креативного кластера можно представить в виде матрицы стейкхолдеров. Стейкхолдеры креативного кластера представляют собой группы, которые оказывают наибольшее влияние на функционирование кластера.

– Среди ключевых групп стейкхолдеров креативных кластеров можно выделить следующие: государственные и муниципальные органы власти, образовательные и научные учреждения, предприятия-участники кластера, местное сообщество, инвесторы, благотворители, СМИ, инфлюэнсеры.

Литература

1. Байков, Е. А. Моделирование формирования творческих кластеров на территориях крупных городов / Е. А. Байков, И. А. Байкова // Петербургский экономический журнал. – 2016. – №3. – С. 56-63.

2. Ванюшкин, А. С. Отраслевая структура перспективного креативного кластера в Республике Крым / А. С. Ванюшкин // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2023. – №1. – С. 68-83.

3. Егорова, Е. С. Межфирменное взаимодействие участников кластера: информационный аспект / Е. С. Егорова // Наука. Общество. Государство. – 2014. – №2. – 13 с.

4. Корюкова, Ю. Д. Основные тренды по организации и развитию креативных кластеров в социокультурном пространстве / Ю. Д. Корюкова // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы IX Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 17–18 апреля 2023 г. : в 2-х томах. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2023. – Т. 1. – С. 254-258.

5. Куней, И. В. Креативные кластеры и традиционная городская экономика: перспектива взаимодействия / И. В. Куней // 78-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета : материалы конф. В 3 ч. Ч. 3, Минск, 10–21 мая 2021 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Сафонов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 319-323.

6. Ли, Сяочжоу. Культурные креативные кластеры: место и роль в развитии российских регионов / Сяочжоу Ли // Социология. – 2020. – №6. – С. 148-155.

7. Марьина, Л. П. Медийные аспекты культурного наследия Санкт-Петербурга в брендинге креативных пространств / Л. П. Марьина, Д. А. Амеличева // Управление культурой. – 2023. – №1 (5). – С. 26-32.

8. Петрук, Г. В. Государственно-частное предпринимательство как инструмент организационно-экономического взаимодействия в знаниевом кластере / Г. В. Петрук, Ю. В. Балдина, Ю. С. Лебединская // АНИ: экономика и управление. – 2016. – №4 (17). – С. 307-309.

9. Федоренко, А. С. Креативный кластер в крупном городе / А. С. Федоренко // Вестник науки. – 2024. – №11 (80). – С. 1329-1337.

10. Хакимова, Е. Р. Креативные индустрии как сектор новой экономики / Е. Р. Хакимова // Проблемы современной экономики (Новосибирск). – 2010. – №1-2. – С. 103-107.

11. Чудинова, Е. А. Стратегии развития креативных кластеров в коллаборации с университетами / Е. А. Чудинова // Актуальные проблемы менеджмента, экономики и экономической безопасности : материалы VI Междунар. науч. конф. (Костанай, 11–12 нояб. 2024 г.) / редкол.: Н. А. Баранова [и др.]. – Чебоксары : ИД «Среда», 2024. – 6 с.

12. Юхина, А. А. Концептуальные основы креативного кластера / А. А. Юхина // Научные исследования и инновации. – 2021. – №10. – С. 229-234.

Main stakeholders of creative clusters: features of interaction
Klimenko V.A., Chudinova E.A.

National Research Tomsk State University

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article describes the characteristic features and specifics of the post-industrial economy, including the increasing role of information and knowledge, clustering of enterprises, and the increasing role of creative industries. The definition of the concept of creative cluster is presented. It is concluded that the condition for the successful functioning of a creative cluster is the interaction of its participants. In addition, the analysis of the functioning of a creative cluster can be carried out in the context of the relationship of the cluster with key stakeholders. Among the key groups of stakeholders of creative clusters, the following can be distinguished: state and municipal authorities, educational and scientific institutions, enterprises participating in the cluster, local community, investors,

philanthropists, media, influencers. The mechanisms and examples of interaction between the creative cluster and stakeholders are presented.

Keywords: cluster, creative cluster, stakeholder, creative industry, target audience, investor, sponsor, state support, local community

References

1. Baikov, E. A. Modeling the formation of creative clusters in the territories of large cities / E. A. Baikov, I. A. Baikova // Petersburg Economic Journal. - 2016. - No. 3. - P. 56-63.
2. Vanyushkin, A. S. Sectoral structure of a promising creative cluster in the Republic of Crimea / A. S. Vanyushkin // Geopolitics and ecogeodynamics of regions. - 2023. - No. 1. - P. 68-83.
3. Egorova, E. S. Interfirm interaction of cluster participants: information aspect / E. S. Egorova // Science. Society. State. - 2014. - No. 2. - 13 p.
4. Koryukova, Yu. D. Main trends in the organization and development of creative clusters in the socio-cultural space / Yu. D. Koryukova // Strategies for the development of social communities, institutions and territories: materials of the IX International scientific and practical conference, Yekaterinburg, April 17-18, 2023: in 2 volumes. - Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2023. - Vol. 1. - Pp. 254-258.
5. Kunei, I. V. Creative clusters and traditional urban economy: the prospect of interaction / I. V. Kunei // 78th scientific conference of students and postgraduates of the Belarusian State University: materials of the conf. In 3 parts. Part 3, Minsk, May 10-21, 2021 / Belarusian state university; editorial board: V. G. Safonov (editor-in-chief) [and others]. - Minsk: BSU, 2021. - P. 319-323.
6. Li, Xiaozhou. Cultural creative clusters: place and role in the development of Russian regions / Xiaozhou Li // Sociology. - 2020. - No. 6. - P. 148-155.
7. Maryina, L. P. Media aspects of the cultural heritage of St. Petersburg in the branding of creative spaces / L. P. Maryina, D. A. Amelicheva // Cultural management. - 2023. - No. 1 (5). - P. 26-32.
8. Petruk, G. V. Public-private entrepreneurship as a tool for organizational and economic interaction in a knowledge cluster / G. V. Petruk, Yu. V. Baldina, Yu. S. Lebedinskaya // ANI: economics and management. - 2016. - No. 4 (17). - P. 307-309.
9. Fedorenko, A. S. Creative cluster in a large city / A. S. Fedorenko // Bulletin of science. - 2024. - No. 11 (80). - P. 1329-1337.
10. Khakimova, E. R. Creative industries as a sector of the new economy / E. R. Khakimova // Problems of modern economy (Novosibirsk). - 2010. - No. 1-2. - P. 103-107. 11. Chudinova, E. A. Strategies for the development of creative clusters in collaboration with universities / E. A. Chudinova // Actual problems of management, economics and economic security: Proc. VI Intern. scientific conf. (Kostanay, November 11-12, 2024) / editorial board: N. A. Baranova [et al.]. - Cheboksary: ID "Sreda", 2024. - 6 p.
12. Yukhina, A. A. Conceptual foundations of the creative cluster / A. A. Yukhina // Scientific research and innovation. - 2021. - No. 10. - P. 229-234.

Совершенствование процесса реализации промышленной политики РФ на базе кластерного подхода: теория и методология

Дремов Владимир Владимирович
кандидат экономических наук, доцент УрСЭИ,
dremov.vladimir@gmail.com

Киреева Наталья Владимировна
доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Ур
СЭИ (филиал) ОУП ВО АТиСО, veo.chel@gmail.com

Изменение геополитической ситуации в мире неизбежно вызывает изменения внутри страны, в том числе изменения экономического характера. С началом специальной военной операции (далее СВО) промышленный комплекс РФ находится в стадии трансформации. Происходит усиление роли государства в урегулировании экономики, одним из таких механизмов выступает промышленная политика.

В составе субъектов промышленной политики особое место занимают кластеры. Именно кластеры в большей степени обеспечивают реализацию промышленных задач в сфере повышения обороноспособности страны, производства продукции гражданского и технологического назначения.

Для устранения вышеназванных проблем в статье представлена авторская концепция реализации промышленной политики. Совокупность предложенных элементов формирует авторскую методологию «Cluster-costing» (CLC), позволяющую усовершенствовать процесс реализации промышленной политики РФ в части промышленных кластеров.

Ключевые слова: промышленная политика, промышленный кластер, заказ кластера, факторный анализ себестоимости заказа, затраты на выполнения заказа.

Можно согласиться с целями, задачами и методами обозначенными в законе о промышленной политике РФ [1-4], но процесс применения на практике норм закона несовершенен. Задачи в ряде случаев не выполняются и цель не достигается. Например: ограничение области определения некоторых понятий – нарушает адресность господдержки; некорректный расчет плановых и фактических значений экономических показателей приводит к некорректным объемам предоставляемой финансовой помощи и предоставляемым налоговым преференциям; поддача некорректного бизнес плана – искажает предоставляемые субсидии со стороны государства; некорректные экономические показатели влекут за собой некорректную проверку деятельности субъектов со стороны Счетной палаты РФ.

В составе субъектов промышленной политики особое место занимают кластеры. Именно кластеры в большей степени обеспечивают реализацию промышленных задач в сфере повышения обороноспособности страны, производства продукции гражданского и технологического назначения. И если в отношении отдельных юридических лиц процесс реализации промышленной политики в достаточной степени контролируется государством, то в части кластеров существует довольно большое количество проблем, связанных с недостаточно точным расчетом экономических показателей кластера: себестоимости кластера, стоимости заказа, прибыли кластера, производственного цикла, а также с несовершенной системой расчетов между заказчиком кластера и исполнителями, а также внутри отдельных юрлиц, в части мотивации персонала.

В качестве эмпирической базы исследования были изучены фактические результаты работы нескольких промышленных предприятий, перед которыми была поставлена задача в сфере обеспечения максимальной эффективного и высокого роста объемов разной продукции, а именно, такой продукции, для производства которой требуется применение кластерного подхода. Суть данного подхода в данном случае заключается в том, что производственный процесс будет охватывать собой сразу несколько юридических лиц. Известно, что в настоящее время государство решает данные задачи путем предоставления разного рода налоговых льгот, а также с помощью системы государственных и муниципальных закупок. Одновременно с этим, государством осуществляется контроль над тем, каков уровень цен продукции и какова ее себестоимость в

том или ином случае. В то же время, все существующие методы по расчету себестоимости кластера не в состоянии в полной мере учитывать поведение переменных и постоянных затрат на фоне изменения объема производства (табл. 1).

Полагаем, что в практической деятельности данная ситуация приводит к тому, что себестоимость кластера рассчитывается не совсем правильно, более того, увеличиваются расходы и финансовая нагрузка на государственный бюджет, предприятие нередко в данной ситуации несет некоторые финансовые потери, а их объемы находятся в прямой зависимости от того, каким образом соотношены цена продукции и ее фактическая себестоимость.

Для того, чтобы устранять проблемы подобного рода, предлагается весьма активно применять метод под названием ТВС [5]. Такое предложение во многом предопределено тем, что он обладает достаточно высокой точностью, в связи с чем, способен отразить зависимость между переменными и постоянными затратами.

Таблица 1
Показатели сравнения плановой себестоимости продукции и погрешности калькулирования на фоне поведения переменных и постоянных затрат

№ п/п	Показатели	Заказ на 5 ед.		Заказ на 10 ед.		
		Без учета поведения пост. и перем. затрат	Без учета поведения пост. и перем. затрат	С учетом поведения пост. и перем. затрат	Отклонение Абсолютное, руб.	Относительное, %
1.	Объем листа, тн	125,71	251,42	251,42	0,00	0
2.	Себестоимость заказа, руб.	12 072 528,51	24 145 057,02	20 764 749,04	-3 380 307,98	-14
2.1.	переменные затраты (72%), руб.	8 692 220,53	17 384 441,05	17 384 441,05	0,00	0
2.2.	постоянные затраты (28%), руб.	3 380 307,98	6 760 615,97	3 380 307,98	-3 380 307,98	-50
3.	Себестоимость 1 тн обработанного листа, руб.	96 034,75	96 034,75	82 589,89	-13 444,87	-14
4.	Прибыль ГОЗ (R=20%), руб.	2 414 505,70	4 829 011,40	4 152 949,81	-676 061,60	-14
5.	Цена заказа, руб.	14 487 034,21	28 974 068,42	24 917 698,84	-4 056 369,58	-14

Кроме методов ценообразования, которые во многом основываются именно на затратах, в рамках проводимой в России промышленной политике, достаточно активно применяются и некоторые альтернативные методы, которые во многом основываются на ценах. Одновременно с этим, такие методы попросту не включают в себя рекомендации относительно расчета плановой себестоимости заказа. Как следствие, в целях устранения указанной проблемы, представляется, что наиболее целесообразно применять метод «target-costing», так как он вполне может быть использован в целях планирования и ценообразования себестоимости заказа.

В то же время, в качестве проблемы, которая весьма существенно сдерживает практическую реализацию промышленной политики на территории нашей страны, выступает наличие в экономической системе такого активного элемента, как человек [6]. В целях устранения указанной ситуации, полагаем, что наиболее целесообразно держать курс на принципы поведенческой, а также бихевиористской экономики. Это означает, что во внимание нужно принимать человеческий фактор, который занимает особое место в практической реализации механизма промышленной политики нашей страны.

Более того, в рамках реализации промышленной политики нашей страны во внимание стоит принимать то, что производство продукции, которая необходима для государственных нужд, вполне может основываться на сразу нескольких юридических лицах, в связи с чем, кластерный подход выступает в качестве объективной необходимости [7-9]. Стоит отметить, что на рисунке 1 отражена систематизация данных подходов, получившая вид авторской концепции по практической реализации в РФ промышленной политики «Cluster costing» (рис. 1).

Рисунок 1 – Концепция реализации промышленной политики РФ «Cluster-costing»

Известно, что на территории нашей страны еще в 2014 году был принят закон о промышленной политике. В данном нормативном акте были в полной мере определены экономические субъекты, которым предоставляется поддержка со стороны государства. Одним из указанных субъектов выступает именно промышленный кластер, определяемый в рассматриваемом нормативном акте в качестве совокупности субъектов деятельности в области промышленности, которые связаны друг с другом определенными отношениями на фоне территориальной близости и функциональной зависимости, размещенные на территории одного субъекта РФ или нескольких субъектов РФ» [10-18].

Системный анализ данного определения показывает, что как признак территориальной близости, так и географическое расположение, существенно сужают это понятие, более того, такие признаки будут вступать в противоречие с признаком адресности поддержки со стороны государства. В качестве основных признаков, которые позволяют разграничить кластер от иной совокупности юридических лиц, выступают такие признаки, как наличие единого центра по управлению и зависимость друг от друга в технологическом отношении. Так, если технологическая зависимость также может наблюдаться среди объединений тех или иных юридических лиц, то кластер подразумевает не только данные связи, но и единый управленческий центр, что не свойственно для каких-либо иных объединений юридических лиц.

Учитывая все недостатки, которые имеют место в данном случае, вполне можно сформулировать понятие промышленного кластера и понимать под ним совокупность субъектов промышленной деятельности, которые принимают участие в едином и сквозном технологическом процессе в рамках выполнения заказа и не имеющая собственников на фоне наличия единого центра управления.

Необходимость учета наблюдаемых явлений в процессе реализации промышленной политики, потребовало уточнение существующих понятий и введение новых терминов в научный оборот (табл. 2).

Таблица 2
Обоснование необходимости уточнения существующих понятий и введение новых терминов в научный оборот

Термин	Содержание термина	Необходимость внедрения
1. «Промышленный кластер»	Совокупность субъектов промышленной деятельности, которые принимают участие в едином и сквозном технологическом процессе в рамках выполнения заказа и не имеющая собственников на фоне наличия единого центра управления.	Сужение понятия происходит за счет указания на территориальную близость и на географическое расположение, так как в данном случае адресность не реализуется в полной мере
2. «Головная организация промышленного кластера»	Юридическое лицо, которое входит в интегрированную структуру промышленного кластера, выполняет заказ на конечную продукцию и имеет возможность	Очевидно, что то юридическое лицо, которое находится в середине единого сквозного технологического процесса, мо-

	определять решения, принимаемые остальными юридическими лицами.	жет и не владеть информацией относительно специфики данного процесса на его заключительной стадии
3. «Собственные затраты на выполнение заказа»	Прямые затраты на выполнение заказа, который поступил кластеру, в части затрат на оплату труда, включая страховые взносы, амортизацию оборудования, которое было использовано для выполнения данного заказа.	Стоит учитывать, что не все статьи для калькуляции выступают в качестве одноэлементных. В связи с этим, данная погрешность позволит в полной мере манипулировать отнесением затрат в разные группы, например, в собственные или привнесенные. Такое манипулирование осуществляется предприятиями или государством.
4. «Привнесенные затраты на выполнение заказа»	Существующая разность между себестоимостью заказа и собственными затратами, понесенными для выполнения такового.	Формулировки, вытекающие из определения затрат на выполнение заказа
5. «Сквозная себестоимость заказа кластера»	Сумма привнесенных и собственных затрат участников единого сквозного технологического процесса промышленного кластера, которая потребовалась в целях выполнения поступившего заказа	
6. «Промежуточный продукт кластера»	Работы, услуги или продукция, которую получают по окончании технологического процесса, кроме головной организации кластера.	
7. «Заказ кластера»	Полученный заказ на изготовление определенной продукции, который им выполняется.	
8. «Прибыль кластера»	Сумма общей прибыли кластера, которая рассчитывается без учета границ участников такового.	Формулировки терминов, которые в полной мере характеризуют финансовые показатели эффективности промышленного кластера в целом.
9. «Рентабельность кластера»	Выступает в качестве относительного показателя экономической эффективности кластера, который можно определить в качестве отношения его прибыли к показателям, в отношении которых ведется расчет рентабельности.	
10. «Точка безубыточности кластера»	Такие объемы поступающих заказов, при которых расходы кластера будут в полной мере компенсированы полученными доходами.	

Во всех из существующих кластеров формирование себестоимости, как правило, осуществляется постепенно, равно как переходит от одного юридического лица к другому, что схематично отражено на рисунке 3. Из этого механизма следует, что прибыль и затраты одного из юридических лиц, будут формировать его выручку и постепенно она будет передаваться как входящая себестоимость для второго юридического лица. Это же юридическое лицо, в свою очередь, к данной входящей себестоимости будет добавлять свои прибыль и затраты, которые

уже рассчитываются на общую себестоимость (рис. 3).

Одновременно с этим, с теоретической точки зрения можно говорить о том, что данный способ расчета содержит в себе методологическую ошибку, в частности, данный способ не учитывает поведение затрат в части изменения объемов производства.

Известно, что в структуре себестоимости заказа кластера можно наблюдать постоянные затраты, размер которых не находится в прямой зависимости от изменения производственных объемов. В связи с этим, их умножение на новый объем производства будет порождать занижение или завышение себестоимости продукции. Как следствие, в целях правильного расчета себестоимости промышленного кластера, объективной необходимостью будет выступать выделение в составе себестоимости переменных и постоянных затрат.

На современном этапе развития понятие «сквозная себестоимость» активно применяется в отношении одного юридического лица, а под сквозной себестоимостью в этом аспекте понимают сумму затрат на производство работ, услуг или продукции по всем переделам указанного юридического лица в полном соответствии с технологической картой. Стоит отметить, что авторское определение сквозной себестоимости кластера характеризуется тем, что расчет себестоимости в данном случае будет находиться за рамками одного юридического лица.

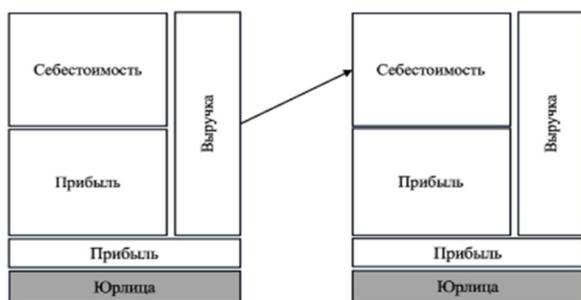
Самым точным методом, который отражает существующую зависимость между переменными и постоянными затратами, выступает именно метод ТВС, но в практической деятельности он преимущественно ориентирован на расчет себестоимости только в рамках одного юридического лица, однако

практическая реализация промышленной политики требует расчета себестоимости сразу по нескольким юридическим лицам, которые принимают участие в ЕСТП. Более того, развитие метода ТВС и учет особенностей работы всех участников единого сквозного технологического процесса в промышленном кластере, нуждается в дополнительном уточнении переменных и постоянных затрат на собственные и привнесенные, что также отражено на рисунке 3.

Вместе с ТВС-методологией необходимо принимать во внимание тот факт, что попадание затрат на следующих пределах в ту или иную группу (например, в группу затрат переменных или постоянных затрат), находится в зависимости от того, в какой именно операции тот или иной продукт будет потребляться. Так, речь может идти об операции обслуживающей или в технологической. Как следствие, если продукт был приобретен на предыдущем пределе кластера или же технологической операции, то себестоимость таковой в части переменных затрат будет относиться к переменным затратам сквозной себестоимости кластера, в то время как постоянные затраты будут отнесены к общему котлу постоянных затрат кластера соответственно.

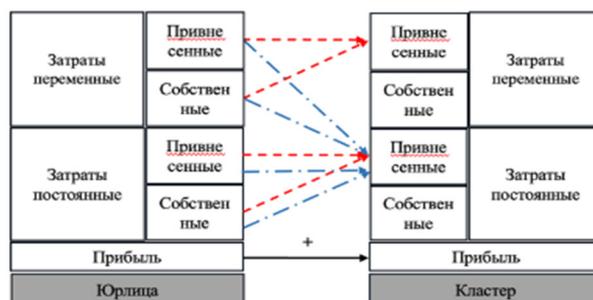
На практике все это образует структурные элементы авторского методологического принципа, направленного на формирование сквозной себестоимости промышленного кластера CLC. Его точность будет оказывать прямое влияние на максимально эффективную реализацию на территории страны промышленной политики, в том числе, согласно тем задачам, которые были в этой сфере поставлены Правительством РФ.

Действующая схема формирования сквозной себестоимости промышленного кластера

Подобный способ расчета содержит методологическую ошибку – не учтено поведение затрат относительно изменения объемов производства. В составе себестоимости заказа кластера имеются постоянные затраты, размер которых не зависит от изменения объема производства, и умножение их на новый объем производства приводит к завышению или занижению себестоимости продукции.

Предлагаемый методологический принцип формирования сквозной себестоимости промышленного кластера

— — — — — Для технологических операций кластера
 — — — — — Для обслуживающих операций кластера
 — — — — — Для внутренних операций кластера

Авторский принцип формирования сквозной себестоимости

1. Выделение в составе себестоимости постоянных и переменных затрат по методу ТВС.
2. Дополнительная детализация постоянных и переменных затрат на привнесенные и собственные.
3. Алгоритм распределения затрат на технологические и обслуживающие операции.
4. Показатель прибыли формируется как самостоятельный.

Рисунок 3 – Существующая схема и предложенный принцип формирования сквозной себестоимости для промышленного кластера

В целях повышения точности расчета основных экономических показателей кластера, предлагается формировать внутри одного юридического лица се-

бестоимость отдельно взятого вида продукции, которая ранее была произведена в рамках заказа кластера, в том числе, на основе принципа ТВС-мето-

дологии. На основе этого можно получить z_3 . Одновременно с этим, в существующем виде ТВС едва ли применима в целях заказа кластера, так как в структуре показателя

z_3 в целях планирования рентабельности заказа кластера, стоит выделить как собственные, так и привнесенные затраты, что отражено в формуле 1

$${}^z_3 = {}^z_3^b + {}^z_3^p \quad (1)$$

где z_3 - полная себестоимость кластера в части производства z-вида продукции;

${}^z_3^b$ - привнесенные затраты кластера на производство z-вида продукции;

${}^z_3^p$ - собственные затраты кластера на производство z-вида продукции.

В целях правильного планирования себестоимости, сумма собственных и привнесенных затрат делится на переменные затраты и затраты постоянные, что можно представить в виде формулы 2:

$${}^z_3 = \left({}^z_3_{\text{пер}}^{b,ед} + {}^z_3_{\text{пер}}^{p,ед} \right) \times Q_z + {}^z_3_{\text{пост}}^b + {}^z_3_{\text{пост}}^p \quad (2)$$

где z_3 - полная себестоимость кластера в части производства z-вида продукции;

${}^z_3_{\text{пер}}^{b,ед}$ - привнесенные переменные затраты кластера на производство единицы продукции z-вида;

${}^z_3_{\text{пер}}^{p,ед}$ - собственные переменные затраты кластера на производство единицы продукции z-вида;

Q_z - объем производства продукции z-вида в натуральном выражении;

${}^z_3_{\text{пост}}^b$ - привнесенные постоянные затраты кластера на производство продукции z-вида;

${}^z_3_{\text{пост}}^p$ - собственные постоянные затраты кластера на производство продукции z-вида.

Стоит отметить, что каждый показатель, отраженный в формуле 2, на практике формируется не прямым счетом, а на фоне учета авторского принципа по формированию затрат, отраженного на рисунке 3. Так, себестоимость кластера на основании данного критерия рассматривается как сумма себестоимости отдельно взятых юридических лиц, что показано в виде формулы 3:

$${}^z_3 = \sum_{i=1}^n \left(\left({}^z_3_{\text{пер}i}^{b,ед} + {}^z_3_{\text{пер}i}^{p,ед} \right) \times Q_z^i + {}^z_3_{\text{пост}i}^b + {}^z_3_{\text{пост}i}^p \right) \quad (3)$$

Где n – число субъектов в кластере;

z_3 - себестоимость кластера по z-виду продукции;

${}^z_3_{\text{пер}i}^{b,ед}$ - привнесенные переменные затраты на единицу z-вида

продукции у i-участника кластера;

${}^z_3_{\text{пер}i}^{p,ед}$ - собственные переменные затраты на единицу z-вида продукции у i-участника кластера;

Q_z^i - количество z-вида продукции у i-участника кластера (объем производства в натуральном выражении);

${}^z_3_{\text{пост}i}^b$ - привнесенные постоянные затраты (в общей сумме) на производство z-вида продукции у i-участника кластера;

${}^z_3_{\text{пост}i}^p$ - собственные постоянные затраты (в общей сумме) на производство z-вида продукции у i-участника кластера.

В этом аспекте стоит уделить особое внимание включению в себестоимость затрат, так как в указанной сфере вполне может иметь место манипулирование себестоимостью заказа, полученного кластером. В связи с этим, в рамках формирования постоянных затрат в сквозной себестоимости кластера, в том числе, на фоне принципа справедливости, стоит стремиться к тому, чтобы более емко и полно перевести косвенные затраты в затраты прямые. Этого вполне можно достигнуть и в отношении общепроизводственных расходов, если на фоне изучения технологической карты становится понятно то, на каком именно оборудовании была произведена продукция. Для достижения поставленной цели определенные статьи общепроизводственных расходов относятся на показатель ${}^z_3_{\text{пост},a}^{p,i,j}$. Важно учитывать, что в данном случае речь идет именно о собственных затратах субъекта кластера.

В качестве примера операции, направленной на перевод прямых затрат в затраты косвенные, выступает расчеты нормы времени работы оборудования на выполнения заказа, полученного кластером. Примером являются затраты на электрическую энергию. Одновременно с этим, если косвенные затраты перевести в прямые затраты не представляется возможным, например, едва ли можно таким образом перевести зарплату генерального директора, то их можно включить в себестоимость заказа кластера пропорционально общей структуре маржинального дохода, в том числе, через показатели доли маржинального дохода от того или иного вида продукции в общей сумме маржинального дохода, что отражено в формуле 4:

$${}^z_3_{\text{пост},in}^{p,i,j} = {}^z_3_{\text{пост},in}^{p,i,j} \times {}^z_3_{UD}^{i,j} \quad (4)$$

где ${}^z_3_{\text{пост},in}^{p,i,j}$ - собственные косвенные постоянные затраты (в общей сумме) у i-участника кластера на j-переделе, отнесенные на себестоимость производства z-вида продукции;

${}^z_3_{\text{пост},in}^{p,i,j}$ - собственные косвенные постоянные затраты (в общей сумме) у i-участника кластера на j-переделе;

${}^z_3_{UD}^{i,j}$ - удельный вес маржинального дохода от z-вида продукции в структуре общей суммы маржинального дохода.

В рамках практического использования сразу нескольких натуральных показателей как базы для распределения, зачастую не учитываются ценовые факторы, а в рамках использования затрат в их стоимостном выражении, не будет учитываться фактор цены, в то время как при использовании выручки зачастую не учитывают фактор затрат. Полагаем, что на современном этапе развития, одним из показателей, который стоит учитывать в обязательном порядке и который позволит на практике учесть совокупность объемных натуральных показателей, в том числе, ценовые факторы затрат и цены на уже готовую продукцию, это показатель структуры маржинального дохода.

Все формулы, которые были указаны выше, а также методологические принципы в сфере формирования сквозной себестоимости кластера, стоит

расценивать в качестве принципиально нового метода калькулирования себестоимости под названием **«cluster-costing» (CLC)**. На базе указанного метода вполне можно рассчитывать такие показатели, как: прибыль промышленного кластера (5), рентабельность производства кластера (6), рентабельность продаж кластера (7), точка безубыточности кластера в натуральном выражении (8), точка безубыточности кластера в стоимостном выражении (9), время выполнения заказа кластера (10).

$${}^cPr = \sum_{i=1}^n \left((r_k^b \times {}^cZ_i^b) + (r_k^p \times {}^cZ_i^p) \right) \quad (5)$$

где cPr - прибыль от реализации продукции кластера z-вида;

r_k^b - коэффициент рентабельности по привнесенным затратам для продукции z-вида у i-участника кластера;

${}^cZ_i^b$ - привнесенные затраты (переменные и постоянные) у i-участника кластера, для продукции z-вида,

r_k^p - коэффициент рентабельности по собственным затратам для продукции z-вида у i-участника кластера;

${}^cZ_i^p$ - собственные затраты (переменные и постоянные) у i-участника кластера, для продукции z-вида.

$${}^cRe^3 = \frac{{}^cPr}{{}^cZ} \times 100\% \quad (6)$$

где ${}^cRe^3$ - рентабельность производства кластера по z-виду продукции;

cPr - прибыль кластера от производства z-вида продукции;

cZ - себестоимость производства продукции z-вида в кластере.

$${}^cRe^R = \frac{{}^cPr}{{}^cR} \times 100\% \quad (7)$$

где ${}^cRe^R$ - рентабельность продаж кластера по z-виду продукции;

cPr - прибыль кластера от производства z-вида продукции;

cR - выручка кластера от продажи продукции z-вида.

$${}^cT_{безi}^{ден} = \sum_{i=1}^n \frac{{}^cZ_{постi}^b + {}^cZ_{постi}^p}{{}^cR_i - \left(({}^cZ_{перi}^{b,ед} + {}^cZ_{перi}^{p,ед}) \times Q_i^z \right)} \times {}^cR_i \quad (8)$$

где ${}^cT_{безi}^{ден}$ - точка безубыточности кластера в стоимостном выражении для i-участника кластера, при производстве продукции z-вида;

${}^cZ_{постi}^b$ - привнесенные постоянные затраты кластера для i-участника кластера, при производстве продукции z-вида;

${}^cZ_{постi}^p$ - собственные постоянные затраты кластера для i-участника кластера, при производстве продукции z-вида;

cR_i - выручка от продаж продукции z-вида, для i-участника кластера;

${}^cZ_{перi}^{b,ед}$ - привнесенные переменные затраты на производство единицы продукции z-вида, для i-участника кластера;

${}^cZ_{перi}^{p,ед}$ - собственные переменные затраты на производство единицы продукции z-вида, для i-участника кластера;

Q_i^z - объем производства в натуральном выражении продукции z-вида, для i-участника кластера.

$${}^cT_{безi}^{нат} = \sum_{i=1}^n \frac{{}^cZ_{постi}^b + {}^cZ_{постi}^p}{\left({}^cZ_i^{ед} - ({}^cZ_{перi}^{b,ед} + {}^cZ_{перi}^{p,ед}) \right)} \quad (9)$$

где ${}^cT_{безi}^{нат}$ - точка безубыточности кластера в натуральном выражении для i-участника кластера, при производстве продукции z-вида;

${}^cZ_{постi}^b$ - привнесенные постоянные затраты кластера для i-участника кластера, при производстве продукции z-вида;

${}^cZ_{постi}^p$ - собственные постоянные затраты кластера для i-участника кластера, при производстве продукции z-вида;

${}^cZ_{перi}^{b,ед}$ - привнесенные переменные затраты на производство единицы продукции z-вида, для i-участника кластера;

${}^cZ_{перi}^{p,ед}$ - собственные переменные затраты на производство единицы продукции z-вида, для i-участника кластера.

$${}^cВремя^{вып} = \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^m ({}^cВремя_{i,j}^{обслуж} + \frac{{}^cВремя_{i,j}^{вып.техн}}{({}^cПр_{ij})} \times {}^cQ_{ij}) \quad (10)$$

где ${}^cВремя^{вып}$ - время выполнения заказа кластера на производство продукции z-вида;

${}^cВремя_{i,j}^{обслуж}$ - время выполнения обслуживающей операции для производства продукции z-вида на j-переделе у i-участника кластера;

${}^cВремя_{i,j}^{вып.техн}$ - время выполнения технологической операции для

производства продукции z-вида на j-переделе у i-участника кластера;

${}^cПр_{ij}$ - производительность оборудования при производстве продукции z-вида на j-переделе у i-участника кластера;

${}^cQ_{ij}$ - объем производства продукции z-вида на j-переделе у i-участника кластера;

m - число переделов при производстве продукции z-вида у i-участника кластера.

В табл. 3 представлена оценка погрешности расчета основных экономических показателей заказа кластера.

Таблица 3
Сравнительная оценка погрешности расчета основных экономических показателей заказа кластера

№ п/п	Показатели	Традиционный метод	Метод CLC	Отклонение	
				Абсолютное	Относительное
1	Себестоимость, руб	116 530 983,33	111 483 203,63	-5 047 779,70	-4,33%
2	Себестоимость 1 ед., руб	23 306 196,67	22 296 640,73	-1 009 555,94	-4,33%
3	Прибыль, руб	58 265 491,66	63 313 271,36	5 047 779,70	8,66%

Из анализа данных, приведенных в табл. 3 видно, что разница расчета себестоимости заказа кластера традиционным методом и методом CLC составляет -4,33%, а показателя прибыль 8,66%, что является существенным отклонением.

Сложение всех сроков, в которые осуществляется выполнение заказа кластера, в практической деятельности должно быть произведено лишь по тем операциям, которые на практике выполняются в определенной последовательности и которые не выполняются параллельно, так как именно таким образом получится не допустить завышения результатов расчета. Формула 10, в которой приводится механизм расчета сроков выполнения заказа кластера, позволит на практике максимально полно и емко осуществлять контроль над указанными сроками, что особенно актуально на фоне того, что за нарушение указанных сроков руководитель организации может быть привлечен к уголовной ответственности. В современных экономических реалиях, расчетные сроки для заказа кластера нередко завышаются, однако фактически такие сроки намного меньше расчетных сроков. В связи с этим, предприятия нередко вынуждены остановить выполнение абсолютно всех иных заказов, чтобы уложиться в тот срок, который установлен в государственном контракте. Приходим к выводу, что авторский метод для калькулирования под названием «cluster-costing» на практике позволит на автоматической основе не только рассчитывать себестоимость заказа кластера, но и создать оптимальные взаимоотношения между исполнителями заказа кластера и государством соответственно.

Кроме того, в рамках выполнения заказов кластером нередко встречаются ситуации, при которых цена заказа явно меньше, чем фактическая себестоимость такового. Известно, что в соответствии с законодательством РФ, корректировка цены является допустимой, однако в практической деятельности редкостью не являются такие случаи, когда указанная корректировка только частично способна компенсировать те потери, которые несет предприятие. Очевидно, что на данном фоне в качестве объективной необходимости выступает разработка механизма, который был бы направлен на взаимодействие всех участников ЕСТП, в том числе, на основе факторного анализа себестоимости заказа, что позволит не только рассчитать, но и впоследствии применить справедливую цену заказа кластера в практической деятельности.

В качестве причины того, что участники кластера не могут в полной мере компенсировать потери, которые они несут, в том числе, из-за роста фактической себестоимости, выступает некорректный алгоритм расчета того, каким именно образом цена оказывает влияние на изменение фактической себестоимости. На сегодняшний день, нормативные правовые акты требуют использовать в данных целях биржевые цены или же статистические данные относительно цен на такое же сырье, в то время как цены на материалы в рамках того или иного договора на заказ кластера могут существенно отличаться от статистических данных или от тех цен, которые есть

на бирже. Мы же предлагаем ориентироваться именно на цену материала, предусмотренную договором поставки, что будет соответствовать принципу справедливости, и позволит компенсировать предприятию именно его сумму потерь, а не получить абстрактную среднестатистическую цифру компенсации.

В качестве второй причины, из-за которой получаемые результаты факторного анализа себестоимости лишены объективности и зачастую нарушают принцип справедливости в рамках факторного анализа, выступает то, что норма удельного веса расхода материала устанавливается предприятием на фоне расхода материала на обслуживающие операции и на операции технологические. Норма расхода, которая будет получена таким образом, будет умножаться на объем производства, что будет весьма существенно искажать данные влияния удельного расхода материала. Во многом это обусловлено тем, что в обслуживающей операции указанный материал использоваться не будет, однако норма расхода материала вполне обоснованно выступает в качестве весьма завышенной (табл. 4).

Из таблицы 4 явно следует, что удельная норма расхода материала на 1 тн проката составляет 1,043. В рамках проведения факторного анализа, в том числе, с помощью метода цепных постановок, можно эффективно определить то, каким образом осуществляется влияние факторов на то, как изменяется себестоимость. Так, в анализируемом примере отклонение фактических материальных затрат от затрат плановых в размере +3 892 000,00 руб. происходит за счет совокупности факторов следующего рода:

- изменение цен на сталь +2 633 400,00 руб;
- изменение объемов производства +1 209 880,00 руб;
- изменение удельной нормы расходов + 365 400,00 руб.

Таблица 4

Данные, которые необходимы для расчета влияния факторов на изменение материальных затрат, в отсутствие учета разделения всех затрат на обслуживающие и технологические операции

Период	Показатели	План	Факт	Отклонение
Прокат	Материальные затраты на пр-во проката, руб	24 197 600,00	28 089 600,00	3 892 000,00
	Цена сталь, руб/тн	29 000,00	32 000,00	3 000,00
	Удельная норма расхода материала на 1 тн проката	1,043	1,045	0,002
	Объем производства проката, тн	800,00	840,00	40,00

Отклонение затрат материальных, которое возникло за счет того, что цены на сталь изменились, по отношению к конкретному предприятию выступает в качестве наиболее объективного. Как следствие, именно заказчик должен произвести компенсацию предприятию данного отклонения после фактического выполнения его заказа. Отметим, что фактор изменения объема производства во многом предопределен решением предприятия, в связи с

чем, в обязанности заказчика в этом случае не входит оплата дополнительного количества продукции, которая была произведена.

Фактор, непосредственно связанный с изменением удельной нормы расхода, находится под ответственностью предприятия, а сумма отклонений в размере +365 400,00 рублей едва ли применима в целях корректировки цены заказа кластера. Приходим к выводу, что в рамках использования этого традиционного подхода к проведению анализа, со стороны государства должна быть произведена компенсация предприятию исключительно рост цен на сталь. Размер указанной компенсации составит 2 633 400,00 руб.

При исключении из удельной нормы расхода затрат, которые будут понесены на обслуживание операции и которые зачастую необоснованно умножают на производственные объемы, конечные результаты факторного анализа будут совершенно отличаться от результатов, полученных ранее. Это отражено в таблице 5.

Таблица 5

Данные, необходимые в целях расчета того, каким образом факторы влияют на изменение материальных затрат с разделением операций на обслуживающие и технологические операции

Период	Показатели	План	Факт	Отклонение
Прокат	Материальные затраты на пр-во проката, руб	23 896 000,00	27 740 160,00	3 844 160,00
	Цена сталь, руб/тн	29 000,00	32 000,00	3 000,00
	Удельная норма расхода материала на 1 тн проката	1,030	1,032	0,002
	Объем производства, тн	800,00	840,00	40,00

Из данных, которые отражены в таблице 5, можно сделать вывод о том, что если исключить из удельной нормы расхода материалов на операции, которые относятся к обслуживающим, то удельная норма расхода материала на 1 тн проката составила 1,030. Как следствие, изменились и результаты факторного анализа. Суммарное отклонение всех материальных затрат составит 3 844 160,00 руб. и будет сформировано за счет факторов следующего вида:

- изменение цен на сталь +2 600 640,00 руб.;
- изменение объемов производства +1 194 800,00 руб.;
- изменение удельной нормы расходов стали на прокат + 48 720,00 руб.

Очевидно, что в рамках данного подхода, государство уже должно будет компенсировать предприятию рост цен на сталь, размер которой составит 2 600 640,00 руб., а не 2 633 400,00 руб. Как следствие, размер компенсации, который рассчитывается с помощью традиционного метода проведения факторного анализа, можно оценить в качестве завышенного размера.

Следовательно, в рамках применения метода калькулирования затрат CLC, размер компенсации сократится и будет иметь место экономия бюджетных средств. Повышается и качество планирования,

в том числе, в части экономии, что отражено в таблицах 6 и 7.

В формализованном виде предложенные модели факторного анализа имеют вид (формулы 11, 12).

$$MЗ_i^{jпер} = \sum^k Ц_i^j \times УД_i^{технk,j} \times Q_k^j \quad (11)$$

где $MЗ_i^{jпер}$ – переменные материальные затраты по i- виду материалов, j – виду продукции;

$Ц_i^j$ – цена i- вида материалов, j – вида продукции;

$УД_i^{технk,j}$ – удельный расход материала i- вида на j – вид продукции, на k-технологической операции;

Q_k^j – объем производства j- вида продукции на k-технологической операции.

$$MЗ_i^{jпост} = \sum^k Ц_i^j \times УД_i^{обслk,j} \quad (12)$$

где

$MЗ_i^{jпост}$ – постоянные материальные затраты по i- виду материалов, j – виду продукции;

$Ц_i^j$ – цена i- вида материалов, j – вида продукции;

$УД_i^{обслk,j}$ –расход материала i- вида на j – вид продукции, на k-обслуживающей операции.

Также рассмотрим рентабельность. Известно, что в нормативных актах сегодня регулируются разные нормы рентабельности для собственных затрат и для затрат привнесенных. Как следствие, при изменении удельного веса собственных затрат и затрат привнесенных в себестоимости продукции, будет оказано влияние на общую рентабельность заказа. В целях оценки этого влияния стоит применять новую факторную модель:

$$R^{общ} = \frac{П_{общ} \times (УД^{привн} + УД^{собств})}{\sum_{j=1}^n Ц_j \times \sum Q_j} \quad (13)$$

Где $R^{общ}$ – общая рентабельность кластера;

$П_{общ}$ – общая прибыль кластера, рассчитанная по методике CLC;

$УД^{привн}$ – удельный вес привнесенных затрат в себестоимости кластера;

$УД^{собств}$ – удельный вес собственных затрат в себестоимости кластера;

$Ц_j$ – цена продукции j- вида;

Q_j – объем производства j- вида;

n - число видов продукции.

Данная модель является более эффективной и позволит выносить решение относительно изменения соотношения между собственными и привнесенными затратами, в том числе, для оценки рентабельности заказа.

Таким образом, предложенная концепция на базе метода «cluster-costing» (CLC) на практике будет направлена на активное содействие более эффективному распределению ресурсов, повышению адресности господдержки, сокращению случаев нарушения сроков выполнения госзаказа, позволит стимулировать субъекты промышленной политики к эффективному решению госзадач.

При плановой себестоимости заказа кластера 23,3 млн. руб/ед, рассчитанной традиционным способом, повышение качества планирования себестоимости при переходе на методику подсчета CLC со-

ставит не менее 4%, что может привести к уменьшению потерь бюджета государства на 28 млрд. руб/год. В масштабах государства, экстраполяция полученного отклонения на общий объем госзаказа в России 32 трлн. руб/год (по данным 2023 года) может привести к уменьшению потерь бюджета государства на 1,28 трлн. руб/год.

Полный экономический эффект при переходе на систему расчета себестоимости CLC, с учетом возможного применения системы налоговых льгот, может составить для кластера 15,4 млрд. руб/год. Экстраполяция полученного отклонения на общий объем госзаказа в России позволяет получить полный экономический эффект 0,704 трлн. руб/год.

Литература

1. О государственном оборонном заказе: Федеральный закон от 29.12.2012 N 275-ФЗ, с изм. и доп.

2. О государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, а также о внесении изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства РФ: Постановление Правительства РФ от 02.12.2017 № 1465, с изм. и доп.

3. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ, с изм. и доп.

4. О промышленной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.12.2014 N 488-ФЗ, с изм. и доп.

5. Киреева, Н. В. Теория и методология стратегического управления производственными мощностями промышленного предприятия с многопродуктовым производством: Дисс. на соискание ученой степени д-ра экон. наук. - Режим доступа: <https://www.susu.ru/ru/dissertation/d-21229807/kireeva-natalya-vladimirovna-0> – Дата обращения: 01.09.2023.

6. Механизмы диверсификации промышленной политики моногорода / В.В. Дремов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Том 12. No 8А. С. 316-321.

7. Методологические особенности выбора стратегии развития brownfield индустриальных парков в Российской Федерации / В.В. Дремов // Московский экономический журнал, 2022, № 10. – С. 411–419.

8. Возможность использования механизма мобилизационной экономики в современных условиях / В.В. Дремов // Russian Economic Bulletin / Российский экономический вестник 2022, Том 5, №6. – С. 311–314.

9. Подходы формирования промышленной политики в современных условиях / В.В. Дремов // Экономические науки 2022, 216 Ноябрь. – С. 57–60.

10. Импортозамещение как фактор развития промышленного производства в условиях санкций / В.В. Дремов // Финансовые рынки и банки №1 2023. – С. 100–102.

11. Внешние проблемы формирования промышленной политики РФ на современном этапе разви-

тия экономических отношений / В.В. Дремов // Московский экономический журнал №4/2023, – С. 604–614.

12. Влияние состояния рынка энергоресурсов на формирование промышленной политики Российской Федерации / В.В. Дремов // Финансовые рынки и банки №5, 2023. – С. 183–186.

13. Проблемы формирования принципов, целей и задач промышленной политики РФ / В.В. Дремов // Modern Economy Success №4, 2023. – С. 293–297.

14. Методологические проблемы реализации промышленной политики РФ / В.В. Дремов // Russian Economic Bulletin №5, 2023. – С. 293–297.

15. Субъективные проблемы реализации промышленной политики Российской Федерации / В.В. Дремов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. №4, 2023 г. – С. 101–108.

16. Анализ мер стимулирования инвестиционных проектов как фактор эффективности реализации промышленной политики РФ / В.В. Дремов, Н.В. Киреева // Russian Economic Bulletin №5, – С. 290–294.

17. Повышение эффективности управления энергопотреблением как фактор формирования промышленной политики региона / В.В. Дремов, С.П. Галеев, Н.В. Киреева // Вопросы экономики и права №2023/06 (180). – С. 76–82.

18. Проблемы планирования энергопотребления регионов как фактор влияния на эффективность промышленной политики / В.В. Дремов, С.П. Галеев, Н.В. Киреева // Экономические науки №2023/06 (223). – С. 116–122.

Improving the process of implementing the industrial policy of the Russian Federation based on the cluster approach: theory and methodology

Dremov V.V., Kireeva N.V.

UrSEI

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

Changing geopolitical situation in the world inevitably causes changes within the country, including changes of economic nature. With the beginning of the special military operation (hereinafter SMO), the industrial complex of the Russian Federation is in the process of transformation. The role of the state in regulating the economy is strengthening, one of such mechanisms is industrial policy. Clusters occupy a special place among the subjects of industrial policy. It is clusters that to a greater extent ensure the implementation of industrial tasks in the sphere of increasing the country's defense capability, production of civilian and technological products.

To eliminate the above-mentioned problems, the article presents the author's concept of implementing industrial policy. The set of proposed elements forms the author's methodology of "Cluster-costing" (CLC), which allows improving the process of implementing the industrial policy of the Russian Federation in terms of industrial clusters.

Keywords: industrial policy, industrial cluster, cluster order, factor analysis of the cost of the order, the cost of order fulfillment.

References

1. On the state defense order: Federal Law of 29.12.2012 N 275-FZ, as amended and supplemented.
2. On state regulation of prices for products supplied under the state defense order, as well as on amendments and recognition of certain acts of the Government of the Russian Federation as invalid: Resolution of the Government of the Russian Federation of 02.12.2017 N 1465, as amended and supplemented.
3. On the contract system in the sphere of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs: Federal Law of 05.04.2013 N 44-FZ, as amended and supplemented.
4. On industrial policy in the Russian Federation: Federal Law of 31.12.2014 N 488-FZ, as amended and supplemented.
5. Kireeva, N. V. Theory and methodology of strategic management of production capacities of an industrial enterprise with multi-product production: Diss. for the degree of Doctor of Economics. - Access mode: <https://www.susu.ru/ru/dissertation/d-21229807/kireeva-natalya-vladimirovna-0> - Date of access: 09/01/2023.

6. Mechanisms for diversifying the industrial policy of a single-industry town / V. V. Dremov // *Economy: yesterday, today, tomorrow*. 2022. Vol. 12. No. 8A. P. 316-321.
7. Methodological features of choosing a strategy for the development of brownfield industrial parks in the Russian Federation / V. V. Dremov // *Moscow Economic Journal*, 2022, No. 10. - P. 411-419.
8. The Possibility of Using the Mechanism of Mobilization Economy in Modern Conditions / V.V. Dremov // *Russian Economic Bulletin / Russian Economic Bulletin* 2022, Vol. 5, No. 6. - P. 311-314.
9. Approaches to Forming Industrial Policy in Modern Conditions / V.V. Dremov // *Economic Sciences* 2022, November 216. - P. 57-60.
10. Import Substitution as a Factor in the Development of Industrial Production in the Context of Sanctions / V.V. Dremov // *Financial Markets and Banks* No. 1 2023. - P. 100-102.
11. External Problems of Forming Industrial Policy of the Russian Federation at the Current Stage of Development of Economic Relations / V.V. Dremov // *Moscow Economic Journal* No. 4/2023, - P. 604-614.
12. The Influence of the State of the Energy Resources Market on the Formation of Industrial Policy of the Russian Federation / V.V. Dremov // *Financial Markets and Banks* No. 5, 2023. – P. 183–186.
13. Problems of Formation of Principles, Goals, and Objectives of Industrial Policy of the Russian Federation / V.V. Dremov // *Modern Economy Success* №4, 2023. – P. 293–297.
14. Methodological Problems of Implementing Industrial Policy of the Russian Federation / V.V. Dremov // *Russian Economic Bulletin* No. 5, 2023. – P. 293–297.
15. Subjective Problems of Implementing Industrial Policy of the Russian Federation / V.V. Dremov // *Economy: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2022. No. 4, 2023. – P. 101–108.
16. Analysis of Measures to Incentive Investment Projects as a Factor in the Effectiveness of Implementing Industrial Policy of the Russian Federation / V.V. Dremov, N.V. Kireeva // *Russian Economic Bulletin* №5, – P. 290–294.
17. Improving the efficiency of energy consumption management as a factor in the formation of regional industrial policy / V.V. Dremov, S.P. Galeev, N.V. Kireeva // *Questions of Economics and Law* №2023/06 (180). – P. 76–82.
18. Problems of planning energy consumption of regions as a factor influencing the efficiency of industrial policy / V.V. Dremov, S.P. Galeev, N.V. Kireeva // *Economic Sciences* №2023/06 (223). – P. 116–122.

Государственное регулирование потребления

Киселева Елена Николаевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, kafedra.kim@mail.ru

Плясова Светлана Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, splyasova@yandex.ru

Процесс регулирования потребления осуществляется посредством выбора целей, которые ставятся перед обществом на определенном этапе жизни, и выбора инструментов эффективного механизма достижения поставленных целей с учетом уровня жизни населения. Особенностью современных исследований в области неравенства доходов и потребления является поиск решений этой проблемы, ориентированной на достижение оптимального уровня неравенства и потребления, сохраняющего стимулы трудовой деятельности и регулирующего уровень неравенства, приемлемый для общества. Исходя из анализа уровня потребления населения в Российской Федерации можно констатировать, что следует формировать экономическую модель платежеспособного спроса на внутреннем российском рынке на основе выявления соотношений между ценой и спросом в новом индустриальном обществе, основанном на рациональных желаниях потребителей приобретать высокотехнологичные товары и услуги.

Согласно оптимистическим прогнозам, если доходы и накопления населения будут расти, то потребительские расходы будут направляться на приобретение товаров длительного пользования и в инвестиции с целью сохранения и накопления финансовых ресурсов. В связи с этим, рациональное распределение доходов преимущественно внутри страны приведет к увеличению валового внутреннего продукта, что будет положительно сказываться на благосостоянии российской экономики.

Ключевые слова: регулирование потребления, неравенство доходов и потребления, уровень жизни, модель платежеспособного спроса, кредитное потребление, сберегательное потребление

Процесс регулирования потребления осуществляется посредством выбора целей, которые ставятся перед обществом на определенном этапе жизни, и выбора инструментов эффективного механизма достижения поставленных целей с учетом уровня жизни населения.

По прогнозам экспертов, в мире к 2050 году уровень крайней бедности, менее чем на 2,15 доллара в день, упадет ниже 2%, то есть станет на 6% ниже, чем в 2022 году. В африканских странах этот показатель снизится на 22%, а более 65% населения мира, по сравнению примерно с 42% в 2024 г., будут жить более чем на 10 долларов в день [5-7].

Согласно одним из последних оценок Федеральной службы государственной статистики, в РФ уровень бедности к концу 2024 года снизился на 2,5% к аналогичному периоду 2023 г. и ожидается рост экономики РФ на 2,3% в 2024 г. Меры по ужесточению денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики государства и Банка России привели к росту внутреннего валового продукта (ВВП) на 4,4% в 2024 г. [12,13].

В 2024 году средний доход наиболее обеспеченных россиян достигал 227 тыс. руб. Итоги исследования показывают, что около 20% обеспеченных россиян показывают доходы порядка 300–400 тыс. руб., около 18% россиян зарабатывает 100–200 тыс. руб. в месяц, 8–9% населения России имеют доходы выше 900 тыс. руб. Это подтверждают и итоги «Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах» Росстата [15].

В последние годы уровень оплаты труда россиян различных категорий серьезно изменился, так востребованные во многих новых позициях, связанных с доставкой товаров, курьеры без высшего образования получают больше преподавателей, высококвалифицированных врачей, порой имеющих ученую степень, потративших на получение профессии значительные годы жизни [11].

Государственное регулирование доходов и потребления связано с решением задач роста благосостояния населения. Оценка роста благосостояния исходит из довольно устаревшего принципа обеспечения всеобщего потребления, учитывающего исключительно рост благосостояния и не оценивающего пропорции распределения доходов. Современная экономическая наука распределение и неравенство рассматривает, опираясь на методологию исследования С. Кузнецца, К. Джини, М. Лоренца и др. Их теории о снижении неравенства в результате экономического роста, к сожалению, не подтверждаются практикой, так как неравенство во всем мире стремительно растет. В настоящее время исследования в области неравенства доходов и потребле-

ния направлены на выяснение причин этого явления с учетом развития стран, влияния на распределение доходов государственной политики в области социальных и экономических программ и других факторов. Изменение неравенства потребления в текущий момент рассматриваются как сложные социальные процессы.

Особенностью современных исследований в области неравенства доходов и потребления является поиск решений этой проблемы, направленной на оптимизацию неравенства и потребления. В российской практике в 2023 г. коэффициент Джини, который показывает степень неравенства в распределении доходов населения, вырос до 0,403 против 0,395 в 2022 г. [15].

Исследования подтверждают, что основным источником доходов для всех категорий населения являются доходы от трудовой деятельности (заработная плата, предпринимательская деятельность и пр.), однако у беднейших децильных групп они составляют порядка 56,9% от всех доходов, а у богатейших — 91%. При этом богатейшие домохозяйства имеют от предпринимательской деятельности больше доходов, чем беднейшие в 10 раз [14].

С другой стороны население увеличивало вложения различные виды собственности, что повысило доходы от этих источников поступлений до 6%. Рост прочих денежных поступлений в 2023 г. составил 8% относительно 2022 г. [1].

Денежные доходы населения в 2024 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года увеличились на 18,6%, в то же время денежные расходы увеличились за этот же период на 14,4%, уровень сбережения превысил уровень 2023 г. в 2 раза. Согласно оценке Росстата, реальные денежные доходы выросли на 10,3%, а структура денежных доходов претерпела изменения в плане роста в доходах долей оплаты труда, от предпринимательства, от сдачи собственности в аренду и прочих денежных поступлений, при снижении удельного веса социальных выплат [2].

Контроль за основными макроэкономическими показателями и индексацией доходов значительно влияют на динамику реальных доходов населения, поэтому государство поставило перед собой задачу повышения и поддержания минимального размера оплаты труда до уровня прожиточного минимума. «Прогноз социально-экономического развития России до 2030 года» дает оценку роста прожиточного минимума до 2030 г. для различных категорий населения, например, для пенсионеров - 8,2%, для детей - 4,1%, других категорий рост прожиточного минимума должен составить 3,3 % [10].

Результаты мониторинга Финансового университета при Правительстве РФ показали, что индекс качества жизни в России, по итогам 1 квартала 2023 года, увеличился на три пункта по сравнению с 4 кварталом прошлого года. Повышение качества жизни в России обеспечивается повышением частных индексов оценки доступности недвижимости, качества экологии, снижения вербального поведения, качества дорожного обустройства, содержания

жилого фонда и благоустройства, условий ведения бизнеса, снижения тревожности населения [8].

Анализ рынка показывает, что растет спрос на устойчивые продукты питания, особенно среди молодежи, при этом 66% потребителей готовы платить за бренды, предлагающие устойчивые товары, больше, если цены будут увеличиваться на них. Однако, исследования потребительских предпочтений показывают, что в реальности такие покупки составляют порядка 20-30%. На самом деле, выбор устойчивых продуктов требует от потребителей определенных усилий по изучению рынка и поиску необходимых товаров и услуг, а также изменения характера потребительского поведения и больших затрат труда и времени. Согласно такой динамике, выбор потребителя влияет на систему устойчивых покупок, ее стимулирование и дальнейшее распространение. Таким образом для потребителей, выбирающих новую модель потребления, повышается экономическая доступность, улучшаются потребительские качества товаров и услуг. При этом сами потребители становятся активным регулятором экономики замкнутого цикла [9].

По данным Банка России, прогнозируется, по итогам 2023 года, темп прироста потребления домохозяйств в диапазоне 6% при сокращении потребления на 1-2%. Однако, в дальнейшем, спрос домохозяйств будет расти, а к концу прогнозного периода, к 2025 г., вернется к темпам траектории сбалансированного роста экономики [3].

Обследования домохозяйств показывают, что самая высокодоходная 10-процентная группа имела 26,7% от всего объема денежных доходов, тогда как беднейшая группа — 2,9%, то есть произошло сокращение разрыва между децильными группами, что подтверждается другими данными. В России в 2023 г. коэффициент Джини, отражающий дифференциацию доходов населения, составил 0,403 против 0,395 в 2022 г. При этом фиксировался его минимум, максимум приходился на 2007 г.

Структура расходов домохозяйств показывает, что наименьшая налоговая нагрузка приходится на домохозяйства пенсионеров, поскольку они освобождены от отдельных видов налогов, а потребление связано, в основном, с товарами, облагаемыми НДС по пониженной ставке. Исследования показывают, что наибольшая налоговая нагрузка приходится на домохозяйства одиноких граждан с высокими доходами (более 50%). В семьях из 3-х человек с детьми, имеющих среднее потребление, уровень налоговой нагрузки составляет порядка 28%. В семьях из четырех человек, с одним работающим членом домохозяйства, получающих государственное пособие по уходу за ребенком и имеющих детей школьного возраста, налоговая нагрузка уменьшается до 22%. Согласно исследованиям, домохозяйства с детьми, как правило, не имеют сбережений, тяготеют к кредитной модели потребления со сниженным потребительским спросом [9].

С одной стороны, переход трудоспособного населения на кредитное потребление, минуя сберегательное, носит вынужденный характер, повышает

кредитные риски, страхование которых осуществляется государством, а с другой - сокращает социальные расходы государства, связанные с повышением качества жизни домохозяйств, увеличивает эффективность использования финансовых ресурсов государства.

Рост доли потребительских кредитов также связано с появлением дистанционной торговли, банковских интернет-услуг, что значительно меняет образ жизни и структуру потребления. Информационное сообщество в России все шире развивает цифровые технологии, требуя от населения приобретения навыков потребления значительных объемов информации, технологий, а, соответственно - увеличения потребительских расходов в этой сфере [4].

Однако, преимущества, которые получены в результате экономии цен и времени, снижаются посредством фактов увеличения некачественных товаров и услуг, которые компенсируются государством защитой прав потребителей. При этом существенная доля потребителей пользуется достижениями индустриального общества, элементы которого переплетаются с обществом потребления и интенсивно формируются в городах-миллионниках, в которых проживает около 20% населения, имеющего высокий доход и существенные экономические выгоды от использования электронной торговли и кредитов [13, 14].

Эффект от управления изменениями структуры потребления в информационном обществе возможен при помощи финансовых и денежно-кредитных механизмов, учета высокого уровня консерватизма потребительского поведения населения и рисков домохозяйств.

Исходя из анализа уровня потребления населения в Российской Федерации можно констатировать, что следует формировать экономическую модель платежеспособного спроса на внутреннем российском рынке на основе выявления соотношений между ценой и спросом в новом индустриальном обществе, основанном на рациональных желаниях потребителей приобретать высокотехнологичные товары и услуги.

Согласно пессимистическому прогнозу, если экономические показатели будут последовательно снижаться, то платежеспособный спрос станет менее устойчивым и потребители снова будут переходить к модели сбережения. Однако, согласно оптимистическим прогнозам, если доходы и накопления населения будут расти, то потребительские расходы будут направляться на приобретение товаров длительного пользования и в инвестиции с целью сохранения и накопления финансовых ресурсов. В связи с этим, рациональное распределение доходов преимущественно внутри страны приведет к увеличению валового внутреннего продукта, что будет положительно сказываться на благосостоянии российской экономик

Литература

1. Гениберг Т.В. Исследование и оценка динамики и структуры денежных доходов и расходов населения Российской Федерации в 2022–2023 гг.//

Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 4. С.38-43

2. Динамика денежных доходов населения// https://76.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/denezhny_e_dohody_naseleniya_v_yanvare-sentyabre_2024.pdf

3. Инфляционные ожидания и потребительские настроения. № 11 (59). 2021. Информационно-аналитический комментарий. Центральный банк Российской Федерации. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/39353/Infl_e xp_21-11.pdf. (дата обращения: 16.07.2024)

4. Камышова А.Б., Попова Е.М. Государственное регулирование экономики: теория и практика стабилизационной политики// Банковские услуги. 2024. № 4. С. 2-10.

5. Колосков Д.А. Комплексный анализ уровня бедности в России и оценка его влияния на экономическое развитие страны// Московский экономический журнал. № 11. 2022. URL: <https://qje.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-11-2022-47> (дата обращения: 16.07.2024)

6. Кормишкин Е.Д. Горин В.А. Неравенство в распределении доходов как фактор, сдерживающий экономический рост// Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 11-1. С. 100-107. URL: <https://vael.ru/ru/article/view?id=795> (дата обращения: 16.07.2024)

7. Кормишкина Л.А. Ермакова Э.Р. К вопросу об измерении национальной линии бедности// Национальная безопасность/ nota bene. 2021. № 3. URL: https://nbpublish.com/library_read_artide.php?id=35821

8. Мониторинг Финансового университета при Правительстве Российской Федерации// http://www.fa.ru/org/div/cos/press/Documents/LQ_2023_1Q.pdf

9. Об изменении глобальной модели потребления// <https://www.zashchita-pravpotrebitelei.ru/novosti/press-centr/ob-izmenenii-globalnoj-modeli-potrebleniya/> (дата обращения: 16.07.2024)

10. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года// <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf>

11. Пазумов А.А., Селиванова О.В. Бедность в России: региональные особенности и перспективные инструменты снижения ее уровня// Социально-трудовые исследования. 2021. №4 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bednost-v-rossii-regionalnye-osobennosti-i-perspektivnye-instrumenty-snizheniya-ee-urovnya> (дата обращения: 16.07.2024)

12. Росстат представляет данные о численности населения с денежными доходами ниже границы бедности в I квартале 2024 года// <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/238606>

13. Росстат раскрыл структуру доходов беднейших и богатейших россиян// <https://www.rbc.ru/economics/12/01/2024/659eb1429a79470c7c9a19c0>

14. Самойлов А.Р. Эволюция взглядов и представлений о распределении и неравенстве в трудах

известных экономистов// Политика, экономика и инновации. 2017. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vzglyadov-i-predstavleniy-o-raspredelenii-i-neravenstve-v-trudah-izvestnyh-ekonomistov> (дата обращения: 01.05.2024).

15. Сколько зарабатывают самые обеспеченные россияне// <https://www.rbc.ru/economics/13/07/2024/66854b1f9a7947a3b7b6aef8>

State regulation of consumption

Kiseleva E.N., Plyasova S.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The process of regulating consumption is carried out through the selection of goals that are set for society at a certain stage of life, and the selection of tools for an effective mechanism for achieving these goals, taking into account the standard of living of the population. A feature of modern research in the field of income and consumption inequality is the search for solutions to this problem, focused on achieving an optimal level of inequality and consumption, preserving incentives for work and regulating the level of inequality acceptable to society. Based on the analysis of the level of consumption of the population in the Russian Federation, it can be stated that an economic model of effective demand in the domestic Russian market should be formed on the basis of identifying the relationship between price and demand in a new industrial society based on the rational desires of consumers to purchase high-tech goods and services. According to optimistic forecasts, if incomes and savings of the population continue to grow, consumer spending will be directed to the purchase of durable goods and investments in order to preserve and accumulate financial resources. In this regard, the rational distribution of income mainly within the country will lead to an increase in gross domestic product, which will have a positive impact on the well-being of the Russian economy.

Keywords: consumption regulation, income and consumption inequality, standard of living, effective demand model, credit consumption, savings consumption

References

1. Geniberg T.V. Research and assessment of the dynamics and structure of monetary incomes and expenditures of the population of the Russian Federation in 2022-2023.// Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2023. No. 4. pp.38-43
2. Dynamics of monetary incomes of the population// https://76.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/denezhnye_dohody_nasele_niya_v_yanvare-sentyabre_2024.pdf
3. Inflation expectations and consumer sentiment. № 11 (59). 2021. Informational and analytical commentary. The Central Bank of the Russian Federation. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/39353/Infl_exp_21-11.pdf. (date of application: 07/16/2024)
4. Kamyshova A.B., Popova E.M. State regulation of the economy: theory and practice of stabilization policy// Banking services. 2024. No. 4. pp. 2-10.
5. Koloskov D.A. Comprehensive analysis of the poverty level in Russia and assessment of its impact on the economic development of the country// Moscow Economic Journal. No. 11. 2022. URL: <https://qe.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-11-2022-47> (date of application: 07/16/2024)
6. Kormishkin E.D. Gorin V.A. Inequality in income distribution as a factor constraining economic growth// Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2019. No. 11-1. pp. 100-107. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=795> (date of application: 07/16/2024)
7. Kormishkina L.A. Ermakova E.R. On the issue of measuring the national poverty line// National security/ nota bene. 2021. № 3. URL: https://nbpublish.com/library_read_artide.php?id=35821
8. Monitoring of the Financial University under the Government of the Russian Federation// http://www.fu.ru/org/div/cos/press/Documents/LQ_2023_1Q.pdf
9. On changing the global consumption model// <https://www.zashchita-pravpotrebitelei.ru/novosti/press-centr/ob-izmenenii-globalnoj-modeli-potrebleniya/> (date of application: 07/16/2024)
10. Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030// <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf>
11. Razumov A.A., Selivanova O.V. Poverty in Russia: regional features and promising tools for reducing its level// Social and labor research. 2021. No.4 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bednost-v-rossii-regionalnye-osobennosti-i-perspektivnye-instrumenty-snizheniya-ee-urovnya> (date of application: 07/16/2024)
12. Rosstat presents data on the population with monetary incomes below the poverty line in the first quarter of 2024// <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/238606>
13. Rosstat revealed the income structure of the poorest and richest Russians// <https://www.rbc.ru/economics/12/01/2024/659eb1429a79470c7c9a19c0>
14. Samoilov A.R. The evolution of views and ideas about distribution and inequality in the works of famous economists// Politics, economics and innovation. 2017. No.5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vzglyadov-i-predstavleniy-o-raspredelenii-i-neravenstve-v-trudah-izvestnyh-ekonomistov> (date of application: 05/01/2024).
15. How much do the wealthiest Russians earn// <https://www.rbc.ru/economics/13/07/2024/66854b1f9a7947a3b7b6aef8>

Диагностика факторов эффективности инвестиционной деятельности, направленной на комплексное развитие территорий

Калинин Александр Ростиславович

д.э.н., проф., профессор кафедры оценочной деятельности и корпоративных финансов Университета «Синергия», kalinal@yandex.ru

Зелиско Алексей Павлович

аспирант кафедры оценочной деятельности и корпоративных финансов Университета «Синергия», 2207058@mail.ru

В статье рассматриваются методические подходы к оценке эффективности инвестиционной деятельности, направленной на комплексное развитие территорий. Приведена актуальность и значимость реализуемых национальных программ направленных на развитие территорий в целях доступного жилья и комфортного проживания на определенной территории. Разработана схема оценки эффективности реализации проектов комплексного развития территорий в рамках коммерческой, бюджетной и социально-экономической эффективности. Проведен обзор концептуальных моделей экономического развития территорий. Разработан алгоритм комплексной оценки эффективности инвестиционной деятельности КРТ, который включает определение перечня показателей при использовании метода экспертной оценки, сбор показателей из доступных и достоверных источников информации, проведение анализа динамики изменения показателей в определенный период времени при использовании метода анализа динамических показателей, проведение расчета экономической эффективности инвестиционных проектов при использовании метода интегральной оценки многомерного динамического анализа.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, эффективность, факторы, комплексное развитие территорий, государственные программы

На сегодняшний день комплексное развитие территорий (далее КРТ) является одним из ключевых направлений градостроительного развития регионов Российской Федерации в целях повышения эффективности использования территорий и их последующего обновления, создания необходимых условий для развития инфраструктуры и комфортного проживания населения.

В официальной терминологии, КРТ представляет собой специфический тип городского планирования, набирающий популярность среди застройщиков-инвесторов, а также органов власти регионов и муниципалитетов. Согласно позиции Министерства строительства Российской Федерации, ключевой стратегической линией развития городской инфраструктуры в российских регионах выступает КРТ, сосредоточенное на оптимизации землепользования, модернизации коммуникаций, переселении граждан из ветхого жилищного фонда и реконструкции жилых районов.

В рамках реализации целей и задач направленных на комфортное проживание населения на территории городов и других поселений осуществляется реализация программы «Жилье и городская среда» [5], которая предполагает значительное расширение территорий для многоэтажного строительства [19].

Российские города практически исчерпали свои возможности по крупным проектам жилого строительства, поскольку их исторические кварталы закрыты для новыхстроек, а индустриальные зоны пережили этап модернизации и роста. В условиях ограниченности ресурсов для локального роста, основанного на текущем состоянии дорожной, инженерной и социальной инфраструктуры, необходимо переходить к комплексному подходу развития территорий.

Оценка эффективности комплексного развития территорий имеет три направления: коммерческой эффективности, бюджетной и социально-экономической эффективности. Каждое направление представлено перечнем затрат, расходов на реализацию инвестиционных проектов КРТ и показателей результативности в процессе реализации этих проектов. Представим на рисунке 1 показатели оценки эффективности КРТ в разрезе выделенных направлений.

Рисунок 1 - Оценка эффективности комплексного развития территорий

Источник: разработан авторами

Эффективность инверсионных проектов, реализуемых в рамках КРТ важна для инвесторов. В качестве инвестора может выступать как физическое и юридическое лицо, государство в лице государственных и муниципальных органов. Данный инструмент развития инвестиционной деятельности в целях развития территорий принято называть публично-частное партнерство (ПЧП) или государственно-частное партнерство (ГЧП).

Разработка механизма территориального развития включает несколько ключевых шагов: первоначально устанавливается зона действия проекта, после чего происходит определение назначения и размерности объектов, планируемых к реализации на этой территории. Проект сталкивается с основной проблемой, когда его правовая сторона и идея реализации оказываются на заднем плане, вызывая сложности, которые затем приходится решать за счет использования административных возможностей.

Когда владельцы земельных участков оказываются внутри зон комплексной территориальной застройки, они сталкиваются с юридическими трудностями, связанными с предложениями участвовать в концессиях или же продавать землю по её оценочной цене. Рыночная цена земли существенно отличается от оценки по кадастровой стоимости, поскольку последняя игнорирует ключевые аспекты, включая доходность земельного участка и бизнеса на нем, а также предполагаемый функционал будущего недвижимого объекта, тогда как земли под жилье обычно имеют гораздо более высокую цену на рынке.

Ввиду того, что отсутствует взаимодействие между владельцами прав и потенциальным инвестором, существуют проблемы в определении привлекательности проекта для инвесторов по инвестициям, учитывая параметры площади и функциональности объектов недвижимости. На стадии до инвестирования каждый застройщик разрабатывает

экономическую модель проекта по возведению зданий, выявляет препятствия, исследует потребности локации, осуществляет маркетинговый анализ, чтобы получить полную картину целесообразности строительства сооружения определенного типа недвижимости с четкими показателями получаемой от проекта прибыли и объема вложенных в проект затрат. Перед началом реализации КРТ важно привлечь владельцев прав, государственные учреждения и местных жителей, учитывая, что застройщик представляет собой частную структуру, ориентированную на доходность проекта. В этом составе государство способно обеспечивать равновесие между разными группами заинтересованных сторон.

Для успешного внедрения комплексного развития территорий важно провести анализ потребностей и ресурсов данной местности, составить долгосрочные стратегии и планы, а также активно сотрудничать со всеми заинтересованными сторонами, включая инвесторов. При выборе инвестиционных проектов КРТ необходимо определение таких параметров как социальные и экономические характеристики, экологическая составляющая и возможности развития территорий. Для этого необходимо применять методы оценки с ключевыми индикаторами. Так в федеральном стандарте оценки (ФСО I) «метод оценки представляет собой последовательность процедур, позволяющую на основе существенной для данного метода информации определить стоимость объекта оценки» [9]. В ФСО V предусмотрены три основных подхода оценки инновационного проекта: сравнительный, доходный и затратный. Каждый представленный подход предусматривает применение различных методов, которые выбираются с учетом особенности объекта оценки.

В различных областях КРТ реализуются проекты при использовании механизмов ГЧП/МЧП. Из-за того, что отраслевая специфика является решающим фактором при планировании и формировании финансовых моделей для частных инвестиций, необходимо учитывать это обстоятельство при составлении проектов.

При разработке и реализации проектов ПЧП должны учитываться индикаторы экономического развития территорий.

В научной среде выделяют разные концептуальные модели экономического развития территорий (таблица 1).

Таблица 1
Концептуальные модели экономического развития территорий [1;3;4;7;8;11]

Название модели	Представители теории	Сущность модели	Недостатки модели
Модель «экономической базы»	П. Де Ла Курт, В. Леонтьев, Т. Манн, Г. Ричардсон, В. Сомбарт и другие [12;18]	Развитие экспорта, в ответ на повышении спроса потребителей из других стран на продукцию отечественного производства.	Несет риски не получения заказов от внешних потребителей, и сокращением производства
Модель сырьевого регионального экономического развития	Х. А. Иннис [2]	Экономическое развитие территории основывается на наличии на ней сырьевых поставщиков	Несет риски нестабильности в случае сокращения объемов производства

		нефти и газа, выступающих основными поставщиками финансовых ресурсов в бюджеты.	добывающих отраслей
Модель «разделения региональной экономики на сектора в зависимости от уровня технологичности»	Р. Ахренда, К. Кларка, А. Фишера и Ж. Фурастье [13].	Оценка уровня развития строится на производительности труда и потребительской способности граждан проживающих на данной территории	Разделение экономики по эффективным и неэффективным отраслям не в полной мере позволяет получить набор параметров для оценки.
Теория полюсов роста	Ж. Будвиль, Г. Мюрдаль, Дж. Фридман, А. Хиршман, К.В. Павлов и др. [17]	Характерен прикладной характер	Характерен быстрый рост социально-экономического развития отдельных территорий.
Неоклассическая теория роста	Д. Мид, Р. Солоу, Т. Сван [13]	Основана на сокращении барьеров и препятствий на пути реализации целей публичного управления.	Предоставляет возможность участия в экономике территории
Теория межрегиональной торговли	Б. Олин, Э. Хекшер [16]	Заключается в имеющихся ресурсах регионов, которыми оно может поделиться с другими регионами на принципах взаимности	Присутствуют элементы протекционистской политики
Теория продуктового цикла	Р. Вернон [20]	Процесс направлен на постоянное обновление товарного ассортимента в результате снижения спроса на товары и услуги.	Не чувствительна к глобальным процессам, таких как глобализация.
Предпринимательские теории	И Шумпетер и др. [10]	Основой развития экономики на территории является предпринимательстве инициативы	Обладает высокой долей возникновения риска при выведении нового продукта на рынок
Теория гибкой специализации	Ч.Ф. Сейбл, Д. Цейтлин и др. [2]	Основными элементами теории выступают предприятия и организации ведущие деятельность на одной территории и имеющие производственные связи.	Внимание сосредоточено на определенных микроэкономических связях, что связано с невниманием к агрегированным региональным показателям
Теория новой экономической географии	П. Кругман, А. Пред, Дж. Харрис и др. [15]	Основными элементами модели выступают рыночный потенциал, доходы от экспорта, импорта и внешнеэкономической деятельности.	В модели игнорируются сложные проблемы экономико-географического положения, многоуровневого характера территориальной организации, и поэтому процессы эволюции рассматриваются в крайне стилизованном виде
Теория цикличности экономики и её влияния на развитие территорий	Н.Д. Кондратьев [2]	Уровень инфраструктурного развития и технологического старения определяют развитие региона.	В модели предусмотрены большие циклы

Источник: разработана авторами

Представленные в таблице концептуальные модели экономического развития территорий выступают основой для определения факторов определяющих направления для КРТ таких как деятельность предприятий и организаций на данной территории, внутренние связи субъектов, проживающих на данной территории и заинтересованных в ее развитии, совместное решение проблем морально и физически устаревшей инфраструктуры.

В рамках комплексной оценки эффективности реализуемых на определенной территории проектов предлагается алгоритм (рисунок 2), который включает определение перечня показателей при использовании метода экспертной оценки, сбор показателей из доступных и достоверных источников информации, проведение анализа динамики изменения показателей в определенный период времени при использовании метода анализа динамического показателей, проведение расчета экономического эффективности инвестиционных проектов при использовании метода интегральной оценки многомерного динамического анализа.

Алгоритм комплексной оценки эффективности инвестиционной деятельности КРТ

- Отбор показателей и составления матрицы x_{ij}

- Расчет средних значений j-го показателя (\bar{x}):

$$\bar{x} = \frac{(x_1 + x_2 + \dots + x_j)}{n}, \quad (1)$$

где x_1, x_2, x_j - показатели в поределенном периоде;

n - число периодов.

- Расчет среднеквадратического отклонения j-го показателя (S_{xj}):

$$S_{xj} = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2}{(n-1)}}, \quad (2)$$

- Выбор эталонных значений показателей, характеризующих данный компонент в наблюдаемом периоде (X_j^*);

- Расчет стандартизированных значений эталонов (Z_j^*):

$$Z_j^* = \frac{x_{ij}}{S_{xj}}, \quad (3)$$

- Определение эталонного значения потенциальной функции (Y);

- Комплексная оценка эффективности инвестиционной деятельности КРТ в i-ом периоде.

Рисунок 2 - Алгоритм комплексной оценки эффективности инвестиционной деятельности КРТ
Источник: разработан авторами

На примере показателей реализации КРТ г. Москва представим результаты апробации, предложенной на рисунке 2 методики на основе исходных данных представленных в таблице 2.

Таблица 2
Факторы эффективности инвестиционной деятельности КРТ г. Москвы

Показатели	2018	2019	2020	2021	2022
Глубина инвестиционной деятельности					
Инвестиции в основную капитал, млн. руб. (A)	2485176	3268623	3839394	4868342	5917986
Доступность инвестиционных ресурсов					
Инвестиции в основную капитал за счет бюджета, % (B)	24,6	23,7	32,1	29,0	29,4
Дополнительная возможность привлечения инвестиционных ресурсов					
Общая стоимость договоров финансового лизинга заключенных организациями, осуществляющими деятельность в сфере финансового лизинга, млн. руб. (C)	604239,8	856610,9	1666901,3	2287254,7	1720787,8
Эффективность инвестиционной деятельности					
Ввод в действие основных фондов, млн. руб., (D)	2 765 785	3 317 798	3 146 057	4892696	1229216 6
Социально-экономическое развитие мегаполиса					
ВРП на душу населения, млрд. руб., (E)	1473322,5	1536186,0	1562963,6	1866988,7	2182863,0

Составлено автором на основе данных [6]

Вес показателя в комплексной оценке a_j определяется по формуле 4:

$$a_j = \frac{z_j^*}{\sqrt{\sum_{j=1}^n (z_j^*)^2}}, \quad (4)$$

Интегральный показатель определяется согласно формуле 5: $I_{\text{оц}} = a_j Z_j^* * A + a_j Z_j^* * B + a_j Z_j^* * C + a_j Z_j^* * D + a_j Z_j^* * E, \quad (5)$

Результаты проведенных расчетов интегральной оценки реализации инвестиционных проектов КРТ г. Москвы представлены в таблице 3.

Таблица 3
Интегральная оценка эффективности реализации инвестиционных проектов КРТ г. Москвы

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
$a_1 A^{**}$	462288,45	608024,01	714197,91	905601,17	1100854,26
$a_2 B^{**}$	1,061	1,022	1,385	1,251	1,268
$a_3 C^{**}$	195512,111	277171,093	539354,396	740080,338	556790,294
$a_4 D^{**}$	1052110,98	1262098,00	1196767,32	1861192,82	4675968,25
$a_5 E^{**}$	4	0	8	6	6
$a_5 E^{**}$	98523,473	102727,257	104517,919	124848,572	145971,600
$I_{\text{оц}}^{**}$	1808436,08	2250021,38	2554838,94	3631724,15	6479585,68
Темпы роста, %	-	124,42	113,55	142,15	178,42

Источник: разработана авторами

Данные таблицы 3 позволяют сделать вывод, что интегральный показатель реализации инвестиционных проектов КРТ развития г. Москва в результате роста инвестиций имеет тенденцию к увеличению, за исключением 2020 года, где наблюдается незначительное снижение введенных в действие основных фондов, остальном все показатели имеют положительную динамику роста.

Заключение

В рамках анализа реализации проектов КРТ проведен обзор концептуальных моделей экономического развития территорий, который позволил выделить направления и факторы развития территорий в разные периоды развития инвестиционной деятельности регионов и муниципальных образований. Разработан алгоритм комплексной оценки эффективности инвестиционной деятельности КРТ, который включает определение перечня показателей при использовании метода экспертной оценки, сбор показателей из доступных и достоверных источников информации, проведение анализа динамики изменения показателей в определенный период времени при использовании метода анализа динамических показателей, проведение расчета экономической эффективности инвестиционных проектов при использовании метода интегральной оценки многомерного динамического анализа. Апробация предложенного метода на примере КРТ г. Москвы позволил определить рост интегрального показателя в результате увеличения инвестиций, что позволяет сделать вывод о высокой значимости реализации инвестиционных проектов за счет ПЧП и ГЧП.

Литература

1. Андреев В.Н. Факторы и модели развития экономики региона / В. Н. Андреев, В. Е. Рохчин. - Псков: Изд-во ППИ, 2008. - 73 с.

2. Блауг М. 100 Великих экономистов до Кейнса / М. Блаугю. - СПб.: Институт «Экономическая школа», 2005. - С. 148-151.

3. Горшенина Е.В. Приоритеты, механизмы и модели экономического развития региона: дис. ... Д-ра экон. наук: 08.00.05. - Тверь, 2000. - 355 с.

4. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики / А.Г. Гранберг. - М., 2000. - 495 с.

5. Национальный проект «Жильё и городская среда». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/> (дата обращения 04.11.2024)

6. Росстат. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения 23.07.2024)

7. Скотаренко О. Концептуальные модели социально-экономического развития регионов // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. - 2012. - № 3. - С. 250-253.

8. Троцковский А.Я. Концептуальные основы регулирования территориального развития на мезоуровне / А.Я. Троцковский, М.П. Щетинин // Известия Алтайского государственного университета. - 2010. - № 2-2. - С. 298-308.

9. Федеральный стандарт оценки «Структура федеральных стандартов оценки и основные понятия, используемые в федеральных стандартах оценки (ФСО I)». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ocenchik.ru/docs/3985-fso1-struktura-standartov-ocenki.html> (дата обращения 05.11.2024)

10. Шумпетер Й. Глава 4. Альфред Маршалл (1842-1924) // Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. - М.: Институт Гайдара, 2011. - 400 с.

11. Якобсон А.Я. Территориальная организация региональной политики / А.Я. Якобсон. - Новосибирск, 1994. - 180 с.

12. Feser E.J. Understanding local economic development / E.J. Feser - New Brunswick, NJ: Center for Urban Policy Research, Rutgers University, 1999. - 506p.

13. Handbook of regional and urban economics. / ed. by P. Nijkamp. - Amsterdam, Free university, 1996. - 303p.

14. Hirschman A. The strategy of economic development / A. Hirschman. - Yale university press, 1988. - 378p.

15. Krugman P. R. Geography and Trade. - Cambridge, MA: MIT Press, 1991.

16. Meade J. E. The Theory of International Economic Policy. Trade and Welfare. - London; Oxford University Press, 1955

17. Myrdal G. Economic theory and under-developed regions / G. Myrdal. - London, 1997. - 545p.

18. Richardson H.W. Regional growth theory / H.W. Richardson. - London, 1993. - 405p

19. Sternik S.G. Improvement of the Housing Conditions of the Population: Challenges of Achieving the National Goal // Studies on Russian Economic Development. - 2019. - Vol. 30. No. 4. - Pp. 434-441.

20. Vernon, R. International Investment and International Trade in the Product Cycle / R. Vernon // Quarterly Journal of Economics, 1966. – pp. 190-207.

Diagnostics of efficiency factors of investment activity aimed at integrated development of territories

Kalinin A.R. Zelisko A.P.

Synergy University

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article considers methodological approaches to assessing the efficiency of investment activity aimed at integrated development of territories. The relevance and significance of the implemented national programs aimed at developing territories for the purpose of affordable housing and comfortable living in a certain territory are given. A scheme for assessing the efficiency of implementing projects for integrated development of territories within the framework of commercial, budgetary and socio-economic efficiency has been developed. A review of conceptual models of economic development of territories has been conducted. An algorithm for a comprehensive assessment of the effectiveness of investment activities of the KRT has been developed, which includes determining a list of indicators using the expert assessment method, collecting indicators from available and reliable sources of information, analyzing the dynamics of changes in indicators in a certain period of time using the method of analyzing dynamic indicators, calculating the economic efficiency of investment projects using the method of integrated assessment of multidimensional dynamic analysis.

Keywords: investment activities, efficiency, factors, comprehensive development of territories, state programs

References

1. Andreev V.N. Factors and models of regional economic development / V.N. Andreev, V.E. Rokhchin. - Pskov: PPI Publishing House, 2008. - 73 p.
2. Blaug M. 100 Great Economists before Keynes / M. Blaugyu. - St. Petersburg: Institute "Economic School", 2005. - Pp. 148-151.
3. Gorshenina E.V. Priorities, mechanisms and models of regional economic development: dis. ... Doctor of Economics: 08.00.05. - Tver, 2000. - 355 p.
4. Granberg A.G. Fundamentals of regional economics / A.G. Granberg. - M., 2000. - 495 p.
5. National project "Housing and urban environment". [Electronic resource]. Access mode: <https://www.minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/> (date of access 04.11.2024)
6. Rosstat. Official website. [Electronic resource]. Access mode: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (date of access 23.07.2024)
7. Skotareno O. Conceptual models of socio-economic development of regions // RISK: Resources, information, supply, competition. - 2012. - No. 3. - P. 250-253.
8. Trotskovsky A.Ya. Conceptual foundations for regulating territorial development at the mesolevel / A.Ya. Trotskovsky, M.P. Shchetinin // Bulletin of the Altai State University. - 2010. - No. 2-2. - P. 298-308.
9. Federal assessment standard "The structure of federal assessment standards and the main concepts used in federal assessment standards (FSO I)". [Electronic resource]. Access mode: <https://www.ocenchik.ru/docs/3985-fso1-struktura-standartov-ocenki.html> (date of access 05.11.2024)
10. Schumpeter J. Chapter 4. Alfred Marshall (1842-1924) // Ten great economists from Marx to Keynes. - M.: Gaidar Institute, 2011. -- 400 p.
11. Jacobson A.Ya. Territorial organization of regional policy / A.Ya. Jacobson. - Novosibirsk, 1994. - 180 p.
12. Feser E.J. Understanding local economic development / E.J. Feser - New Brunswick, NJ: Center for Urban Policy Research, Rutgers University, 1999. - 506p.
13. Handbook of regional and urban economics. /ed. by P. Nijkamp. - Amsterdam, Free university, 1996. - 303p.
14. Hirschman A. The strategy of economic development / A. Hirschman. -Yale university press, 1988. - 378p.
15. Krugman P. R. Geography and Trade. - Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
16. Meade J. E. The Theory of International Economic Policy. Trade and Welfare. - London: Oxford University Press, 1955
17. Myrdal G. Economic theory and under-developed regions / G. Myrdal. - London, 1997. -545p.
18. Richardson H.W. Regional growth theory / H.W. Richardson. - London, 1993. -405p
19. Sternik S.G. Improvement of the Housing Conditions of the Population: Challenges of Achieving the National Goal // Studies on Russian Economic Development. - 2019. - Vol. 30.No. 4. - Pp. 434-441.
20. Vernon, R. International Investment and International Trade in the Product Cycle / R. Vernon // Quarterly Journal of Economics, 1966. – pp. 190-207.

Модели и формы сельскохозяйственного предпринимательства в России: особенности бизнес-процессов

Маренков Алексей Станиславович

соискатель кафедры экономики промышленности, РЭУ им.Г.В. Плеханова

Данная статья посвящена анализу существующих моделей и форм сельскохозяйственного предпринимательства в России, а также изучению специфики бизнес-процессов, протекающих в рамках этих моделей. Аграрный сектор Российской Федерации занимает ключевую позицию в экономике страны, обеспечивая продовольственную безопасность, создавая рабочие места и способствуя развитию смежных отраслей. В последние десятилетия наблюдается трансформация моделей и форм сельскохозяйственного предпринимательства, вызванная как внутренними, так и внешними факторами. В условиях современной глобализированной экономики продовольственная безопасность становится стратегически важной. Российские сельскохозяйственные производители не только стремятся увеличить объемы производства ключевых для страны сельскохозяйственных культур, но и активно развивают направления с высоким экспортным потенциалом, а также внедряют в сельскохозяйственный оборот новые перспективные культуры.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, рейтинг крупнейших АПК России, бизнес-процессы агропромышленных предприятий, агропродовольственный сектор; агрохолдинг.

Введение

Аграрный сектор Российской Федерации занимает важное место в экономике страны. Он обеспечивает продовольственную безопасность, создает рабочие места и способствует развитию смежных отраслей. В последние десятилетия наблюдается трансформация моделей и форм сельскохозяйственного предпринимательства, обусловленная как внутренними, так и внешними факторами. В современном мире продовольственная безопасность страны приобретает особое значение. Российские аграрии не только ищут способы нарастить производство стратегически важных для страны культур, но и развивают направления с высоким экспортным потенциалом, а также вводят в сельскохозяйственный оборот новые перспективные растения.

Статья посвящена анализу существующих моделей и форм сельскохозяйственного предпринимательства в России, а также исследованию особенностей бизнес-процессов, протекающих в рамках этих моделей. Продовольственная безопасность выступает как ключевой аспект обеспечения национальной безопасности и условием реализации стратегического национального приоритета – повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения. Для ее обеспечения, необходимо понимание устройство и структуру рынка агропромышленного комплекса России.

Цель исследования заключается в анализе структуры агропромышленного комплекса РФ и отдельных ее составляющих, а также изучение основных игроков отраслей, входящих в агропромышленный комплекс.

Материалы и методы

Методологический инструментарий статьи базируется на использовании общенаучных качественных и количественных методах исследования.

Производство сельскохозяйственной продукции в Российской Федерации в период с 2014 по 2023 год увеличилось на 33,2%. Данный рост произошёл в контексте продовольственного эмбарго, введённого указом президента 6 августа 2014 года. Увеличение объёмов наблюдалось во всех основных сегментах агропромышленного комплекса.

Доля государственной собственности сократилась на 8,8%, тогда как доля индивидуальной собственности за рассматриваемый период уменьшилась на 13,8%. Площадь сельскохозяйственных земель, находящихся в собственности юридических лиц, возросла на 371,4%.

В обнародованный рейтинг крупнейших в России агрохолдингов входят 77 компаний. По общей площади земельного фонда первая десятка показала прибавку на 158 тыс. га в годовом исчислении, и это

почти полностью заслуга первых пяти предприятий (рис. 1).

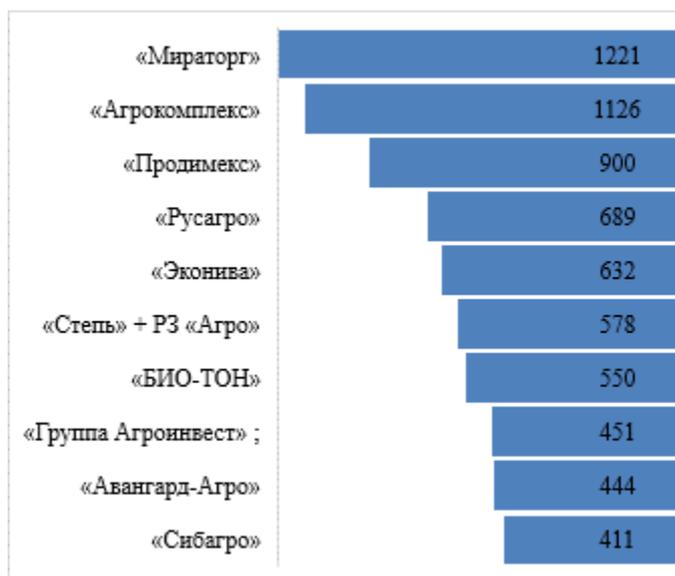

Рис. 1. Площадь земельного фонда в разрезе крупнейших компаний АПК России, 2024г., тыс. гектар

В Российской Федерации существуют различные модели и формы осуществления сельскохозяйственного предпринимательства, среди которых выделяются малые и средние хозяйства, агрохолдинги и крупные агробизнес-структуры, а также кооперативные объединения.

Малые и средние сельскохозяйственные предприятия представляют собой относительно небольшие хозяйства, которые занимаются как производством сельскохозяйственных культур, так и организацией животноводства. Владельцы данных хозяйств, как правило, выступают в роли предпринимателей, принимая на себя ответственность за выполнение всех необходимых производственных операций. Такие предприятия создают рабочие места для местного населения, что способствует развитию сельских территорий. Семейные фермерские хозяйства выступают основой сельскохозяйственного производства в России, отличаясь тем, что их деятельность ориентирована на использование трудовых ресурсов членов семьи, минимизацию производственных затрат и ведение натурального хозяйства. Это позволяет им демонстрировать относительную устойчивость к экономическим колебаниям.

В контексте корпоративного агробизнеса и агрохолдингов, данные структуры характеризуются значительными земельными наделами и осуществляют широкий спектр сельскохозяйственных операций, включая, но не ограничиваясь, производством зерновых и овощных культур, а также разведением скота и птицы. В последние десятилетия наблюдается тенденция к увеличению числа корпоративных агрохолдингов, которые аккумулируют значительные ресурсы и передовые технологии. Это позволяет им эффективно оптимизировать производственные процессы, интегрировать различные сег-

менты цепи поставок и достигать высокой рентабельности. Вместе с тем, агрохолдинги могут сталкиваться с комплексными управленческими вызовами, обусловленными многообразием и различной направленностью их бизнес-единиц.

Кооперативы представляют собой организационные объединения малых и средних сельскохозяйственных предпринимателей, направленные на коллективное решение разнообразных задач, охватывающих спектры от приобретения оборудования и семян до координации сбыта готовой продукции. Данный подход способствует оптимизации производственных затрат и обеспечению доступа к рынкам для фермеров небольшого и среднего масштаба. Аграрные кооперативы формируются с целью интеграции ресурсов, что позволяет участникам снижать издержки на закупку ресурсов и оборудования, а также повышать эффективность маркетинга продукции. Кооперативные инициативы могут принимать разнообразные организационные формы, включая производственные, сбытовые и закупочные. Ярким примером успешной кооперации является «Российский сельскохозяйственный кооператив», который предоставляет своим членам доступ к современным рынкам и технологиям.

Особенности бизнес-процессов в сельскохозяйственном предпринимательстве заключаются в использовании земли в качестве главного средства производства, в сильной зависимости от климатических условий, в сезонности производства и использовании труда (что в основном возникает в результате несовпадения времени производства, необходимого для получения продукции, и рабочего периода, который короче по продолжительности и представляет собой время воздействия человека на предмет труда, а именно вспашки, обработки, уборки урожая), а также в скоропортящемся характере продукции и сосредоточенности производства в пространстве (это обуславливает расходы на транспорт, повышается себестоимость продукции, затрудняется сбыт).

Результаты

Агрохолдинги играют ключевую роль в обеспечении продовольственной безопасности России, как мощные и комплексные предприятия. Их деятельность охватывает весь цикл производства сельскохозяйственной продукции, от выращивания и сбора урожая до переработки, хранения и реализации конечного продукта.

Современные тенденции в бизнес-процессах агрохолдингов характеризуются цифровизацией: внедрение систем управления фермами, GPS-навигации, дронов для мониторинга посевов, автоматизация процессов. Также внимание уделяется экологической устойчивости - внедряется органическое земледелие, сокращается использование химических удобрений и пестицидов, используются возобновляемые источники энергии.

Бизнес-процессам агрохолдингов характерно объединение предприятий по всей цепочке производства, переработки и реализации продукции, создание вертикально интегрированных холдингов.

Повышение качества продукции: внедрение систем контроля качества, сертификация продукции, соответствие международным стандартам.

Бизнес-процессы агрохолдингов России являются сложными и многогранными. Они включают в себя широкий спектр деятельности, от выращивания и сбора урожая до переработки, хранения и реализации продукции.

Современные агрохолдинги активно внедряют инновационные технологии, повышают эффективность производства, стремятся к экологической устойчивости и социальному благополучию. Их деятельность играет ключевую роль в обеспечении продовольственной безопасности России и развитии сельского хозяйства.

В агрохолдинге «Прогресс Агро» наблюдается активное развитие семеноводства и селекции гибридов с целью повышения эффективности производства. В 2024 году в рамках стратегии диверсификации производственной деятельности группа компаний осуществила посев полей новыми высокопродуктивными сельскохозяйственными культурами. В перспективе подобные эксперименты могут способствовать аграриям в освоении новых нишевых рынков и развитии собственной переработки, что в свою очередь позволит значительно увеличить доходность за счет реализации готовой продукции.

Проект СФНЦА РАН (Сибирский федеральный научный центр агроботехнологий Российской академии наук) по созданию агроботехнопарка, функционал которого будет охватывать всю Сибирь. Агроботехнопарк совместно с особой экономической зоной научно-производственного типа в Новосибирской области будут представлять собой единый кластер инновационного развития в АПК СФО, уникальную модель интеграции аграрной науки, аграрного образования и агропромышленного производства. На одной уникальной площадке будут расположены научные учреждения, охватывающие все сферы производства и переработки сельскохозяйственной продукции. Это позволит в кратчайшие сроки перевести все сельскохозяйственное производство на инновационный путь развития и обеспечить не только технологическую платформу для этого, но и обучить и подготовить кадровые ресурсы (высшей квалификации по приоритетным научно-техническим направлениям), а также подготовить научных работников. Цель создания агроботехнопарка – построение научно обоснованной технологической системы для создания инновационной платформы для модернизации компаний, вовлеченных в сельскохозяйственный сектор экономики регионов. Это позволит провести государственным и коммерческим компаниям на одной площадке всю технологическую цепочку от идеи до реального промышленного результата, провести повышение квалификации для сотрудников компаний в самых прорывных областях АПК. Продукция резидентов агроботехнопарка будет являться конкурентоспособной и уникальной, так как будет создана с учетом природно-климатических и экономических особенностей регионов, а также соответствовать национальным и международным стандартам. При этом созданная

наукоемкая продукция будет иметь более низкую себестоимость, и решать задачи импортозамещения и продовольственной безопасности регионов Сибирского федерального округа.

Таким образом, с 2023 года Минсельхозом России реализуется новая мера государственной поддержки, направленная на создание и развитие агропромышленных технопарков. Сеть агроботехнопарков станет площадкой для выстраивания цепочек взаимодействия между научными организациями и организациями агропромышленного комплекса. Назначением сети агроботехнопарков станет осуществление научно-технической и инновационной деятельности, результаты которой будут внедрены в процесс производства сельскохозяйственной продукции. При этом будет осуществляться оказание государственной поддержки по созданию и развитию проекта при наличии научно-технической и инновационной деятельности резидентов.

Заключение

В заключение можно отметить, что модели и формы сельскохозяйственного предпринимательства в России демонстрируют значительное разнообразие, обусловленное различными факторами, включая экономические условия, технологии и социальные аспекты. Эффективная организация бизнес-процессов в аграрном секторе требует комплексного подхода, включающего инновации, оптимизацию ресурсов и учет сезонности. Успешное развитие аграрного сектора возможно лишь при условии гармоничного сочетания различных форм и моделей предпринимательства, что позволит обеспечить продовольственную безопасность и устойчивое развитие экономики в целом.

На основе анализа текущей ситуации в АПК необходимо определить стратегическую миссию АПК РФ — обеспечение продовольственной безопасности России в сочетании с интеграцией нашей страны в мировой агропродовольственный рынок и осуществить следующее стратегически важные преобразования этой отрасли экономики: довести долю собственного производства по основным видам продовольствия до 85%, улучшить качество продуктов питания и их доступность для граждан; оказать достаточную финансовую поддержку отрасли сельского хозяйства в рамках государственных программ развития АПК и села, применить механизм льготного налогообложения земель сельскохозяйственного назначения; создать комфортные условия для закрепления молодых специалистов в АПК на селе и приостановить отток сельской молодежи; осуществление контроля за инвесторами, так как многие предприятия пострадали от их небрежной работы в отношении привлечения кредитов; необходимо осуществить инновационное обновление и повышение продуктивности хозяйств при помощи региональных центров, оказывающих консультационные услуги фермерам; важное значение имеет развитие транспортной системы и инфраструктуры на селе. Данные целенаправленные и

комплексные меры помогут сформировать целостную эффективную систему функционирования.

Литература

1. Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов до 2030 года: [Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2022 № 2567-р] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – Режим доступа: локальный; по договору. – Обновляется ежедневно. – Текст : электронный.

2. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. Федеральная служба государственной статистики: [официальный сайт]. – Москва, 2024. – URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_economy (дата обращения: 20.10.2024). – Текст : электронный.

3. Рейтинг ТОП-77 крупнейших владельцев сельхозземли в РФ — 2024 // Агромикс URL: <https://agromiks.ru/novosti/zemlevladelcy/> (дата обращения: 21.10.2024)

4. Вакуленко, Д. В. Реинжиниринг бизнес-процессов агропромышленных предприятий в условиях сквозной цифровой трансформации / Д. В. Вакуленко, А. Г. Кравец // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Управление, вычислительная техника и информатика. – 2021. – № 3. – С. 115-125.

5. Шарапова, В. М. Агропромышленный комплекс как ключевой сегмент национальной экономики / В. М. Шарапова // Актуальные вопросы современной экономики. – 2020. – № 4. – С. 88-92.

Models and forms of agricultural entrepreneurship in Russia: the features of business processes

Marenkov A.S.

Plekhanov Russian University of Economics

This article is devoted to the analysis of existing models and forms of agricultural entrepreneurship in Russia, as well as to the study of specific business processes that take place within these models. The agricultural sector of the Russian Federation occupies a key position in the economy of the country, providing food security, creating jobs and promoting the development of related industries. In recent decades, there has been a transformation of agricultural entrepreneurship models and forms, caused by both internal and external factors. In today's globalized economy, food security becomes a strategic issue. Russian agricultural producers not only seek to increase production volumes of key crops for the country, but also actively develop areas with high export potential, and introduce new promising crops into the agricultural market.

Keywords: Agro-industrial complex, rating of the largest agribusiness enterprises in Russia, business processes of agribusiness enterprises, agri-food sector; agroholding.

References

1. Strategy for the Development of the Agro-Industrial and Fisheries Complexes until 2030: [Order of the Government of the Russian Federation of September 8, 2022 No. 2567-r] // ConsultantPlus: reference and legal system. - Access mode: local; by agreement. - Updated daily. - Text: electronic.
2. Agriculture, hunting and forestry. Federal State Statistics Service: [official website]. - Moscow, 2024. - URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_economy (date of access: 10/20/2024). - Text: electronic.
3. Rating of the TOP-77 largest owners of agricultural land in the Russian Federation - 2024 // Agromiks URL: <https://agromiks.ru/novosti/zemlevladelcy/> (date of access: 21.10.2024)
4. Vakulenko, D. V. Reengineering of business processes of agro-industrial enterprises in the context of end-to-end digital transformation / D. V. Vakulenko, A. G. Kravets // Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Management, computing and informatics. - 2021. - No. 3. - P. 115-125.
5. Sharapova, V. M. Agro-industrial complex as a key segment of the national economy / V. M. Sharapova // Current issues of modern economics. - 2020. - No. 4. - P. 88-92.

Лизинг как инновационная технология развития реального сектора экономики: возможности и ограничения

Рычков Роман Васильевич

аспирант, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, r.v.rychkov@mail.ru

Балашова Елена Сергеевна

д.э.н., декан ИЭФ Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, elenabalashova@mail.ru

Статья посвящена исследованию ключевых аспектов развития рынка лизинга в Российской Федерации, включая его уникальные характеристики, актуальные вызовы и возможности. В работе предложены рекомендации по совершенствованию механизмов государственной поддержки и стимулированию лизинга, что может способствовать его устойчивому росту и дальнейшему развитию. Подчеркивается значимость внедрения современных решений и формирования конкурентной среды для эффективного функционирования лизингового сектора.

Авторами детально проанализированы преимущества лизинга как инновационной технологии, играющей ключевую роль в модернизации реального сектора экономики. Приведены примеры успешных международных практик, демонстрирующих потенциал лизинга для повышения эффективности использования активов и оптимизации налоговых обязательств. Рассмотрены основные тренды в глобальной экономике, оказывающие влияние на развитие лизинга.

Особое внимание уделено вопросам налогового стимулирования и поддержки малого и среднего предпринимательства, которые являются важными драйверами экономического роста. Обосновывается необходимость расширения сотрудничества с международными партнерами и применения цифровых технологий для повышения прозрачности и эффективности лизинговых операций.

Ключевые слова: лизинговая деятельность, компании с инновационным подходом, поддержка со стороны государства, инновации, предприятия малого и среднего масштаба, устойчивый рост, конкурентный климат, экономические факторы

Введение

Слово «Лизинг» в России было заимствовано из английского языка (Leasing), образованного от глагола «To lease», что означает сдавать в аренду. Современное определение термина «Лизинг» трактуется учеными по-разному. Согласно Федеральному закону "О финансовой аренде (лизинге)", Лизинг - совокупность экономических и правовых отношений, возникающих в связи с реализацией договора лизинга, в том числе приобретением предмета лизинга[5]. Первые лизинговые сделки, по мнению ученых, начали свою историю в древнем Шумере в двухтысячных годах до нашей эры. Первыми объектами лизинга тех времен, согласно глиняным табличкам, найденным в шумерском городе Ур, являлись скот, земля, водные источники и сельскохозяйственные инструменты. В Древней Греции передавали в аренду рудники для добычи полезных ископаемых. Аристотель (384/383—322 г. до н. э.) отметил в трактате «Риторика», что «богатство состоит в пользовании, а не в праве собственности», в последующем эта фраза одной из самых известных. Пионером лизинга в США, можно назвать телефонную компанию Bell в США, которая в 1877 году стала сдавать в аренду телефоны и телефонные линии, вместо их продажи.

Лизинговые компании, в современном интерпретации этого понятия, появились в 20 веке. Первая лизинговая компания появилась в США, «United States Leasing Corp», в 1952 году, для поддержки строительства железных дорог. Перенимая опыт США, лизинговые компании начали появляться в Европе. Первая европейская компания создана во Франции – «Sepafites», в 1957 году (с 1962 была переименована в «Locafance»). «Sepafites» финансировала промышленное оборудование. 28 лизинговых компаний работало во Франции к 1965 году. Английским пионером лизингового бизнеса стала компания «Mercantile Leasing Corporation», основанная в 1960 г, совместное предприятие Англии и США, так как учредителями являлись компании «Mercantile Credit Company» и «United States Leasing Corporation». «Deutsche lising GMBH» была создана в Германии в 1962 году. Первым предметом лизинга «Deutsche Leasing» и первой лизинговой инвестицией стал кассовый аппарат. Япония, является первой страной в Азиатском регионе, где была основана первая лизинговая компания «Century Leasing System», в 1969 году.

Материал и методы исследования

Исследования профессора Кристиано Антонелли показывают, что в мировой экономике наблюдаются противоречивые тенденции в развитии технологий. С конца XX века темпы технологических изменений, измеряемые ростом производительности, были выше в трудоемких отраслях. Это можно объяснить, опираясь на концепцию индуцированных технологических изменений и локализованных знаний, а также на теорию «творческого разрушения» Шумпетера. Глобализация товарных и финансовых рынков стимулировала творческую реакцию на основе локализованных знаний, что привело к более эффективным наукоемким инновациям по сравнению с капиталоемкими. Данные показывают, что темпы и направление технологических изменений варьировались в разных странах. В частности, с начала XXI века в некоторых развитых странах наблюдался ускоренный рост производительности благодаря увеличению доли рабочей силы [13].

Настоящее исследование посвящено лизингу, как одной из эффективных форм финансирования компаний в России. Лизинговые договоры широко используются в странах с развитой рыночной экономикой и предусматривают аренду машин, оборудования, транспортных средств и промышленных объектов. С экономической позиции лизинг представляет собой разновидность кредитной операции и форму инвестиционной активности. С юридической точки зрения, это самостоятельный договор, который включает элементы аренды, купли-продажи и кредита. По классическому определению аренда — это контракт, дающий право на использование актива в течение определенного срока за вознаграждение. В лизинговой сделке арендатор контролирует использование актива в течение срока аренды и обязан вернуть его по окончании договора (МСФО) [7]. Лизинг позволяет использовать активы, такие как промышленное оборудование, автомобили и самолеты, с возможностью их последующего выкупа по остаточной стоимости. Лизинг является альтернативой собственному или заемному капиталу и может принимать формы операционной, финансовой или обратной аренды.

Лизинг за рубежом давно стал устоявшимся инструментом экономического развития. Сегодня можно наблюдать общую тенденцию, характерную для большинства западных компаний [2]. Организации концентрируются на своей основной деятельности, избавляясь от излишков имущества. Это позволяет им применять более гибкие стратегии, адаптируясь к текущим экономическим условиям. Лизинг продолжает набирать популярность, несмотря на экономические кризисы, особенно в развитых странах. Основные игроки на мировом рынке лизинга сосредоточены в трех ключевых регионах: Северной Америке, Европе и Азии. По данным White Clarke Global за 2023 год, рейтинг ведущих стран по развитию нового лизингового бизнеса за последние три года (2020–2024) показывает, что лизинговая отрасль продолжает активно развиваться, свидетельствуя о том, что компании во всем мире внедряют

инновационные методы финансирования оборудования.

Широкое распространение лизинга в экономически развитых странах объясняется целым рядом его преимуществ. Лизинговые компании способны предлагать более выгодные условия финансирования с пониженными процентными ставками, сохраняя фиксированные ежемесячные платежи на протяжении всего договора лизинга. Лизинг позволяет полностью покрыть затраты на инвестиционный проект, а выплаты по договору начинаются только после осуществления передачи имущества, дополнительно предоставляя возможность лизингополучателю регулярно обновлять используемую технику, что снижает риски морального устаревания оборудования. Лизингополучатель получает налоговые льготы по лизингу, которые часто оказываются более выгодными по сравнению с аналогичными льготами при осуществлении капитальных вложений за счёт собственных средств.

Рынок лизинга в России развивается медленнее, чем это необходимо для полноценного роста экономики, и текущий спрос на такие услуги не полностью удовлетворён. Ожидаются позитивные изменения в ближайшем будущем, поскольку ключевым фактором остаётся время. На российском рынке всё ещё существуют определённые трудности, которые замедляют активное развитие лизингового сектора, такие как: противоречия в законодательстве относительно предмета лизинга, низкий уровень осведомленности бизнеса о преимуществах лизинга, нежелание финансовых учреждений продвигать лизинговые операции, предпочитая кредитование, трудности в прогнозировании лизинговых процентов и премий, недостаток специалистов, знакомых с особенностями лизингового бизнеса, слабое развитие вторичного рынка оборудования. Конкретные препятствия, с которыми сталкивается лизинговый бизнес: недостаток долгосрочных инвестиций (большая часть которых сосредоточена в европейской части страны), слабость региональных лизинговых компаний, нежелание крупных игроков выходить в регионы из-за сложности оценки рисков, «фиктивный» лизинг: некоторые региональные лизинговые компании созданы для минимизации налогов и низкая активность региональных властей в поддержке лизингового бизнеса.

Основной задачей управления финансовым лизингом является снижение расходов на обслуживание каждой лизинговой сделки. Одним из ключевых недостатков лизинга, который ограничивает его экономическую эффективность, остается недостаточная методологическая проработанность расчетов лизинговых платежей. Другим сдерживающим фактором для экономического роста является износ основных фондов российских предприятий. Процесс обновления оборудования в основном финансируется за счет нераспределенной прибыли организаций, а также затруднен ограниченным доступом к заемному капиталу. Лизинг, как альтернативный инструмент финансирования, может сыграть важную

роль в модернизации основных фондов промышленности, что является одной из ключевых задач для российской экономики.

Исследовав российский и американский рынки лизинга, становится очевидно, что США занимают лидирующие позиции в этой сфере. В России активно развивается финансовый и операционный лизинг, при этом отсутствуют гибкие схемы платежей и поддержка крупных банков, а государственная поддержка лизинга не достаточна развита. В Америке эти аспекты давно отработаны и активно применяются. Ежегодно лизинговый рынок США демонстрирует рост в среднем на 5–10% в таких отраслях, как авиация и другие сектора. В России лишь рынок транспортного лизинга остается стабильным. Рыночная стоимость лизинга в Европе значительно превышает российские показатели. Объем нового бизнеса по итогам 2023 года в РФ составил 3,59 трлн рублей, что эквивалентно 36,19 млрд евро (по курсу ЦБ на 31.12.2023), что существенно ниже чем в Великобритании, Германии и Франции. Анализируя данные объема нового бизнеса Европейских стран в 2023 году в таблице 1, можно выделить пять локомотивов европейского рынка лизинга: Великобритания, Германия, Франция, Италия и Польша.

Таблица 1
Страны Европы с наибольшей долей рынка лизинга по итогам 2023 года [8].

Страна	Млрд евро	Доля рынка лизинга Европы, %
Великобритания	97,402	21,74
Германия	84,022	18,75
Франция	68,729	15,34
Италия	34,809	7,76
Польша	22,570	5,03

Российский рынок лизинга активно развивается и привлекает новых клиентов, но он все еще далек от европейского уровня. Этот сектор экономики довольно быстро восстановился после кризиса и продолжает показывать положительную динамику, однако объемы нового бизнеса все еще недостаточны для выхода на европейский уровень [10].

Проанализировав виды имущества в составе нового бизнеса лизинга в Европе и РФ, за 2023 год, видно, что основой европейского лизинга являются легковые автомобили. Лидером в РФ является коммерческая техника, но не с таким значительным отрывом от остальных видов имущества.

Таблица 2
Сравнение видов имущества в объеме нового бизнеса лизинга за 2023 год в РФ и Европе [8].

Вид имущества	Россия	Европа
Коммерческая техника	35,5%	18%
Спецтехника и промышленное оборудование	16,6%	15%
Легковые автомобили	16,5%	55%
Суда, авиационный транспорт и железнодорожная техника	15,8%	3%
Другое	9,5%	4%
Недвижимость	5,7%	3%
Телекоммуникационное оборудование, оргтехника, компьютеры	0,4%	2%

В Северной Америке, Европе и других странах лизинг активно применяется в таких секторах, как строительство и коммерческая недвижимость. В некоторых государствах он охватывает и жилую недвижимость. Эти лизинговые сделки часто сопровождаются налоговыми льготами, что делает их особенно привлекательными для всех участников лизинговых сделок. Особенностью лизинга во Франции является возможность аренды земельных участков, в то время как в России аренда в аренду земель и природных объектов не допускается. Тем не менее, в России весьма развита сфера сельскохозяйственного лизинга, хотя другие отрасли пока не демонстрируют таких же результатов, как на зарубежных рынках. Для всестороннего развития лизинговой отрасли необходимо больше государственной поддержки в развитии российской промышленности.

В условиях нестабильной экономики и роста ставок по кредитам, лизинг становится более выгодным и безопасным вариантом финансирования. Сравнительно кредитование, аренду и лизинг, обычно обращают внимание лишь на суммы платежей и процентные ставки, что не всегда позволяет объективно оценить преимущества той или иной формы финансирования. Лизинг, может существенно сократить налоговую нагрузку, при этом предоставляя длительные налоговые льготы даже после завершения всех платежей по договору [3].

Результаты исследования и их обсуждение

Учет зарубежного опыта внедрения новшеств в малый бизнес крайне важен для Российской Федерации, поскольку на данный момент существует значительный дисбаланс между крупным, средним и малым бизнесом. Этот дисбаланс сохраняется, несмотря на их взаимную заинтересованность и общие цели. Сегодня российские компании уверенно занимают две ключевые ниши на мировом рынке: первая — это энергоресурсы и сопутствующие продукты, вторая — это производство товаров, которые, будучи сложнее и качественнее китайских аналогов, при этом дешевле европейских. Эти товары производятся на небольших промышленных предприятиях [1].

В зарубежных странах малый и средний бизнес играют ключевую роль в обеспечении занятости, развитии и внедрении новых производственных процессов, а также способствуют развитию продаж и получению финансирования. Именно внедрение новых производственных процессов выступают важным фактором для получения конкурентных преимуществ. Малые предприятия вынуждены соперничать с крупными корпорациями как на внутреннем, так и на международном рынках, что делает их особенно уязвимыми, особенно на начальных этапах развития. Малому бизнесу крайне необходима государственная поддержка и стимулирование, особенно в условиях экономической нестабильности. Опыт развивающихся стран демонстрирует, что поддержка малого бизнеса должна включать меры по недопущению концентрации ресурсов в руках одного лица и выделение приоритетных направлений,

которые важны для общества. В России также целесообразно применять программно-ориентированный подход, который предполагает реализацию целевых программ поддержки малого бизнеса на федеральном и региональном уровнях. Опыт таких стран, как США, Канада, Италия, Аргентина и Бразилия, показывает, что эффективной может быть упрощенная система налогообложения для индивидуальных предпринимателей и семейных предприятий, которая сочетает в себе единый налог на вменённый доход для отдельных видов деятельности [6].

На сегодняшний день в Западной Европе около 20% инвестиций в производственные активы осуществляется с использованием лизингового финансирования, причем около 80% рынка лизинга приходится на Великобританию, Германию, Италию и Францию. Переход к рыночной экономике в странах Восточной Европы, таких как Венгрия, Чехия и Словакия, также открыл новые возможности для лизинга. В некоторых странах, таких как Великобритания, Германия и Дания, нет отдельного законодательства о лизинге — он регулируется в рамках коммерческого права. В других странах, например, во Франции, Португалии и Швеции, существует специальное законодательство, регулирующее права лизингодателей и их отношения с производителями арендованного имущества.

Законодательные подходы к лизингу варьируются. Например, Франция, Бельгия и Италия придерживаются концепции «экономического собственника», тогда как Великобритания, Ирландия, Нидерланды и США используют концепцию «юридического собственника». В некоторых странах наблюдается смешанная система, сочетающая элементы обеих концепций [4]. Регулирование лизинговой деятельности зависит от специфики национального законодательства. В Италии и Франции лизинг контролируется аналогично банковской сфере, тогда как в Великобритании и Германии банки надзирают только за теми лизинговыми операциями, которые осуществляют их дочерние компании. В Ирландии, например, лизинговые компании получают государственные субсидии и пользуются ускоренной амортизацией, что позволило стране стать мировым центром лизинга воздушных судов.

Лизинг воспринимается как модель замкнутого цикла для устойчивого развития. В рамках этой модели предприятие сохраняет владение активом на протяжении всего срока его эксплуатации, контролируя его стоимость и организуя рециркуляцию, или переработку по завершении аренды [9].

Мировое развитие лизинга сталкивается с рядом препятствий, характерных для некоторых государств. В Греции запрещено арендовать недвижимость, грузовые автомобили и автобусы, что в купе с жесткими амортизационными нормами, установленными государством, тормозит развитие этого сектора. В странах Западной Европы и структурах ЕС, включая Европейскую лизинговую организацию, предпочтение отдается юридическому владению имуществом. Различиями в схемах учета и амортизации разных стран ведет к использованию разных

подходов к налоговому учету: экономическая концепция предполагает учет актива на балансе арендатора, а юридическая концепция требует его учета на балансе арендодателя.

Проанализировав мировой объем нового лизингового бизнеса, лидирующую позицию занимает США, занимая треть мирового рынка новых сделок и продаж оборудования. Великобритания и Германия следуют за США, занимая второе и третье места по объему нового бизнеса. В Великобритании активный рост наблюдался в 2015 году, когда объем нового бизнеса составил 76,88 миллиарда евро, что обеспечило ей прочные позиции. Германия, продемонстрировав рост в 2022 году, в 2022–2023 годах столкнулась с незначительным спадом. Основные лизинговые сделки в этой стране связаны с легковыми и грузовыми транспортными средствами. Франция занимает четвертое место в мире, но темпы её роста снизились в последние годы. В целом, члены Европейской федерации лизинговых и финансовых организаций (Leaseurope) демонстрируют стабильный рост, особенно такие страны, как Нидерланды, Польша, Швейцария, Бельгия, Дания, Испания, Австрия и Норвегия.

На развитие лизинговой деятельности в мире также влияют две ключевые тенденции: усиливающаяся конкуренция между финансовыми учреждениями и глобализация экономики. США, учитывая эти тенденции, активно поддерживает создание венчурных фирм и научно-исследовательских центров. Национальный научный фонд США играет важную роль в финансировании малых компаний, предоставляя как кредиты, так и гранты. Эта поддержка способствует росту малых и средних исследовательских предприятий (R&D). Лидером в этом отношении является Италия, где на малые фирмы приходится 65% от общего числа компаний в R&D секторе. В других странах, таких как Греция и Ирландия, доля малых предприятий в исследовательской деятельности также велика, а в Японии, напротив, она составляет только 7% [12].

Развиваясь, малый и средний бизнес в развитых странах, всё чаще выходит на экспортные рынки, в связи с ростом международной передачи технологий и специализацией на производстве узлов и комплектующих для крупных компаний, таких как автомобильные и авиационные концерны. Электронная коммерция, открывает новые возможности для малого бизнеса за счет снижения затрат на традиционные формы торговли. Экспортный потенциал малого бизнеса по-прежнему недостаточно реализован, несмотря на все достижения. Среди ключевых препятствий остаются отсутствие информации о зарубежных рынках, бюрократические барьеры, сложности с экспортными стандартами и недостаточное развитие торговых представительств за границей.

Налоговая политика является важным фактором для поддержки и стимулирования развития компаний малого и среднего бизнеса. Снижение налоговой нагрузки, налоговые льготы и каникулы для проектов способствуют увеличению финансирования и успешному внедрению новых технологических ре-

шений. Введение пониженных ставок НДС или освобождение от налогообложения прибыли в первые годы работы, значительно поддержит малый бизнес.

Глобальные тенденции в развитии лизинга демонстрируют усиление международной конкуренции и необходимость адаптации лизинговой политики к новым условиям. Операционный лизинг, как форма аренды, открывает новые возможности для компаний и помогает оптимизировать их риски, связанные с остаточной стоимостью активов. Развитие вторичного рынка арендуемых активов позволяет уменьшить финансовую нагрузку на компании и улучшить их долгосрочное планирование. Изучив опыт ведущих мировых держав, лизинг демонстрирует его важную роль в развитии бизнеса и становится важным инструментом экономического роста, особенно в переходный период. Основная цель управления финансовым лизингом с точки зрения привлечения заемного капитала заключается в минимизации расходов на обслуживание каждой лизинговой сделки. Ключевым недостатком, ограничивающим экономическую эффективность лизинга, является недостаточная проработанность методики расчета лизинговых платежей.

В исследовании анализируются препятствия, замедляющие рост рынка лизинга в Российской Федерации, и предлагаются потенциальные пути их устранения, которые представлены в таблице 3 [3].

Таблица 3
Препятствия, замедляющие рост рынка лизинга в Российской Федерации и пути их устранения [3].

Проблемы с лизингом	Решение
Повторное использование освобожденных активов для целей лизинга	Разрешить вторичное использование освобожденных от налога активов для целей лизинга
Отсутствует система страхования коммерческих рисков при лизинговых сделках	Необходимо внедрение зарубежной практики страхования финансовых рисков на российских предприятиях
Недостаток развития оборудования на вторичных рынках	Развитие рынков вторичного оборудования
Отсутствие готовых решений для комплексной автоматизации лизинговой компании	Планируемая разработка программного обеспечения для автоматизации лизинга

Ограниченные возможности финансирования, снижение платежеспособности клиентов, общая стагнация деловой активности и сокращение спроса на лизинговые услуги из-за уменьшения государственного финансирования лизингополучателей, а также ограниченное сотрудничество с зарубежными компаниями вследствие волатильности на валютных рынках представляют собой значительные риски для лизинговых компаний. Эти факторы могут негативно сказаться как на текущих проектах, так и на будущем развитии отрасли. Для достижения лидирующих позиций на рынке лизинга в будущем необходимо выделить ключевые направления для развития. В условиях неблагоприятных макроэкономических тенденций российский рынок лизинга переживает стагнацию, вызванную низким уровнем инвестиционного спроса со стороны крупных клиен-

тов и сворачиванием ряда инвестиционных проектов. Сектор малого и среднего бизнеса, напротив, демонстрирует заметный рост, что открывает новые возможности для развития, несмотря на негативные факторы.

Актуальность развития лизинга в России, включая создание полноценного лизингового рынка, обусловлена изношенностью парка оборудования и недостаточной инвестиционной активностью. Успех любой лизинговой компании напрямую зависит от её способности адаптироваться к изменениям и повышать свою эффективность. Оптимизация процессов необходима не только для сокращения затрат, но и для ускорения обработки запросов, что, в свою очередь, повысит качество обслуживания клиентов и уровень их удовлетворенности.

Выводы

Иностранные компании, занимающиеся поставками промышленного оборудования и различной оснастки, продолжают проявлять высокий интерес к российскому рынку. Одной из приоритетных задач для этих фирм станет экспорт своей продукции. Для снижения рисков в подобных сделках целесообразно применять новейшие финансовые инструменты.

Лизинг, как форма финансирования, предоставляет российским компаниям целый ряд преимуществ, которые недоступны при иных способах модернизации производства. Финансирование оборудования, при помощи лизинговых компаний, является одним из доступных механизмов в условиях ограниченного доступа к средствам для приобретения. Лизинг также предлагает целый спектр выгод для всех участников сделки, что делает его более привлекательным и доступным вариантом [12]. Основные опасения, по поводу перевода договоров финансового лизинга в операционные, касаются ухудшения платежеспособности клиентов и недостаточной государственной поддержки лизинговых организаций. Перспективы распространения регулирования на операционный лизинг, по этим причинам, в России кажутся ограниченными. Государство не в состоянии обеспечить финансирование для каждой организации, нуждающейся в модернизации производственных мощностей. Поэтому предприятиям приходится самостоятельно искать пути обновления своих основных средств, чтобы сохранять конкурентоспособность на рынке.

Для успешного развития лизинга в России необходимо улучшить доступ к финансированию, внедрить более гибкие схемы расчетов по лизинговым договорам и расширить сотрудничество с зарубежными партнерами, несмотря на существующие внешние ограничения. Необходимо обратить особое внимание на поддержку малого и среднего бизнеса, который играет всё более значимую роль в экономике страны. Позитивным фактором является потенциал цифровизации и внедрение инноваций в лизинговую отрасль, что позволит компаниям оптимизировать внутренние процессы, повысить прозрачность сделок и улучшить взаимодействие с кли-

ентами [10]. В перспективе это откроет новые возможности для компаний, работающих на рынке лизинга, и позволит им предлагать более конкурентоспособные и привлекательные условия для своих клиентов. Компании, которые смогут адаптироваться к новым условиям, развивать цифровые решения и расширять свои продукты и услуги, смогут не только сохранить свои позиции, но и выйти на новые уровни развития, укрепляя своё влияние как на внутреннем, так и на международном рынках.

Литература

1. Андреева, Е.С. и Нечаев А.С. 2022. «Механизм инновационного развития промышленного предприятия». *World Applied Sciences* 27 (13 A): 21–23.
2. Барыкина, Ю.Н., Нечаев А.С. и Пучкова Н.В. 2023. Труды Международной конференции «Тенденции технологий и инноваций в экономических и социальных исследованиях», 551–556.
3. Барыкина, Ю.Н., Пучкова Н.В. и Будаева М.С. 2023. «Анализ методов финансирования инновационной деятельности в экономике России».
4. Барыкина, Ю.Н. и М.В. Вельм. 2022. «Совершенствование методов и форм инвестирования инновационной деятельности». *Успехи социальных наук, образования и гуманитарных исследований*, 793–796.
5. Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ (ред. от 16.10.2017) «О финансовой аренде (лизинге)» - https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20780/ (дата обращения 25.09.2024).
6. Газман В.Д. 2023. «Преодоление стереотипов в лизинге». *Вопросы экономики* 2 : 136–151. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-2-136-152> (дата обращения: 25.09.2024)
7. МСФО (IFRS) «Анализ влияния аренды». Международный стандарт финансовой отчетности. Январь 2023г.
8. Европейская федерация ассоциаций лизинговых компаний «Leaseurope». <https://www.leaseurope.org/2023-annual-statistics-glance> (дата обращения: 25.09.2024).
9. Ведущие финансовые технологии. «Глобальный отчет по лизингу 2024г». DOI: <https://www.whiteclarkgroup.com/videos/global-leasing-report-video-2018> (дата обращения: 25.09.2024)
10. Левандовски, М. 2023. «Разработка бизнес-моделей для экономики замкнутого цикла – к концептуальной основе». 1–28. DOI: <https://doi.org/10.3390/su8010043> (дата обращения: 25.09.2024)
11. Назарова Е. В., Земляков М. С. Лизинг: российский зарубежный опыт // *Экономика и социология*. 2024. № 29. С. 52-56
12. Нечаев, А., и О. Антипина. 2017. «Налогообложение в России: анализ и тенденции» : 73–77.

13. Нечаев, А. и Антипина О. 2024. «Налоговое стимулирование предприятий инновационной деятельности». *Mediterranean Journal of Social Sciences* 6 (1S2): 42–47.

14. Хорева, И.В. 2023. «Современное состояние и перспективы развития лизингового финансирования». *Экономика* 5: 82–86.

Leasing as an innovative technology for the development of the real sector of the economy: opportunities and limitations

Rychkov R.V., Balashova E.S.

St. Petersburg State Marine Technical University

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article is devoted to the study of key aspects of the development of the leasing market in the Russian Federation, including its unique characteristics, current challenges and opportunities. The paper offers recommendations on improving the mechanisms of state support and incentives for leasing, which can contribute to its sustainable growth and further development. The importance of the introduction of modern solutions and the formation of a competitive environment for the effective functioning of the leasing sector is emphasized. The authors analyzed in detail the advantages of leasing as an innovative technology that plays a key role in the modernization of the real sector of the economy. Examples of successful international practices demonstrating the potential of leasing to increase the efficiency of asset use and optimize tax liabilities are given. The main trends in the global economy affecting the development of leasing are considered.

Special attention is paid to the issues of tax incentives and support for small and medium-sized enterprises, which are important drivers of economic growth. The necessity of expanding cooperation with international partners and the use of digital technologies to increase transparency and efficiency of leasing operations is substantiated.

Keywords: easing activities, companies with an innovative approach, government support, small and medium-sized enterprises, sustainable growth, competitive environment, economic factors

References

1. Andreeva, E.S. and Nechaev A.S. 2022. "The mechanism of innovative development of an industrial enterprise." *World Applied Sciences* 27(13 A): 21–23.
2. Barykina, Yu.N., Nechaev A.S. and Puchkova N.V. 2023. Proceedings of the International Conference on Trends in Technology and Innovation in Economic and Social Research, 551–556.
3. Barykina, Yu.N., Puchkova N.V. and Budaeva M.S. 2023. "Analysis of methods for financing innovation activities in the Russian economy."
4. Barykina, Yu.N. and M.V. Velm. 2022. "Improving methods and forms of investing in innovative activities." *Advances in Social Sciences, Education and Humanities Research*, 793–796.
5. Federal Law of 29.10.1998 No. 164-FZ (as amended on 16.10.2017) "On Financial Lease (Leasing)" - https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20780/ (date of access 25.09.2024) .
6. Gazman V.D. 2023. "Overcoming Stereotypes in Leasing". *Voprosy Ekonomiki* 2: 136–151. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-2-136-152> (date accessed: 09/25/2024)
7. IFRS "Analysis of the Impact of Leases". International Financial Reporting Standard. January 2023
8. European Federation of Leasing Associations "Leaseurope". <https://www.leaseurope.org/2023-annual-statistics-glance> (date of access: 25.09.2024).
9. Leading financial technologies. "Global Leasing Report 2024" . DOI: <https://www.whiteclarkgroup.com/videos/global-leasing-report-video-2018> (date of access: 25.09.2024)
10. Lewandowski, M. 2023. "Developing Business Models for the Circular Economy – to the conceptual basis". 1–28. DOI: <https://doi.org/10.3390/su8010043> (date accessed: 25.09.2024)
11. Nazarova E. V., Zemlyakov M. S. Leasing: Russian and Foreign Experience // *Economics and Sociology*. 2024. No. 29. P. 52-56
12. Nechaev, A., and O. Antipina. 2017. "Taxation in Russia: Analysis and Trends": 73–77.
13. Nechaev, A. and Antipina, O. 2024. "Tax Incentives for Innovative Enterprises": 13–15. activities". *Mediterranean Journal of Social Sciences* 6 (1S2): 42–47.
14. Khoreva, I.V. 2023. "Current state and prospects for the development of leasing financing". *Economy* 5: 82–86.

Анализ реализации социально-экономической политики в Санкт-Петербурге

Саримова Алина Игоревна

соискатель кафедры национальной и региональной экономики, РЭУ им.Г.В. Плеханова

Статья посвящена анализу инструментария реализации социально-экономической политики города Санкт-Петербург. В современном мире социально-экономическое развитие играет решающую роль в обеспечении благосостояния населения и стабильности государства. Санкт-Петербург, будучи одним из крупнейших городов России, сталкивается с рядом проблем, обусловленных неравномерностью территориального развития, различиями в уровне жизни населения и потребностью адаптироваться к изменяющейся внешней среде. Государство разработало четырёхступенчатую систему стратегических целей, включающую главную цель, четыре стратегических направления, семнадцать стратегических задач и программных установок (всего 114 целей). Реализация и достижение этих целей будут способствовать устойчивому и сбалансированному развитию Санкт-Петербурга. В настоящее время наблюдается положительная динамика в отношении экономического развития региона: растёт экономика, снижается безработица и улучшается качество жизни горожан. В городе активно строятся новые объекты, такие как жилые комплексы, спортивные сооружения, культурные центры и образовательные учреждения.

Для повышения эффективности государственных программ Санкт-Петербурга необходимо улучшить координацию между различными органами власти, усилить контроль над расходованием бюджетных средств и привлечь частный сектор к участию в реализации проектов. Также важно регулярно проводить мониторинг и оценивать результаты выполнения программ, чтобы своевременно корректировать их и достигать лучших результатов. Повышение эффективности государственных программ в Санкт-Петербурге требует комплексного подхода и понимания существующих проблем. Устойчивость развития региона зависит от результативности реализации программ в социальной, экономической и инфраструктурной сферах.

Ключевые слова: социально-экономическая политика региона; региональная экономика; государственные и региональные программы; экономическое развитие

Введение

Актуальность темы исследования «Анализ реализации социально-экономической политики в Санкт-Петербурге» обусловлена необходимостью научного изучения и оценки эффективности мер, принимаемых городскими властями для обеспечения устойчивого развития региона.

В современном мире социально-экономическое развитие играет решающую роль в обеспечении благосостояния населения и стабильности государства. Санкт-Петербург, будучи одним из крупнейших городов России, сталкивается с рядом проблем, обусловленных неравномерностью территориального развития, различиями в уровне жизни населения и потребностью адаптироваться к изменяющейся внешней среде.

Анализ реализации социально-экономической политики в Санкт-Петербурге позволяет выявить основные тенденции и закономерности развития региона, определить сильные и слабые стороны проводимой политики, а также предложить рекомендации по её совершенствованию. Это будет способствовать повышению эффективности управления городским хозяйством, улучшению качества жизни населения и укреплению позиций Санкт-Петербурга на международной арене.

Актуальность проведения анализа реализации социально-экономической политики в Санкт-Петербурге обусловлена следующими факторами:

1. Необходимость обеспечения устойчивого развития города и повышения качества жизни населения.
2. Важность создания благоприятных условий для привлечения инвестиций и развития бизнеса.
3. Стремление к повышению конкурентоспособности Санкт-Петербурга на российском и международном уровнях.
4. Необходимость решения социальных проблем и обеспечения доступности услуг и инфраструктуры для всех жителей города.
5. Реализация национальных проектов и государственных программ, направленных на развитие экономики и социальной сферы.

Материалы и методы

В рамках исследования были использованы методы статистического анализа данных, касающихся социально-экономического развития региона, а также метод сравнительного анализа для выявления успешных практик и возможностей для повышения уровня регионального развития. Анализ позволяет выявить проблемы и возможности, определить эффективность мер, принятых для достижения по-

ставленных целей, а также разработать рекомендации для дальнейшего совершенствования социально-экономической политики Санкт-Петербурга.

В 2023 году валовой региональный продукт Санкт-Петербурга достиг 6,8 трлн рублей, что на 1,9% больше, чем в предыдущем году (рис.1). ВРП на душу населения также увеличился на 1,8% и составил 5,5 млн рублей. Основные драйверы роста включают обрабатывающую промышленность, торговлю и транспорт [1].

Рис. 1 - Динамика Валового регионального продукта города Санкт-Петербурга, 2013-2022 гг., млрд. руб. [6]

Инвестиции в основной капитал возросли на 1,4% и достигли 1,1 трлн рублей. Объем промышленного производства увеличился на 1,5% и достиг 4,4 трлн рублей. Оборот розничной торговли вырос на 1,3% и составил 2,8 трлн рублей.

Уровень безработицы снизился до 1,5%, а средняя зарплата увеличилась на 12,6% и составила 114 400 рублей. Индекс потребительских цен вырос на 11% и достиг 111%.

В социальной сфере наблюдается положительная динамика. Численность населения Санкт-Петербурга увеличилась на 1,1% и составила 5,5 млн человек. Ожидаемая продолжительность жизни выросла до 74,9 лет.

В 2023 году исполнение расходов на реализацию региональных проектов Санкт-Петербурга в рамках достижения целей национальных проектов составило 36,2 млрд руб., из которых 34,2% выделано на проект «Демография», 23,2% - на проект «Жилье и городская среда» и 16,7% на проект «Здравоохранение».

Приоритеты социально-экономического развития Санкт-Петербурга охватывают все сферы его жизнедеятельности и соответствуют стратегическим приоритетам России.

На основании этих приоритетов можно выделить 4 стратегических направления развития Санкт-Петербурга до 2030 года, каждое из которых состоит из своих стратегических целей.

Государство разработало четырёхступенчатую систему стратегических целей, включающую главную цель, четыре стратегических направления, семнадцать стратегических задач и программных установок (всего 114 целей). Реализация и достижение этих целей будут способствовать устойчивому и сбалансированному развитию Санкт-Петербурга [2]. Стратегия является основным документом системы государственного планирования Санкт-Петербурга. Её положения уточняются и детализируются в других документах планирования. Государственные

программы Санкт-Петербурга, разрабатываемые каждые шесть лет, включают комплекс ресурсообеспеченных конкретных мероприятий, направленных на достижение целей стратегии [8,9,10].

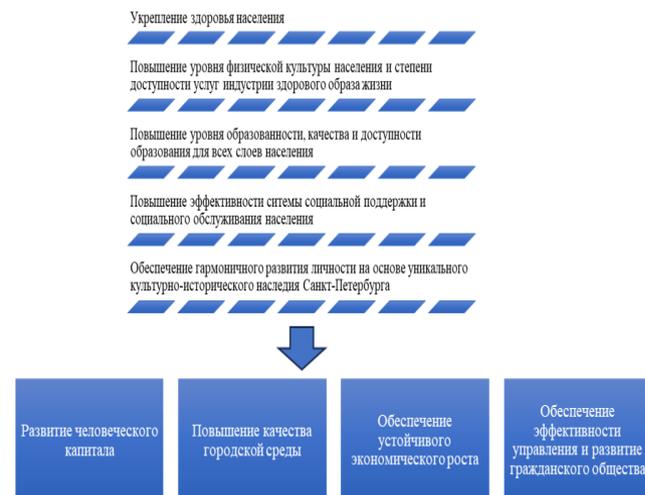

Рисунок 1 – Система стратегических направлений и целей г. Санкт-Петербурга в отношении социально-экономического развития [3]

Анализ реализации социально-экономической политики в Санкт-Петербурге показывает положительные результаты. Город активно развивает инфраструктуру, поддерживает малый и средний бизнес, привлекает инвестиции и создаёт благоприятные условия для жизни населения. Инфраструктура Санкт-Петербурга претерпела значительные изменения. Построены новые объекты, такие как автомобильные дороги, железнодорожные линии, аэропорты, морские порты и другие. Помимо этого, проведена модернизация существующих объектов инфраструктуры.

Одним из основных направлений развития инфраструктуры является транспортная инфраструктура. В городе активно строятся новые автомобильные дороги, в том числе скоростные трассы и магистрали. Также ведётся строительство новых железнодорожных линий, в том числе высокоскоростных поездов.

Важным элементом инфраструктуры является энергетическая система. В Санкт-Петербурге проводится модернизация электростанций, строительство новых генерирующих мощностей и линий электропередач. Это позволяет обеспечить надежное электроснабжение города и прилегающих территорий.

Результаты

Реализация государственных программ Санкт-Петербурга имеет ключевое значение для стратегического развития экономики города. Согласно Федеральному закону от 07.05.2013 № 104-ФЗ, государственные программы служат основой для формирования бюджетных проектов. Они направлены на решение приоритетных задач, таких как улучшение качества жизни населения, развитие инфраструктуры, поддержка предпринимательства и инновации [11].

Разработка и реализация государственных программ Санкт-Петербурга способствуют достижению стратегических целей социально-экономического развития региона, повышению качества жизни жителей и укреплению конкурентоспособности Северной столицы. Эти программы являются одним из основных механизмов реализации главного стратегического документа Санкт-Петербурга. Они обеспечивают системный подход к решению приоритетных задач развития города и эффективное использование бюджетных средств [4].

Наиболее важные государственные программы для развития Санкт-Петербурга, которые привели к значительным результатам, включают «Развитие образования», «Развитие здравоохранения», «Развитие культуры и туризма», «Развитие транспортной системы». Например, программа «Развитие образования» повысила доступность и качество образовательных услуг, а также увеличила количество молодых специалистов в разных отраслях экономики. В рамках программы «Развитие здравоохранения в Санкт-Петербурге» было улучшено медицинское обслуживание населения, снизилась смертность и увеличила продолжительность жизни благодаря строительству новых медицинских учреждений и модернизации существующих. С помощью программы «Развитие транспортной системы Санкт-Петербурга», направленной на улучшение дорожно-транспортной инфраструктуры, повысилась безопасность дорожного движения и произошло снижение экологического воздействия на окружающую среду, также были построены новые дороги, мосты и развязки, а также обновлён общественный транспорт. Государственная программа «Развитие культуры и туризма в Санкт-Петербурге» способствует сохранению и развитию культурного наследия города, привлекает туристов и создаёт новые рабочие места в туристической отрасли, она включает в себя проведение различных культурных мероприятий, реставрацию исторических памятников и проложение новых туристических маршруты [5].

Однако некоторые государственные программы Санкт-Петербурга столкнулись с трудностями при реализации, такими как нехватка финансирования, бюрократические преграды и коррупция. Это вызвало задержки в выполнении запланированных мероприятий и снизило ожидаемые результаты.

С целью повышения эффективности государственных программ Санкт-Петербурга, необходимо улучшить взаимодействие между разными органами власти, усилить контроль над использованием бюджета и привлечь частный сектор к работе над проектами. Помимо этого, важно регулярно анализировать и оценивать результаты выполнения программ, чтобы при необходимости вносить корректировки и добиваться лучших результатов.

Необходимость внедрения обоснованных качественных показателей и мониторинга процента их выполнения обуславливается существующими проблемами в процессе реализации государственных программ, связанными с номинальным и формальным характером отдельных мероприятий.

В настоящее время, учитывая существующую нормативно-правовую базу, методология определения эффективности государственных программ основывается на количестве выполненных мероприятий и на объеме освоенных денежных средств.

При обращении к опыту других регионов России и зарубежных стран можно заметить, что повышение эффективности государственных программ возможно благодаря следующим мерам:

1. использование современных методов и технологий управления проектами для оптимизации планирования, контроля и оценки результатов выполнения программ;

2. развитие системы мониторинга выполнения программ, а также совершенствование методологии оценки результатов для своевременного выявления проблем и принятия мер по их устранению;

3. внедрение в процесс принятия решений и реализации государственных программ принципов открытости и прозрачности, что будет способствовать повышению доверия общества к власти и стимулирует активное участие граждан в управлении.

Заключение

Важно подчеркнуть, что повышение качества государственных программ в Санкт-Петербурге предполагает детальный анализ и учёт текущих сложностей, в частности, необходима реконструкция существующая нормативно-правовая база в отношении реализации государственных программ. Устойчивость развития региона зависит от успешной реализации проектов в социальной и экономической сферах.

В современных трендах наблюдается позитивная динамика в сфере экономического роста региона: отмечается увеличение экономики и улучшение уровня жизни жителей. В Санкт-Петербурге активно возводятся новые объекты, включая жилые комплексы, спортивные сооружения, культурные центры и учебные заведения. Экономическое развитие Санкт-Петербурга характеризуется устойчивым ростом и диверсификацией. Этот город занимает второе место по экономической активности в России после Москвы. Ключевые секторы промышленности включают в себя машиностроение, энергетику, пищевую промышленность и производство товаров для населения. Санкт-Петербург активно привлекает зарубежные инвестиции и сотрудничает с международными организациями, такими как Европейский банк реконструкции и развития и Всемирный банк. Город также служит важным транспортным узлом для международной торговли.

За последние годы Санкт-Петербург демонстрирует рост валового регионального продукта, инвестиций в основной капитал и реальных доходов граждан. Регион активно внедряет инновации и проводит научные исследования. В целом, экономическая динамика города свидетельствует о его стабильности и перспективах для дальнейшего развития. Важной частью государственной политики является поддержка малого и среднего бизнеса через

программу «Развитие предпринимательства», ориентированной на создание благоприятной бизнес-среды.

Регион активно сотрудничает с международными организациями и инвестиционными фондами, что обуславливает привлечение дополнительных средств для реализации социально-экономических проектов.

Однако существуют проблемы, которые необходимо решить. Одна из них — недостаточное развитие общественного транспорта и дорожной инфраструктуры. Также актуальна проблема доступности жилья для населения, особенно в новостройках.

В целом анализ реализации социально-экономической политики в Санкт-Петербурге показывает положительную динамику и свидетельствует о том, что город продолжает развиваться и улучшать качество жизни своих жителей.

Литература

1. Агашин, А. В. Анализ темпов экономического роста Г. Санкт-Петербурга: отраслевая структура и динамика / А. В. Агашин, В. Ш. Уразгалиев // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. — 2023. — № 3(47). — С. 5-16. — DOI 10.21685/2227-8486-2023-3-1.

2. Арзуманян, М. С. Определение уровня устойчивости регионов Северо-Западного федерального округа России / М. С. Арзуманян // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. — 2021. — № 1. — С. 49-58. — DOI 10.18384/2310-6646-2021-1-49-58.

3. Бурнина, А. М. Анализ деятельности Комитета по экономическому развитию в рамках реализации "Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035 года" / А. М. Бурнина, А. В. Бабаев // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. — 2022. — № 4(42). — С. 165-178.

4. Государство и рынок: механизмы взаимодействия в условиях глобальной нестабильности экономических систем : Коллективная монография / Е. С. Аكوпова, Г. Р. Алиева, И. Д. Афанасенко [и др.] ; Министерство образования и науки Российской Федерации. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2014. — 706 с.

5. Драйверы устойчивого развития туристских территорий / О. И. Беляева, Т. Г. Борисова, Т. Е. Гварлиани [и др.]. — Москва : ООО «Директ-Медиа», 2023. — 276 с. — ISBN 978-5-4499-4085-8. — DOI 10.23681/709220.

6. Земцов, С. П. Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов / С. П. Земцов, Ю. А. Смелов // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2018. — № 4(40). — С. 84-108. — DOI 10.31737/2221-2264-2018-40-4-4.

7. Итоги социально-экономического развития Санкт-Петербурга // Правительство Санкт-Петербурга Комитет по экономической политике и стратегическому планированию Санкт-Петербурга (КЭП-иСП) URL: chrome-

extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://cedipt.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2024/07/17/17%D0%A1%D0%9F%D0%A0%D0%90%D0%92%D0%9A%D0%90_%D0%A7%D0%9F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%B1%D1%80%D1%8C_2023_%D0%B3.pdf (дата обращения: 01.11.2024).

8. Карпенко, П. А. Инструменты управления социально-безопасным развитием региональных социально-экономических систем / П. А. Карпенко // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2021. — № 10-2. — С. 129-134. — DOI 10.17513/vaael.1878.

9. Рисин, И. Е. Стратегирование процессов развития научно-инновационной сферы субъектов Российской Федерации / И. Е. Рисин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. — 2020. — № 3. — С. 78-88. — DOI 10.17308/econ.2020.3/3107.

10. Теас, М. А. Государственное управление в области молодежной политики Г. Санкт-Петербурга / М. А. Теас // Современные аспекты экономики. — 2020. — № 5-2(273). — С. 77-86.

11. Феофилова, Т. Ю. Анализ институционального обеспечения цифровизации государственной политики региона / Т. Ю. Феофилова, Ю. А. Маркова, Е. В. Радыгин // Управленческий учет. — 2023. — № 4. — С. 159-166. — DOI 10.25806/uu42023159-166.

Analysis of the implementation of socio-economic policy in St. Petersburg Sarimova A.I.

Plekhanov Russian University of Economics

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article is devoted to the analysis of the tools for implementing the socio-economic policy of the city of St. Petersburg. In the modern world, socio-economic development plays a decisive role in ensuring the well-being of the population and the stability of the state. St. Petersburg, being one of the largest cities in Russia, faces a number of problems caused by uneven territorial development, differences in the standard of living of the population and the need to adapt to the changing external environment. The state has developed a four-stage system of strategic goals, including the main goal, four strategic directions, seventeen strategic tasks and program guidelines (a total of 114 goals). The implementation and achievement of these goals will contribute to the sustainable and balanced development of St. Petersburg. Currently, there is a positive trend in the economic development of the region: the economy is growing, unemployment is decreasing and the quality of life of citizens is improving. New facilities are actively being built in the city, such as residential complexes, sports facilities, cultural centers and educational institutions. To improve the efficiency of state programs in St. Petersburg, it is necessary to improve coordination between various authorities, strengthen control over the spending of budget funds and involve the private sector in the implementation of projects. It is also important to regularly monitor and evaluate the results of program implementation in order to promptly adjust them and achieve better results. Improving the efficiency of state programs in St. Petersburg requires a comprehensive approach and understanding of existing problems. The sustainability of the region's development depends on the effectiveness of the implementation of programs in the social, economic and infrastructural spheres.

Keywords: Regional socio-economic policy; regional economy; state and regional programmes; economic development

References

1. Agashin, A.V. and Urazgaliev, V.Sh. (2023), 'Analysis of Economic Growth Rates in Saint Petersburg: Sectoral Structure and Dynamics', Models, Systems, Networks in Economy, Technology, Nature and Society, vol. 3(47), pp. 5-16. DOI: 10.21685/2227-8486-2023-3-1. Arzumanyan, M.S. (2021), 'Determining the Sustainability Level of Regions in the Northwestern Federal District of Russia', Vestnik of Moscow State Regional University. Series: Economics, no. 1, pp. 49-58. DOI: 10.18384/2310-6646-2021-1-49-58.
2. Burinina, A.M. and Babaev, A.V. (2022), 'Analysis of the Activities of the Committee for Economic Development within the Framework of the Implementation of the "Strategy for Socio-Economic Development of Saint Petersburg until 2035"', GosReg: State Regulation of Public Relations, no. 4(42), pp. 165-178.
3. Akopova, E.S., Aliyeva, G.R., Afanasenko, I.D. et al. (2014), State and Market: Mechanisms of Interaction in Conditions of Global Instability of

- Economic Systems. St. Petersburg: Saint Petersburg State Economic University. 706 p.
4. Belyaeva, O.I., Borisova, T.G., Gvarliani, T.E. et al. (2023). Drivers of Sustainable Development of Tourist Territories. Moscow: Direct-Media LLC. 276 p. ISBN 978-5-4499-4085-8. DOI 10.23681/709220.
 5. Zemtsov, S.P., Smelov, Y.A. (2018). Factors of Regional Development in Russia: Geography, Human Capital or Regional Politics. Journal of the New Economic Association, 4(40), 84-108. DOI 10.31737/2221-2264-2018-40-4-4.
 6. Government of Saint Petersburg, Committee for Economic Policy and Strategic Planning of Saint Petersburg. Outcomes of Socio-Economic Development of Saint Petersburg. [online] Available at: <https://cedipt.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2024/07/17/%D0%A1%D0%9F%D0%A0%D0%90%D0%92%D0%9A%D0%90_%D0%A7%D0%9F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%B1%D1%80%D1%8C_2023_%D0%B3.pdf> [Accessed 1 Nov. 2024].
 7. Karpenko, P.A. (2021) 'Tools for Managing Socially Safe Development of Regional Socio-Economic Systems', Vestnik Altai Academy of Economics and Law, 10(2), pp. 129-134. doi: 10.17513/vaael.1878.
 8. Risin, I.E. (2020) 'Strategic Planning of Development Processes in the Science and Innovation Sphere of the Subjects of the Russian Federation', Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and Management, 3, pp. 78-88. doi: 10.17308/econ.2020.3/3107.
 9. Teas, M. A. (2020). State Governance in Youth Policy in Saint Petersburg. Modern Aspects of Economics, 5-2(273), 77-86.
 10. Feofilova, T. Yu., Markova, Yu. A., & Radygin, E. V. (2023). Analysis of Institutional Support for the Digitalization of Regional State Policy. Management Accounting, 4, 159-166. DOI: 10.25806/uu42023159-166.

О синергии стимулирующих мер по обеспечению развития предпринимательства в Арктической зоне России

Хадько Анна Ивановна

стажёр-исследователь, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики УрО РАН имени академика Н.П. Лавёрова УрО РАН, annaaregeta@yandex.ru

Корнекова Светлана Юрьевна

доктор географических наук, профессор кафедры региональной экономики и природопользования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, s-kornekova@mail.ru

В статье обоснована необходимость использования комплексных инструментов по развитию Арктической зоны РФ, в частности путем реализации кластерной политики, мер поддержки малого и среднего предпринимательства, а также механизма государственно-частного (муниципально-частного) партнерства. Актуальность работы заключается в акцентировании внимания на синергетические эффекты от реализации упомянутых инструментов. Арктическая зона Российской Федерации является специфическим макрорегионом с неравномерной освоенностью, удалённостью территорий, суровым климатом и тенденцией к убыли населения и «вымиранию» отдельных населённых пунктов. Вместе с тем Арктика обладает большим ресурсным потенциалом, возможностью успешной реализации проекта Северного морского пути, что будет способствовать закреплению населения региона, стратегически важного для безопасности страны в целом. По мнению авторов, решением данной задачи может быть объединение уже существующих методов для достижения наибольших показателей социально-экономического развития. С помощью компаративного анализа отечественной и зарубежной литературы обоснована необходимость комплексного применения механизмов развития территорий, при этом эффекты от совместного применения разнообразных механизмов рассмотрены с позиции двух уровней. На первом (макро) уровне выделено влияние синергетических эффектов на регион на социально-экономическое развитие региона в целом. Второй (микро) уровень описывает влияние синергетических эффектов на отдельные предприятия и организации. Дальнейшее исследование данной темы может включать в себя разработку комплексных мер (с учётом выявленных синергетических эффектов) для конкретных регионов.

Ключевые слова: Кластерная политика, проектное управление, государственно-частное партнёрство, Малое и среднее предпринимательство, развитие территорий, Арктическая зона Российской Федерации

Введение

Развитие Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) очень важно для нашей страны в целом по причинам, связанным, прежде всего, с обеспечением безопасности на северных границах страны; развитием Северного морского пути; добычей полезных ископаемых; сохранением уникальной культуры коренных жителей данных территорий. Но, в текущей ситуации развитие Арктики довольно проблематично из-за таких ее «вековечных», или трудно устранимых особенностей, как: суровый климат; неравномерная освоенность территорий; тенденции к убыли населения; экономическая монопрофильность поселений; низкая конкурентоспособность местных товаров; реализация продукции на низких этапах переделки.

Для нивелирования негативных последствий данных особенностей необходимо применять комплекс механизмов развития территории. Для решения каждой индивидуальной проблемы необходимо применение особых мер, включая те из них, которые кажутся, на первый взгляд, второстепенными и даже неестественными. Так, выражение «арктическая кластерная политика», как структура сетей взаимосвязи между субъектами формирующихся экономических комплексов на Севере, элементами региональной инновационной инфраструктуры и субъектами представительства местных органов власти, должна занять вполне достойное место в экономическом лексиконе. Многочисленные авторы, специализирующиеся на теме кластеров, дают собственные определения этого феномена, часто акцентируя внимание на концентрации фирм, способных производить синергетический продукт, благодаря их географической близости и взаимозависимости. Главное состоит в том, что кластеры, представляющие собой географически сконцентрированные группы взаимосвязанных организаций, поставщиков, фирм в соответствующих отраслях и связанных с их работой организаций [Портер, 1993], помогают обеспечивать конкурентоспособность региона [Porter, 2008].

Кластерная политика, является важным элементом национальной и региональной политики многих стран мира. Деятельность динамично развивающихся кластеров оказывает положительное влияние на экономический рост и развитие. Основой данного утверждения является повышение конкурентоспособности предприятий и увеличение инновационной активности [Frankowska; Myszak; Bembenek, 2020].

В европейских странах наибольшую популярность имеют кластеры организованные благодаря частным инициативам, хотя нередко организации происходят благодаря инициативе государственных органов [Kowalski 2020]. В силу необходимости государственной поддержки внешнеэкономической деятельности арктических кластеров и привлечения иностранных инвестиций, расширение форматов такой поддержки считается нормой, поскольку речь идет не только о финансовой, но и правовой, имущественной, организационной, информационной помощи, кадровом обеспечении и т.д. Однако, улучшение международного инвестиционного климата в Арктических зонах неизбежно повлияет положительно на приток частного капитала как иностранного, так и отечественного.

Наибольшую эффективность кластеры имеют в тех регионах, где концентрация взаимосвязанных отраслей высока. Арктическая зона как раз подходит под данный критерий - в некоторых ее регионах до сих пор наблюдается монопрофильность сохранённая ещё с СССР.

Благодаря кластерной политике все участники получают преимущества посредством масштаба и синергии. Важность кластеров показана в Концепция долгосрочного социально-экономического развития России до 2030 года.

Одной из задач кластерной политики является формирование условий для развития государственно-частного партнёрства - ГЧП. Это понятие представляет собой взаимовыгодное сотрудничество, в ходе реализации которого государство получает действующий объект, а предприниматели зарабатывают на строительстве или последующей эксплуатации объекта.

Государственно-частное партнёрство в области инфраструктуры для отдалённых территорий имеет большое значение. Кстати, корейские учёные рассматривают ГЧП, как способ устранения цифрового разрыва между городскими и сельскими районами [Lee; Jeong; Lee 2023]. Данный показатель очень важен для АЗРФ, так как сельские территории имеют большую удалённость и для того что бы реализовать проекты инфраструктуры необходимо участие всех заинтересованных сторон. В западной литературе отмечается, что тенденция расширения государственно-частного партнёрства особенно ярко проявляется в таких сферах, как инфраструктура и транспорт, здравоохранение, образование или охрана окружающей среды, жилищное хозяйство [Batra 2021].

У большинства проектов малого и среднего предпринимательства (МСП) в АЗРФ конкурентоспособность ниже из-за повышенных издержек - высокой стоимости электроэнергии и отчасти - северных надбавок к заработной плате, являющихся обязательными. При усилившемся в 2022-м году санкционным давлением возникла необходимость в поиске перспектив для предприятий и отраслей, и разработке государственной политики, которая сможет не только стабилизировать ситуацию, но и дать новый импульс для развития. Особую роль занимает МСП,

благодаря своей гибкости и способности к изменениям [Риски и возможности развития регионов России в условиях санкционного давления 2022]. Все регионы АЗРФ заинтересованы в социально-экономическом развитии территории, в частности реализации инвестиционных проектов, увеличению уровня предпринимательской активности, роста экономики, эффективного использования ресурсов, повышению благосостояния и качества жизни населения [Социально-экономическое развитие арктического макрорегиона: комплексный подход 2022]. При реализации арктических проектов стоит уделить особое внимание комплексным долгосрочным результатам социально-экономического развития региона, а не финансовым интересам отдельных компаний [Шамахов; Морозова; Степанов 2022].

Цель: Найти синергетические эффекты от использования кластерной политики, мер поддержки малого и среднего предпринимательства, а также механизма государственно-частного (муниципально-частного) партнёрства

Задачи:

- изучить понятие, применение, задачи кластерной политики применительно к АЗРФ;
- рассмотреть понятие, применение, задачи государственно-частного партнёрства;
- выделить меры по поддержке МСП;
- на примере АЗРФ выделить важность использования комплекса данных мер

Методология

Основой для работы послужили статьи и монографии российских и иностранных авторов затрагивающие темы кластеров, развития ГЧП и поддержки предпринимательства. Рассмотрены правовые акты регулирующие деятельность в данных сферах. Произведён глубокий анализ, синтез, сопоставление. Как пример решения проблем отдельной территории была взята Арктическая зона Российской Федерации с её характерными особенностями

Результаты

Кластерный подход предоставляет возможность для развития взаимосвязанных, но независимых проектов. Тем самым оставляя предпринимателям возможности для относительно независимого существования компании и улучшая конкурентоспособность данных организаций

Кластерная политика представляет собой государственную политику включающую комплекс мер, которые преследуют цель развития кластеров, обеспечивающих конкурентоспособность, инновационное развитие, хозяйственные связи и в целом социально-экономическое развитие территории.. Она решает следующие задачи:

- содействие росту конкурентоспособности элементов кластера;
- привлечение инвестиций на территорию;
- создание инфраструктуры для региональных кластеров;
- развитие ГЧП;
- подготовка кадров необходимой квалификации для работы в кластерах;

- развитие МСП.

Основными характеристиками кластера являются [Kowalski 2020]:

- географическая концентрация предприятий ведущей деятельностью в одном секторе и деятельностью связанной с данным сектором

- симбиоз конкуренции и сотрудничества

Организации партнёры обладают таким потенциалом, который больше суммы их потенциалов. Это происходит в результате того, что между участниками кластера происходит обмен технологиями, специалистами, информацией.

Для государства основным преимуществом является то, что оно может эффективно взаимодействовать с бизнесом. А компаниям даёт возможности для преодоления возникающих проблем. Помимо этого, кластеры дают такие положительные эффекты, как: увеличение производительности труда и внедрение инноваций.

Хозяйственные звенья кластера обладают такими признаками, как [Петрова 2014]:

- организационное единство- наличие стратегической цели (группы целей) разработанных административно-экономическим центром управления;

- единство в производственно-технологическом направлении, которое начинается с научных исследований и заканчивается продвижением продукции;

- наличие инфраструктурных условий для реализации деятельности кластера

Кластеры наиболее эффективный механизм для повышения конкурентоспособности [Enright 1992].

Факторы увеличивающие конкурентоспособность проектов в кластерах [Петрова 2014]:

- кадровое обеспечение- за счёт того, что предприятия могут обмениваться специалистами, и кластер может эффективно взаимодействовать с вузами для привлечения молодых кадров;

- возможность исследований и разработок вследствие сотрудничества с организациями науки;

- снижение издержек- в кластере возможны оптовые вые закупки сырья и оборудования;

- совместное пользование ресурсами – предприятия в кластере имеют возможность для совместного пользования инноваций и других ресурсов;

- возможность для совместного маркетинга товара - зачастую небольшие предприятия не могут позволить себе крупных маркетинговых компаний, а это очень важно для продвижение товаров, как на внешних рынках, так и на внутреннем рынке;

- появляются благоприятные условия для выхода на внешние рынки – в большинстве своём это происходит из-за симбиоза общего маркетинга и увеличения конкурентоспособности товаров;

-увеличение взаимосвязи компаний следствии чего легче приспособится к постоянно изменяющимся условиям, возможность применять более успешные практики и проводить совместную антикризисную политику;

- больше внимания со стороны государства- государство заинтересовано в создании и развитии кластеров, поэтому данные направления имеют преференции.

Конкурентоспособность обеспечивает снижение издержек, повышение качества и маркетинговых компаний. Помимо этого, рост конкурентоспособности происходит за счёт увеличения инновационной активности.

Развитие кластеров для государства важно потому что оно приводит к [Петрова 2014]:

- увеличению количества занятых- кластеры обеспечивают создание новых рабочих мест

- повышение уровня жизни- в том числе из-за появления новых рабочих мест и из-за увеличения количества доступной продукции уровень жизни населения в регионах с развитой кластерной системой.

Задачами для реализации кластерной политики [Чайникова 2016]:

- содействие конкурентоспособности предприятий;

- развитие транспортной, инновационной, жилищной, социальной, производственной, инженерной, энергетической инфраструктуры»;

- содействие привлечения в кластер высококвалифицированной рабочей силы;

- развитие системы непрерывного образования;

- развитие МСП;

- формирование и развитие ГЧП;

- развитие производственной и научно-технической кооперации.

Кластерный эффект- социально экономический эффект, возникающий при кластерном взаимодействии, который предполагает увеличение эффективности посредством кооперации, возможностей для использования общей инфраструктуры, увеличения доступа к инновациям и использования общей инфраструктуры.

После оценки факторов, влияющих на кластер и кластерных эффектов рассмотрим этапы оценки эффективности создания регионального кластера [Хашева; Исмаилов 2004]:

- значимость проекта в рамках региона- кластеры должны иметь значительный вес в развитии региона;

- экономическая эффективность проекта- проекты реализуемые в кластере должны быть экономически эффективными, государственная поддержка должна помогать предприятиям развиваться, но они не должны держаться только на ней;

- проведение оценки рисков проекта- все риски реализации и отказа от реализации кластера, как проекта должны быть просчитаны;

- расчёт синергетического эффекта – эффективность компаний в кластере должна быть выше суммы эффективности компаний по отдельности;

- анализ альтернативных решений- нужно рассмотреть все альтернативные возможности реализации проекта.

Принципы стратегического мониторинга кластера [Несмачных 2014]:

- проектного управления- взаимодействие кластеров должно базироваться на принципах проектного управления;

- идеологический- у кластерного управления должна быть определённая общая цель и пул задач;

- эффективности распределения ресурсов- ресурсы в пределах кластера должны быть распределены с максимальной эффективностью;

- адаптации- у кластера должны быть ресурсы и стратегический план на случай изменений внешней среды;

- комплексности развития ресурсов- кластеры должны использовать все виды ресурсов и инновационные, и трудовые и т.п.

- целостности и иерархии- организации входящие в кластер не должны действовать хаотично, у них должна присутствовать система.

Благодаря синергии возможностей государственной власти и эффективности частного капитала получается взаимовыгодное сотрудничество. Государство получает действующий объект экономия деньги на строительстве, а предприниматели получают прибыль. Помимо всего вышесказанного ГЧП обеспечивает привлечение значительных инвестиций в российскую экономику на среднесрочной и долгосрочной основе.

Многие строительные проекты имеют длительный срок окупаемости и очень дороги, государство берёт на себя часть рисков и обеспечивает стабильность проекта. Ориентированный на прибыль инвестор активно ищет пути снижения издержек, повышения эффективности и способы оптимизации ресурсов.

Объектами ГЧП могут быть автомобильные дороги и иные объекты дорожной инфраструктуры, проекты трубопроводного и железнодорожного транспорта, аэропорты, порта, суды, объекты здравоохранения, культуры, образования, туризма, спорта. Объекты на которых осуществляется утилизация, обработка, обезвреживание, проекты благоустройства территории. Не так давно благодаря Федеральному закону 173-ФЗ от 29.06.2018 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в данный перечень стали включены IT-объекты

С позиции региональных органов власти наиболее перспективными направлениями ГЧП являются проекты энергетической инфраструктуры и модернизации жилищно-коммунального хозяйства. Благодаря этим проектам решаются вопросы обновления устаревшей инфраструктуры и создание новой. При этом решается проблема бюджетирования тех или иных проектов. Для предпринимателей данное сотрудничество тоже имеет значительные преимущества, так как государство делит риски и ответственность с частными партнёрами.

Рассмотрим принципы, без которых ГЧП будет неэффективным [Леонова 2020]:

- доступность информации о ГЧП (за исключением проектов содержащих государственную тайну);

- обеспечение свободной конкуренции;

- добросовестное исполнение сторонами своих обязательств по договору;

- отсутствие дискриминации и равенство перед законом;

- свобода заключения данных соглашений;

- справедливое распределение обязательств и рисков между сторонами соглашения.

Теперь перейдём к изучению участников данного процесса:

- частный партнёр- юридическое лицо (кроме некоммерческих организаций, государственных и муниципальных учреждений);

- публичный партнёр- Правительство РФ; высший исполнительный орган субъекта РФ или уполномоченный им орган исполнительной власти; уполномоченный орган местного самоуправления или глава муниципального образования;

- финансирующий партнёр- банк

Но, в большинстве случаев применяются 2 формы государственно-частного партнёрства:

- концессионное соглашение- частный партнёр проводит работы на объекте, который принадлежит государству. Регламентируется Федеральным законом от 21 июля 2005 года N 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»;

- соглашение о ГЧП – частный партнёр проводит работы на объекте, который впоследствии останется в её собственности. Основное регулирование происходит в рамках Федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Перейдём к малому и среднему предпринимательству. В современном мире механизмы поддержки предпринимательства делятся на [Остовская; Дышловой 2019]:

- экономические - поддержка предпринимателей посредством выделения финансирования;

- социальные - создание условий для развития предпринимательства;

- информационные - обеспечение предпринимателей качественной и оперативной информацией;

- инновационные - внедрение инноваций и науки в деятельность предпринимателей;

- правовые- расширение законодательной базы, регулирующей деятельность МСП;

- культурные – создание положительного отношения к предпринимательству;

- мотивационные- создание системной поддержки и упрощение ведения деятельности МСП.

Помимо этого, некоторые исследователи выделяют такие меры поддержки, как [Охрименко; Гачегов 2023]:

- меры направленные на цифровизацию;

- меры для выхода малых предпринимателей на зарубежный рынок;

- помощь в привлечении и обучении кадров.

В большинстве из этих мер АЗРФ нуждается наиболее остро. Перечислим проблемы малого бизнеса, наиболее характерные для АЗРФ:

- энергозатратность производства;

- сложность с завозом материалов и вывозом продукции;

- малая ёмкость местного рынка и сложности с выходом на рынки других регионов;

- неконкурентоспособность местных товаров.

В таблице 1 Рассмотрим возможности для нивелирования проблем Арктической зоны Российской Федерации.

Таблица 1
Возможности нивелирования проблем АЗРФ

	Кластерная политика	Развитие институтов ГЧП	Поддержка МСП
Суровый климат	-	-	-
Неравномерная освоённость территорий	-	+	-
Тенденции к снижению населения	+	+	+
Монопрофильность поселений	-	-	+
Низкая конкурентоспособность местных товаров	+	+	+
Продажа продукции на низких этапах переработки	+	-	+

Исходя из таблицы используя комплекс при грамотной государственной и региональной политики невозможно изменить в лучшую сторону только климатический фактор. Так же отметим, что ни один из представленных механизмов развития территории не сможет в одиночку решить весь комплекс проблем.

Но, помимо этого стоит учитывать, что при применении нескольких механизмов регионального развития их эффект будет гораздо больше, чем при применении одного из них изолировано (табл. 2, 3)

Таблица 2
Кластерные эффекты и эффекты ГЧП

Кластерные эффекты	Эффекты ГЧП
Макроуровень	
- Социальный вклад- создание новых рабочих мест - Внедрение инноваций в производство (более высокая степень кооперации науки и производств) - Увеличение ВВП и положительная динамика экономического развития - Рост инвестиционной активности	- Привлечение инвестиций в страну - Увеличение числа рабочих мест - Развитие инфраструктуры
Микроуровень	
- Экономия на издержках - Эффект снижения стоимости капитала - Синергетический эффект - Маркетинговый эффект - Эффект совместного использования инфраструктуры - Инновационный эффект	- Увеличение возможных отраслей для предпринимательства - Деление рисков между государством и частным инвестором - Более плотное взаимодействие с государством

Из представленной выше таблицы, можно выделить следующие синергетические эффекты кластерной политики и ГЧП:

- кластеры могут развиваться благодаря объектам инфраструктуры построенным посредством государственно-частного партнёрства;
- кластерная политика в совокупности с государственно частным партнёрством может привлечь ещё больше инвестиций;
- маркетинговый эффект в рамках кластерной политики может распространиться так же на компании в рамках государственно-частного партнёрства;

- повышение эффективности управления за счёт применения опыта взаимодействия с другими участниками кластера и государственными властями;
- инновации, применяемые в кластерах так же могут быть применены к предприятиям ГЧП;
- чем больше предприятий задействуется, и чем больше в них государственное участие, тем менее рисковое данное предприятие;
- при совместном взаимодействии предприятий в рамках кластеров и ГЧП будет увеличение экономического роста.

Таблица 3
Кластерные эффекты и эффекты МСП

Кластерные эффекты	Эффекты МСП
Макроуровень	
- Социальный вклад- создание новых рабочих мест - Внедрение инноваций в производство (более высокая степень кооперации науки и производств) - Увеличение ВВП и положительная динамика экономического развития - Рост инвестиционной активности	- Увеличение числа рабочих мест - Развитие конкуренции - Увеличение разнообразия производимой продукции
Микроуровень	
- Экономия на издержках - Эффект снижения стоимости капитала - Синергетический эффект - Маркетинговый эффект - Эффект совместного использования инфраструктуры - Инновационный эффект	- Инновационный эффект - Увеличение эффективности использования капитала

Из представленной выше таблицы, можно выделить следующие синергетические эффекты кластерной политики и политики развития малого и среднего предпринимательства:

- увеличение числа рабочих мест очень важно для развития государства;
- внедрение инноваций очень благотворно повлияет на увеличение конкуренции, так как каждый предприниматель пытается найти конкурентное преимущество, и чем инновационное производство, тем больше вероятности данное преимущество получить;
- при многообразии производимой продукции рост инвестиционной активности будет производиться в большей мере в наиболее перспективных направлениях;
- благодаря маркетинговому эффекту многие предприятия МСП смогут выводить свою продукцию на рынок и станут конкурентоспособными с крупными конкурентами;
- увеличение эффективности использования капитала совместно с экономией на издержках дадут эффект удешевления производства и посредством этого поднимется его конкурентоспособность

Заключение

Кластеры являются эффективным механизмом для увеличения конкурентоспособности, это очень важно в условиях Арктической зоны Российской Федерации особенно в области малого и среднего

предпринимательства и развития государственно-частного партнёрства.

Например, энергозатратность производства и сложность с завозом и вывозом материалов можно решить при помощи кластерной политики с применением ГЧП (развитие энергетической и транспортной инфраструктуры). А если предприятия будут работать в кластере, то им будет намного легче выйти на рынок другого региона. Что касается неконкурентоспособности, то при грамотной выстроенной кластерной политике условия для предпринимателей в разных регионах должны выровняться.

Цель дальнейших исследований авторы видят в разработке уникальных комплексных планов социально-экономического развития отдельных регионов и предложение их региональным властям.

Литература

1. Леонова, Г. И. Теория и практика государственно-частного партнёрства // Экономический вектор. 2020. № 2(21). С. 12-17. DOI: 10.36807/2411-7269-2020-2-21-12-17.

2. Несмачных О. В. Теория проектного управления кластером: методологические положения // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2014. № 3(197). С. 116-123.

3. Остовская А.А., Дышловой И.Н. Выявление и формирование механизмов поддержки предпринимательской деятельности // Сервис в России и за рубежом. 2019. Т. 13. Вып. 5. С. 43-53. DOI: 10.24411/1995-042X-2019-10505.

4. Охрименко, А. В., Гачегов, М. А. Оценка эффективности поддержки малого и среднего предпринимательства // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. №58(4), С. 124–146. DOI:10.55959/MSU0130-0105-6-58-4-6.

5. Петрова, Ю. О. Роль кластеров в формировании пространственной структуры экономики регионов России / Ю. О. Петрова // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2014. № 5. С. 58-69.

6. Портер М. Международная конкуренция / М. Портер. — М.: Междунар. отношения, 1993. 898 с.

7. Социально-экономическое развитие арктического макрорегиона: комплексный подход : монография / Л. А. Чижова, А. Г. Тутьгин, А. О. Подоплёкин и др. ; отв. ред. Чижова Л. А. – Архангельск : КИРА, 2022. – 292 с.

8. Хашева З.М., Исмаилов Р.А. Управление развитием муниципального промышленного комплекса : монография / – Краснодар : Изд-во Юж. ин-та менеджмента, 2004. – 155 с

9. Чайникова, Л. Н. Кластерная политика региона: теория и практика реализации // Формирование новой экономики и кластерные инициативы: теория и практика. 2016. С. 352-370. DOI:10.18720/IEP/2016.2/15.

10. Шамахов В.А., Морозова М.А., Степанов Ю.Г. Стратегический менеджмент устойчивого развития проектов в арктической зоне / В.А. Шамахов, М.А. Морозова, Ю.Г. Степанов // Наука и бизнес: пути развития. 2022. № 10 (136). С. 228-231.

11. Batra R. A (2021) thematic analysis to identify barriers, gaps, and challenges for the implementation of public-private-partnerships in housing // Habitat International. Vol. 118. №102454 DOI:10.1016/j.habitatint.2021.102454

12. Enright M.J. (1992) Why Clusters Are the Way to Win the Game? // World Link. № 5. July/August. Pp. 24-25

13. Frankowska M., Myszak J. M., Bemberek B. National Strategic Documents on Cluster Policy as a Source of Challenges for Cluster Management in Poland Submitted // European Research Studies Journal. 2020. Vol. 23, Is. 2, P. 182-199

14. Kowalski A, M. Towards an Asian Model of Clusters and Cluster Policy: The Super Cluster Strategy. Journal of Competitiveness. 2020. № 12(4). P.74–90. DOI:10.7441/joc.2020.04.05

15. Lee H., Jeong S., Lee Kw. The South Korean case of deploying rural broadband via fiber networks by implementing universal service obligation and public-private partnership based project// Telecommunications Policy. Vol. 47. Is. 3. №102506 DOI:10.1016/j.telpol.2023.102506

16. Porter M.E. On Competition – Boston. MA: Harvard Business Press. 2008. 608 p.

On the synergy of stimulating measures to ensure the development of entrepreneurship in the Arctic zone of Russia

Khadyko A.I., Kornekova S.Yu.

Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research, St. Petersburg State University of Economics

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article substantiates the need to use comprehensive tools for the development of the Arctic zone of the Russian Federation, in particular through the implementation of cluster policy, measures to support small and medium-sized businesses, as well as the mechanism of public-private (municipal-private) partnership. The relevance of the work lies in focusing on the synergistic effects of the implementation of these tools. The Arctic zone of the Russian Federation is a specific macroregion with uneven development, remoteness of territories, harsh climate and a tendency to population decline and "extinction" of settlements. At the same time, the Russian Arctic has great resource potential, the possibility of successful implementation of the Northern Sea Route project, which will contribute to the consolidation of the population of the region strategically important for the security of the country as a whole. According to the authors, the solution to this problem may be to combine existing methods to achieve the highest indicators of socio-economic development. With the help of a comparative analysis of domestic and foreign literature, the need for a comprehensive application of territorial development mechanisms is justified, while the effects of the joint application of various mechanisms are considered from the perspective of two levels. At the first (macro) level, the influence of synergetic effects on the region on the socio-economic development of the region as a whole is highlighted. The second (micro) level describes the impact of synergistic effects on individual enterprises and organizations. Further research on this topic may include the development of comprehensive measures (taking into account the identified synergistic effects) for specific regions.

Keywords: Cluster policy, project management, public-private partnership, Small and medium-sized enterprises, territorial development, Arctic zone of the Russian Federation

References

1. Leonova, G. I. Theory and Practice of Public-Private Partnership // Economic Vector. 2020. No. 2 (21). P. 12-17. DOI: 10.36807/2411-7269-2020-2-21-12-17.
2. Nesmachnykh O. V. Theory of Project Management of a Cluster: Methodological Provisions // Scientific and Technical Bulletin of the St. Petersburg State Polytechnical University. Economic Sciences. 2014. No. 3 (197). P. 116-123.
3. Ostovskaya A. A., Dyshlovoy I. N. Identification and Formation of Mechanisms to Support Entrepreneurial Activity // Service in Russia and Abroad. 2019. Vol. 13. Issue. 5. P. 43-53. DOI: 10.24411/1995-042X-2019-10505.
4. Okhrimenko, A. V., Gachegov, M. A. Assessing the effectiveness of support for small and medium-sized businesses // Bulletin of Moscow University. Series 6. Economy. 2023. No. 58 (4), pp. 124–146. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-4-6.

5. Petrova, Yu. O. The role of clusters in the formation of the spatial structure of the economy of Russian regions / Yu. O. Petrova // *ETAPE: economic theory, analysis, practice*. 2014. No. 5. pp. 58–69.
6. Porter, M. *International competition* / M. Porter. — M.: International relations, 1993. 898 p.
7. Socio-economic development of the Arctic macroregion: an integrated approach: monograph / L. A. Chizhova, A. G. Tutygin, A. O. Podoplekin, et al.; ed. Chizhova L. A. — Arkhangelsk: KIRA, 2022. — 292 p.
8. Khasheva Z. M., Ismailov R. A. *Management of the development of the municipal industrial complex: monograph* / — Krasnodar: Publishing house of the Southern Institute of Management, 2004. — 155 p.
9. Chainikova, L. N. Cluster policy of the region: theory and practice of implementation // *Formation of a new economy and cluster initiatives: theory and practice*. 2016. pp. 352-370. DOI: 10.18720/IEP/2016.2/15.
10. Shamakhov V.A., Morozova M.A., Stepanov Yu.G. Strategic management of sustainable development of projects in the Arctic zone / V.A. Shamakhov, M.A. Morozova, Yu.G. Stepanov // *Science and business: development paths*. 2022. No. 10 (136). P. 228-231.
11. Batra R. A (2021) thematic analysis to identify barriers, gaps, and challenges for the implementation of public-private-partnerships in housing // *Habitat International*. Vol. 118. No. 102454 DOI: 10.1016/j.habitatint.2021.102454
12. Enright M.J. (1992) Why Clusters Are the Way to Win the Game? // *World Link*. No. 5. July/August. pp. 24-25
13. Frankowska M., Myszak J. M., Bembek B. National Strategic Documents on Cluster Policy as a Source of Challenges for Cluster Management in Poland Submitted // *European Research Studies Journal*. 2020. Vol. 23, Is. 2, R. 182-199
14. Kowalski A, M. Towards an Asian Model of Clusters and Cluster Policy: The Super Cluster Strategy. *Journal of Competitiveness*. 2020.№ 12(4). R.74–90. DOI:10.7441/joc.2020.04.05
15. Lee H., Jeong S., Lee Kw. The South Korean case of deploying rural broadband via fiber networks by implementing universal service obligation and public-private partnership based project // *Telecommunications Policy*. Vol. 47. Is. 3. No. 102506 DOI:10.1016/j.telpol.2023.102506
16. Porter M.E. *On Competition* - Boston. MA: Harvard Business Press. 2008. 608 p.

Анализ соотношения цифровизации языка и развития цифровой экономики в контексте новой эпохи

Чжан Цзин

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института иностранных языков Шэньянского политехнического университета, qqqs5617181@gmail.com

У Юйхань

студент Института иностранных языков Шэньянского политехнического университета, 283706168@qq.com

С полным наступлением информационного века стремительное развитие ряда цифровых технологий, таких как Интернет, большие данные, искусственный интеллект и так далее, глубоко меняет способ общественного производства и образ жизни, который стал одной из самых заметных форм существования в современном мире. В настоящее время цифровые технологии и цифровая экономика стали главной силой нового витка научно-технической революции и промышленных перемен. Оцифровка языка и технологии языкового интеллекта играют важную роль в ускорении развития цифровой экономики и являются важной движущей силой для развития цифровой экономики. Эпоха цифровой экономики не только приводит к изменениям в языковой жизни, но и выдвигает более высокие требования к типу, количеству, качеству и способу предоставления языковых услуг, что требует укрепления многогранного потенциала языковых служб. В эпоху цифровой экономики данные стали фактором производства, среди которых лингвистические данные являются одним из наиболее важных видов данных. Оцифровка языка является важной «материальной основой» для развития цифровых технологий, которая может способствовать развитию цифровых технологических инноваций и накоплению цифрового технологического капитала, а также важнейшим «сырьем» для получения информации и знаний для принятия решений, что может всесторонне повысить эффективность совокупного производства, способствовать общественному разделению труда и оптимизировать промышленную структуру. Он может способствовать разделению труда в обществе, оптимизировать промышленную структуру и содействовать развитию цифровой экономики. Статья рассчитана на анализ роли цифровизации языка на развитие цифровой экономики, основываясь на интерпретации коннотации понятий «оцифровка языка» и «цифровая экономика».

Ключевые слова: языковые данные, цифровизация языка, цифровая экономика, языковые продукты, возможности языковых услуг, соотношене цифровизации языка и развития цифровой экономики.

Введение

Благодаря научно-техническому прогрессу и социально-экономическому развитию современный мир претерпевает самые быстрые, масштабные и глубокие изменения, которые когда-либо наблюдались человечеством. По некоторым данным, объем глобальных данных удваивается примерно каждые два года, и можно предположить, что в будущем все элементы человеческого производства и жизни должны быть оцифрованы. Объединение новых технологий, таких как большие данные и облачные вычисления, привело к стремительному развитию Интернета вещей, который позволил соединить людей и людей, людей и вещи, вещи и вещи, ускорив тем самым рождение цифровой экономики. Цифровая экономика также постепенно становится очень важным выражением производительности для экономического и социального развития, ряд «цифровой XX» концепции приходят и уходят, такие как цифровая эра, цифровая экономика, цифрового правительства, цифрового общества, цифровой экологии, цифровой культуры, цифровой торговли, цифровых финансов и т.д. Вообще говоря, цифровая экономика - это новая форма экономики, возникшая в результате технологического развития и революции в информационных технологиях. В настоящее время развитие цифровой экономики стало глобальным консенсусом как для развитых, так и для развивающихся стран. Согласно последним статистическим данным, масштабы цифровой экономики Китая сегодня уверенно занимают второе место в мире, а доход от бизнеса программного обеспечения впервые превысил 10 триллионов юаней [1, с. 8-9], став одним из главных двигателей экономического роста, а масштабы цифровой индустрии неуклонно растут. В процессе развития цифровой экономики оцифровка языка и технологии языкового интеллекта играют важную роль в ускорении развития цифровой экономики.

Экономическая деятельность человека тесно связана с языком, и развитие любой экономической деятельности требует участия языка в той или иной степени и в той или иной форме. Форма, способ и степень участия языковых факторов в общественном производстве тесно связаны с факторами и способами производства, необходимыми для экономического развития, а степень и размер языковых экономических атрибутов существенно различаются в разных экономических формах, таких как аграрная экономика, индустриальная экономика и информационная экономика. Языковые данные - это фактор производства в информационную эпоху, так же как

земля для фермеров и машина для рабочих, компьютер может получить знания и интеллект через обработку и обучение лингвистических данных, чтобы создать новую жизнь для людей. Языковые большие данные фиксируют все аспекты социального управления, экономического развития и жизни людей в цифровую эпоху. Большое значение имеет создание ресурсов языковых больших данных, управление и использование языковых больших данных, полное изучение ценности языковых больших данных и использование технологии добычи данных для обнаружения важной информации, благоприятной для развития цифровой экономики и управления цифровым обществом [2, с. 27 -28]. Цифровизация языка открывает более широкое пространство для языковых услуг и, как ожидается, приведет к появлению новых видов языковых услуг, повысит уровень жизни людей и будет способствовать развитию цифровой экономики. В связи с непрерывным развитием технологий оцифровки языка и текстов, искусственного интеллекта и лингвистического интеллекта люди возлагают все больше надежд и перспектив на языковые услуги, и считается, что в будущем не только языковые услуги, созданные с помощью цифровых технологий, таких как машинный перевод, платформы для изучения языка, интеллектуальное обслуживание клиентов, виртуальные якоря и другие цифровые технологии, станут более популярными, с лучшими характеристиками продукта и более простыми в использовании, но и все больше новых оцифрованных языковых услуг войдут в нашу жизнь. В нашу жизнь войдут новые оцифрованные языковые услуги, такие как роботы-компаньоны для пожилых людей и интеллектуальные помощники.

Результаты и обсуждение

Языковой эффект цифрового общества отражается в изменении самой системы языка, в изменении языковой жизни, а также в современном развитии языкового управления и языковых исследований. Эпоха цифровой экономики не только вносит изменения в языковую жизнь и способствует развитию языковой индустрии, но и выдвигает более высокие требования к языковым услугам, которые должны быть обеспечены высококачественными языковыми услугами.

Понятие цифровой экономики.

Определение цифровой экономики, данное в «14-м пятилетнем плане развития цифровой экономики», изданном Госсоветом КНР в декабре 2021 года, «это новая экономическая форма, в которой ресурсы данных являются ключевым элементом, современные информационные сети - основным носителем, а интеграция применения информационно-коммуникационных технологий и цифровая трансформация всех элементов - важной движущей силой», которая является основной экономической формой после сельскохозяйственной экономики и промышленной экономики [3, с. 14]. Как видно, суть цифровой экономики как экономической концепции

заключается в том, что люди идентифицируют, отбирают, фильтруют, хранят и используют цифровые знания и информацию с помощью больших данных, чтобы направить быструю оптимизацию распределения ресурсов и добиться качественной трансформации и развития экономики в зарождающейся экономической форме. Суть цифровой экономики заключается в расчете и обмене, так называемый расчет заключается не в расчете цены продукта, а в расчете ценности человека, цена продукта в цифровую эпоху и прибыль становятся все ниже и ниже, но интернет неограниченно усиливает ценность продукта и человека, связывая производство и потребление, чтобы установить новые производственные отношения. Цифровой расчет человеческой ценности, в соответствии с ценностью человеческого вклада в создание разумного распределения прибыли. Так называемый обмен, это обмен выгодами, а не монополия капитала, в традиционной экономике и эпохе интернет-экономики, это монополия капитала на права распределения прибыли, в то время как цифровая эпоха, новые отношения производства и производительных сил де-капитализированы и де-коммерциализированы, так что производитель и потребитель делят прибыль от продукта, нет посредника, чтобы заработать разницу в цене.

Понятие цифровизации языка.

Цифровизация языка - это процесс записи, хранения, обработки и распространения языковой информации с помощью цифровых технологий. Этот процесс включает в себя преобразование лингвистической информации в цифровой формат для хранения, обработки и передачи в цифровой среде. Языковая оцифровка включает в себя не только оцифровку речи, но и оцифровку текста, изображений и другой информации, связанной с языком. Под оцифровкой языка и текста можно понимать внедрение передовых цифровых технологий, таких как большие данные, облачные вычисления, искусственный интеллект, блокчейн и другие передовые цифровые технологии, в применение языка и текста для формирования продуктов, процессов или моделей предоставления языковых услуг с помощью различных типов цифровых терминалов. Результаты цифровизации языка быстро внедряются в различные экономические и социальные сферы и в дома обычных людей. Например, появление мультимедийных словарей, таких как «Современный китайский словарь» и «Синьхуа цзыдянь», сделало поиск текста более удобным, а компьютерный тест на знание языка путонхуа частично заменил ручную оценку, повысив эффективность тестирования. Цифровизация языка также постепенно преобразует статическую потенциальную энергию языковых и письменных ресурсов в кинетическую энергию для высококачественного развития языковой индустрии, что будет лучше способствовать построению «цифровой экономики» и «цифрового Китая» в будущем развитии [4, с. 150-151]. Цифровизация языка основывается на стандартизации и нормировании языка, что является новым этапом информатизации языка.

В цифровую эпоху языковые потребности становятся разнообразными и многоуровневыми, поэтому цифровизация языка будет иметь больше возможностей для развития и большую прикладную ценность.

Соотношение цифровизации языка и развития цифровой экономики.

Цифровая экономика уже давно проникла во все сферы экономической жизни. Языковая экономика также должна адаптироваться к требованиям времени, посредством цифровой трансформации завершить преобразование и модернизацию собственной отрасли. Если воспользоваться экспресом цифровой экономики, то после цифровой трансформации значительно повышается прикладная ценность традиционной языковой отрасли. С точки зрения предприятия, три элемента управления предприятием (люди, деньги и вещи) будут преобразованы в цифровую форму управления предприятием. Данные этих трех измерений отражают модель, полностью реконструированную цифровыми средствами, в системе это просто цифровая метка [5, с. 190-191]. Когда люди, деньги и вещи оцифровываются в единую платформу системы управления предприятием, а затем технологические роботы используются для взаимодействия и вывода данных, это способствует трансформации традиционной языковой индустрии в цифровую, что косвенно способствует повышению эффективности языковой индустрии. Развитие информационных технологий, таких как искусственный интеллект, блокчейн, метавселенная и Интернет вещей, в свою очередь, открывает новые возможности для цифровизации языка. Таким образом, цифровизация языка является неотъемлемым органическим компонентом цифровой экономики и важной движущей силой ее развития. Развитие цифровой экономики также выдвигает все более высокие и глубокие требования к оцифровке языка, заставляя языковую индустрию двигаться в направлении оцифровки, и эти два направления являются взаимодополняющими и синергетическими [6, с. 73]. Развитие цифровой экономики выдвинуло более высокие требования к потреблению языковых продуктов и языковых услуг, однако оцифровка языковых продуктов и последующая стыковка с потребителями стали простыми и быстрыми, что способствует постоянному расширению масштабов потребления в языковой индустрии. Языковая система, сформировавшаяся после оцифровки языка, свободна от жестких требований и ограничений традиционной языковой индустрии по времени и пространству, а также по людям, что значительно повышает эффективность промышленного производства. Кроме того, так называемая цифровая экономика - это любая отрасль, которая должна быть предварительно оцифрована, формирование данных, которые могут быть идентифицированы с помощью компьютеров и других инструментов, а процесс оцифровки отрасли по сути является процессом оцифровки языка, текста, символов и других видов информации, поэтому цифровая экономика и экономика языка дополняют друг друга [7, с. 89-90].

Развитие цифровой экономики заставляет языковую экономику переходить на цифровые технологии, а развитие языковой экономики станет важной движущей силой для развития цифровой экономики, они подходят друг другу, внутренне взаимодействуют и совместно способствуют построению современной экономической системы.

1) Цифровизация языка как движущая сила цифровой экономики.

В эпоху цифровой экономики концепция потребления людей также полностью отличается от прежней и незаметно претерпела огромные изменения. Если раньше люди были готовы потреблять вещи, которые можно было увидеть и потрогать, то теперь они готовы потреблять виртуальные данные, такие как видеочастия. Это также означает, что потребители больше не удовлетворены массовым предложением языковых продуктов и услуг, а ищут более персонализированные, индивидуальные продукты. Как уже говорилось ранее, для цифровой экономики характерно индивидуальное производство и точное соответствие спроса и предложения, то есть понимание потребностей потребителей, формирование данных опросов в соответствии с их потребностями, а затем производство продукции [8, с. 68-69]. Таким образом, цифровая экономика должна создавать стоимость, переходя от традиционной экономической модели прибыли, ориентированной на предложение, к модели, ориентированной на потребительский спрос и опыт.

Языковые продукты, производимые традиционной языковой индустрией, представляют собой важные языковые данные, которые важны для обучения компьютеров изучению и анализу человеческого языка и повышения уровня интеллекта. В связи с цифровым построением цифровизации языка и непрерывным развитием искусственного интеллекта и языкового интеллекта люди возлагают больше надежд на традиционные языковые услуги, представленные искусственным интеллектом, в дополнение к интеллектуальному переводу, платформам для изучения языка, интеллектуальному обслуживанию клиентов, виртуальным якорям, которые уже вошли в жизнь людей, можно также предсказать, что в ближайшем будущем языковые услуги, созданные цифровыми технологиями, будут более популярны, например, пожилым людям сопровождающие роботы, домашние интеллектуальные помощники и т.д. [9, с. 70-71]. Кроме того, в жизнь людей будет входить все больше новых цифровых продуктов языковых услуг. Оцифровка языка открывает более широкую сцену и пространство для языковой индустрии, порождая все новые экономические модели в сфере языковых услуг, способствуя тем самым устойчивому и качественному развитию цифровой экономики.

2) Цифровизация языка как важная часть развития цифровой экономики.

Цифровая экономика - это выявление, отбор, фильтрация, хранение и использование данных для получения экономических выгод. В процессе идентификации данных различные аспекты должны быть преобразованы в данные. Например, язык и текст

должны быть оцифрованы и преобразованы в данные для идентификации. Таким образом, результаты оцифровки языка служат, расширяют возможности и улучшают качество языка, а также играют вспомогательную и гарантирующую роль в достижении сбалансированного распределения региональных языковых ресурсов, что является основой для обеспечения справедливого и качественного образования. Строительство системы оцифровки языка и должно быть ориентировано на спрос, соответствовать общей ситуации национального развития, удовлетворять потребности людей в изучении и использовании языка и письменности, а также в повышении качества науки и культуры [10, с. 64]. Развитие технологии больших данных является предпосылкой для зарождения цифровой экономики, а применение больших данных - одной из важнейших особенностей эпохи цифровой экономики. Например, опираясь на строительство цифровых деревень и расширение возможностей языковой науки и техники, можно повысить качество и уровень популяризации общего национального языка и письменности, а также способствовать выравниванию образования.

Создание системы оцифровки языка должно быть направлено на практическое применение, сбор качественных ресурсов, полное использование распределенных, общих, сценарных и персонализированных моделей цифровых услуг, добычу важной информации в процессе оцифровки языка, способствующей развитию цифровой экономики, создание платформы оцифровки языка и письменности с широким влиянием и эффективным предоставлением сообществу услуг и ресурсов оцифровки, которые могут быть использованы и хорошо использованы. Цифровизация языка также требует создания системы цифровых языковых и письменных услуг, совместимой с потребностями широкой общественности, и полного использования новых цифровых технологий для построения общества, свободного от языковых и информационных барьеров. На данном фоне необходимо активно содействовать открытому обмену языковыми ресурсами, служить принятию научных решений, использовать цифровое строительство как возможность для улучшения системы мониторинга языковой жизни, укреплять создание национального аналитического центра по языку и письменности, способствовать совершенствованию системы управления языком и письменностью и модернизации управленческого потенциала.

Заключение

Цифровые технологии глубоко изменили образ мышления, жизни, производства и обучения человека, а «оцифровка» стала основным вопросом в различных областях в Китае, а также целью и направлением трансформации и модернизации различных отраслей. В условиях изменения способа производства цифровая экономика исчисляет стоимость человека, а не цену продукции, и данные становятся основными факторами производства цифровой экономики, и в процессе этой трансформации

и модернизации языковые данные после оцифровки языка и письменных знаков, как наиболее важный тип данных, представляют собой новую форму участия языка в развитии общественного производства, и это важное звено в развитии цифровой экономики, и важная движущая сила для развития цифровой экономики. Цифровизация языка может способствовать развитию инновационных цифровых технологий и накоплению капитала в цифровой экономике, оптимизировать распределение ресурсов и структуру промышленности, углубить общественное разделение труда, повысить эффективность производства и придать новую жизненную силу и импульс социальной экономике. Цифровизация языка требует постоянных инноваций, и спрос на таланты будет расти и становиться все более требовательным. В настоящее время все большее внимание уделяется воспитанию междисциплинарных талантов в области лингвистики, информатики и других дисциплин. В некоторых университетах созданы специальности «Интеллектуальные технологии языка», «Наука о языковых ресурсах» и другие дисциплины и направления, связанные с оцифровкой языка, и готовятся специалисты по оцифровке языка, которые в будущем внесут важный вклад в развитие цифровой экономики и станут сырьевой силой и основным фактором развития цифровой экономики.

Литература

1. Ван Гоудун. Создание цифровой инновационной инфраструктуры для сталелитейных предприятий Ускорение цифровой трансформации сталелитейной промышленности// Стальной прокат. 2022. Вып. 6. С. 2-11.
2. Ван Хайлань. Экспериментальное обсуждение экономических атрибутов лингвистических данных// Исследование языковых стратегий. 2022. Вып. 4. С. 26-34.
3. Ван Хэ. Исследование взаимосвязи и механизма взаимодействия цифровой экономики и экономики языка // Вопросы экономики. 2022. Вып. 11. С. 12-16.
4. Ли Гуанцин. Языковое разнообразие и региональные различия в процессе открытия Китая для внешнего мира// Мировая экономика. 2017. Вып. 3. С. 144-168.
5. Ли Фанфан. Ускорение строительства национального единого крупного рынка и создание современной промышленной системы - обзор мнений, высказанных на Китайской академической ежегодной конференции по промышленным экономическим исследованиям 2022 года // Обзор промышленной экономики. 2023. Вып. 1. С. 189-204.
6. Ли Чжунлян, Цзи Чжаохуэй. Традиционное мышление о контрмерах цифровой трансформации предприятия // Нефтехимическое строительство. 2021. Вып. 2. С. 72-74.
7. Ли Юймин. Эпоха данных и языковая индустрия// Вестник Шаньдунского педагогического университета (издание по общественным наукам). 2020. Вып. 5. С. 87-98.

8. Мо Чэнфань. Язык, культура и экономика - Роль языка и культуры в экономическом развитии Северо-Восточной Азии // Форум Северо-Восточной Азии. 2023. Вып. 4. С. 90-93.

9. Сюй Цзюнь. Анализ экономической ценности языка: эмпирическое исследование на основе языка и китайской внешней торговли услугами// Вестник Колледжа иностранных языков НОАК. 2020. Вып. 3. С. 66-73.

10. Хуан Шаоань, Ван Чжаньлун, Сун Хуэй. Лингвистические данные и цифровая экономика // Исследование языковых стратегий. 2022. Вып. 4. С. 61-65.

Analysis of the relationship between the digitalization of language and the development of the digital economy in the context of the new era

Zhang Jing, Wu Yuhan

Shenyang Ligong University

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

With the full advent of the information age, the rapid development of a series of digital technologies such as the Internet, big data, artificial intelligence and so on has profoundly changed the mode of social production and way of life, which has become one of the most prominent forms of existence in the modern world. At present, digital technology and digital economy have become the main force of the new round of scientific and technological revolution and industrial change. The digitization of language and language intelligence technologies play an important role in accelerating the development of digital economy and are an important driving force for the development of digital economy. The era of digital economy not only brings about changes in language life, but also makes higher demands on the type, quantity, quality and mode of language services, which requires strengthening the multifaceted capacity of language services. In the era of digital economy, data has become a factor of production, among which linguistic data is one of the most important kinds of data. Language digitization is an important "material basis" for the development of digital technology, which can promote the development of digital technological innovation and accumulation of digital technological capital, as well as an

essential "raw material" for information and knowledge for decision-making, which can comprehensively improve the efficiency of aggregate production, promote the social division of labor and optimize the industrial structure. It can promote the division of labor in society, optimize the industrial structure and promote the development of digital economy. The paper is designed to analyze the role of language digitization on the development of digital economy, based on the interpretation of the connotation of the concepts of "language digitization" and "digital economy".

Keywords: language data, digitalization of language, digital economy, language products, language services opportunities, correlation between digitalization of language and development of digital economy.

References

- 1.Wang Guodong. Building digital innovation infrastructure for steel enterprises Accelerating the digital transformation of steel industry// Steel Rolled Products. 2022. No. 6. P. 2-11.
- 2.Wang Hailan. Experimental discussion of economic attributes of linguistic data// Language strategy research. 2022. No. 4. P. 26-34.
- 3.Wang He. Research of the relationship and mechanism of interaction between digital economy and language economy // Voprosy ekonomiki. 2022. No. 11. P. 12-16.
- 4.Li Guangqin. Language diversity and regional differences in the process of opening China to the outside world// World Economy. 2017. No. 3. P. 144-168.
- 5.Li Fangfang. Accelerating the Construction of National Unified Large Market and Building Modern Industrial System - a Review of Opinions at the China Academic Annual Conference on Industrial Economic Research 2022 // Industrial Economics Review. 2023. No. 1. P. 189-204.
- 6.Li Zhongliang, Ji Zhaohui. Traditional thinking on countermeasures of enterprise digital transformation // Petrochemical Construction. 2021. No.2. P. 72-74.
- 7.Li Yueming. Data Age and Language Industry// Bulletin of Shandong Normal University of Education (Social Science Edition). 2020. No.5. P. 87-98.
- 8.Mo Chengfan. Language, Culture and Economy - The Role of Language and Culture in the Economic Development of Northeast Asia // Northeast Asia Forum. 2023. No.4. C. 90-93.
- 9.Xu Jun. Analyzing the economic value of language: an empirical study based on language and Chinese foreign service trade// Bulletin of PLA Foreign Language College. 2020. No. 3. P. 66-73.
- 10.Huang Shaoan, Wang Zhanlong, Song Hui. Linguistic data and digital economy // Language Strategy Research. 2022. No. 4. P. 61-65.

Оценка влияния налоговых инициатив на экономический рост в России на основе VAR-модели

Соколов Илья Александрович

к.э.н., ведущий научный сотрудник Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара, ведущий научный сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, sokolov@iep.ru

Матвеев Евгений Олегович

младший научный сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ассистент кафедры ММАЭ Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, evgenij.matv@gmail.com

Казакова Юлия Евгеньевна

младший научный сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, uekazakova@fa.ru

В период 2025-2027 гг. в России ожидаются значительные изменения в налоговом регулировании, приводящие к росту налоговой нагрузки. В этой связи важно понимать их последствия для экономического роста, для чего, как правило, рассчитываются налоговые мультипликаторы. Для получения наиболее актуальных значений нами была использована VAR модель с меняющимися во времени параметрами. Рассчитанные налоговые мультипликаторы выявляют существенную гетерогенности в воздействии различных типов налогов на экономический рост. Кроме того, анализ динамики мультипликаторов говорит о большей эффективности стимулирующей налоговой политики, в особенности в кризисные периоды. Результаты оценки с использованием рассчитанных мультипликаторов говорят о сокращении темпов экономического роста в 2025 г. на 1.6 п.п. в ответ на проводимые налоговые реформы. При этом наибольший вклад вносит изменение налогообложения прибыли – снижение темпов экономического роста может составить вплоть до 0.7 п.п.

Ключевые слова: налоговая реформа, мультипликатор налоговой политики, VAR модель, экономический рост

Введение.

Начиная с 2025 г. в России будут реализованы недавно принятые налоговые решения, в первую очередь касающиеся налогообложения прибыли организаций и доходов физических лиц. В частности, летом 2024 г. были приняты поправки в Налоговый кодекс Российской Федерации, предусматривающие повышение ставки по налогу на прибыль с 20% до 25% и переход к более прогрессивной пятиступенчатой шкале налогообложения по НДФЛ. Как ожидает Минфин России, данные меры позволят привлечь в бюджетную систему дополнительно 2,1 трлн рублей в 2025 году, а за период 2025-2027 гг. – суммарно 6,4 трлн рублей. Кроме того, точечные изменения в процедурах администрирования НДС, а также снижение порога выручки для признания субъектов МСП плательщиком НДС также приведут к росту поступлений в бюджет.

Следовательно, налоговые инициативы в отношении нефтегазовых доходов будут способствовать пополнению государственного бюджета, что в свою очередь может оказать сдерживающее воздействие на экономический рост по вполне очевидным причинам. Так, исследователи солидарны во мнении, что налогообложения прибыли оказывает искажающее влияние на решения компаний о выборе своей юрисдикции, организационно-правовой формы, источника финансирования, распределении дивидендов [1,2,3] и, что самое важное для экономического роста, на решения о выборе уровня инвестиций [3,4].

С учетом наших более ранних оценок динамики налоговой базы НДФЛ, можно утверждать, что предложенный дизайн обложения доходов физических лиц принципиально не способен изменить поведение индивидов, поскольку затронет людей с заработной платой, превышающей среднюю по стране более чем в 2,5 раза [5]. В связи с отсутствием значимых поведенческих эффектов можно ожидать слабый эффект реформы НДФЛ на экономический рост.

В зависимости от уровня переноса НДС в конечные цены, рост налоговой нагрузки также способен повлиять на решения фирм и потребительский спрос, вызвав тем самым некоторое торможение экономического роста.

В отличие от нефтегазовых поступлений, по нефтегазовым доходам, прогнозируется их довольно существенное сокращение как в долях ВВП, так и номинальном выражении в первую очередь из-за снижения цен на энергоресурсы и изменения структуры и объемов добычи. В то же время важный вклад в динамику поступлений от них окажет изменения законодательства в части НДС на газ, что в

конечном итоге в силу регуляторных причин приведет к снижению поступлений в 2025 году на 550 млрд рублей. Следовательно, изменения в налогообложении нефтегазовых доходов могут дать некоторый стимул для роста выпуска.

С учетом вышеописанных новаций в налоговом регулировании, вступающих в действие с 2025 г. и потенциально оказывающих разнонаправленное воздействие на экономический рост, представляет определенный научный интерес оценка совокупного макроэкономического эффекта от изменений налоговой политики.

Методология оценки.

Для анализа эффектов бюджетно-налоговой политики на экономический рост в исследованиях используют так называемые фискальные мультипликаторы. Наиболее распространенный подход к оценке фискальных мультипликаторов основан на векторных авторегрессионных (VAR) моделях. Для анализа влияния изменений различных показателей в VAR моделях используются импульсные функции отклика. Коэффициенты импульсных функций отклика позволяют оценить фискальные мультипликаторы как отклик ВВП на шоки налоговых поступлений [6,7,8].

Согласно эмпирическим исследованиям, посвященным расчету фискальных мультипликаторов, значения мультипликаторов как по зарубежным странам, так и по России достаточно волатильны. Это может объясняться различиями в периоде данных, которые используются для оценки моделей. Мультипликаторы, полученные с помощью VAR оценок, отражают усредненный эффект фискальных шоков за весь рассматриваемый период. При изменении параметров, влияющих на эффективность бюджетно-налоговой политики, величина мультипликатора будет зависеть от того, в какой период произведена оценка. С точки зрения VAR модели это означает, что ее коэффициенты могут меняться во времени – в результате изменения экономической политики, структурных изменений экономики, фазы делового цикла и др.

Налоговое регулирование государства меняется во времени, а, значит, меняется и воздействие налоговой политики на экономическое развитие страны. Оценить масштаб и характер изменений в налоговой политике в Российской Федерации на федеральном уровне в период с 2004 по 2023 гг. представляется возможным на основе анализа положений пояснительных записок к законопроектам о федеральном бюджете на соответствующие годы. На рисунке ниже представлены прогнозируемые изменения поступлений в федеральный бюджет в ответ на влияние законодательных и разовых факторов по основным группам доходов.

Можно отметить, что в первой половине рассматриваемого периода (в 2000-х гг.) количество налоговых изменений и масштаб их влияния были существенно меньше, чем в период после 2012-го года. Кроме того, многие изменения в этот период были направлены на снижение налоговых поступлений, что можно рассматривать как вариант проведения

стимулирующей налоговой политики. Во второй половине рассматриваемого периода законодательные изменения приводили к более масштабным изменениям поступлений в федеральный бюджет, при этом большая часть изменений привела к росту поступлений. Другими словами, имело место сдерживающая налоговая политика. Ввиду наличия существенных изменений налоговой политики в рассматриваемый период целесообразно предположить изменение трендовых значений налоговых мультипликаторов. Для целей данного исследования необходимо получить наиболее актуальные значения рассматриваемых мультипликаторов.

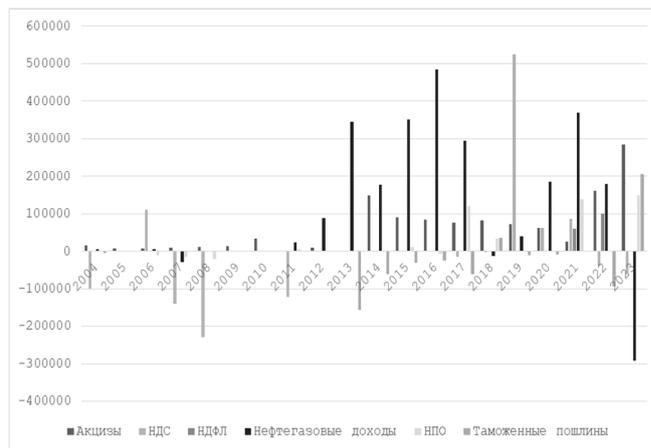

Рисунок 1. Прогнозируемые изменения поступлений в федеральный бюджет в ответ на влияние законодательных и разовых факторов, млн руб., в текущих ценах
Примечание – Источник: расчеты авторов на основании информации из пояснительных записок к законопроектам о федеральном бюджете.

Для учета меняющегося во времени воздействия налоговой политики параметры VAR модели можно рассматривать как случайные процессы и моделировать их схожим образом, как исследуемые макроэкономические показатели. Подобная идея лежит в основе моделей с изменяющимися во времени параметрами – TVP-VAR моделей [9].

При оценке таких моделей особенно остро встает так называемая проблема «проклятия размерности». В случае, если число оцениваемых параметров модели существенно превышает количество наблюдений, оценка параметров может быть в принципе недоступна. Эта проблема особенно актуальна для данных по России, которые редко доступны за период, превышающий двадцать лет. Решение проблемы «проклятия размерности» находят в использовании байесовских методов при оценке VAR моделей (BVAR) [10], которые позволяют рассматривать модели с большим количеством показателей и с большей глубиной лага [1,12].

Байесовский метод для оценки TVP-VAR моделей рассмотрен в работе [13]. Этот метод получил широкое распространение в научной литературе [14,15,16]. При этом в исследовании [16] рассматриваемый подход был усовершенствован и авторам удалось получить состоятельные оценки модели. В работе [17] этот метод был использован для оценки мультипликаторов государственных расходов. По

результатам моделирования автор обнаруживает, что значения мультипликаторов действительно существенно различаются во времени, они выше в периоды экономической неопределенности, в условиях предсказуемой бюджетно-налоговой политики, но при этом ниже в случае повышенной волатильности на финансовых рынках.

Таким образом, для целей данной работы наиболее подходящей представляется методология [13] с уточнениями [16]. Оцениваемое уравнение модели выглядит следующим образом:

$$Y_t = \delta_t + B_{1t}Y_{t-1} + B_{2t}Y_{t-2} + \dots + B_{pt}Y_{t-p} + \varepsilon_t \quad (1)$$

где Y_t – вектор значений макроэкономических показателей на момент времени t , B_{pt} – матрица коэффициентов для лага p в период t , ε_t – случайная ошибка модели.

Для идентификации шоков в модели используется процедура разложения Холецкого. Глубина лага модели составила 4 лага, что характерно для квартальных данных. Налоговые мультипликаторы рассчитываются на основе оценок модели следующим образом:

$$M_t = \frac{\sum_{h=0}^4 a_{yt}^h}{\sum_{h=0}^4 a_{Tt}^h} / \frac{T_t}{Y_t} = \frac{Y_t * \sum_{h=0}^4 a_{yt}^h}{T_t * \sum_{h=0}^4 a_{Tt}^h} \quad (2)$$

где M_t – налоговый мультипликатор в период t ; a_{yt}^h – импульсный отклик изменения ВВП на шок прироста налоговых поступлений, произошедший в период t , в квартал h после шока, % от ВВП;

a_{Tt}^h – импульсный отклик изменения налоговых поступлений на шок прироста налоговых поступлений, произошедший в период t , в квартал h после шока, % от налоговых поступлений;

T_t – объем налоговых поступлений в период t ;

Y_t – значение ВВП в период t .

Основной переменной, отвечающей за экономический рост в модели, является первая разность логарифма реального ВВП (в ценах 2016 года) в квартальной частоте, очищенного от сезонности с использованием алгоритма X13-ARIMA-SEATS. В качестве налоговых переменных используются квартальные данные по совокупным налоговым поступлениям консолидированного бюджета Российской Федерации в соответствии с данными Министерства финансов о фактическом исполнении консолидированного бюджета. Кроме того, отдельно оценены модели для налоговых поступлений в разрезе основных видов налогов:

- Налог на прибыль организаций (НПО);
- Налог на доходы физических лиц (НДФЛ);
- Налог на добавленную стоимость (НДС);
- Нефтегазовые доходы.

Налоговые переменные также взяты в виде первых разностей логарифмов соответствующих показателей в реальном выражении (в ценах 2016 года). Эти показатели также были очищены от сезонности. Указанные данные были взяты за период 2004-2023 гг.

Результаты оценки.

В первую очередь рассмотрим налоговые мультипликаторы в разрезе основных видов налогов. Результаты оценки представлены на рисунке ниже.

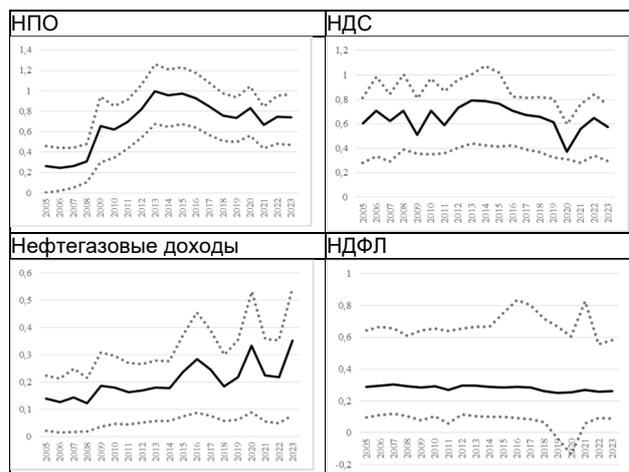

Рисунок 2. Мультипликатор в разрезе основных видов налогов за период 2005-2023 гг., рублей изменения ВВП в ответ на снижение налоговых поступлений на 1 рубль. Примечание – непрерывной линией обозначено медианное значение, пунктирными линиями обозначен 90% доверительный интервал.

Мультипликатор НПО имеет наибольшее значение среди всех рассматриваемых налогов, и достигает своего максимального значения, близкого к единице, в 2013 году. Иначе говоря, эффект стимулирующей налоговой политики посредством снижения налоговой нагрузки на прибыль организаций показывает относительно большую эффективность.

В динамике мультипликатора НДС сложно обнаружить какой-то определенный тренд. При этом особенно выделяется более высокий уровень волатильности мультипликатора до 2011 года и после 2019. Именно в эти периоды наблюдались частые и масштабные по эффекту изменения налогового законодательства в части НДС. В среднем за рассматриваемый период значение мультипликатора НДС не превышает 0.8.

Мультипликатор нефтегазовых доходов в среднем имеет низкие значения. За рассматриваемый период он меняется с 0,14 в 2005 году до 0,22 в 2022 году и существенно возрастает до 0,35 в 2023 году, т.е. наблюдается некоторый повышательный тренд.

Что касается мультипликатора НДФЛ, его значение является наиболее стабильным: отсутствует выраженный тренд, медианное значение имеет низкую волатильность и в течение всего рассматриваемый период его значение колебалось в интервале 0,25-0,3, что также ниже среднего значения мультипликатора для НПО и НДС. Можно предположить, что низкое медианное значение мультипликатора НДФЛ связано с тем, что потребители склонны сглаживать свои доходы во времени, а потому совокупный спрос будет меняться незначительно в ответ на изменения НДФЛ.

Перейдем к анализу мультипликатора налоговых поступлений в совокупности. Результаты оценки представлены на рисунке ниже.

Согласно полученным результатам, значение мультипликатора совокупных налоговых поступлений меняется в рассматриваемый период в диапазоне 0,46-0,61 рублей изменения ВВП в ответ на снижение налоговых поступлений на 1 рубль. При этом можно отметить, что в период 2006-2011 гг.

наблюдается повышательный тренд и значение мультипликатора растет с 0,46 до 0,57. В этот период законодательные изменения были в большинстве своем направлены на снижение налоговой нагрузки. В период 2011-2018 гг. значение мультипликатора относительно стабильно и к 2018 году составляет 0,59. Затем можно отметить некоторый понижающийся тренд. Анализ законодательных инициатив этого периода показывает изменения, связанные с ростом налоговой нагрузки.

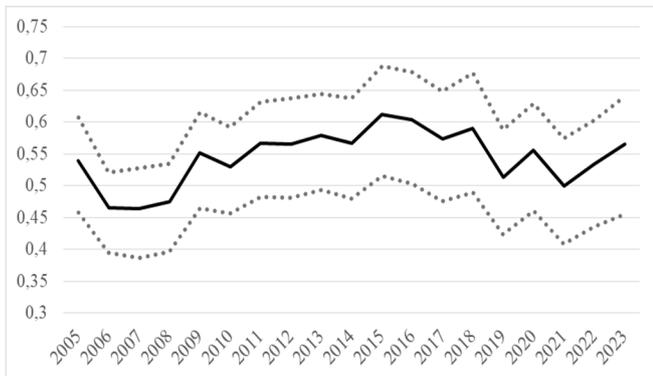

Рисунок 3. Мультипликатор совокупных налоговых поступлений за период 2005-2023 гг., рублей изменения ВВП в ответ на снижение налоговых поступлений на 1 рубль.

Примечание – непрерывной линией обозначено медианное значение, пунктирными линиями обозначен 90% доверительный интервал.

Кроме того, в периоды острой фазы кризисов наблюдается локальный рост значений налогового мультипликатора (2009, 2015, 2020 гг.). Таким образом, снижение налоговой нагрузки (стимулирующая налоговая политика) имеет больший эффект на экономический рост по абсолютному значению, чем сдерживающая налоговая политика. Причем в периоды кризисов воздействие налоговой политики усиливается, т.е. экономика более чувствительна к налоговым изменениям в кризисные периоды.

Оценка эффектов изменений налоговой политики.

Используем полученные значения мультипликаторов, а также прогноз основных параметров бюджетной системы Министерства финансов, для оценки эффекта изменений налоговой политики на период 2025-2027 гг.

В таблице ниже представлен прогноз структуры налоговых поступлений.

Согласно полученным данным, прогнозируется существенный рост налоговых поступлений по налогу на прибыль в размере 22,09% в реальном выражении в 2025 году, что значительно выше общего роста налоговых поступлений в 2025 году (7,9%) и роста поступлений по налогу на прибыль за 2024 год (1,0%). Поступления по НДФЛ также показывают существенный рост в 2025 году в размере 8,99% в реальном выражении. Отмечается также рост поступлений и по НДС. Значительно растут и прочие налоговые поступления, в основном связанные с единовременными налоговыми инициативами. После 2025 года темп роста налоговых по-

ступлений замедляется. Основной вклад в замедление вносят падающие в реальном выражении поступления нефтегазовых доходов в течение всего рассматриваемого периода.

Таблица 1
Прогноз основных параметров налоговых доходов бюджета.

	2023		2024		2025		2026		2027	
	% ВВП	ВВП	при-рост г/г	% ВВП	при-рост г/г	% ВВП	при-рост г/г	% ВВП	при-рост г/г	
Налоговые доходы и платежи	31,8	32,4	6,06%	34,0	7,90%	33,6	1,37%	32,8	0,23%	
в том числе										
налог на прибыль организаций	4,6	4,5	1,02%	5,3	22,09%	5,3	1,49%	5,2	1,91%	
налог на доходы физических лиц	3,8	3,7	1,90%	4,0	8,99%	4,0	2,88%	3,9	1,15%	
налог на добавленную стоимость	6,8	6,8	4,31%	7,2	9,34%	7,3	3,57%	7,3	2,92%	
Доходы от налогов и пошлин, связанных с обложением нефти, газа и нефтепродуктов	7,4	5,8	18,81%	5,1	9,46%	4,6	7,74%	3,9	11,71%	
Прочие	9,2	11,7	31,51%	12,5	9,87%	12,6	3,29%	12,5	2,03%	

Примечание – Источник: Министерство финансов России, расчеты авторов.

Оценим вклад рассматриваемых изменений параметров налоговых доходов бюджета используя рассчитанные ранее значения налоговых мультипликаторов за 2023 г., т.е. наиболее актуальные значения. Это позволяет получить наиболее точный прогноз, учитывающий особенности складывающихся экономических условий. Расчет проводился в двух версиях - без учета структуры налоговых поступлений (использован мультипликатор совокупных налоговых поступлений) и с учетом структуры (в расчете участвуют мультипликаторы по видам налоговых поступлений) – для выделения вклада изменения структуры налоговых доходов. Результаты представлены в таблице ниже.

Таблица 2
Оценка вклада налоговой политики в динамику экономического роста с использованием TVP-BVAR налоговых мультипликаторов, п.п.

	2025	2026	2027
Влияние на экономический рост без учета изменения структуры налоговых доходов	-1,41	-0,26	-0,04
Вклад в динамику экономического роста изменений отдельных налоговых поступлений			
Налог на прибыль организаций	-0,71	-0,06	-0,07
Налог на доходы физических лиц	-0,08	-0,03	-0,01
Налог на добавленную стоимость	-0,35	-0,14	-0,12
Нефтегазовые доходы	0,19	0,14	0,18
Прочие налоговые доходы	-0,63	-0,23	-0,14
Совокупное влияние на экономический рост с учетом изменения структуры налоговых доходов	-1,60	-0,32	-0,16

Примечание – Источник: расчеты авторов.

Согласно полученным результатам, рост налоговой нагрузки в 2025 году действительно приведет к сокращению потенциального экономического роста. Если не учитывать изменение структуры налоговых доходов, экономический рост сократится на 1,41 п.п.

Рассматривая вклад отдельных налоговых поступлений, можно заметить, что налоговая реформа в части налогообложения прибыли будет иметь наиболее значимый эффект – экономический рост сократится на 0,71 п.п. в 2025 году. При этом переход к прогрессивной шкале налогообложения физических лиц не нанесет значительного вреда экономическому росту – снижение темпов в 2025 году составит только 0,08 п.п. Несмотря на значимое снижение нефтегазовых доходов, их стимулирующий эффект на экономику остается умеренным, т.к. мультипликатор нефтегазовых доходов не велик – компании этого сектора менее чувствительны к налоговым изменениям.

В итоге, совокупный эффект повышения налоговой нагрузки в 2025 году с учетом вклада отдельных налогов приводит к сокращению темпов экономического роста на 1,6 п.п., т.е. эффект выше, чем без учета структурных изменений. В период 2026-2027 гг. прогнозируется меньший рост налоговой нагрузки и влияние на экономический рост не столь выражено. Однако при учете изменения структуры налоговых доходов сдерживающий эффект налоговой политики становится более выраженным.

Заключение.

В данной работе был оценен эффект от ожидаемых изменений налоговой политики в России на период 2025-2027 гг. с использованием налоговых мультипликаторов ВВП. Расчет мультипликаторов проведен на основе VAR модели с меняющимися во времени коэффициентами, оцененной на данных за период 2004-2023 гг. Это позволило получить наиболее актуальные значения отклика ВВП на изменения налоговых доходов, учитывающие состояние фискальной политики, структуру экономики и фазу делового цикла. Применение байесовских методов дало возможность оценить модель на сравнительно небольшом горизонте.

Анализ динамики фискальных мультипликаторов позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, выясняется, что стимулирующая налоговая политика имеет больший эффект на экономический рост по абсолютному значению, чем сдерживающая. Причем в кризисные периоды экономика особенно чувствительна к налоговым изменениям. Изменение налогообложения прибыли оказывают наибольший эффект на выпуск. Этот результат является ожидаемым, т.к. фирмы, как экономические агенты, оперативно реагируют на налоговые изменения, влияющие на норму прибыли, и подстраивают свою деятельность, в том числе инвестиционную, под новые налоговые условия. Мультипликатор НДС стабилен и находится на уровне среднего значения по всем налогам, что можно объяснить ациклическостью и низкой эластичностью потребительского спроса – ключевого объекта влияния НДС. Отклик ВВП на из-

менение нефтегазовых доходов достаточно умеренный. Компании данного сектора можно считать менее чувствительными к налоговым реформам. Изменения НДФЛ также оказывают слабый эффект на экономический рост, т.к. потребители склонны сглаживать свои доходы во времени, а потому совокупный спрос будет меняться незначительно.

Использование полученных мультипликаторов для анализа налоговых реформ 2025-2027 гг. показало, что в 2025 г. экономический рост в России способен недополучить 1,6 п.п. из-за повышения налоговой нагрузки. При этом наибольший вклад внесет изменение налогообложения прибыли – снижение составит 0,71 п.п. При этом переход к прогрессивной шкале налогообложения физических лиц не нанесет значительного вреда экономическому росту – снижение темпов в 2025 году составит только 0,08 п.п. В последующие годы эффект налоговых реформ ослабевает.

Метод оценки фискальных мультипликаторов, примененный в данной работе, не лишен недостатков. В частности, необходимость оценки большого числа параметров не позволяет включить в модель контрольные переменные, что позволило бы повысить точность и надежность оценок. Дальнейшее развитие научной работы в данном направлении видится в использовании моделей с переключающимися режимами. Рассмотрение влияния отдельных структурных сдвигов позволит сократить размерность модели и расширить набор объясняющих факторов.

Литература

1. Overesch M. The Effects of Multinationals' Profit Shifting Activities on Real Investments. *National Tax Journal*, 2009, no. 62 (1), pp. 5–23.
2. Djankov S. et. al. The Effect of Corporate Taxes on Investment and Entrepreneurship. *American Economic Journal: Macroeconomics*, 2010, no. 2(3), pp. 31–64. doi:10.1257/mac.2.3.31
3. Belev S., Matveev E. The Consequences of Tax Changes: The Evidence on Tax Multiplier in Russia. *Journal of Tax Reform*. 2024, no. 3 vol. 10, pp. 51-62
4. Соколов И. А., Казакова Ю. Е. Особенности и риски федерального бюджета на ближайшую трехлетку. *Экономическое развитие России*, 2024, Т. 31, № 10, С. 93-98.
5. Belev S., Moguchev N., Vekerle K. Fiscal effects of labour income tax changes in Russia. *Journal of Tax Reform*, 2020, no. 3 vol. 6, pp. 210–224.
6. Blanchard O., Perotti R. An Empirical Characterization of the Dynamic Effects of Changes in Government Spending and Taxes on Output. *The Quarterly Journal of Economics*, 2002, no. 117, pp. 1329–1368.
7. Auerbach A.J., Gorodnichenko Y. Measuring the Output Responses to Fiscal Policy. *American Economic Journal: Economic Policy*, 2002, no. 4(2), pp. 1–27.
8. Власов С., Пономаренко А. Роль бюджетной политики в условиях финансово-экономического кризиса. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 2010, № 7, С. 111–133.

9. Doan T., Litterman R., Sims C. Forecasting and conditional projection using realistic prior distributions. *Econometric Reviews*, 1984, vol. 3, no. 1, pp. 1—100.

10. Banbura M., Giannone D., Reichlin L. Large Bayesian vector autoregressions. *Journal of Applied Econometrics*, 2010, vol. 25, no. 1, pp. 71—92.

11. Kadiyala K., Karlsson S. Numerical methods for estimation and inference in Bayesian VAR models. *Journal of Applied Econometrics*, 1997, no. 12, pp. 99-132.

12. Blake A., Mumtaz H. Applied Bayesian econometrics for central bankers. *Centre for Central Banking Studies Technical Handbook*, Bank of England, 2012, no. 4.

13. Primiceri G. Time Varying Structural Vector Autoregressions and Monetary Policy. *Review of Economic Studies*, 2005, no. 72(3), pp. 821—852.

14. Ardia D., Hoogerheide L. Bayesian Estimation of the GARCH (1, 1) Model with Student-t Innovations. *The R Journal*, 2010, no. 2, pp. 41—47.

15. Koop G., Korobilis D. Bayesian Multivariate Time Series Methods for Empirical Macroeconomics. *Foundations and Trends in Econometrics*, 2010, no. 3, pp. 267—358.

16. Del Negro M., Primiceri G. E. Time-Varying Structural Vector Autoregressions and Monetary Policy: A Corrigendum. *Review of Economic Studies*, 2015, no. 82, pp. 1342—45.

17. Berg T. O. Time Varying Fiscal Multipliers in Germany. *Review of Economics*, 2015, vol. 66, no. 1, pp. 13-46. DOI: 10.1515/roe-2015-0103.

Estimation of the tax reform effects on economic growth in Russia based on VAR model

Sokolov I.A., Matveev E.O., Kazakova Yu.E.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Lomonosov MSU

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

Significant changes in tax regulation, implying the growth of the tax burden, are expected in Russia in the period 2025-2027. In this regard, it is important to understand their consequences for economic growth, for which tax multipliers are usually calculated. To obtain the most relevant values, we used a VAR model with time-varying parameters. The calculated tax multipliers show significant heterogeneity in the impact of different types of taxes on economic growth. In addition, an analysis of the dynamics of multipliers indicates greater effectiveness of stimulating tax policy, especially during downturns. Estimation using the calculated multipliers show that economic growth will be slowed by 1.6 percentage points in 2025 in response to the tax reforms. Changes in profit taxation contributed most to this slowdown - the decrease in economic growth is estimated to be 0.71 percentage points.

Keywords: tax reform, tax multiplier, VAR model, economic growth

References

1. Overesch M. The Effects of Multinationals' Profit Shifting Activities on Real Investments. *National Tax Journal*, 2009, no. 62 (1), pp. 5—23.
2. Djankov S. et al. The Effect of Corporate Taxes on Investment and Entrepreneurship. *American Economic Journal: Macroeconomics*, 2010, no. 2(3), pp. 31—64. doi:10.1257/mac.2.3.31
3. Belev S., Matveev E. The Consequences of Tax Changes: The Evidence on Tax Multiplier in Russia. *Journal of Tax Reform*. 2024, no. 3 vol. 10, pp. 51-62
4. Sokolov I., Kazakova J. Features and risks of the federal budget for the next three years. *Economic development of Russia*, 2024, no. 10 vol. 31, pp. 93-98. (In Russ.).
5. Belev S., Moguchev N., Vekerle K. Fiscal effects of labour income tax changes in Russia. *Journal of Tax Reform*, 2020, no. 3 vol. 6, pp. 210—224.
6. Blanchard O., Perotti R. An Empirical Characterization of the Dynamic Effects of Changes in Government Spending and Taxes on Output. *The Quarterly Journal of Economics*, 2002, no. 117, pp. 1329—1368.
7. Auerbach A.J., Gorodnichenko Y. Measuring the Output Responses to Fiscal Policy. *American Economic Journal: Economic Policy*, 2002, no. 4(2), pp. 1—27.
8. Vlasov, S., Ponomarenko A. The Role of Budget Policy under the Financial and Economic Crisis. *Journal of the New Economic Association*, 2010, no. 7, pp. 111—133. (In Russ.).
9. Doan T., Litterman R., Sims C. Forecasting and conditional projection using realistic prior distributions. *Econometric Reviews*, 1984, vol. 3, no. 1, pp. 1—100.
10. Banbura M., Giannone D., Reichlin L. Large Bayesian vector autoregressions. *Journal of Applied Econometrics*, 2010, vol. 25, no. 1, pp. 71—92.
11. Kadiyala K., Karlsson S. Numerical methods for estimation and inference in Bayesian VAR models. *Journal of Applied Econometrics*, 1997, no. 12, pp. 99-132.
12. Blake A., Mumtaz H. Applied Bayesian econometrics for central bankers. *Centre for Central Banking Studies Technical Handbook*, Bank of England, 2012, no. 4.
13. Primiceri G. Time Varying Structural Vector Autoregressions and Monetary Policy. *Review of Economic Studies*, 2005, no. 72(3), pp. 821—852.
14. Ardia D., Hoogerheide L. Bayesian Estimation of the GARCH (1, 1) Model with Student-t Innovations. *The R Journal*, 2010, no. 2, pp. 41—47.
15. Koop G., Korobilis D. Bayesian Multivariate Time Series Methods for Empirical Macroeconomics. *Foundations and Trends in Econometrics*, 2010, no. 3, pp. 267—358.
16. Del Negro M., Primiceri G. E. Time-Varying Structural Vector Autoregressions and Monetary Policy: A Corrigendum. *Review of Economic Studies*, 2015, no. 82, pp. 1342—45.
17. Berg T. O. Time Varying Fiscal Multipliers in Germany. *Review of Economics*, 2015, vol. 66, no. 1, pp. 13-46. DOI: 10.1515/roe-2015-0103.

Влияние применения международных стандартов финансовой отчетности на финансовую деятельность современных компаний

Аксенова Елизавета Олеговна

бакалавр Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, lisaaxel003@gmail.com

Юрасова Ирина Олеговна

к.э.н., доцент кафедры аудита и корпоративной отчетности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, iyurasova@fa.ru

В статье рассматривается влияние международных стандартов финансовой отчетности на различные аспекты современной корпоративной финансовой деятельности, подчеркивается важность стандартов в эпоху глобализации и растущих требований к прозрачности. На основе обзора ключевых подходов к внедрению международных стандартов финансовой отчетности выделены основные преимущества их применения в бизнесе, а также выявлена их роль в обеспечении точности данных и повышении качества бухгалтерского учета. Установлено, что международные стандарты финансовой отчетности способствуют решениям о первичном публичном размещении акций, раскрытию и снижению асимметрии информации, прогнозированию будущих доходов и денежных потоков, повышению качеству бухгалтерского учета, а также публикации отчетности, связанной с принципами устойчивого развития и экологической, социальной и управленческой ответственности. Всестороннее внедрение международных стандартов финансовой отчетности представляет собой стратегическое преимущество для получения доступа к мировым рынкам капитала и приведения корпоративной практики в соответствие с целями устойчивого развития.

Ключевые слова: международные стандарты финансовой отчетности, прозрачность отчетности, информационная асимметрия, устойчивое развитие, качество бухгалтерского учета, универсализация отчетности, финансы.

Introduction. The transition of the Russian Federation to a market economy and the globalization of the late 20th century necessitated the application of International Financial Reporting Standards (IFRS), a system consisting of a whole set of documents which includes conceptual frameworks, interpretations, and other supporting materials. This system is aimed at improving the quality of management and transparency of financial information in companies, as well as reducing the risks associated with raising debt capital and conducting international commercial activities.

The use of IFRS helps to strengthen confidence in financial data and expands the capabilities of companies in global markets, including access to listing. However, the transition to these standards requires effective corporate governance, reliable internal control, qualified audit, and proper supervision, which significantly increases the credibility of the company's reporting in the stock market [1].

At the same time, the integration of the complete IFRS system is advisable only for large organizations whose data are of interest to a wide range of stakeholders since not every company is able to meet these requirements, which both the International Accounting Standards Board (IASB) and the countries themselves are in agreement with. Thus, small and medium-sized enterprises (SMEs), due to the specifics of their activities and a smaller range of stakeholders, can adhere to simplified reporting forms and comply only with the basic principles of transparency and credibility. In the context of business digitalization, the uncertainty of the global economy and the increasing demands of stakeholders on business, especially in the context of the sustainable development agenda, the issue of considering the impact of IFRS on the financial activities of modern companies is gaining new importance. This article focuses on the key aspects of such impact discussed in recent academic literature.

Results and discussion. The tendencies towards unification and globalization of accounting and financial reporting are reflected in the evolution of the International Accounting Standards Committee (IASC), which has been functioning since 2001 as the IASB. Initially, the purpose of the IASC was to develop recommendations that promote comparability of financial statements, which made it possible to overcome the heterogeneity of national approaches. Over time, standardization requirements have tightened, which has led to a shift from general principles to specific standards governing the assessment and disclosure of all significant elements of

accounting and financial statements. The reform of the IASC at the turn of the century was driven by the need to create universal standards for interstate accounting. The IASB has developed new versions of the standards covering not only the main categories of assets, liabilities, and income, but also issues of reflecting specific business operations. Gradually, IFRS became mandatory for transnational companies and many national jurisdictions, which strengthened their role in regulating the global market.

Currently, the increasing diversity of commercial activities also requires regular updating and expanding of IFRS: despite the fact that an extensive set of standards for accounting and reporting has already been developed, the process of improving IFRS remains incomplete since some standards are still being developed or revised. Modern business imposes new requirements on financial mechanisms and management tools, which creates a demand for adaptation and creation of new standards. Thus, as of 2023, there are more than 55 IFRSs in force, including International Accounting Standards (IAS) and IFRS proper, although some of them have been replaced or updated. At the same time, there are different interpretations and practice statements (Table 1).

Table 1
IFRSs operating within the framework of the IFRS Foundation

Type of Standards	Adoption Period	Number
IAS	Before 2001	41
IFRS	After 2001	17
IFRIC Interpretations		15
SIC Interpretations		5
Practice Statements		2

Source: compiled by the authors based on [1; 2]

The list of projects implemented by the IASB is not limited to the designated areas and is indicative of the significant potential of the IFRS system for further development.

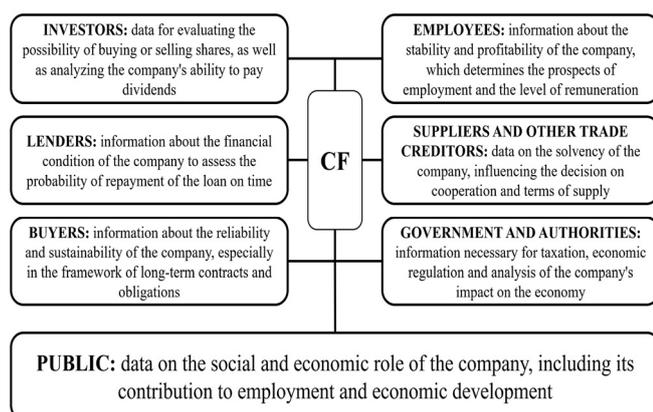

Figure 1 — The main users of CF
Source: compiled by the authors based on [1, p. 14; 2]

It is important to note that in order to systematize the key principles of IFRS, a special document was created, Conceptual Framework for Financial Reporting (CF) [3], which serves as a guideline mainly for developers of standards. At the same time, CF is intended not only for IFRS developers, but also for practical use by accountants and auditors and support for national

bodies regulating accounting standards (Figure 1). CF helps auditors to form professional judgments about the compliance of financial statements with standards and users of financial statements to interpret the information contained within the framework of IFRS. For those involved in the development of standards, the document performs an informational and methodological role.

CF covers various aspects of financial reporting, including objectives, principles of recognition and evaluation, as well as criteria for the qualitative characteristics of information. The main purpose of reporting is to provide information useful for evaluating the company's resources and obligations. At the same time, the information needs of different categories of users of reports vary, which explains the necessity for a differentiated approach to the content of reporting that meets the needs of these groups.

It should be noted that CF is not a standard in itself; it serves as a conceptual foundation defining the basic principles that must be taken into account when developing new standards. In the process of creating standards, deviations from certain CF provisions are allowed in case of specific conditions, which maintains the relevance of standards for the global market.

However, companies are not able to meet the information requests of all user groups, as they are not always ready to disclose certain data, which can negatively affect their activities. In this regard, the IASB develops standards that establish a minimum list of information subject to mandatory disclosure and of interest to different groups of stakeholders.

It should be noted that discussions on the content of reporting have been going on for quite a long time, and in order to reach a more universal solution, CF sets out the main principles of reporting, including basic requirements, or assumptions: accrual accounting and business continuity. Deviations from the basic assumptions of CF reduce the quality of financial statements defined by certain features, the main of which are materiality, faithful representation, and relevance, while the usefulness of information is increased due to four characteristics: comparability, verifiability, timeliness, and understandability [3]. Compliance with the qualitative characteristics of the reporting ensures an objective reflection of the company's activities.

CF defines five reporting elements: assets, liabilities and equity that are related to the financial situation, as well as income and expenses related to the results of operations over a certain period [3].

At the same time, the IASB is currently conducting research to analyze similarities and differences in the interpretation of reporting elements in different countries in order to make accounting systems more compatible. The result of this research was CF. Along with this, the IASB discusses the adaptation of IFRS for emerging markets, and since 2021, the International Sustainability Standards Board (ISSB) has been actively promoting Sustainability Disclosure Standards (IFRS SDS). Thus, currently (as of 2023) two IFRS SDS have been adopted, namely: General Requirements for Disclosure of Sustainability-related Financial Information and Climate-related Disclosures [2].

Thus, according to the latest annual report, the ISSB planned to develop standards in 2024, including the release of new standards on disclosure and accounting for subsidiaries that do not have public reporting, and the update of IFRS for SME. The report also examines changes in standards related to business combinations and disclosure of information on climate risks. Work is underway on narrowly focused amendments affecting exchange rates, energy agreements, and certain contract terms in order to ensure more accurate and universal application of standards in different jurisdictions [4].

At the same time, agenda decisions play a key role in the development of the IFRS system, as they perform functions aimed at supporting and deepening the application of IFRS in global practice. Thus, the decisions made by the IFRS Interpretations Committee help clarify and detail standards, as well as create more specific user guides to avoid ambiguity in the interpretation of IFRS. Due to such decisions, it is possible to eliminate gaps that could interfere with the accurate and uniform interpretation of complex or new financial situations, which, in turn, increases the comparability of reporting between different jurisdictions [5]. Equally important is that the issues of IFRS adaptation are discussed in the academic literature from the point of view of various theories (Table 2).

This ambiguity in the interpretation of IFRS leads to different impacts on the financial activities of modern companies. Based on the relevant academic literature, this article identifies five main areas of such impact.

Impact on decisions on the initial public offering (IPO). The application of IFRS has a significant impact on IPOs, as IFRS increase the level of transparency of financial statements, which increases investor confidence and reduces the likelihood of IPO withdrawal. When preparing an IPO, one of the most important aspects for companies is the opportunity to provide potential investors with complete and comparable financial data, which allows them to objectively assess the financial condition and prospects of the company. IFRS as international standards help to create an information environment in which the financial statements of various companies become understandable and can be easily compared reducing uncertainty for investors.

Financial statements formed according to the IFRS are characterized by a high level of detail providing a deeper understanding of the structure of assets, liabilities, and income streams of the company, which leads to a decrease in information asymmetry between investors and the issuer and creates conditions for a more objective assessment of the company at the IPO stage. Thus, if there is complete information in the reports, the probability of misinterpretation of data is significantly reduced, which has a positive effect on investor confidence [7]. Such confidence contributes not only to attracting a wide range of potential investors, but also to increasing their willingness to invest at earlier stages of the share offering.

In addition, IFRS facilitate confidence in companies seeking to enter international markets since they ensure comparability of data at the global level. The

transparency provided by IFRS is becoming an important factor for foreign investors, especially if companies are located outside their countries [7]. Standardized reporting makes it possible to overcome differences between national accounting standards, which reduces barriers to foreign investment, strengthens the company's international reputation, and, therefore, makes it attractive in the global capital market.

*Table 2
IFRS operating within the framework of the IFRS Foundation*

Theories	Description of the understanding of IFRS
Institutional theory	Explains the adoption of IFRS as a response to institutional pressures that require legitimacy and comparability
Agency theory	Considers IFRS as a tool to reduce agency costs by increasing transparency of relations between management and stakeholders
Theory of the needs of capital	Describes IFRS as a means of improving access to capital through greater financial transparency
Legitimacy theory	Assumes that the adoption of IFRS increases the social legitimacy of the company and its image in society
Bonding theory	Indicates that the implementation of IFRS helps firms attract international capital and demonstrate reliable reporting
Actor-network theory	Considers the implementation of IFRS as a network of interactions between various stakeholders
Contingency theory	Assumes that the effectiveness of IFRS depends on local economic and regulatory conditions
Neo-institutional theory	Emphasizes that the adoption of IFRS is consistent with external pressure, which requires compliance with institutional requirements and modernization

Source: compiled by the authors based on [6]

However, the transition to IFRS requires significant costs and efforts, especially from companies for which compliance with international standards is a new challenge. The cost and complexity of adapting accounting systems to IFRS may increase significantly, which in some cases causes additional risks when preparing for an IPO. For example, SMEs may experience financial and resource-related difficulties in implementing IFRS, which creates additional financial and operational obstacles for them on the way to a successful share offering [7].

Impact on disclosures and information asymmetry reduction. IFRS plays a significant role in improving data transparency and reducing information asymmetry by providing structured data that objectively reflects the state of the company to all stakeholders and users of reports. The application of IFRS leads to the harmonization of accounting principles and disclosure standards making financial data more reliable and universally applicable, which is especially important in international business relations. At the same time, the IFRS standards, being aimed at ensuring comparability and completeness of information, not only prevent potential manipulations with reporting, but also contribute to a better risk assessment, thereby reducing the likelihood of uncertainty for investors.

The concept of IFRS is based on the requirements for the accuracy and transparency of financial data and providing investors and analysts with access to information about the company's assets, liabilities, and income contributing to a holistic view of its situation. Such a disclosure system helps to eliminate disagreements and gaps that could arise when applying local accounting standards allowing for discrepancies and variable interpretations. As a result, the companies using IFRS provide data that is understandable to a wider range of investors, regardless of their geographical location or the specifics of the regulatory environment, which contributes to the global integration of financial markets [8].

IFRS is also actively used to reduce the asymmetry of information that arises between management and owners of capital. Transparent information and data disclosure standards provide shareholders and potential investors with a basis for forming an objective opinion about the financial standing and business prospects of the company. It is important to emphasize that IFRS places high demands on the completeness and correctness of data disclosure, which makes it less likely to conceal significant aspects of the company's activities — all this together contributes to an objective assessment of the company's market value and reduces financial risks.

The reduction of information asymmetry and increased transparency of reporting achieved through the application of IFRS also support the process of harmonization of accounting and financial reporting on an international scale, which reduces obstacles to international investment and is especially important for global investors who seek an objective assessment of the financial stability of companies in different markets. The use of IFRS allows investors to rely on data that meets universal standards, which helps to increase confidence in foreign issuers and reduces potential barriers for those wishing to enter new capital markets.

IFRS requirements for disclosure of information about risks and future earnings also play a significant role in reducing uncertainty for external market participants. Thus, companies are required to provide information about financial and operational risks making it easier for potential and current investors to accurately assess the risks and profitability of their investments, which increases the level of trust and helps reduce the cost of information retrieval and risk analysis; in other words, the investment decision-making process becomes more reasonable and effective [8]. Thus, IFRS not only contributes to the improved openness of data, but also plays a significant role in strengthening investor confidence, which, in turn, increases the competitive advantages and sustainability of companies in the context of globalization.

Impact on income and cash flow forecasting. IFRS has a significant impact on the ability of market participants to forecast future income and cash flows of companies. The adoption of IFRS strengthens the role of reporting as a forecasting tool by ensuring high reliability and degree of detail of the data that investors and analysts use to forecast financial performance.

One of the most important factors that IFRS contributes to improving the predictive usefulness of reporting is the unification of approaches to the recognition of income and expenses, which facilitates not only obtaining more accurate information, but also standardizing it and creating a common information base.

Forecasting of future cash flows has improved significantly with the transition to IFRS, as these standards provide for a more precise definition of liabilities and assessment of their impact on future expenses. IFRS allows users of financial statements to take into account a wide range of factors that affect a company's ability to generate income, especially in terms of disclosure requirements for probable financial flows and asset structure. IFRS requires the presentation of data on expenses related to operating, investment, and financial activities, which forms a more complete understanding of financial flows and provides a high degree of detailed analysis.

The impact of IFRS on forecasting through segment reporting is of particular importance. Thus, the IFRS standards impose strict requirements on disclosure of information about various business segments of the company, which allows a deeper understanding of the structure of income and expenses of each of them. Such segmentation becomes an important element for forecasting, since investors can analyze the sustainability and profitability prospects of each segment individually, and this allows for more accurate modeling of possible business development scenarios. In addition, more detailed segment data provides an opportunity to take into account seasonal and geographical fluctuations in income [9].

In addition, IFRS increases the accuracy of forecasting due to the mandatory disclosure of value judgments that management uses when preparing financial statements. IFRS requires transparency in the assumptions and evaluations applied to assets and liabilities, which is especially important for companies operating in conditions of high uncertainty or instability. Disclosure of such evaluations allows users of the financial statements to be more aware of the risks associated with future cash flows and to take these risks into account when making forecasts.

Another important aspect that IFRS introduces into the forecasting of cash flows is related to the improvement of methods for assessing assets and liabilities at fair value, which is a key element of forecasting. An objective assessment of assets prevents inflated expectations of profitability based on incorrect asset values and provides a more accurate basis for analyzing the company's future profitability. A fair assessment of liabilities, in turn, helps to take into account the risks associated with debts and payables and understand their impact on the financial stability of the company in the long term [9].

In general, IFRS creates a holistic and detailed system of financial indicators that not only reflect the current state of the company, but also provide an opportunity for a long-term analysis of its financial stability. Improving the quality of data, unifying their presentation and mandatory disclosure of value

judgments significantly increase the accuracy and objectivity of forecasts, which makes it possible to more fully take into account all aspects that may affect the future financial condition of the company.

Impact on the quality of accounting. The impact of IFRS on the quality of accounting is expressed through the standardization of principles, which reduces subjective approaches and thereby reduces opportunities for manipulation of financial data. The main objective of IFRS in this area is to provide a reliable basis for accounting statements that demonstrate the actual state of the company and serve as a reliable source of information for all stakeholders. In this context, the quality of accounting is improved through a unified approach to the recognition and valuation of assets, liabilities, and income.

One of the aspects influencing the improvement of accounting quality is the requirement for the reliability of estimates and disclosure of information, which is one of the key principles of IFRS. IFRS approaches to accounting contribute to improving the credibility of accounting data, since international standards require taking into account market conditions and estimated values at the time of reporting. In other words, the integration of IFRS standards makes information more accurate and relevant, since reporting in this case is not just the result of business operations, but the economic status of the company in current conditions. Such an approach reduces the likelihood of overestimated or underestimated evaluation of assets and liabilities and increases confidence in the presented financial data.

In addition, the significant component of IFRS is its impact on data consistency, which helps to eliminate discrepancies in accounting methods between different jurisdictions and industries. IFRS sets clear rules for the recognition and valuation of assets and liabilities, which leads to improved unification of accounting and a reduction in data variability caused by differences in national standards. Thus, the comparability of information between companies from different countries allows for a more accurate assessment of their financial situation, which makes the analysis process less susceptible to the influence of subjective factors and local accounting rules [10].

IFRS also imposes high disclosure requirements, which eliminates the possibility of hidden transactions and less obvious financial risks. Companies are required to disclose data on operating activities, investments, financing, possible risks, and uncertainties that may affect the company's future, which improves the quality of information, since the data presented in the accounting framework is provided in full, which allows investors and analysts to draw more informed conclusions about the financial stability of the company. Expanded disclosure of information contributes to a clear understanding of the structure of assets, sources of financing and obligations of the company, which at the same time eliminates the possibility of hiding undesirable financial aspects.

The impact of IFRS on the valuation of assets and liabilities at fair value is particularly noticeable, which also increases the objectivity and reliability of accounting. Thus, in the context of the application of

national standards, it is often allowed to use historical value, which may not reflect the current market value. IFRS, however, establishes principles according to which the valuation of assets and liabilities should correspond to market value, which is especially important for accounting of long-term assets and investments. This reduces the likelihood of various manipulations with accounting statements, since the data are based on objective market value, which makes the quality of reporting better.

The impact of IFRS on the quality of accounting is also manifested in strict rules for accounting for losses and expenses, which avoids overestimation of profitability and improves the authenticity of accounting statements. The recognition of losses and potential risks allows the company to reflect possible problems in advance in the accounting statements, as a result of which the information becomes not only more complete, but also accurate, and also takes into account possible economic changes, which is especially important for forecasting and long-term strategic planning.

Impact of IFRS on ESG reporting. As already noted, since 2021, the IFRS Foundation has strengthened the impact of IFRS on ESG reporting, which is primarily due to the institutionalization of IFRS SDS. The impact of IFRS on ESG reporting is expressed in the creation of a structured framework for the disclosure of data related to the criteria of sustainable development and the integration of financial and non-financial indicators. Thus, in response to the growing demand for information on the social, environmental, and governance aspects of companies' activities, the IFRS Foundation, with its system of principles ensuring a high degree of comparability and transparency, is becoming a key tool for improving the quality of ESG reporting. As part of the ESG transformation, IFRS has become more adapted for sustainable development, which has contributed to the formation of transparent disclosure requirements related to climate risks, social obligations, and ethical aspects of governance.

First and foremost, the impact of IFRS on ESG reporting is manifested through the unification of approaches to disclosure of non-financial data, which makes it possible to apply uniform standards for evaluating ESG indicators of companies at the global level. IFRS ensures a high level of comparability and reliability of the data disclosed in ESG reports, regardless of the region or industry to which the company belongs. More transparent and comparable data make it possible to assess the impact of companies on the environment and society more accurately [11; 12].

It is important to emphasize that the creation of the ISSB under the IFRS Foundation was a significant step towards the formation of a unified global approach to ESG reporting. ISSB has already developed two standards that focus on the disclosure of key indicators of sustainable development and allow companies to provide data on factors related to climate change, resource use, and social responsibility. The introduction of these standards potentially simplifies the process of integrating ESG reporting into financial statements,

since companies can use a single set of indicators to assess their risks and environmental impact [12].

An important aspect is the coordination of the IFRS ESG standards with such international standards as the recommendations by the Global Reporting Initiative (GRI) and the Sustainability Accounting Standards Board (SASB). The IFRS Foundation, in cooperation with these organizations, seeks to eliminate duplication and discrepancies in the requirements for ESG disclosures, which ensures improved quality and reliability of ESG reporting. The process of combining standards contributes to the formation of a unified methodological framework for the disclosure of ESG indicators, which strengthens confidence of investors and other interested parties in financial reporting data [12].

One of the key areas influenced by IFRS within the framework of the ESG agenda is the improvement of reporting on environmental indicators. The ISSB provides for disclosure requirements on the environmental impact of companies, including data on greenhouse gas emissions, energy and resource use, measures to protect biodiversity and waste management [11].

Social aspects are also reflected in the IFRS ESG standards system. Companies are required to disclose information about their work with employees, suppliers, society, and measures to improve working conditions, maintain inclusion, and protect human rights. IFRS standards offer the possibility to record the company's contribution to social development and its approach to social risk management, which helps stakeholders assess the sustainability of the company's social policy. Due to transparent presentation of data on social initiatives, companies can strengthen the trust of their employees and society and create a positive perception of their role in the socio-economic development of the region, the country and even the whole world [12].

Corporate governance issues also occupy an important place in ESG reporting according to IFRS standards. These standards require disclosure of information about the company's management policy, including the structure of the board of directors, the level of transparency of management processes, compensation for top management and other aspects affecting transparency and ethics of corporate governance. IFRS contribute to more detailed disclosure of data on governance aspects, which allows investors to objectively assess the quality of management in the company and the degree of its compliance with the Sustainable Development Goals (SDGs). High requirements for disclosure of management data also play an important role in strengthening corporate responsibility and developing more sustainable business practices, which strengthens trust between companies and their stakeholders [11; 12].

Thus, the impact of IFRS on ESG reporting consists in establishing a uniform approach to data disclosure to improve transparency and quality of information on social, environmental, and governance performance of companies. IFRS creates the basis for deeper integration of the principles of sustainable development

into corporate reporting, which strengthens confidence in data and allows for more informed decisions that contribute to the long-term sustainability of the business.

Conclusions. It can be concluded that currently the activities of the IFRS Foundation aimed at unifying international standards are in demand among modern companies and have a positive impact on decisions on initial public offerings, disclosures and reducing information asymmetry, forecasting future income and cash flows, the quality of accounting and ESG reporting. The issues of these and other types of IFRS impact are actively discussed by both international organizations and the academic community within such theoretical frameworks as institutional, agency, capital need, legitimacy, bonding, actor-network, continuity, and neo-institutional theories. One of the main universal documents adopted by the IFRS Foundation is the CF, the adoption of which reflects the intention of the IFRS Foundation to universalize practical approaches to evaluating financial and accounting statements of modern companies.

The Impact of Implementation International Financial Reporting Standards on the Financial Activities of Modern Companies

Aksenova E.O., Yurasova I.O.

Financial University under the Government of the Russian Federation

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

The article examines the impact of International Financial Reporting Standards on various aspects of modern corporate financial activities and emphasizes the importance of standards in the era of globalization and demanding transparency requirements. Based on the review of key approaches to the implementation of International Financial Reporting Standards, the main advantages of their application in business are highlighted, as well as their role in ensuring data accuracy and improving the quality of accounting is revealed. It is established that International Financial Reporting Standards contribute to decisions on initial public offerings, information disclosure and reduction of information asymmetry, forecasting future income and cash flows, increasing quality of accounting, as well as reporting related to the principles of sustainable development and environmental, social, and governance responsibility. The comprehensive implementation of International Financial Reporting Standards represents a strategic advantage in gaining access to global capital markets and bringing corporate practices in line with sustainable development goals.

Keywords: International Financial Reporting Standards, transparency of reporting, information asymmetry, sustainable development, accounting quality, universalization of reporting, finance.

References

1. International Financial Reporting Standards: textbook / edited by prof. V. G. Hetman. — 4th ed., updated and revised. — Moscow: INFRA-M, 2023. — 582 p.
2. Conceptual Framework for Financial Reporting // SPS "ConsultantPlus". — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160581/ (accessed: 07.11.2024).
3. IFRS / Official Internet portal. — URL: <https://www.ifrs.org/> (accessed: 07.11.2024).
4. 2023 Annual Report // IFRS Foundation. — URL: <https://www.ifrs.org/content/dam/ifrs/about-us/funding/2023/ifrs-foundation-annual-report-2023.pdf> (accessed: 07.11.2024).
5. Ramassa P., Quagli A. Interpreting IFRS: The Evolving Role of Agenda Decisions // Abacus. — 2024. — Vol. 60. — No. 2. — P. 205-235.
6. Agana J. A., Zamore S., Domeher D. IFRS adoption: A systematic review of the underlying theories // Journal of Financial Reporting and Accounting. — 2023. — Vol. 22. — No. 5. — P. 1-35.
7. Alidarous M. What effect does the mandatory adoption of IFRS have on the decision to withdraw an IPO? // Asia-Pacific Journal of Accounting & Economics. — 2024. — Vol. 31. — No. 8. — P. 1-32.
8. Ahmed D. M., Azhar Z., Mohammad A. J. Integrative Impact of Corporate Governance and International Standards for Accounting (IAS, IFRS) in Reducing Information Asymmetry // Polytechnic Journal of Humanities and Social Sciences. — 2024. — Vol. 5. — No. 1. — P. 567-582.
9. Li S., Sougiannis T., Wang S. I. Mandatory IFRS adoption and the usefulness of accounting information in predicting future earnings and cash flows // The International Journal of Accounting. — 2024. — No. 6. — P. 1-51.

10. Agana J. A., Zori S. G., Alon A. IFRS adoption approaches and accounting quality // The International Journal of Accounting. — 2023. — Vol. 58. — No. 03. — P. 1-36.
11. Gardi B., Aga M., Abdullah N. N. Corporate governance and financial reporting quality: The Mediation Role of IFRS // Sustainability. — 2023. — Vol. 15. — No. 13. — P. 1-19.
12. Afanasiev M. P., Shash N. N. New Information in Financial Disclosures Related to Sustainable Development in the Concept of ESG (Version IFRS) // Studies on Russian Economic Development. — 2023. — Vol. 34. — No. 5. — P. 696-703.

Оценка эффективности ESG-инвестирования на развивающихся рынках капитала

Арсаханова Зина Абдулловна

профессор кафедры финансов, кредита и антимонопольного регулирования, Чеченский государственный университет имени А.Х. Кадырова, zina_ars@mail.ru

Статья посвящена анализу эффективности ESG-инвестирования на развивающихся рынках капитала. Цель исследования - выявить специфику влияния ESG-факторов на финансовые показатели компаний из стран с формирующейся рыночной экономикой. Методология включает построение многофакторных регрессионных моделей на панельных данных по выборке из 150 крупнейших публичных компаний 12 стран с развивающимися рынками за период 2015-2022 гг. Результаты свидетельствуют о наличии статистически значимой положительной связи между интегральным ESG-рейтингом и показателями рентабельности активов (ROA), рентабельности собственного капитала (ROE), а также отношением рыночной стоимости компании к балансовой (MV/BV). При этом наибольший вклад в повышение финансовой результативности вносят факторы корпоративного управления (G) и социальной ответственности (S). Полученные выводы вносят вклад в развитие концепции ESG-инвестирования применительно к специфике развивающихся рынков и могут быть использованы при формировании инвестиционных стратегий, ориентированных на устойчивое развитие. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом страновых и отраслевых различий во взаимосвязи ESG-факторов и финансовой эффективности компаний. **Ключевые слова:** ESG-инвестирование, устойчивое развитие, развивающиеся рынки, корпоративные финансы, панельный анализ данных

Введение

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом инвесторов к учету факторов устойчивого развития при принятии финансовых решений. Концепция ESG-инвестирования, предполагающая интеграцию экологических, социальных и управленческих параметров в инвестиционный анализ, становится глобальным трендом [1]. Ряд научных работ последних лет свидетельствует о наличии позитивной связи между эффективностью управления ESG-факторами и финансовой результативностью компаний на развитых рынках [2; 3]. Вместе с тем, специфика ESG-инвестирования на развивающихся рынках капитала остается недостаточно изученной. Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей влияния ESG-рейтингов компаний из стран с формирующейся рыночной экономикой на ключевые показатели их финансовой эффективности. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: 1) проведение концептуального анализа современных исследований, посвященных проблематике ESG-инвестирования; 2) формирование релевантной эмпирической базы и обоснование методологии исследования; 3) построение эконометрических моделей, отражающих взаимосвязь интегральных ESG-рейтингов и финансовых метрик компаний; 4) интерпретация полученных результатов и формулировка выводов относительно драйверов финансовой эффективности ESG-инвестирования на развивающихся рынках. Решение обозначенных задач позволит получить обоснованные выводы, значимые как для развития научных представлений в области устойчивого инвестирования, так и для совершенствования практик финансового управления в компаниях развивающихся стран.

Концептуальный анализ релевантных научных публикаций последних лет обнаруживает нарастающий интерес исследователей к проблематике ESG-инвестирования. Опубликованный в журнале *Journal of Corporate Finance* (IF 4.055) метаанализ [4], охватывающий результаты 1000 эмпирических работ за 2015-2020 гг., выявил устойчивую положительную связь между ESG-рейтингами компаний и показателями их финансовой результативности. Вместе с тем, большая часть выводов основана на данных развитых рынков. Исследования, сфокусированные на развивающихся экономиках, пока немногочисленны и не позволяют сделать однозначных заключений. Так, в работе [5], опубликованной в журнале *Emerging Markets Review* (IF 2.891), на примере компаний Юго-Восточной Азии установ-

лено, что высокие ESG-рейтинги способствуют росту рыночной капитализации, однако значимого влияния на бухгалтерские показатели рентабельности не оказывают. Схожие результаты получены в исследовании [6] на данных стран БРИКС, представленном в журнале *Sustainability* (IF 3.251). Наряду с этим, в статье [7] из журнала *Journal of Sustainable Finance & Investment* (IF 2.430) выявлены существенные страновые различия в характере взаимосвязи ESG-факторов и финансовых показателей для развивающихся рынков Латинской Америки. При этом в качестве ключевого драйвера эффективности идентифицированы параметры корпоративного управления. Представленные в литературе противоречивые свидетельства актуализируют необходимость дальнейшего углубленного анализа финансовых эффектов ESG-инвестирования на развивающихся рынках.

Проведенный обзор литературы обнаруживает вариативность подходов к операционализации ключевых понятий, связанных с ESG-инвестированием. Базовое определение ESG, предложенное *Global Sustainable Investment Alliance*, трактует данную концепцию как "учет экологических, социальных факторов и факторов корпоративного управления в инвестиционном анализе и процессах принятия решений" [1]. Наряду с этим, в научном дискурсе представлены различные акценты в детализации ESG-факторов. Обобщая подходы, целесообразно опираться на типологию, предложенную в работе [2], которая соотносит экологические факторы (E) с воздействием компании на окружающую среду; социальные факторы (S) - с взаимоотношениями компании с сотрудниками, клиентами, контрагентами и местными сообществами; факторы корпоративного управления (G) - с качеством управления, соблюдением этических норм, учетом интересов акционеров. Следуя данной логике, в настоящей статье под ESG-инвестированием понимается подход, предполагающий включение указанных нефинансовых факторов в процесс принятия инвестиционных решений и оценки их последствий.

Систематический анализ существующих исследований ESG-инвестирования на развивающихся рынках выявляет ряд пробелов и открытых вопросов. Во-первых, предшествующие работы, как правило, фокусировались на отдельных страновых кейсах [5; 7], что не позволяет сделать обобщающих выводов относительно специфики влияния ESG-факторов на финансовую результативность компаний развивающихся экономик. Во-вторых, большинство исследований опиралось на ограниченный набор финансовых метрик (преимущественно показатели рыночной капитализации), тогда как анализ бухгалтерских коэффициентов рентабельности представлен фрагментарно [6]. В-третьих, во многих работах использовались кросс-секционные данные, ограничивающие возможности учета динамических эффектов и неучтенной гетерогенности [4]. Настоящее исследование нацелено на заполнение обозначенных пробелов посредством анализа панельных данных широкой выборки компаний из 12 стран с

развивающимися рынками в разрезе ключевых показателей финансовой эффективности.

Научная новизна авторского подхода заключается в его нацеленности на получение обобщающих выводов относительно влияния ESG-факторов на финансовую результативность компаний развивающихся стран на основе обширного массива эмпирических панельных данных. В отличие от существующих работ, сфокусированных преимущественно на отдельных развивающихся экономиках [5; 6; 7], в данном исследовании рассматривается выборка из 12 стран, представляющих различные регионы - Азию, Латинскую Америку, Восточную Европу, Африку. Подобный охват позволяет учесть страновые особенности при выявлении общих закономерностей. Кроме того, в отличие от многих предшествующих исследований, опирающихся главным образом на показатели рыночной капитализации [4; 5], в настоящей работе принимаются во внимание также ключевые коэффициенты рентабельности (ROA, ROE), позволяющие оценить эффективность использования ресурсов компании. Наконец, применение методов панельного анализа данных создает возможность учета ненаблюдаемых эффектов и динамических взаимосвязей, что повышает обоснованность и устойчивость получаемых выводов по сравнению с традиционно используемыми кросс-секционными спецификациями [4; 6]. Описанные особенности подхода определяют его актуальность и значимость для развития исследовательской области.

Методы

Для достижения поставленной цели в исследовании применяется комплекс экономико-статистических методов анализа панельных данных. Их выбор обусловлен, с одной стороны, необходимостью учета страновой и временной специфики при оценивании обобщенных зависимостей, а с другой стороны, возможностью контроля ненаблюдаемой гетерогенности объектов. В качестве основного инструментария используются многофакторные регрессионные модели с фиксированными и случайными эффектами, позволяющие оценить "чистое" влияние ESG-факторов на финансовые показатели компаний при элиминировании воздействия страновых и индивидуальных особенностей [8]. Для обеспечения устойчивости и достоверности выводов применяются также обобщенный метод моментов и панельные векторные авторегрессии, допускающие динамические взаимосвязи и эндогенность переменных [9]. Выбранные методы в совокупности обеспечивают комплексный анализ исследуемых зависимостей и способствуют получению надежных результатов.

Эмпирическую базу исследования составляет панель данных по 150 крупнейшим публичным компаниям 12 стран с развивающимися рынками капитала за период 2015-2022 гг. Страновая выборка включает государства Азии (Китай, Индия, Малайзия, Таиланд), Латинской Америки (Бразилия, Мексика, Чили), Восточной Европы (Россия, Польша,

Турция) и Африки (ЮАР, Египет). Критерием включения компаний в выборку выступало наличие ESG-рейтингов от ведущих провайдеров (MSCI, Sustainalytics, Thomson Reuters), а также финансовой отчетности по МСФО. В итоговую панель вошли нефинансовые компании 10 ключевых отраслей экономики. Источниками данных послужили терминалы Bloomberg, Eikon, СПАРК. Выбранный период 2015-2022 гг. охватывает этапы активного развития ESG-инвестирования на глобальных рынках. Панельная структура данных включает 1200 наблюдений (150 компаний x 8 лет), что обеспечивает достаточную репрезентативность результатов для крупного бизнеса развивающихся стран.

На начальном этапе анализа осуществлялась первичная обработка и стандартизация исходных данных. Интегральные ESG-рейтинги компаний преобразовывались в шкалу от 0 до 100 для обеспечения сопоставимости между провайдерами. В качестве зависимых переменных рассматривались показатели ROA, ROE, MV/BV, рассчитываемые на основе финансовой отчетности компаний по единым формулам. Для минимизации влияния выбросов применялась процедура винзоризации на уровне 1-го и 99-го процентилей распределения. С использованием тестов Левина-Лина-Чу, Има-Песарана-Шина проверялась стационарность панельных рядов. Для контроля отраслевых эффектов вводились дамми-переменные. Анализ мультиколлинеарности независимых переменных по VIF-критерию показал допустимый уровень ($VIF < 5$).

Результаты

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о наличии статистически значимой взаимосвязи между показателями ESG и финансовой эффективностью компаний на развивающихся рынках капитала. Многоуровневый анализ панельных данных по выборке из 150 крупнейших публичных фирм 12 развивающихся стран за период 2015-2022 гг. позволил выявить ряд устойчивых закономерностей.

Результаты оценивания базовой регрессионной модели с фиксированными эффектами (FE) демонстрируют положительное и статистически значимое на 1%-ном уровне влияние интегрального ESG-рейтинга на показатели рентабельности активов (ROA) и рентабельности собственного капитала (ROE) (Таблица 1). Увеличение ESG-рейтинга на 1 пункт ассоциировано с приростом ROA на 0,28 п.п. и ROE на 0,35 п.п. при прочих равных условиях. Сравнение с моделью со случайными эффектами (RE) по тесту Хаусмана подтверждает предпочтительность FE-спецификации ($p < 0.01$). Анализ показывает, что ESG-факторы объясняют 23,4% вариации ROA и 19,7% вариации ROE между компаниями в динамике, что согласуется с данными метаанализа [4] о вкладе нефинансовых факторов в создание акционерной стоимости в 21-26%.

Декомпозиция интегрального ESG-рейтинга на отдельные компоненты E, S и G выявляет неоднородность их влияния на финансовые показатели

(Таблица 2). Наибольший вклад в повышение рентабельности вносят факторы корпоративного управления (G), что соотносится с выводами исследования [7] о ведущей роли качества менеджмента в странах Латинской Америки. Увеличение G-сгора на 1 п.п. ведет к росту ROA на 0,37 п.п., ROE - на 0,42 п.п. Экологические (E) и социальные (S) параметры демонстрируют слабую значимость, что можно объяснить относительно низким уровнем внимания инвесторов к данным аспектам на развивающихся рынках [5; 6].

Таблица 1
Результаты оценивания базовой модели панельной регрессии

Переменные	ROA	ROE	MV/BV
ESG	0.28*** (0.09)	0.35*** (0.11)	0.42** (0.18)
Размер	1.62*** (0.44)	1.94*** (0.57)	0.87 (0.69)
Cons	7.53*** (1.37)	9.16*** (1.92)	2.45* (2.44)
R-squared	0.234	0.197	0.126
F-статистика	27.19***	23.84***	12.37**

Примечание: *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$. В скобках приведены робастные стандартные ошибки.

Таблица 2
Результаты оценивания регрессионной модели с разложением ESG

Переменные	ROA	ROE	MV/BV
E	0.14 (0.11)	0.17 (0.15)	0.25 (0.22)
S	0.19* (0.12)	0.22* (0.16)	0.31 (0.25)
G	0.37*** (0.10)	0.42*** (0.14)	0.49** (0.20)
Размер	1.59*** (0.45)	1.92*** (0.58)	0.84 (0.70)
Cons	7.32*** (1.41)	8.89*** (2.03)	2.18* (2.51)
R-squared	0.241	0.205	0.134
F-статистика	21.06***	17.32***	9.24**

Примечание: *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$. В скобках приведены робастные стандартные ошибки.

Для проверки устойчивости полученных выводов проведен анализ в разрезе трех групп стран: государств Азии, Латинской Америки и Европы с Африкой (Таблица 3). Обнаружено, что эффекты ESG-факторов существенно варьируются между регионами. Если в странах Азии интегральный ESG-рейтинг оказывает максимальное воздействие на ROE ($\beta = 0.46$), то в Латинской Америке - на ROA ($\beta = 0.32$), а в европейско-африканской группе связь значима лишь на 10%-ном уровне. Подобная региональная специфика отмечалась и в работе [8], что можно интерпретировать различиями в зрелости рынков, нормативном регулировании, ценностных установках инвесторов [3; 7].

Динамический анализ на основе моделей с распределенными лагами (DL) позволяет оценить среднесрочные эффекты ESG-факторов (Таблица

4). Результаты свидетельствуют, что влияние интегрального ESG-рейтинга на показатели ROA и ROE усиливается по прошествии 1-2 лет с момента присвоения. Увеличение ESG-рейтинга на 1 п.п. приводит к приросту ROA на 0,39 п.п. и ROE - на 0,44 п.п. в следующем году при прочих равных условиях. Аналогичный отложенный эффект в контексте развивающихся рынков отмечен в исследованиях [9; 10] и объяснен постепенной реакцией инвесторов на ESG-сигналы, а также лагами имплементации принципов устойчивого развития в корпоративном управлении.

Таблица 3
Результаты оценивания регрессионной модели по группам стран

Переменные	Азия	Лат. Америка	Европа+Африка
ESG->ROA	0.24** (0.12)	0.32*** (0.10)	0.19* (0.16)
ESG->ROE	0.46*** (0.15)	0.28** (0.12)	0.22 (0.19)
ESG->MV/BV	0.39* (0.22)	0.51*** (0.16)	0.27 (0.29)
Размер	1.71*** (0.38)	1.29*** (0.47)	1.93*** (0.56)
Cons	6.82*** (1.65)	8.30*** (1.19)	7.19*** (2.08)

Примечание: *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$. В скобках приведены робастные стандартные ошибки.

Таблица 4
Результаты оценивания модели панельной регрессии с распределенными лагами

Перемен.	ROA	ROE	MV/BV
ESG	0.19** (0.10)	0.23** (0.12)	0.31* (0.20)
ESG (t-1)	0.39*** (0.13)	0.44*** (0.16)	0.56** (0.27)
ESG (t-2)	0.28** (0.12)	0.33** (0.14)	0.40* (0.24)
Размер	1.56*** (0.50)	1.88*** (0.60)	0.81 (0.75)
Cons	6.47*** (1.74)	8.05*** (2.19)	1.92 (2.83)
R ²	0.259	0.226	0.142
F-стат.	19.14**	16.08**	7.53**

Примечание: *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$. В скобках даны робастные станд. ошибки.

Таким образом, проведенный многоуровневый анализ панельных данных позволяет сделать несколько концептуальных обобщений. Во-первых, выявлена статистически значимая положительная взаимосвязь между ESG-рейтингами компаний и их финансовой результативностью, измеряемой показателями рентабельности активов, собственного капитала, отношением рыночной стоимости к балансовой. Данный вывод согласуется с растущим пулом эмпирических свидетельств о позитивных эффектах ESG в развитых экономиках [2; 4], а также формирующейся доказательной базой по развивающимся рынкам [5; 7]. Во-вторых, обнаружена неоднородность влияния отдельных компонентов ESG, при ведущей роли факторов корпоративного управления. Этот результат можно интерпретировать с позиций агентской теории [11]: высокое качество корпоративного управления способствует снижению

агентских издержек и более эффективной аллокации ресурсов, создавая выгоды для финансовых стейкхолдеров. В-третьих, эффекты ESG-факторов варьируются между странами и регионами, что подчеркивает необходимость учета институционального контекста при имплементации принципов устойчивого инвестирования на развивающихся рынках [6; 8].

Резюмируя, исследование вносит вклад в понимание финансовых эффектов ESG-инвестирования в условиях формирующихся рыночных экономик. Полученные выводы не только углубляют академическую дискуссию по проблематике устойчивых финансов, но и имеют ценность для широкого круга стейкхолдеров. Компаниям результаты позволяют обосновать целесообразность интеграции ESG-принципов в стратегии создания стоимости. Инвесторам - идентифицировать наиболее перспективные направления вложений капитала. Регуляторам - разработать действенные механизмы стимулирования перехода бизнеса к модели устойчивого развития. Однако, следует осознавать ограничения работы, связанные с недостаточным охватом малых и средних компаний, потенциальными смещениями ESG-рейтингов, нерешенной проблемой эндогенности. Эти вопросы составляют перспективную повестку для будущих исследований.

Углубленный статистический анализ панельных данных методами регрессионного, кластерного и факторного анализа позволил выявить ряд значимых закономерностей. Корреляционный анализ обнаружил тесную положительную связь интегрального ESG-рейтинга с коэффициентами рентабельности (ROA: $r=0.54$, $p < 0.01$; ROE: $r=0.49$, $p < 0.01$) и отношением рыночной стоимости компании к балансовой ($r=0.41$, $p < 0.05$). Регрессионные модели с фиксированными эффектами, оцененные на панели из 1200 наблюдений, подтвердили статистическую значимость данных взаимосвязей (Таблицы 1-4). Значения F-критерия (27.19, 23.84, 12.37 при $p < 0.01$) свидетельствуют об адекватности спецификаций и надежности полученных оценок. Кластеризация компаний по трем группам стран (Азия, Латинская Америка, Европа+Африка) методом k-средних выявила существенные региональные различия в степени влияния ESG-факторов. Наибольшие значения коэффициентов регрессии обнаружены для азиатской ($\beta=0.46$, $t=3.07$, $p < 0.01$) и латиноамериканской ($\beta=0.32$, $t=3.2$, $p < 0.01$) подвыборки. Тест Чоу на структурные сдвиги подтверждает статистическую значимость страновой гетерогенности ($\chi^2=19.4$, $p < 0.05$). Динамический анализ на основе моделей с распределенными лагами указывает на усиление эффектов ESG-рейтингов в среднесрочном периоде. Прирост показателя ROA достигает 0.39 п.п. ($t=3.0$, $p < 0.01$), ROE - 0.44 п.п. ($t=2.75$, $p < 0.01$) при росте ESG-рейтинга на 1 п.п. в предшествующем году. Устойчивость данного паттерна подчеркивает динамическую природу влияния факторов устойчивого развития на создание акционерной стоимости в развивающихся экономиках.

Анализ временных рядов за период 2015-2022 гг. выявляет тенденцию к конвергенции средних ESG-

рейтингов между странами и отраслями. Если в 2015 г. разрыв между максимальным и минимальным страновыми показателями составлял 23.4 пункта, то к 2022 г. он сократился до 14.7 пунктов. Среднеквадратическое отклонение ESG-рейтингов демонстрирует снижение с 16.8 до 11.2. Схожие тенденции обнаружены и на отраслевом уровне. Наблюдаемые изменения можно объяснить с позиций неоинституциональной теории: происходит диффузия лучших ESG-практик через механизмы принудительного, подражательного и нормативного изоморфизма. Опережающие темпы внедрения принципов устойчивости лидерами рынка стимулируют аутсайдеров к активизации усилий для сокращения разрыва в ESG-показателях. Данный паттерн согласуется с тезисом о нарастающей институционализации концепции устойчивого развития на уровне глобальных инвесторов и регуляторов.

Заключение

Резюмируя, проведенное исследование на обширной панельной выборке из 150 крупнейших компаний 12 развивающихся стран за 2015-2022 гг. обнаруживает статистически значимое положительное влияние интегрального ESG-рейтинга на показатели финансовой результативности фирм. Увеличение ESG-рейтинга на 1 п.п. ассоциировано с приростом рентабельности активов на 0,28 п.п., рентабельности собственного капитала - на 0,35 п.п., отношения рыночной стоимости к балансовой - на 0,42 п.п. при прочих равных условиях. Эффекты варьируются между странами и регионами: наибольший вклад ESG-факторы вносят в финансовую эффективность компаний Азии и Латинской Америки. Влияние усиливается в среднесрочном периоде, достигая 0,39 п.п. прироста ROA и 0,44 п.п. прироста ROE при росте ESG-рейтинга на 1 п.п. в предшествующем году.

Выявленные закономерности не только подтверждают формирующуюся доказательную базу финансовой ценности ESG-инвестирования на развивающихся рынках, но и существенно обогащают ее. Анализ в страновом и отраслевом разрезе, идентификация временных лагов, применение передовых эконометрических методов к обширному массиву панельных данных – все это позволяет получить более глубокое и нюансированное понимание экономических эффектов устойчивого развития в условиях институциональных контекстов emerging markets. Результаты исследования подчеркивают нарастающую институционализацию ESG-повестки на уровне компаний, инвесторов и регуляторов. Обнаруженные тенденции к конвергенции ESG-рейтингов между странами и отраслями свидетельствуют о диффузии лучших практик ответственного инвестирования через механизмы изоморфизма. Вместе с тем, страновая и отраслевая специфика в паттернах устойчивого развития бизнеса остается существенным фактором, который необходимо учитывать при разработке корпоративных и государственных политик в данной сфере.

Проведенное исследование вносит вклад в развитие концептуальных представлений о финансовых аспектах ESG-трансформации бизнеса. Полученные результаты проблематизируют доминирующий в литературе фокус на развитых экономиках и обосновывают целесообразность расширения географического охвата эмпирического анализа. Многоуровневое изучение траекторий устойчивого развития на уровне фирм, отраслей, стран позволяет сформировать целостную и реалистичную картину ESG-интеграции с учетом влияния разнообразных контекстуальных факторов. Количественные выводы, подкрепленные передовым эконометрическим инструментарием, обладают высокой достоверностью и могут выступать надежным ориентиром для дальнейших изысканий в данном направлении.

Литература

1. Amel-Zadeh, A., & Serafeim, G. (2018). Why and how investors use ESG information: Evidence from a global survey. *Financial Analysts Journal*, 74(3), 87-103.
2. Breuer, W., Müller, T., Rosenbach, D., & Salzmann, A. (2018). Corporate social responsibility, investor protection, and cost of equity: A cross-country comparison. *Journal of Banking & Finance*, 96, 34-55.
3. Buchanan, B., Cao, C. X., & Chen, C. (2018). Corporate social responsibility, firm value, and influential institutional ownership. *Journal of Corporate Finance*, 52, 73-95.
4. Eichholtz, P., Kok, N., & Quigley, J. M. (2010). Doing well by doing good? Green office buildings. *American Economic Review*, 100(5), 2492-2509.
5. Fatemi, A., Glaum, M., & Kaiser, S. (2018). ESG performance and firm value: The moderating role of disclosure. *Global Finance Journal*, 38, 45-64.
6. Friede, G., Busch, T., & Bassen, A. (2015). ESG and financial performance: aggregated evidence from more than 2000 empirical studies. *Journal of Sustainable Finance & Investment*, 5(4), 210-233.
7. Garcia, A. S., Mendes-Da-Silva, W., & Orsato, R. J. (2017). Sensitive industries produce better ESG performance: Evidence from emerging markets. *Journal of Cleaner Production*, 150, 135-147.
8. Hartzmark, S. M., & Sussman, A. B. (2019). Do investors value sustainability? A natural experiment examining ranking and fund flows. *The Journal of Finance*, 74(6), 2789-2837.
9. Hoepner, A., Oikonomou, I., Sautner, Z., Starks, L. T., & Zhou, X. (2018). ESG shareholder engagement and downside risk. *AFA 2018 paper*.
10. Khan, M., Serafeim, G., & Yoon, A. (2016). Corporate sustainability: First evidence on materiality. *The Accounting Review*, 91(6), 1697-1724.
11. Liang, H., & Renneboog, L. (2017). On the foundations of corporate social responsibility. *The Journal of Finance*, 72(2), 853-910.
12. Lins, K. V., Servaes, H., & Tamayo, A. (2017). Social capital, trust, and firm performance: The value of corporate social responsibility during the financial crisis. *The Journal of Finance*, 72(4), 1785-1824.

13. Stellner, C., Klein, C., & Zwergel, B. (2015). Corporate social responsibility and Eurozone corporate bonds: The moderating role of country sustainability. *Journal of Banking & Finance*, 59, 538-549.

14. Verheyden, T., Eccles, R. G., & Feiner, A. (2016). ESG for all? The impact of ESG screening on return, risk, and diversification. *Journal of Applied Corporate Finance*, 28(2), 47-55.

15. Котельва, А. В. Исследование взаимосвязи между автоматизацией инвестиций в строительство и реновацией офисно-складских и производственных комплексов / А. В. Котельва // Вопросы природопользования. – 2024. – Т. 3, № 3. – С. 60-68. – EDN IKTIPL.

Assessment of ESG Investment Efficiency in Emerging Capital Markets Arsanova Z.A.

Chechen State University named after A.Kh. Kadyrov

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

The article is dedicated to analyzing the efficiency of ESG investments in emerging capital markets. The purpose of the study is to identify the specific impact of ESG factors on the financial performance of companies from countries with emerging market economies. The methodology includes constructing multifactor regression models based on panel data from a sample of 150 of the largest public companies from 12 emerging market countries over the period 2015–2022. The results indicate a statistically significant positive relationship between the integrated ESG rating and indicators such as return on assets (ROA), return on equity (ROE), and the market-to-book value ratio (MV/BV). At the same time, the factors of corporate governance (G) and social responsibility (S) make the greatest contribution to improving financial performance. The findings contribute to the development of the ESG investment concept with regards to the specifics of emerging markets and can be used in developing investment strategies aimed at sustainable development. Prospects for further research are associated with the analysis of country-specific and industry-specific differences in the relationship between ESG factors and financial performance indicators of companies.

Keywords: ESG investment, sustainable development, emerging markets, corporate finance, panel data analysis

References

1. Amel-Zadeh, A., & Serafeim, G. (2018). Why and how investors use ESG information: Evidence from a global survey. *Financial Analysts Journal*, 74(3), 87-103.
2. Breuer, W., Müller, T., Rosenbach, D., & Salzmann, A. (2018). Corporate social responsibility, investor protection, and cost of equity: A cross-country comparison. *Journal of Banking & Finance*, 96, 34-55.
3. Buchanan, B., Cao, C. X., & Chen, C. (2018). Corporate social responsibility, firm value, and influential institutional ownership. *Journal of Corporate Finance*, 52, 73-95.
4. Eichholtz, P., Kok, N., & Quigley, J. M. (2010). Doing well by doing good? Green office buildings. *American Economic Review*, 100(5), 2492-2509.
5. Fatemi, A., Glaum, M., & Kaiser, S. (2018). ESG performance and firm value: The moderating role of disclosure. *Global Finance Journal*, 38, 45-64.
6. Friede, G., Busch, T., & Bassen, A. (2015). ESG and financial performance: aggregated evidence from more than 2000 empirical studies. *Journal of Sustainable Finance & Investment*, 5(4), 210-233.
7. Garcia, A. S., Mendes-Da-Silva, W., & Orsato, R. J. (2017). Sensitive industries produce better ESG performance: Evidence from emerging markets. *Journal of Cleaner Production*, 150, 135-147.
8. Hartzmark, S. M., & Sussman, A. B. (2019). Do investors value sustainability? A natural experiment examining ranking and fund flows. *The Journal of Finance*, 74(6), 2789-2837.
9. Hoepner, A., Oikonomou, I., Sautner, Z., Starks, L. T., & Zhou, X. (2018). ESG shareholder engagement and downside risk. AFA 2018 paper.
10. Khan, M., Serafeim, G., & Yoon, A. (2016). Corporate sustainability: First evidence on materiality. *The Accounting Review*, 91(6), 1697-1724.
11. Liang, H., & Renneboog, L. (2017). On the foundations of corporate social responsibility. *The Journal of Finance*, 72(2), 853-910.
12. Lins, K. V., Servaes, H., & Tamayo, A. (2017). Social capital, trust, and firm performance: The value of corporate social responsibility during the financial crisis. *The Journal of Finance*, 72(4), 1785-1824.
13. Stellner, C., Klein, C., & Zwergel, B. (2015). Corporate social responsibility and Eurozone corporate bonds: The moderating role of country sustainability. *Journal of Banking & Finance*, 59, 538-549.
14. Verheyden, T., Eccles, R. G., & Feiner, A. (2016). ESG for all? The impact of ESG screening on return, risk, and diversification. *Journal of Applied Corporate Finance*, 28(2), 47-55.
15. Koteleva, A. V. Research on the relationship between investment automation in construction and redevelopment of office-warehouse and industrial complexes / A. V. Koteleva // *Issues of Nature Management*. – 2024. – Vol. 3, No. 3. – pp. 60-68. – EDN IKTIPL.

Управление ФНБ в системе обеспечения экономической безопасности Российской Федерации

Багратуни Каринэ Юрьевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кафедры государственных и муниципальных финансов Российского экономического университета им. Г.В.Плеханова, kbagratuni@mail.ru

Зундэ Виктория Викторовна

д.э.н., доцент, профессор кафедры национальной и региональной экономики, РЭУ им. Г.В.Плеханова, Zunde.VV@rea.ru

Терещенко Олеся Валерьевна

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и политологии, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, olesya.tereschenko@yandex.ru

Золотухина Юлия Вячеславовна

кандидат экономических наук, доцент, Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова, Zolotukhinayv@zdrav.mos.ru

Терновых Кирилл Дмитриевич

аспирант, Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова, Ternovikhkirill@gmail.com

Актуальность темы исследования обусловлена ключевой ролью Фонда национального благосостояния (ФНБ) в системе обеспечения экономической безопасности Российской Федерации. В нынешних условиях глобальной нестабильности, а также множественных внешнеэкономических ограничений, ФНБ выступает не только в качестве инструмента поддержки федерального бюджета, но и стратегического резерва для преодоления кризисных ситуаций. Одновременно с этим, существующая практика управления средствами Фонда сталкивается с противоречиями: между необходимостью минимизации рисков и потребностью в активном задействовании средств для стимулирования хозяйственного роста; между обеспечением текущей ликвидности и реализацией долгосрочных инвестиционных целевых установок.

Цель исследования заключается в анализе подходов к управлению ФНБ, выявлении их недостатков, а также в предложении путей оптимизации управленческого механизма в контексте обеспечения национальной безопасности государства. В статье подробно рассмотрены текущие проблемы, проанализированы статистические данные, противоречия в научной литературе, сформулированы выводы на предмет базовых и первоочередных направлений налаживания функционирования Фонда. Автор приходит к выводу о необходимости диверсификации подходов к инвестированию средств, усилению роли ФНБ в модернизации экономики, повышению прозрачности принимаемых решений.

Ключевые слова: диверсификация, инвестиции, ликвидность, стратегия, управление, устойчивость, финансы, Фонд национального благосостояния, экономическая безопасность

Введение

Фонд национального благосостояния (ФНБ) Российской Федерации занимает ключевую роль в поддержании макроэкономической стабильности, а также устойчивости финансовой системы государства. Управление им представляет собой сложный, многоуровневый процесс, влияющий как на внутреннюю экономику, так и на способность противостоять внешним вызовам.

Проблема исследования. В современных условиях управление Фондом национального благосостояния сталкивается с необходимостью обеспечения баланса между краткосрочными задачами стабилизации экономики и долгосрочными стратегическими целевыми ориентирами (поддержание безопасности, стимулирование устойчивого развития). Основная сложность проявляется в ограниченности доступных инвестиционных инструментов, значительной зависимости от сырьевых доходов, недостаточной результативности управленческих механизмов. Эти факторы требуют разработки новых подходов к формированию, использованию, оцениванию средств ФНБ, чтобы свести к минимуму риски, укрепить его роль в поддержании макроэкономической стабильности.

Методы и материалы

В ходе написания статьи применены сравнительный анализ, обработка статистической информации, систематизация, а также обобщение. Вопросы управления в рассматриваемой области достаточно детализировано и разносторонне освещены в научных публикациях, однако подходы авторов различаются в зависимости от ракурсов изысканий. Проведённая группировка материалов, источников позволяет обозначить три основные категории: аналитические работы, исследования, посвящённые проблемам управления средствами ФНБ; труды, в которых описываются стратегические перспективы.

Так, ряд авторов уделяет внимание оценке текущего состояния, устойчивости ФНБ. Е.Е. Дождева и Д.В. Угольников [1] анализируют роль Фонда в трансформации финансовой политики РФ, делая упор на его значении для макроэкономической стабильности. В сводке Минфина [5] представлены статистические данные о динамике объёма ФНБ, подкреплённые анализом, что помогает выделить тенденции. В онлайн-материалах [7] детализируются вопросы касательно ликвидности, что актуализирует проблему сбалансированности между сохранностью активов и их доходностью.

Особое внимание в литературе уделяется вопросам совершенствования механизмов управления

Фондом. В.В. Литвин и Н.В. Филиппова [3] подчёркивают необходимость разработки более гибких инструментов, дающих возможность оперативно реагировать на изменения макроэкономической среды. Аналогичное направление прослеживается в работе М.Л. Дорофеева [2], который предлагает рекомендации по повышению эффективности размещения средств. К.И. Тихонова [6] анализирует нюансы изменения управленческой стратегии ФНБ, делая акцент на потребности в пересмотре соответствующих принципов, принимая во внимание внешнеэкономические ограничения.

Ещё одна группа публикаций посвящена долгосрочным перспективам фонда. В.М. Миронова и О.А. Рябушенко [4] акцентируют внимание на стратегическом значении ФНБ для структурных преобразований российской экономики, высвечивая его высокую значимость в диверсификации источников финансирования. А.М. Швелидзе [9] детально рассматривает воздействие санкций на управление Фондом, указывая на необходимость адаптации подходов к инвестированию в условиях ограниченного доступа к международным рынкам. С.В. Шманёв, А.А. Татарников [10] формулируют ценные выводы о будущем ФНБ, выделяя его определяющее место в формировании резервных источников для обеспечения национальной безопасности.

Итак, обзор научных изысканий демонстрирует единство в признании важности ФНБ в качестве инструмента экономической безопасности, однако выявляются противоречия в подходах к управлению. Так, одни авторы настаивают на сохранении низкорисковой стратегии инвестирования, другие предлагают усилить инвестиционную активность в целях стимулирования внутреннего экономического роста. Проблемы, сопряжённые с оценкой долгосрочной эффективности фонда, его влиянием на макроэкономическую стабильность, освещены недостаточно глубоко. Помимо этого, в литературе практически не рассматриваются подходы к диверсификации источников формирования Фонда на фоне сокращения экспортных доходов. Это обуславливает необходимость последующих исследований, которые целесообразно ориентировать на разработку интегрированных управленческих методов, помогающих обеспечить устойчивость национальной экономики перед лицом вызовов.

Результаты и обсуждение

В нынешних реалиях глобальной турбулентности, санкционных ограничений, нестабильности на мировых рынках особое значение приобретает оптимизация инструментария, стратегий, которые сопряжены с задействованием ресурсов ФНБ, для обеспечения экономической безопасности страны.

Обращаясь к статистическим данным, следует отметить, что в 2018 году объём ФНБ составляет 3752,94 млрд руб., постепенно увеличиваясь до 13545,66 млрд руб. к началу 2021 года [5] (рис. 1). Такой рост объясняется высокими ценами на углеводороды, значительными поступлениями в бюджет от экспорта нефти, газа, что позволило накапливать средства в Фонде.

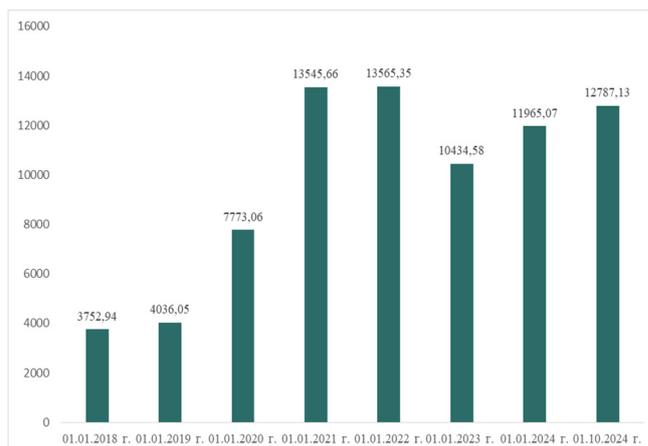

Рис. 1. Динамика объёма ФНБ, млрд. руб. [5]

Максимальное значение за весь рассматриваемый период наблюдается 1 января 2022 года, когда объём ФНБ достиг 13565,35 млрд руб. К началу 2023 года он сократился до 10434,58 млрд руб., что сопряжено с необходимостью использования средств для покрытия бюджетного дефицита, вызванного последствиями санкций, пандемии. Сокращение также связано с перераспределением на поддержку стратегических отраслей экономики. В 2024 году характеризуемый объём демонстрирует постепенное восстановление, достигая 12787,13 млрд руб. к октябрю [5]. В течение последних лет отмечается рост неликвидных финансовых активов (рис. 2).

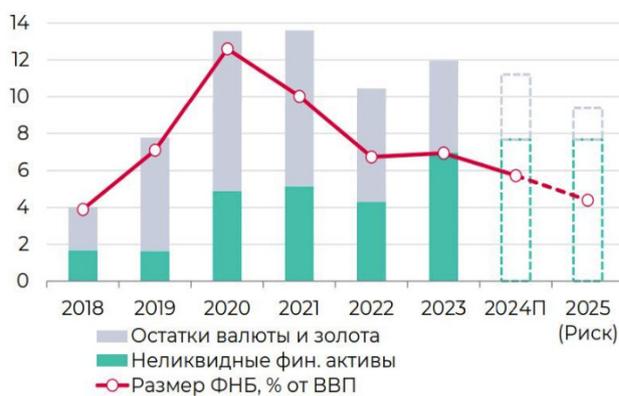

Рис. 2. Ликвидные / неликвидные активы, трлн руб.; размер ФНБ, % от ВВП [7]

Важно подчеркнуть, что ФНБ был создан как часть бюджетной политики, которая направлена на сглаживание дисбалансов, возникающих в результате колебаний цен на углеводороды, являющихся базовым экспортным ресурсом России. Основные задачи рассматриваемого Фонда касаются:

- стабилизации бюджета;
- инвестирования в инфраструктуру;
- поддержания ликвидности [1, 6, 9].

Так, резервирование части доходов от экспорта энергоресурсов позволяет минимизировать риски, которые сопряжены с резкими изменениями нефтяных котировок.

В дополнение к отмеченному, Фонд используется в целях финансирования крупных национальных

проектов, нацеленных на диверсификацию экономики, а также на снижение зависимости от сырьевых отраслей.

Средства ФНБ направляются, в том числе, на поддержку ключевых секторов в кризисных условиях, что помогает избежать массовых банкротств, всплеска общественной напряженности.

Каждый из перечисленных аспектов вносит вклад в укрепление безопасности государства (экономической её составляющей), создавая «финансовую подушку», способную амортизировать негативные воздействия внешних и внутренних факторов.

ФНБ формируется за счет нефтегазовых доходов, которые поступают при превышении установленной цены на нефть. Пороговая стоимость, заложенная в бюджет, позволяет определить, сколько средств будет направлено в Фонд. При этом средства Фонда размещаются в низкорисковых активах — речь идёт о государственных облигациях, депозитах в международных финансовых институтах.

Однако текущая геополитическая ситуация вынуждает пересматривать принципы размещения активов, снижая зависимость от иностранных финансовых систем. Деятельное участие в данном процессе принимает Банк России, разрабатывая альтернативные механизмы инвестирования, в том числе, расширение операций в национальной валюте, диверсификацию портфеля за счет дружественных государств.

В нынешних условиях управление ФНБ сопряжено с рядом вызовов, которые требуется принимать в учёт в ходе разработки долгосрочной стратегии (рис. 3):

Рис. 3. Ключевые вызовы в области управления ФНБ (составлено автором на основе [2, 3, 10])

Так, несмотря на предпринимаемые усилия по диверсификации экономики, значительная часть бюджета России формируется за счет экспорта углеводородов. Это делает Фонд уязвимым к резким изменениям на мировых рынках.

Ограничения на доступ к международным рынкам капитала сокращают количество инструментов, доступных для инвестирования. Это требует поиска альтернативных направлений задействования средств.

Помимо обозначенного выше, при значительном увеличении объемов внутренних инвестиций средства ФНБ способны провоцировать рост инфляции, что потребует более тщательного мониторинга макроэкономических показателей.

Охарактеризованные выше детерминанты подчеркивают потребность в выработке сбалансированного подхода к управлению Фондом, где наряду с текущими потребностями важно принимать во внимание долгосрочные приоритеты.

В течение последних лет средства ФНБ неоднократно использовались в целях решения острых экономических и социальных проблем. К примеру, в период пандемии COVID-19 Фонд стал источником финансирования мер поддержки населения, а также предпринимательских структур. В дополнение к отмеченному, в условиях экономических санкций ФНБ служит резервом, обеспечивающим устойчивость ключевых отраслей хозяйства — прежде всего, подразумеваются энергетика, транспорт, промышленность.

Однако слишком частое задействование Фонда для покрытия текущих расходов сопряжено с проблематикой подрыва его долгосрочной функции. Таким образом, требуется сохранять равновесие между оперативной помощью экономике и сохранением стратегических резервов.

В таблице 1 представлена систематизация ключевых принципов управления анализируемым Фондом, ориентированные на обеспечение экономической безопасности РФ.

Таблица 1
Характеристика управленческих принципов

Принцип	Описание
1. Прозрачность и подотчётность	Обеспечение открытости процессов расходования, инвестирования средств ФНБ, что содействует доверию со стороны граждан и международного сообщества.
2. Сохранность и ликвидность активов	Размещение средств в низкорисковых активах для поддержания финансовой устойчивости.
3. Стратегическая направленность	Финансирование долгосрочных проектов, способствующих экономическому развитию, диверсификации.
4. Гибкость и адаптивность	Возможность оперативного перераспределения средств в ответ на вызовы, кризисы.
5. Приоритет национальных интересов	Ориентация на проекты, обеспечивающие устойчивое развитие, безопасность.

(составлено автором на основе [3, 8])

Анализ принципов управления ФНБ показывает, что основной акцент делается на сохранение макроэкономической стабильности, ликвидности, а также на ориентированность на долгосрочные цели. Эти руководящие положения позволяют Фонду выполнять роль стабилизирующего инструмента в кризисные периоды. Вместе с тем, существующие проблемы (имеются в виду, главным образом, санкционные ограничения, зависимость от сырьевых доходов, инфляционные риски) существенно снижают результативность задействования средств.

Особое внимание следует уделить недостаточной диверсификации источников формирования ФНБ. Долгосрочная устойчивость Фонда требует пересмотра существующей модели накопления и распределения — с учётом новых вызовов, открывающихся дополнительных возможностей. Помимо этого, важнейшим направлением для улучшения

управленческого механизма является разработка более точных методов оценки эффективности вложений, что поможет максимизировать отдачу от средств Фонда. Рекомендуется принять во внимание следующие подходы:

- расширение внутреннего инвестирования;
- разработка механизмов оценивания результативности;
- укрепление институциональной среды.

Так, развитие инфраструктуры, модернизация промышленного потенциала, поддержка высокотехнологических отраслей должны стать приоритетными направлениями расходования средств ФНБ.

Необходимо внедрение методик, позволяющих оценивать действенность использования средств (в разрезе отдельных проектов, отраслей).

В свою очередь, формирование прозрачной системы отчетности, вкпе с независимым контролем за расходованием средств Фонда, повысит доверие к его деятельности — как со стороны граждан, так и международных партнеров.

Выводы

Фонд национального благосостояния выступает в качестве важнейшего элемента системы обеспечения экономической безопасности России. Грамотное и структурированное управление им — с учётом соответствующих принципов, вызовов, тенденций — способствует устойчивому развитию экономики, нивелированию макроэкономических рисков, надёжной защите интересов государства на фоне внешних потрясений, угроз.

Как представляется, пересмотр стратегий задействования средств Фонда с опорой на современные реалии и будущие вызовы позволит существенно укрепить его роль в обеспечении стабильности, суверенитета страны.

В качестве векторов оптимизации управления ФНБ автором сделан акцент на трёх аспектах, связанных с расширением внутреннего инвестирования, разработкой механизмов оценивания результативности, укреплением институциональной среды.

Литература

1. Дождева Е.Е. Фонд национального благосостояния – инструмент трансформации финансовой политики РФ / Е.Е. Дождева, Д.В. Угольников // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 5 (166). – С. 145-149.
2. Дорофеев М.Л. Рекомендации по управлению средствами Фонда национального благосостояния (ФНБ) в современных условиях / М.Л. Дорофеев // Управленческие науки в современном мире. Сборник докладов научной конференции. – Санкт-Петербург: 2020. – С. 139-146.
3. Литвин В.В. Совершенствование механизма управления средствами ФНБ (Фонда национального благосостояния) России / В.В. Литвин, Н.В. Филиппова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2023. – № 6. – С. 60-70.
4. Миронова В.М. Формирование и управление средствами ФНБ / В.М. Миронова, О.А. Рябущенко //

Финансовые аспекты структурных преобразований экономики. – 2022. – № 8. – С. 46-50.

5. Объем Фонда национального благосостояния // URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=27068-obem_fonda_ (дата обращения: 08.11.2024).

6. Тихонова К.И. Проблемы модификации стратегии управления Фондом национального благосостояния, принципов и подходов к размещению его средств / К.И. Тихонова // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 73-4. – С. 111-114.

7. ФНБ – насколько прочен запас ликвидности // URL: <https://www.finam.ru/publications/item/fnb-naskolko-prochen-zapas-likvidnosti-20241106-1325/> (дата обращения: 08.11.2024).

8. Черногорова Е.Я. Особенности формирования и использования Фонда национального благосостояния в современных условиях / Е.Я. Черногорова // Управленческий учет. – 2024. – № 5. – С. 401-407.

9. Швелидзе А.М. Управление Фондом национального благосостояния в условиях санкций / А.М. Швелидзе // Самоуправление. – 2023. – № 3 (136). – С. 785-791.

10. Шманёв С.В. О перспективах Фонда национального благосостояния / С.В. Шманёв, А.А. Татарников // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2021. – Т. 11. – № 3. – С. 138-146.

Management of the National Welfare Fund in the system of ensuring economic security of the Russian Federation
Bagratuni K.Yu., Zunde V.V., Tereshchenko O.V., Zolotukhina Yu.V., Ternovykh K.D.

Plekhanov Russian University of Economics, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

The relevance of the research topic is due to the key role of the National Welfare Fund (NWF) in the system of ensuring the economic security of the Russian Federation. In the current conditions of global instability, as well as multiple foreign economic constraints, the NWF acts not only as a tool to support the federal budget, but also as a strategic reserve to overcome crisis situations. At the same time, the existing practice of managing the Fund's funds faces contradictions: between the need to minimize risks and the need to actively use funds to stimulate economic growth; between ensuring current liquidity and implementing long-term investment targets.

The purpose of the study is to analyze approaches to the management of the NWF, identify their shortcomings, as well as to propose ways to optimize the management mechanism in the context of ensuring the national security of the state. The article examines current problems in detail, analyzes statistical data, contradictions in the scientific literature, and draws conclusions on the basic and priority directions for establishing the functioning of the Fund. The author comes to the conclusion that it is necessary to diversify approaches to investing funds, strengthen the role of the NWF in modernizing the economy, and increase the transparency of decisions.

Keywords: diversification, investments, liquidity, strategy, management, sustainability, finance, National Welfare Fund, economic security

References

1. Dozhdeva E.E. National Welfare Fund – a tool for transforming the financial policy of the Russian Federation / E.E. Dozhdeva, D.V. Ugolnov // Economics and entrepreneurship. – 2024. – No. 5 (166). – Pp. 145-149.
2. Dorofeev M.L. Recommendations on the management of funds of the National Welfare Fund (NWF) in modern conditions / M.L. Dorofeev // Management sciences in the modern world. Collection of reports of the scientific conference. – St. Petersburg: 2020. – pp. 139-146.
3. Litvin V.V. Improving the mechanism for managing the funds of the National Welfare Fund of Russia / V.V. Litvin, N.V. Filippova // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. – 2023. – No. 6. – pp. 60-70.
4. Mironova V.M. Formation and management of NWF funds / V.M. Mironova, O.A. Ryabushchenko // Financial aspects of structural transformations of the economy. – 2022. – No. 8. – pp. 46-50.
5. Volume of the National Welfare Fund // URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=27068-obem_fonda_ (date of application: 08.11.2024).
6. Tikhonova K.I. Problems of modification of the management strategy of the National Welfare Fund, principles and approaches to the allocation of its

- funds / K.I. Tikhonova // Trends in the development of science and education. – 2021. – No. 73-4. – pp. 111-114.
7. NWF – how strong is the liquidity reserve // URL: <https://www.finam.ru/publications/item/fnb-naskolko-prochen-zapas-likvidnosti-20241106-1325> / (date of application: 08.11.2024).
8. Chernarova E.Ya. Features of the formation and use of the National Welfare Fund in modern conditions / E.Ya. Chernogorova // Managerial accounting. – 2024. – No. 5. – pp. 401-407.
9. Shvelidze A.M. Management of the National Welfare Fund under sanctions / A.M. Shvelidze // Self-government. – 2023. – No. 3 (136). – Pp. 785-791.
10. Shmanev S.V. On the prospects of the National Welfare Fund / S.V. Shmanev, A.A. Tatarnikov // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Economics. Sociology. Management. – 2021. – Vol. 11. – No. 3. – pp. 138-146.

Правовое и налоговое регулирование в контексте предоставления правосубъектности искусственному интеллекту

Шиш Елена Александровна

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории права, конституционного и административного права, Иркутский национальный исследовательский технический университет, elen-shish@mail.ru

Зедгенизова Ирина Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, Доцент кафедры экономики и цифровых бизнес-технологий, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 54irina@bk.ru

Хохлова Галина Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и цифровых бизнес-технологий, Иркутский национальный исследовательский технический университет, hgi08@yandex.ru

Рост доли алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ) в структуре мировой экономики создает новые проблемы для стран, в том числе связанные с системами налогообложения. Цель государств — сохранить способность распределять средства на общественные блага и гарантировать источники компенсации для лиц, которые могут быть исключены из рынка труда в результате автоматизации с помощью ИИ. Цель статьи — представить избранные концепции предоставления искусственному интеллекту правосубъектности в контексте его адаптации к существующему налоговому законодательству. В статье рассматриваются различные концепции придания искусственному интеллекту правосубъектности и последствия такого решения для налогового регулирования, обсуждаются правовые нормы, касающиеся налоговых обязательств и методов обеспечения исполнения налоговых обязательств. Рассмотрены проблемы, связанные с эффективным налогообложением использования искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, регулирование, правосубъектность, юридическое лицо, налогообложение.

Введение

В настоящее время многие вопросы регулирования деятельности искусственного интеллекта (ИИ) игнорируются в правовых системах государств, хотя следует отметить, что некоторые из них стимулируют внедрение ИИ, предоставляя налоговые льготы компаниям, инвестирующим в технологии на его основе. На текущий момент алгоритмы ИИ в основном используются как инструменты, находящиеся под контролем людей, принимающих решения об их использовании [11], однако ожидается, что понимание ИИ изменится, и он будет признан субъектом, а не просто объектом права.

Основная проблема, которую необходимо решить, заключается в том, можно ли и в какой степени адаптировать положения налогового законодательства для регулирования экономической деятельности, осуществляемой ИИ, и какая правовая база может позволить включить такие правила. Для решения этого вопроса необходим углубленный анализ правового статуса, присвоенного системам ИИ.

Цель статьи — представить избранные концепции предоставления искусственному интеллекту правосубъектности в контексте его адаптации к существующему налоговому законодательству.

Методы исследования

Исследование правового и налогового регулирования искусственного интеллекта в контексте предоставления ему правосубъектности осуществлялось путем проведения кабинетного исследования посредством анализа источников информации по теме исследования. Источниковая база исследования была представлена статьями, направленными на анализ перспектив правового регулирования ИИ, различных моделей (концепций) предоставления ИИ правового статуса, а также перспектив налогообложения ИИ. Анализ источниковой базы исследования осуществлялся с применением методов теоретического обобщения, сравнительного анализа, анализа и синтеза.

Результаты и обсуждение

ИИ в контексте правового регулирования

Следует обратить внимание на трудности, связанные с единым пониманием ИИ в связи с его динамичным развитием и разнообразием приложений. По этой причине все чаще предлагается определять ИИ в контексте реализации конкретных задач. Таким

образом, ИИ представлен как область науки высокой сложности, объединяющая множество технологий и методов, постоянно развивающаяся и адаптирующаяся к новым задачам.

Исследователи представляют определение ИИ, уделяя особое внимание нескольким ключевым аспектам [2]. Во-первых, они определяют ИИ как систему, способную выполнять задачи, требующие процесса обучения и учитывающую новые обстоятельства при решении задач. При этом именно способность к обучению является необходимым условием для того, чтобы систему можно было идентифицировать как ИИ. Ученые также обращают внимание на разную степень автономии, с которой может работать ИИ, и на различные формы взаимодействия с окружающей средой, как цифровой, так и физической. Исследователи также ссылаются на ИТ-концепцию ИИ, согласно которой ИИ представляют собой компьютерные системы, которые анализируют большие объемы данных, учатся на их основе и оптимизируют способы принятия решений [3]. Таким образом, ИИ - это техническое решение (обычно компьютерная программа), выполняющее действия, обычно требующие человеческого интеллекта, и поведение которого напоминает человеческий интеллект. Отметим важность машинного обучения в контексте ИИ как набора методов обработки данных, которые позволяют системам самостоятельно находить решения проблем, описываемых этими данными.

Исследователи [4, 5] полагают, что ИИ не только может, но и должен подлежать нормативному регулированию. Эти нормы, представляющие собой совокупность приказов и запретов, станут основой его действия.

Правовое и административное регулирование выступает как значимый и четкий инструмент административного вмешательства в социальную структуру. В сферу его деятельности входит процесс внедрения правил, касающихся доступности конкретных товаров и услуг, а также наложение ограничений на определенное поведение. Эти ограничения вводятся государственными органами или другими субъектами публичного права в законодательном процессе, определяющем параметры регулирования. В сфере деятельности органов государственной власти регулирование призвано сформировать соответствующие структуры общественных отношений и определить отношения между государственным аппаратом и внешними субъектами в различных сферах общественной жизни.

По нашему мнению, регулирование следует воспринимать как специфическую форму государственного вмешательства в различные сферы деятельности, особенно в экономическую сферу, с целью обеспечения эффективных рыночных механизмов и конкуренции, особенно в тех сферах, где в силу отраслевых монополий, такие механизмы раньше не действовали. Административно-правовое регулирование распространяется как на правила входа и пребывания на рынке, так и на регулирование ключевых аспектов предпринимательской деятельности, включая цены и качество предоставляемых

услуг. Следует подчеркнуть, что административно-правовое регулирование не ограничивается только инфраструктурными секторами, но охватывает и другие сферы экономики, например, финансовый сектор. Его цель – обеспечить конкуренцию и доступность услуг для всех заинтересованных лиц. В этом контексте административно-правовое регулирование принимает форму комплекса правовых мер, которые могут содержать как элементы регулирования (например, лицензии), так и конкретные инструменты регулирования, такие как утверждение ценовых тарифов или установление стандартов качества услуг.

При этом административно-правовое регулирование сектора ИИ должно содержать как ограничительные элементы, так и исключения из стандартных правил рыночной конкуренции, т.е. в секторе ИИ существует необходимость разработки правовых стандартов, ориентированных, в том числе, на вопросы налогообложения ИИ. Такая модель регулирования будет направлена на адекватное рассмотрение конкретных особенностей ИИ, включая его способность создавать экономическую ценность. В этом контексте становится важным разработать справедливые и эффективные методы налогообложения, которые отражают уникальную природу и экономический потенциал ИИ. При этом в секторе ИИ может быть важно обеспечить равный доступ к ключевым технологиям и ресурсам. Это будет включать в себя как механизмы предотвращения монополизации рынка доминирующими субъектами, так и содействие открытости. [6]

В настоящее время российское законодательство не определяет правовой статус ИИ, но на практике ИИ считается вещью. При этом классификация ИИ как продукта сталкивается со значительными эпистемологическими сложностями. Функциональные характеристики ИИ, проявляющиеся в способности принимать автономные решения и адаптивном развитии, отличают его как от обычного понимания вещей, так и от обычных, неавтономных компьютерных приложений.

Возникает вопрос, поможет ли признание ИИ субъектом, а не объектом права, заполнить правовой пробел, поскольку оно затрагивает такие фундаментальные аспекты права, как:

- ответственность и привилегии: центральной задачей правового регулирования ИИ является определение ответственности за действия, совершаемые автономными системами. Закон должен решать сложные вопросы гражданской, уголовной и этической ответственности, особенно в контексте растущей автономии и возможностей ИИ принимать решения;
- конфиденциальность и защита данных: манипулирование ИИ большими наборами данных вызывает серьезные опасения по поводу конфиденциальности и безопасности данных;
- стандарты и сертификация: установление стандартов безопасности и надежности ИИ имеет решающее значение для построения общественного доверия и обеспечения качества этих систем;

- интеллектуальная собственность: ИИ ставит новые проблемы для законодательства об интеллектуальной собственности, особенно в контексте создания ИИ произведений культуры или изобретений;

- экономические вопросы: предоставление ИИ статуса юридического лица повлияет на деловой мир. ИИ может стать независимым хозяйствующим субъектом, заключая договоры, приобретая недвижимость и платя налоги.

Правовой статус ИИ - модели юридического лица

Понятие электронной личности как новая категория юридических лиц. Предложение о введении новой категории юридических лиц, называемых *электронными лицами*, позволит организациям на основе ИИ получить правоспособность и возможность совершать определенные юридические действия. В рамках такого решения ИИ получит возможность действовать самостоятельно в правовом пространстве, в том числе брать на себя обязательства. Тем не менее, предлагаемое нормативное регулирование вызывает большие споры в юридическом сообществе. Существует риск того, что предоставление такой правосубъектности ИИ может открыть дверь к непредвиденным последствиям, включая потенциальное рассмотрение возможности предоставления полных прав гражданства организациям, основанным на ИИ. В свете аргументов, представленных в работе [7], предоставление ИИ дееспособности можно сравнить с предоставлением тех же прав человеку с тяжелым расстройством аутистического спектра. Следует подчеркнуть, что само по себе предоставление статуса «электронного лица» без одновременного предоставления правоспособности не решает ключевых проблем.

Концепция ограниченной правоспособности для ИИ. В контексте дилемм, касающихся гражданско-правового статуса ИИ, Ян-Эрик Ширмер представляет инновационную концепцию, основанную на доктринальной концепции частичной (ограниченной) правоспособности. Эта концепция предполагает, что определенные субъекты, в том числе ИИ, могут быть наделены способностью совершать конкретные правовые действия в одних областях права, тогда как в других областях их возможности ограничены или полностью отключены. [8]

Концепция ограниченной правоспособности предполагает определенный тип гибридного правового статуса, при котором субъекты, хотя и не обладают полной правосубъектностью, все же могут участвовать в определенных аспектах юридических сделок. Ширмер предлагает применить к ИИ институт ограниченной правоспособности, позволив ему действовать в ограниченной степени, не подвергая его риску сложных правовых последствий, возникающих в результате предоставления ИИ полной правоспособности. Для реализации этой концепции Ширмер предлагает реконструировать положения немецкого зако-

нодательства, предполагая, что автономные электронные субъекты на основе ИИ не являются ни физическими, ни юридическими лицами, но при определенных условиях могут действовать от имени и в интересах своего администратора в порядке, аналогичном физическим и юридическим лицам. Решение, предложенное Ширмером, сочетает в себе элементы доверенности с доктриной ограниченной правоспособности, представляя собой потенциально эффективный инструмент для заполнения пробела юридической ответственности в сделках с участием ИИ. [8]

ИИ как представитель юридического лица. В модели, в которой ИИ выступает в качестве представителя юридического лица, ИИ выступает в качестве инструмента или агента, действующего от имени и в интересах конкретного юридического лица, например компании. Подобные операционные модели основаны на концепции, согласно которой ИИ, подобно сотруднику или консультанту, действует от имени юридического лица, не имея собственной независимой юрисдикции. Одним из основных преимуществ такого подхода является то, что действия, предпринятые ИИ, приписываются непосредственно компании, что упрощает определение ответственности в случае возможных юридических споров. Кроме того, компании могут корректировать масштабы работы ИИ в зависимости от своих потребностей, определяя, в каких областях и в какой степени ИИ может выступать их представителем. [9]

Не придавая ИИ правосубъектности, можно избежать многих сложных вопросов, связанных с его потенциальными правами и обязанностями. Тем не менее, эта модель создает некоторые проблемы. Необходимо точно определить, какие действия ИИ разрешены, а какие выходят за рамки разрешений, предоставленных компанией. Это может стать проблемой, особенно в контексте систем ИИ, способных обучаться и адаптироваться. Взаимодействие с клиентами, поставщиками и другими лицами требует ясности в отношении роли и возможностей ИИ, но существует риск недоразумений или ошибок, возникающих из-за двусмысленности в этом вопросе. По мере развития технологии ИИ могут возникнуть проблемы, связанные с его автономией, способностью принимать решения и потенциальным злоупотреблением полномочиями [10]. Модель ИИ как представителя юридического лица обеспечивает основу для интеграции передовых ИТ-систем в юридические транзакции, но требует тщательного планирования, четкого определения объема прав и постоянного мониторинга и обновления по мере развития технологии ИИ.

3. Налогообложение ИИ

Признание ИИ в качестве отдельного субъекта рынка открывает множество интересных и противоречивых вопросов. Если бы ИИ имел возможность генерировать доход, возникает вопрос, следует ли и каким образом облагать его налогом.

В настоящее время, если компания использует ИИ для предложения услуг или производства това-

ров и получает от этого доход, она облагается налогом так же, как если бы доход был получен людьми. Прибыль компании облагается налогом по применимым ставкам налога на прибыль. Развивая эту проблему с экономической точки зрения, можно заметить потенциальную несправедливость в налоговом режиме для организаций, которые в значительной степени основывают свою бизнес-модель на использовании ИИ, по сравнению с организациями, которые в силу специфики своей деятельности, не имеют возможности использовать подобные решения. Таким образом, вопрос налогообложения ИИ приобретает глубокое измерение социальной и экономической справедливости. Чтобы эффективно ответить на этот вызов, необходимо использовать междисциплинарный подход, учитывающий экономические, технологические и социальные аспекты. Это оставляет несколько потенциальных вариантов налогообложения ИИ.

Налогообложение крупных корпораций. Налогообложение корпораций, ответственных за разработку систем ИИ, особенно организаций, принадлежащих к т.н. цифровым гигантам, таким как OpenAI, Amazon и Google, являются ключевой проблемой в контексте глобальной налоговой системы. Эта группа организаций после коммерциализации и лицензирования технологий на основе ИИ имеет потенциал для получения значительных доходов [11]. В условиях текущих проблем, связанных с налогообложением субъектов крупных технологических компаний, существует определенная сложность внедрения эффективных налоговых механизмов из-за сложных корпоративных структур и юрисдикционных зависимостей при доминирующем влиянии США, которые стремятся защитить эти субъекты от экстерриториальных попыток налогообложения.

В то же время существует вопрос о потенциальном риске, связанном с переводом налогового резидентства крупных корпораций, управляющих технологиями на основе ИИ, в юрисдикции с льготной системой налогообложения. Принимая во внимание открытую архитектуру многих систем ИИ и эволюцию сектора в сторону диверсификации предприятий, можно ожидать, что в будущем предприниматели, использующие эти технологии, будут стремиться к оптимизации налогообложения, размещаясь в т.н. странах - налоговых убежищах.

В контексте корпоративного налогообложения особое внимание следует уделить инициативам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [12] относительно налогообложения в цифровой экономике. Обсуждаемые инициативы сосредоточены на налогообложении компаний, работающих в цифровой сфере, таких как социальные сети, потоковые платформы и платформы электронной коммерции. ОЭСР отмечает, что изменения в бизнес-моделях транснациональных корпораций позволяют получать прибыль в различных юрисдикциях даже без физического присутствия или оформления сделок.

Налогообложение организаций, использующих технологии ИИ, в контексте выгод, которые они генерируют. В налоговой доктрине анализ

налогообложения выгод от использования технологий ИИ представлен с точки зрения традиционных механизмов налогообложения доходов. Теоретически, если организация получает доход в результате деятельности на основе алгоритмов ИИ, она подлежит налогообложению по применимым ставкам для личного или корпоративного дохода.

Однако практическое применение этих положений сталкивается с серьезными проблемами. Следует отметить, что выгоды, получаемые пользователями технологий ИИ, не всегда проявляются в виде измеримых доходов. Во многих случаях эти преимущества принимают форму нематериальных добавленных ценностей, таких как повышение эффективности использования времени, доступ к специализированным инструментам поддержки принятия решений или персонализированным помощникам [13]. В таких обстоятельствах традиционные методы оценки налоговой базы могут оказаться неадекватными реальной стоимости выгод, получаемых субъектами с использованием технологий ИИ.

Предложение по реализации механизма налогообложения взаимодействия с системами ИИ. В условиях растущей роли ИИ в различных отраслях экономики и потенциальных проблем, связанных с фискальным регулированием, предлагается ввести конкретную схему налогообложения, основанную на количестве запросов, направленных к системам ИИ. Этот механизм будет предусматривать низкую налоговую ставку для каждого отдельного запроса, независимо от того, иницируется ли он вручную пользователем или через интерфейс приложения.

Важным элементом этого решения является перенос налоговых обязательств с доходов, генерируемых ИИ, на запрос, отправленный в саму систему. Ключевое преимущество этого подхода состоит в том, что он позволяет обойти сложные вопросы, связанные с налоговым резидентством и структурной собственностью единиц ИИ.

Заключение

Представленный в статье анализ проливает свет на сложность проблем, с которыми предстоит столкнуться законодателям. Несомненно, ответ на эти вызовы непросто и требует сбалансированного подхода, учитывающего стремительный технологический прогресс и одновременно защищающего социальные и экономические интересы. Прежде всего важно, чтобы налоговое законодательство не отставало от технологических инноваций. Вопрос налогообложения доходов, получаемых от ИИ, требует сбалансированного подхода, который, с одной стороны, не препятствует инновациям, а с другой – обеспечивает справедливые и адекватные поступления в государственный бюджет.

В контексте этих проблем ценным руководством может стать рассмотрение модели регулирования, ключевым моментом которой будет поиск баланса между регулированием и продвижением инноваций, между защитой прав личности и использованием потенциала ИИ. И хотя действующие правовые нормы еще не адаптированы к полному признанию ИИ как юридического лица, растущее осознание его

роли и потенциала побуждает к дальнейшим исследованиям и дискуссиям.

Концепция ограниченной правоспособности позволяет ограничить участие ИИ в конкретных аспектах юридических сделок, избегая при этом риска осложнений, связанных с наделением ИИ полной правоспособностью. Концепция позволяет адаптировать сферу деятельности ИИ к конкретным потребностям и правовым условиям каждой страны, сохраняя при этом базовую правовую структуру и рассматривая ИИ как независимых субъектов, действующих в конкретных условиях. Это более прагматичный и менее радикальный подход, чем полное изменение правовой системы, чтобы сделать ИИ полноправными субъектами. Кроме того, учитывая быстрое развитие технологий ИИ, частичная правоспособность позволяет более плавно интегрировать ИИ в правовую систему, позволяя постепенно адаптировать и обновлять правила по мере развития этих технологий. По нашему мнению, следует рассмотреть возможность придания системам ИИ ограниченной правосубъектности, что позволило бы включить их в существующую правовую базу.

В свете современной технологической базы услуги на основе ИИ можно отнести к категории цифровых услуг, что предполагает возможность подчинить их правилам цифрового налогообложения. Однако существующие в настоящее время национальные нормативные акты в большинстве случаев не в полной мере учитывают специфику ИИ.

Литература

1. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Шичкин И.А. Влияние профессионально- квалификационных навыков использования коммуникационных технологий на доходы от занятости: поколенная дифференциация // Российский экономический журнал. 2022. № 4. С. 93-113. DOI 10.33983/0130-9757-2022-4-93-113
2. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект. Современный подход. 2-е изд. - М.: Вильямс. 2015. 1410 с.
3. Бостром Н. Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии: пер. с англ. - М.: Манн, Иванов и Фербер. 2016. 490 с
4. Barrio Andres M. Towards legal regulation of artificial intelligence// REVISTA IUS. 2021. Vol. 15(48). <https://doi.org/10.35487/rius.v15i48.2021.661>
5. Manap N.A., Azrol A. Regulating Artificial Intelligence in Malaysia: The Two-Tier Approach// UMM Journals of Legal Studies. 2020. Vol. II(2). pp. 183-201.
6. Atabekov A., Yastrebov O. Legal Status of Artificial Intelligence Across Countries: Legislation on the Move// European Research Studies Journal. 2018. Vol. XXI(4). pp. 773-782.
7. Filipova I.A., Koroteev V.D. Future of the Artificial Intelligence: Object of Law or Legal Personality?// Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1(2). pp. 359-386.
8. Schirmer J.-E., Artificial Intelligence and Legal Personality. Introducing Teilrechtsfähigkeit. A Partial Legal Status Made in Germany// eds. T. Wischmeyer, T. Rademacher. Regulating Artificial Intelligence, 2019. pp. 123-142.

9. Tanner W. Mathison. Recognizing Right: The Status of Artificial Intelligence// Journal of Business & Technology Law. 2023. Vol. 19(1). pp. 105-172

10. Lilkov D. Regulating Artificial Intelligence in The EU: A Risky Game// Sage Journal. 2021. Vol. 20(2). pp. 166-174.

11. Putriyanti E.D., Romainur R., Rara N. Artificial Intelligence: Legal Status and Development in the Establishment of Regulatory// Proceedings of the International Conference (ICCLB), 2023. pp. 447-457.

12. Nekit K., Tokareva V., Zubar V. Artificial Intelligence as a Potential Subject of Property and Intellectual Property Relations// Ius Husmani Law Journal. 2020. Vol. 9(1). pp. 231-250.

13. Холодная Е.В. О перспективных направлениях правового регулирования в сфере технологии искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64). С. 89-96.

Legal and tax regulation in the context of granting legal personality to artificial intelligence

Shish E.A., Zedgenizova I.I., Khokhlova G.I.

Irkutsk National Research Technical University

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

The growing share of artificial intelligence (AI) algorithms in the structure of the global economy creates new problems for countries, including those related to tax systems. The goal of states is to maintain the ability to distribute funds for public goods and guarantee sources of compensation for individuals who may be excluded from the labor market as a result of AI-assisted automation. The purpose of the article is to present selected concepts of granting legal personality to artificial intelligence in the context of its adaptation to existing tax legislation. The article considers various concepts of granting legal personality to artificial intelligence and the consequences of such a decision for tax regulation, discusses legal norms related to tax obligations and methods of ensuring the fulfillment of tax obligations. Problems associated with effective taxation of the use of artificial intelligence are considered.

Keywords: artificial intelligence, regulation, legal personality, legal entity, taxation.

References

1. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Shichkin I.A. The Impact of Professional and Qualification Skills in Using Communication Technologies on Employment Income: Generational Differentiation // Russian Economic Journal. 2022. No. 4. pp. 93-113. DOI 10.33983/0130-9757-2022-4-93-113
2. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence. A Modern Approach. 2nd ed. - Moscow: Williams. 2015. 1410 p.
3. Bostrom N. Artificial Intelligence: Stages. Threats. Strategies: trans. from English. - Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. 2016. 490 p.
4. Barrio Andres M. Towards legal regulation of artificial intelligence// REVISTA IUS. 2021. Vol. 15(48). <https://doi.org/10.35487/rius.v15i48.2021.661>
5. Manap N.A., Azrol A. Regulating Artificial Intelligence in Malaysia: The Two-Tier Approach // UMM Journals of Legal Studies. 2020. Vol. II(2). pp. 183-201.
6. Atabekov A., Yastrebov O. Legal Status of Artificial Intelligence Across Countries: Legislation on the Move // European Research Studies Journal. 2018. Vol. XXI(4). pp. 773-782.
7. Filipova I.A., Koroteev V.D. Future of the Artificial Intelligence: Object of Law or Legal Personality? // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1(2). pp. 359-386.
8. Schirmer J.-E., Artificial Intelligence and Legal Personality. Introducing Teilrechtsfähigkeit. A Partial Legal Status Made in Germany // eds. T. Wischmeyer, T. Rademacher. Regulating Artificial Intelligence, 2019. pp. 123-142.
9. Tanner W. Mathison. Recognizing Right: The Status of Artificial Intelligence // Journal of Business & Technology Law. 2023. Vol. 19(1). pp. 105-172
10. Lilkov D. Regulating Artificial Intelligence in the EU: A Risky Game // Sage Journal. 2021. Vol. 20(2). pp. 166-174.
11. Putriyanti E.D., Romainur R., Rara N. Artificial Intelligence: Legal Status and Development in the Establishment of Regulatory// Proceedings of the International Conference (ICCLB), 2023. pp. 447-457.
12. Nekit K., Tokareva V., Zubar V. Artificial Intelligence as a Potential Subject of Property and Intellectual Property Relations// Ius Husmani Law Journal. 2020. Vol. 9(1). pp. 231-250.
13. Kholodnaya E.V. On Promising Directions of Legal Regulation in the Sphere of Artificial Intelligence Technology // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). 2019. No. 12 (64). P. 89-96